Мальышев А. В.

КАК ТЁША СТАЛА РУССКОЙ РЕКОЙ

Очерки истории и топонимики Окско-Сурского междуречья

Малышев А. В.

КАК ТЁША СТАЛА РУССКОЙ РЕКОЙ

Очерки истории и топонимики
Окско-Сурского междуречья

Издательство Э́дитус
Москва
2023

УДК 94(470.341)
ББК 63.3(235.4)
М20

Рецензент к. и. н. ***Ю. А. Курдин***

Малышев А. В.

М20 **Как Тёша стала русской рекой. Очерки истории и топонимики Окско-Сурского междуречья.** – М.: Эдитус, 2023. – 354 с.

ISBN 978-5-00149-965-7

Волго-Окско-Сурское междуречье — южная часть современной Нижегородской области — географический центр Восточной Европы. В его истории и топонимике как в зеркале отражается история и топонимия России, история этносов, из которых сложился наш Российский народ.

УДК 94(470.341)
ББК 63.3(235.4)

ISBN 978-5-00149-965-7

© Малышев А. В., 2023
© Оформление. Издательство «Эдитус», 2023

Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, нужно вспомнить последнее, одно другим, так сказать, дополняется и в связи представляется мыслям яснее.

Н. М. Карамзин

ОТ АВТОРА

Уважаемый читатель! Книга, которую ты держишь в руках, является переизданием вышедшей в 2017 году книги «Как Тёша стала русской рекой. Очерки истории и топонимики Окско-Сурского междуречья».

К сожалению, первое издание было выпущено поспешно, с изъянами сопутствующими такой спешке, и по причинам финансового характера не в полном объеме. Тем не менее, тогда книга вызвала читательский интерес, свидетельством чему является присуждение ей в 2019 году литературной премии им. П. Еремеева.

Было приняло решение переиздать книгу, при этом переработать и дополнить текст теми данными, которые были озвучены в моих исследовательских работах последних лет.

Книга не носит строго научный характер, и является, скорее, размышлениями об истории небольшого региона Центральной России, и роли этого региона в истории самой России. Размышлениями о судьбах и образах народов творивших эту историю, и влившихся в Русский народ органической частью.

Позволяя себе высказать сомнение в некоторых «догмах» отечественной истории, я постарался наиболее доходчиво пояснить своё видение этих проблем, разумеется, очень субъективное, и не претендующее на «истину в последней инстанции».

Надеюсь чтение будет интересным, и не оставит равнодушным никого из тех, кто интересуется историей своей Малой Родины, и в целом историей нашей России.

ОЧЕРК 1.

Реки России

Происхождение географических названий относится к числу тем, интерес к которым не иссякает с течением времени. Вопрос о том, как на территории Волго-Окско-Сурского междуречья, занятой в современности в основном русским населением, возникли названия, не имеющие к русскому языку ни малейшего отношения, всегда привлекал внимание краеведов и историков. Благодаря многолетним исследованиям, в целом, топономика Среднего Поволжья получила достаточно полное освещение в научной литературе но, на наш взгляд несколько одностороннее, и мы предложим несколько другое видение образования топонимов нашего края, и Поволжья в целом.

Безусловно, изучение топонимики любого региона, тем более, такого как Среднее Поволжье, невозможно без обращения к истории края, особенно истории этнической. Ведь топонимика, как раздел ономастики (науки об именах собственных), и есть научная дисциплина, изучающая названия географических объектов, полученные ими от этносов, на территории расселения которых эти объекты находились.

Топонимика Среднего Поволжья очень древняя, и её формирование началось задолго до того как сюда пришли славяне, и задолго до того как оно было присоединено к Московской Руси. На протяжении долгих веков здесь жили народы храбрых охотников, трудолюбивых земледельцев, отважных воинов. Среднее Поволжье входило в состав могущественных древних государств, и Волго-Окско-Сурское междуречье не было диким неосвоенным захолустьем. Эти народы и государства оставили свой след в топонимике края, они живым потоком влились в этническую историю Среднего Поволжья, в этногенез современного населения, а языки, на которых говорили эти народы, формировали древнюю топонимику края.

При этом топонимика, при отсутствии других исторических источников, может сыграть решающую роль в установлении расселения древних племён, их движения в освоении новых территорий. Поэтому рассказ о топонимике будет неполным без рассказа о племенах и народах, населявших в давнее время Среднее Поволжье.

Интерес к происхождению географических названий возник ещё в древности. В средние века зафиксирован ряд попыток создания лексических словарей, различные толкования географических названий встречаются и в русских летописях. В XVIII в. российские ученые В. Татищев, А. Сумароков, Г. Миллер в своих трудах делали попытки расшифровки топонимов. Эти попытки продолжались и в XIX в., но только в XX в. географические названия стали изучаться систематически. Были изданы первые топонимические словари, сложились научные школы, а топонимия оформилась как специальная географическая, лингвистическая и историческая дисциплина, обусловленная необходимостью установления постоянных имён географических объектов.

Людям нужно ориентироваться на местности, и прежде всего ориентирами служат названия рек, лесов, полей, гор, холмов, болот, селений и пр. В них отражаются признаки, свойства местоположения, какие-то события, произошедшие рядом с ними когда-то. Названия никогда не возникают без причины. Русский филолог Я. Грот указывал: «Топографическое имя никогда не бывает слу-

чайным и лишённым всякого значения, в нём по большей части выражается или какой-нибудь признак самого урочища, или характерная черта местности, или намёк на происхождение предмета, или, наконец, какое-нибудь обстоятельство, более-менее любопытное для ума и воображения».

Что касается топонимики Волго-Окско-Сурского междуречья, то даже при беглом взгляде сразу бросается в глаза множество названий, которые нельзя объяснить русским языком. Главным образом, это названия рек и вообще водоёмов: Ока, Сура, Тёша, Серёжа, Шилокша, Нукша, Нукса, Салакса, Калнакса, Велетьма, Сиязьма, Цна, Сарова, Мелява, Канерга, Урынга, и многие другие, даны им какими-то древними народами, язык которых или забыт, или существует в виде реликта в местах первоначального расселения этих народов, там, откуда они начали свой путь по Евразии.

Ученые-топонимисты, изучая подобные не выводимые из современных языков названия, как правило, делят их на части, и ту часть, которая встречается неизменной во многих названиях, именуют топоформантом. Например, в русском языке одним из таких топоформантов является слово город (град), образующее такие топонимы как Новгород, Белгород, Ужгород, Волгоград и др. В нашем случае, из названий поволжских и приволжских рек можно выделить топоформанты -ма, -ва, -ка (-га),-ша (-са, -за), -та (-да) и -ра (-ара), которые не используются для создания гидронимов ни в одном из современных языков поволжских народов. Эти топоформанты принадлежали языку обитателей берегов этих рек, живших здесь в древности.

В топонимии существует доказанное положение, что названия рек, озёр, других водных объектов отличаются большей древностью, нежели названия населённых пунктов и имеют первостепенное значение для установления древнего населения. Эти названия, объединенные общим термином гидронимика, служат, своего рода, каркасом любой топонимики, будучи первыми географическими объектами, которым люди давали имена.

Очевидно, что крупнейшие реки не только Поволжья, но и вообще всей России имеют названия не только не русского, но и даже

не славянского происхождения. Это свидетельствует о том, что первыми жителями Восточной Европы были не славяне, а представители других народностей, передавшие пришедшим сюда позднее славянам, эти названия.

Имена Дон, Днепр, Днестр и др., вряд ли могут быть объяснены в славянских языках. Хотя, вот Волга — великая русская река — название, имеющее явно славянское происхождение от влага, волглый, (до сих пор в Среднем Поволжье употребляют это слово в значении «влажный»), но с Волгой история отдельная. Дело в том, что Волга — это уже третье имя великой реки. Древние греки называли Волгу Ра, но не они дали реке это имя — так называли реку индоиранцы, населявшие в древности её берега. Ра (ранха — «поток»), называли Волгу скифы и сарматы, и они передали это название другим народам. Волжские (восточные) финны, усвоив от иранцев корень ра, добавили к нему свой топоформант -ва, и называли огромную реку Рава, но поглотившие иранцев тюрки, назвали реку уже по своему — Итиль (поток), и это название устанавливается на долгие столетья. Оно зафиксировано на многих средневековых картах.

Только с XVII в. на всём протяжении реки, она стала называться по-русски Волга, хотя в том, что это русское название есть большие сомнения. Известно, что тюрки не всю Волгу называли Итиль; выше впадения в Волгу Камы, она называлась у тюрок Улга (Юлга), и приняли они это название, вероятно от местных туземцев угров.

Некоторые исследователи идут ещё дальше, и выводят название великой русской реки из языка западных финнов, предкам которых в древности принадлежала Валдайская возвышенность, где Волга берёт свое начало. Финское слово valkea («белый»), легло в основу многих гидронимов Финляндии. Валке-ярви («белое озеро»), Валке-акоске («белые пороги») и др. А недалеко от истока Волги начинается река Мста (финск. musta — «чёрный»), текущая в Онежское озеро. Если реку, текущую на запад, древние финны назвали «Чёрная», то почему бы им реку текущую на восток, не назвать «Белая» (Валкеа)? А уж пришедшие потом славяне переиначили Валкеа в Волга.

Древние славяне вообще неохотно меняли названия рек, предпочитая оставлять имена уже данные им другими народами. Видимо, это связано с тем, что вода как основа жизни была сродни божеству, и менять имя реки казалось кощунством.

А Волга, текущая на протяжении 3500 км, перетекающая из одной области в другую, постепенно освоила свое окончательное имя, полученное от маленького истока на Валдайской возвышенности.

В гидронимии южной части Восточно-Европейской равнины практически все крупные реки имеют названия, происходящие из языка северных иранцев, скифов и сарматов. Это говорит о том, что древние кочевники были господствующим здесь народом, превосходящим другие, живущие рядом этносы, в своем общественном развитии, раз сумели навязать им свои названия рек.

Но рубежом обитания кочевников была естественная граница леса и степи, а по ту сторону этой границы, в бескрайних лесах от побережья Балтийского моря на западе, до предгорьев Урала на востоке, жили древние прабалтские, прафинские и праугорские племена. Поэтому, все крупные реки лесной полосы носят названия балтские, и финно-угорские, и нет славянских. Славяне — это последние племена, заселившие леса Восточной Европы. Только Волго-Окский рубеж долгое время был для славян преградой. В конечном итоге был преодолен и он, и земли к востоку от этого рубежа были освоены славянами.

Современные жители Среднего Поволжья с полным правом именуют свою малую родину Россией, а себя русскими людьми, россиянами. Однако можно быть абсолютно уверенным в том, что любой русский человек, родившийся в Поволжье, или живущий на этой земле, хоть раз, но задавал себе вопрос: что означают названия Ока, Сура, Тёша, Иржа, Выкса, Ковакса, Ворсма, Сиязьма или Кулебаки, Саконы, Саваслейка, Липелей, Кужендеево и десятки других непонятных имен? Если с названием Рогово, Липовка, Гремячево, всё понятно, то, что означает имя Арзамас? Или Шатки? Что такое Размазлей? Или Мухтолово? Неужели вправду, там было много мух и люди говорили: «там мух толово» (толово — ста-

ринное русское слово, означающее «скопище»), поэтому назвали посёлок так необычно?

В краеведческой литературе можно встретить много разных версий. Например, что Кулебаки — это два слова: кули и баки (дескать, здесь когда-то изготавливали мешки-кули и ёмкости-баки), название Мамлейка произошло от фразы-просьбы «мама лейка (воду)», а Арзамас назван так, потому что его основали мордвин Арзя со своей женой Масей. Или встречаются версии, трактующие происхождение названия просто по созвучию: те же Кулебаки названы так, потому что там пекли вкусные кулебяки (вид пирога), а село Степурино, названо так якобы за помощь, которую его жители оказали Степану Разину.

Это всё примеры, так называемой, «народной» (по-другому «мнимой») этимологии топонимов. Мыслящий человек всегда хочет понять явления и имена, которые его окружают, не желает мириться с бессмысленностью названия, и как бы подгоняет смысл, подбирает похожие по созвучию слова из родного языка, чтобы объяснить непонятное понятным.

Это нормально, именно с таких наивных предположений началась топонимия, как наука. В XVIII в. поэт и филолог В. Тредиаковский утверждал, что название страны Италия произошло от слова удалия, так как, эта страна удалена на много верст от России. А амазонки произошло от русского омужонки — омужичившиеся грубые женщины. А Этруски, от русского хитрушки — «ибо оные этруски на всякие хитрости горазды были». Один местный школьный учитель утверждал, что река Тёша названа так потому, что вода в ней холодная, неласковая, как тёща (мать жены) у иных мужчин, вот древние мужички и назвали так речку. Вот такая этимология.

Сегодня, благодаря исследованиям, многие названия географических объектов Волго-Окско-Сурского междуречья получили свое толкование основанное на языках мордвы — финно-угорского народа, населявшего междуречье непосредственно перед приходом славян. Но, остаётся целый пласт названий, в основном гидронимов, который невозможно этимологизировать из мордовских языков. Считается, что эти названия оставил древний народ, жив-

Между реками Ока, Волга и Сура расположено Волго-Окско-Сурское междуречье

ший здесь до прихода мордвы, и исчезнувший (растворившийся) в последующих волнах переселенцев. Однако ничто не исчезает бесследно, а уж тем более целый народ. Меняются, как правило, только имена и языки, на которых разговаривают люди, а любой существовавший и «исчезнувший» народ живёт в своих потомках, создавших или пополнивших новый этнос, подтверждением чему служат выводы науки антропологии, речь о которых пойдет в следующем очерке.

Что до создания топонимов, то Волго-Окско-Сурское междуречье знаменательно именно тем, что в его освоении участвовали все упомянутые выше племена, начиная с иранцев и заканчивая славянами. Поэтому и топонимика края включила в себя названия, берущие свое начало из языков всех этих этносов. И конечно, рассказ о топонимике будет не полным, без краткого рассказа об историческом пути, который прошли эти этносы, потомки которых жили и живут на территории сравнительно небольшого уголка нашей страны, расположенного в западной части Среднего Поволжья, в междуречье рек Волги, Нижней Оки, Цны и Суры (в Волго-Окско-Сурском междуречье).

ОЧЕРК 2.

Археология и антропология

Дописьменную историю человечества, его материальную культуру и жизнедеятельность, а также вопросы происхождения народов, их этнические взаимоотношения изучают такие науки, как археология и антропология. Причём выводы и оценки, сделанные учеными на основании материальных останков и антропологического материала, зачастую не совпадают с выводами и оценками, сделанными при изучении письменных источников или данных этнографии и лингвистики. Тем интереснее будет краткое ознакомление с археологической и антропологической историей нашего региона, и Среднего Поволжья в целом.

Об антропологии позже, а начать следует с археологии — науки, которая, благодаря раскопкам восстанавливает социально-экономическую историю человечества, определяет места становления первых цивилизаций и пути миграций древнего населения, установив разделение дописьменной истории на эпохи и периоды.

Первые человеческие стоянки на территории Поволжья археологи относят ко времени среднего палеолита (то есть к периоду 30–40 тыс. лет назад). Широко известны стоянки верхнего палео-

лита (20–25 тыс. лет назад) на территории современной Владимирской области, возле местечек Сунгирь и Карачарово, относимые к этому периоду. Но активное заселение лесной зоны Восточно-Европейской равнины началось с эпохи мезолита (11–13 тыс. лет назад), сразу после отступления ледника. Это было последнее в истории земли оледенение, Валдайское, после которого в северной части Восточной Европы стали устанавливаться природные и климатические условия похожие на современные. От мезолита ведёт свою историю всё современное человечество.

Наступившее где-то порядка 10 тыс. лет назад, послеледниковое потепление покрыло лесами холодные степи оставленные ледником. Отступили на север мамонты и шерстистые носороги, а вместо них в леса пришли лоси и кабаны, косули, волки и медведи, и следом за ними древние охотники — немногочисленные лесные кочевники.

Первые жители лесной зоны Восточной Европы, эпохи мезолита, обитали совсем рядом с нашим регионом — в бассейне Верхней Волги и Верхней Оки и в бассейне Клязьмы. Отсюда первобытные племена расселялись по окрестным лесам, вступив в эпоху неолита.

Наступивший 8–10 тыс. лет назад период неолита характерен тем, что древний человек уже начал осваивать навыки ведения примитивного хозяйства. Улучшились его орудия труда и охоты, с собаки началось приручение домашних животных. Племена росли, расселялись на все большей территории, появилась какая-то специализация позволяющая археологам дифференцировать, главным образом по керамике, наиболее крупные археологические культуры.

В эпоху раннего неолита (6–8 тыс. лет назад) на территории бассейна Клязьмы, в результате очередного потепления климата, широко распространяется так называемая верхневолжская неолитическая культура. Племена этой культуры за 1000 лет до возникновения Шумера и Египта достигли очень высокого развития, производили совершенные орудия труда, знали лук и стрелы, гончарный круг. Верхневолжская культура стала родоначальницей местных поздненеолитических культур встретивших бронзовый

век. Из этих культур для нас наиболее интересна волосовская культура, названная так по имени деревни Волосово (близ г. Навашино, в устье Велетьмы), где впервые были обнаружены её материальные следы.

Волосовцы, жившие 4000–6000 лет назад, расселялись и на юго-запад — в нынешние рязанские земли, и на восток. Первые стоянки неолитического человека обнаруженные в нашем регионе, имеют возраст порядка 5000 лет, и относятся к волосовской культуре. Нужно отметить, что представители верхневолжской и выделившихся из неё культур были бесспорными европеоидами, и только волосовцы имели примесь лапаноидных черт, то есть, в области расселения волосовской культуры уже проникали северные монголоиды из Приуралья.

На пороге бронзового века (4000 лет назад) северная часть Восточной Европы подверглась нашествию с юго-запада племён «культуры боевых топоров» (фатьяновская культура). Археологи отмечают жестокие столкновения волосовцев с фатьяновцами, и полную победу «боевых топоров», завоевавших Восточно-Европейскую равнину и поглотивших волосовскую культуру. Боевые топоры-фатьяновцы, были ярко выраженными европеоидами характерного западного (условно германо-балтского) типа.

Начало бронзового века было периодом важных изменений и в экономике, и в социальной сфере всего древнего мира. Правда в условиях достаточно сурового климата Поволжья, развитие бронзы здесь несколько задержалось, по сравнению с областями Южной Европы и Средиземноморья, где переход к бронзовому веку отмечался уже на рубеже 4 тыс. лет назад, а 2,5 тыс. лет назад там уже существовали земледельческие государства.

Где-то около 3,5 тыс. лет назад, в Среднее Поволжье отмечается проникновение индоиранцев — представителей абашевской культуры, тесно связанной с другими культурами степной зоны Восточной Европы и Северного Казахстана (балановцы, андроновцы и др.). Абашевцы наряду с другими подобными им культурами объединены в археологии под общим названием срубной культуры, так как, они хоронили своих покойников в деревянных срубах.

Абашевцы были скотоводами — они разводили лошадей и принесли в Поволжье зачатки металлургии. Археологи также в этот период отмечают в Среднем Поволжье появление первых сельскохозяйственных растений. Абашевцы поселившиеся в Волго-Окско-Сурском междуречье вскоре выделились в отдельную срубную культуру — поздняковскую, названную по имени села Поздняково в Навашинском районе, где были впервые зафиксированы её следы. Поздняковцы, вобрав в себя фатьяновцев, вступили в бронзовый век.

Рост производственных форм ведения хозяйства способствовал развитию первобытных племён. Древние люди Среднего Поволжья стали больше заниматься земледелием, стали разводить свиней, лошадей, коров. Бронзовые орудия постепенно стали вытеснять из обихода каменные. Племена срубной культуры расселились на пространстве от современной Калужской области до степей Башкирии, и продолжали занимать всё новые и новые территории, пока на них не обрушились с запада племена городецкой, а с востока ананьинской культур. Это случилось в самом начале железного века (2,7–3 тыс. лет назад). Следует отметить что, если представители городецкой культуры были абсолютными европеоидами северного типа, то ананьинцы были носителями финно-пермского антропологического типа (европеоиды с лапаноидной примесью).

Железный век изменил жизнь древних людей. Железный топор был дешевле бронзового, болотная руда была повсюду, железные орудия труда позволяли расчистить больше места под пашню, вспахать больше земли, получить больше урожая, благодаря чему увеличился рост населения. У занявших Волго-Окско-Сурское междуречье городецких племен археологи уже отмечают имущественное неравенство. Городецкие племена принято считать предками современных народов Среднего Поволжья, хотя сами археологи сомневаются, и полагают их роль в образовании этих народов не главной.

К концу I тысяч. до н.э. городецкие племена, вобравшие в себя племена срубной культуры, расселились уже на всём пространстве от Верхней Оки до территории современной Самарской области.

Позже они были оттеснены на север пришедшими в Поволжье скифами и сарматами. Скифы и сарматы — это дальние родственники современных жителей Ирана, вторгшиеся в южные степи из-за Кавказа и Аральского моря. Они полностью завладели степной зоной Восточно-Европейской равнины, и постоянно проникали за границу леса и степи.

Таким образом, по мнению археологов, вся дописьменная этническая история Среднего Поволжья была историей европеоидов, с некоторым попаданием сюда лапаноидного субстрата. Только на заре нашей эры, в Средневолжский регион начинается проникновение древних представителей уральской расы смешивающихся с местными европеоидами[1]. Территория Среднего Поволжья стала в это время, контактной зоной двух рас и двух миров — лесного и степного, и такая ситуация продлится в регионе, по большему счёту, до нового времени.

Установить расовую принадлежность древних обитателей Восточной Европы археологам помогли антропологи.

Антропология в рамках археологии — наука о развитии и формировании облика современного человека. В более широком смысле она называется расологией, и является наукой изучающей проблемы классификации современных рас, а также распространение и формирование общества на основе расовой принадлежности. Расология в конце XIX — нач. XX вв. развивавшаяся на стыке с дарвинизмом, мальтузианством и другими модными тогда европейскими течениями превратилась в расизм — лженауку, обосновывающую тезис о физической и психической неравноценности рас, и о решающем влиянии расовых различий на историю и куль-

[1] Для уральской расы характерны: прямые волосы, тёмные глаза, эпикантус, узкий нос с вогнутой спинкой. Уральская раса занимает промежуточное положение между монголоидной и европеоидной расами. В нач. XX в. она выделялась как угорская раса, потом была классифицирована как раса второго порядка, внутри монголоидной. В последнее время предложено разделение, при котором явные монголоиды Западной Сибири объединяются в западносибирскую расу (ханты, манси, селькупы, сибирские татары), а западные варианты уральской расы относят к европеоидам. По мнению ряда учёных представители уральской расы доходили не только до Скандинавии и Прибалтики, но и до Восточной Германии.

туру общества. Другими словами, расизм разделил людей на «высшие» и «низшие» расы. С правом «высших» повелевать «низшими».

К середине XX в. расизм, вместе с национализмом, и ещё одним модным тогда политическим течением — фашизмом, превратился в высшую форму человеконенавистнического учения — нацизм. Нет нужды перечислять, какими усилиями и какими жертвами был побежден нацизм. Какие семена ненависти были посеяны тогда и дают всходы до сих пор. Нужно сказать только, что расология как наука, была очень сильно дискредитирована расизмом и нацизмом. Здравые положения, родившиеся в её рамках, «застенчиво» именуются сегодня антропологией, и краниологией (наука о строении черепа человека), а главные выводы антропологии всегда сопровождаются оговоркой об «отсутствии влияния расового типа на социальное и культурное развитие общества».

На самом деле расизм (а уж тем более нацизм) имеет под собой весьма сомнительную научную основу. Тезис о превосходстве одной расы над другими, был разработан в Европе в XVIII–XIX вв. как прикладной, оправдывающий колониальную политику европейских империй. До этого на протяжении всей европейской истории, нигде никогда не ставился вопрос о превосходстве одной расы над другой. Вся средневековая история Европы представлена нам как идея превосходства одной религии над другими, и ведущихся на этом фоне религиозных войн (крестовые походы, реконкиста, Тридцатилетняя война, гуситские войны и др.), и нигде не было речи о расовом превосходстве.

Древняя история рабовладельческого Средиземноморья, также нигде не знает даже намеков на то, что людей порабощали на основе каких-то учений о превосходстве одной нации над другой. Рабами становились военнопленные, но могли стать и соплеменники (должники, преступники), но никто из древних не разрабатывал концепций расовой нетерпимости. Да и в условиях средневековой религиозной вражды, любому представителю гонимой конфессии, всегда давался шанс (правда порой теоретический) спасти свою жизнь приняв веру победителей, независимо от своей расовой или национальной принадлежности.

Миф о превосходстве одной расы над другой развился, как это ни парадоксально, в просвещенной Европе, и был немедленно принят на вооружение в «демократической» Северной Америке. Несмотря на длительную эпоху древнего рабовладельческого строя, о которой пишут школьные учебники, наивысшее развитие рабство получило именно в эпоху Просвещения, в XVIII–XIX вв. в южных штатах Северной Америки, где рабовладение составило основу экономики целого региона, причем приобрело самые гнусные формы. Чернокожий раб считался вещью; белый рабовладелец мог поступить с ним, как ему вздумается: продать, покалечить, убить.

Такое обращение с людьми, пусть и другого цвета кожи, вызывало возмущение в передовых кругах общества. Требования запретить рабство звучали в самых высоких кабинетах Европы, и тогда в недрах Американской дипломатии родился тезис о «невозможности отмены рабства, так как негры принадлежат к “низшему человеческому виду” и нуждаются, чтобы ими управлял белый человек». Но этот тезис пришелся как нельзя кстати, и ко двору главных европейских колониальных империй, и самой главной из этих империй — Британской.

Британская империя владела колониями по всему земному шару, и была «владычицей морей». В оправдание колониальной политики, в среде английских ученых была генерирована идея о том, что европейцы обязаны нести свет цивилизации всем остальным народам. Это был, своего рода, долг — «бремя белого человека». От этой идеи вкупе с выкладками американцев, было «рукой подать» до расизма.

Расисты строили свою концепцию на изучении формы черепов принадлежащих разным людям разных рас. Зная, что черепа европейцев (европеоидов) в ширину меньше, чем в длину (длинноголовость — долихоцефалия), а черепа негроидов (как и большинства других рас) своей шириной равны длине, или больше её (круглоголовость — брахицефалия), они сформулировали положение о принадлежности всех долихоцефалов к «высшей расе», якобы существовавшей с глубокой древности и всегда повелевавшей «неполноценными» черными брахицефалами. Манипулируя данными

измерений черепов, они убеждали общество в том, что «негры стоят в своем развитии почти на уровне обезьян, и не могут считаться полноценными людьми».

В Европе под эти «исследования» подвели «научно-историческую базу». Когда англичане захватили в XVIII в. Индию, их поразила эта древняя цивилизация. Огромные города, великолепные храмы, глубокая метафизика философских учений ошеломили колонизаторов. После того как завоеватели ознакомились со священными «Ведами», в которых была записана древнейшая история Индии, стало ясно, что санскрит на котором сложены «Веды», родственен европейским языкам.

Конечно, после этого, европейские ученые пересмотрели многие свои выводы касательно древней истории. Но расисты, изучив легенды записанные в «Ведах», выдвинули теорию о существовании 1,5–2 тысячи лет назад, некоего народа «белой расы» называемого в «Ведах» ариями (полноправными людьми). Расисты утверждали, что арии боролись с неполноценными людьми «чёрной кожи» и поработили этих людей.

Была генерирована идея о превосходстве «арийской расы» (к этой расе, из-за сходства санскрита с европейскими языками, были отнесены европейцы) над всеми другими расами[2]. Над туранцами («помесь» монголоидов с европеоидами), к которым отнесли тюрок, монголов, финно-угров, восточных славян, и народы Дальнего Востока. Над семитами, к которым отнесли евреев, арабов, берберов. И, само собой, над хамитами (негроидами). Родилась теория о непрекращающейся борьбе арийцев с другими расами, в которой арийцы были носителями позитивного начала, а остальные негативного.

Несостоятельность этих «научных изысканий» была видна уже тогда. Попытка смешения языковой и расовой классификаций, и самим расистам виделась надуманной, но они выполняли «социальный заказ», то есть, по меткому выражению пропаганди-

[2] Появилось ни на чём не основанное утверждение, что арийцы не просто индоевропейцы, а люди со светлой кожей и голубыми глазами (нордический тип) и происходили они из Центральной Европы.

стов марксизма-ленинизма, наука о расах стала «продажной девкой на службе империализма». Зерна теории «расового превосходства» упали на благодатную почву, а расизм еще не раз потом подгонял свои выводы под нужды «заказчиков»[3].

На самом деле никаких мифических «древних ариев» не было. В текстах «Вед» речь идет о действительно существовавшей культурно-исторической и языковой общности арья (так они себя называли), занимавшей огромное пространство древнего мира, от Дуная до Гималаев, и от южнорусских степей до Персидского залива и Индостана. Но эта языковая общность включала в себя многие этнические группы, не представлявшие единой расы, хоть и говорившие на родственных языках.

В Европе это были скифы, которых греки описывали как светловолосых и голубоглазых дикарей, в Средней Азии и на берегах Персидского залива это были черноглазые и чернобородые персы, а в северных степях Казахстана это были (судя по описанию антропологов) рослые, крупноголовые европеоиды кавказского типа.

Что же касается разделения людей в ведах на «высшие» и «низшие» касты (варны) (мы еще будем впоследствии касаться этого вопроса), то известно, что члены этих каст делились не по внешнему виду, а по уровню развития, и переход из одной касты в другую считался возможным. Безусловно, из древних священных текстов иранцев-зороастрийцев (последователей пророка Заратустры-Зороастра), можно сделать вывод о борьбе древних ариев с окружающими их народами, но это деление носило социальный характер, а не расовый.

Люди во все времена отличали членов своего круга, рода, племени, от других, не своих, чужаков, награждая своих близких всеми лучшими чертами характера, и соответственно лишая этих черт «не своих». С первобытных времен так было, и видимо так будет всегда. Во всех преданиях, мифах, народных сказаниях, герои повествования-соплеменники автора (или авторов), представлены

[3] Как иллюстрацию этого можно привести такой факт, что фашисты в Крыму, пытаясь привлечь на службу крымских татар, уговорили германских ученых-расистов признать явных «туранцев» «чистокровными арийцами», якобы прямыми потомками готов.

умными, добрыми и справедливыми, а их противники-чужаки, наоборот злыми, коварными и кровожадными. Это надуманное превосходство одного народа над другим, проще всего «научно обосновать» физическими различиями. Причём обосновывается превосходство одной расы на другой, как в одну, так и в другую сторону — не секрет что в XX в. получил развитие «чёрный» расизм, то есть, «учение» о превосходстве негроидной расы над всеми другими.

Несмотря на это антропология, как наука о расах, продолжает развиваться, и антропологические исследования часто вскрывают такие глубинные корни происхождения народов, какие недоступны другим специальным историческим дисциплинам. Краниологические исследования позволяют изучать расовые ареалы древности, движение народов, их взаимное проникновение.

На основании многолетних антропологических исследований советский антрополог В. Алексеев пришел к парадоксальному, с точки зрения современной письменной истории, выводу. Он утверждал, что, несмотря на все описываемые в письменной истории этнические катаклизмы: «Современные народы истоками своими уходят в глубокую древность, что человечество при всех событиях потрясших мир, сейчас расселено приблизительно также как и несколько десятков тысяч дет назад, и, говоря о больших расах, их приуроченность к отдельным территориям — один из законов географии и истории человечества. На каждом материке историческое развитие шло в основном в его границах, и многие современные народы восходят корнями своими к верхнепалеотическим предкам, которые жили в тех же областях, где живут сейчас их потомки».

То есть, как появились европеоиды в древней Европе, а монголоиды в Азии, так они и оставались там, на протяжении всей истории человечества. Например, славянские и тюркские народы, а также народы Северного Кавказа, сложились по антропологическим меркам сравнительно недавно — в конце I тысяч.н.э., но преемственность между ними, и археологическими культурами предшествующего времени прослеживается до 2,5–3 тысяч лет назад.

Антропология огорчит ревнителей «чистоты славянской крови». Русские с точки зрения краниологии представляют собой,

по мнению известного советского антрополога Т. Алексеевой: «… неоднородную восточно-европейскую расовую общность, со значительной долей субстрата в сложении антропологического облика. В данной расовой общности очень сильно проступают черты, присущие балтам, угро-финнам, и ираноязычным группам, населявшим Восточную Европу до прихода славян».

Выводы краниологов говорят о различии в черепной морфологии средневековых ранних славянских черепов (долихоцефалов), и современных типов русских черепов (брахицефалов), что обусловлено смешением средневековых славян с дославянским, преимущественно финно-угроязычным населением, которое славяне застали при заселении Восточно-Европейской равнины.

Сказалось это смешение и на родстве западных, южных и восточных славян. Эти общности складывались в окружении разных соседних народов, смешивались с этими народами, поэтому у западных славян отмечается сильное тяготение физического облика к средненемецкому антропологическому типу, а у южных славян имеются черты свойственные древним фракийцам, древним иллирийцам, сарматам, даже грекам. Различий в антропологическом облике между тремя родственными по языку группами славян едва ли меньше чем сходства.

Плохие новости приготовила антропология и для некоторых псевдоисториков, сокрушающихся о «чистом славянском ключе-роде, который замутнила монгольская орда». Для таких «исследователей», и их поклонников нужно привести один факт, абсолютно точно установленный антропологами: «Монголо-татарское нашествие» и почти 250-летнее «иго» никакого следа в антропологическом облике русского народа не оставили. То есть, как находили черепа европеоидов, уральцев и смешанных «туранских» типов во временных слоях раскопок датируемых до «нашествия», также их находят и в слоях датируемых «нашествием» и «игом», также и в последующих после них горизонтах раскопок. Но, что особенно интересно — останков ярко выраженных восточных монголоидов, какими рисуют «монголо-татар», как не было, так и нет.

Расселение племён на территориях «Старого света» было длительным и сложным, и без «монголо-татарского нашествия». Процесс смешения рас и их частей не закончен и сегодня (если вообще можно говорить о конце этого явления), и говорить о превосходстве одной расы над другими, по меньшей мере, глупо. Соотношение этих рас, их частей, связей между ними, преемственности между старыми и новыми расами ещё только изучаются наукой. Границы между расами нечеткие, и как указывал основоположник русской антропологии А. Богданов «Родство племен по языку, быту и обычаям не есть ещё родство по происхождению».

Например, тюркские народы: татары, чуваши, киргизы, казахи, узбеки, туркмены, азербайджанцы, якуты и др., имеют близкий между собой язык, однако по антропологическим признакам различаются кардинально. Казахи, киргизы, якуты — явные монголоиды, у узбеков, татар, чувашей этот тип смягчен, а в чертах азербайджанцев монголоидности вообще нет. То же можно сказать и о финно-угорских народах. Удмурты и марийцы (особенно луговые) имеют явную монголоидность в чертах, мордва, напротив, тяготеет к европеоидности, а финны и эстонцы уже явные европеоиды.

При формировании антропологического типа нужно учитывать и влияние окружающей среды — люди могут жить в определённом климате, только если они приспособлены к этому климату. Тип сложения людей зависит и от образа жизни, и от питания. Скотоводы-монголоиды крупнее и сильнее монголоидов Южного Китая, питающихся в основном растительной пищей, а жители севера всегда несколько крупнее южан из-за особенностей теплоотдачи организма.

Говоря же непосредственно об антропологической ситуации в Среднем Поволжье и Волго-Окско-Сурском междуречье, мы убедились, что этот регион с начала железного века сделался «контактной зоной» двух великих рас — европеоидной и уральской. Это привело к созданию своеобразного «плавильного котла народов», в котором сложились современные этносы Среднего Поволжья, и, в том числе, этнос великороссов Поволжья.

ОЧЕРК 3.

Скифы, сарматы, ирки

На каких языках разговаривали народы, населявшие наш регион в начале железного века? Точно этого мы не узнаем никогда. Племена, жившие в то время на территории лесной зоны Восточно-Европейской равнины, не имели письменности, и никаких сведений о себе не оставили. Единственными дошедшими до нас источниками являются записки древнегреческих ученых и путешественников, проникавших, в середине I тысяч. до н.э. во все пределы тогдашней Ойкумены (обитаемого мира). В Восточной Европе греки столкнулись со скифами — древними ирано-язычными племенами, заселявшими Причерноморские степи и Крым.

Как уже говорилось в предыдущих очерках, названия крупнейших рек южной части Восточно-Европейской равнины имеют свои корни в древнем индоевропейском североиранском наречии. Днепр, Дунай, Дон, Днестр, Сейм, Ра, Хопёр, и другие реки, сохранили в своих названиях память о древнем народе населявшем их берега. Собственно эти названия рек, и некоторые личные имена древних кочевников, и позволили лингвистам установить, что племена скифов и родственных им сарматов, говорили на североиранских

наречиях, так как никаких других сведений о языке скифов до нас не дошло.

Скифы были воинственными кочевниками-скотоводами, которым в течение почти тысячи лет принадлежали Причерноморские степи. «Главным» автором, давшим систематическое описание жизни и быта скифов, и ряда других народов Восточной Европы, был греческий историк и географ Геродот, живший в V в. до н.э.

В своих трудах Геродот рассказал о климате и ландшафте Причерноморья, о землях к востоку и северу от него, о народах населявших эти земли. Его рассказы основаны не только на свидетельствах очевидцев, но и на легендах и байках ходивших в тогдашней среде купцов и путешественников. Из-за этого сам Геродот порой делал оговорки, сомневаясь в некоторых деталях своих рассказов, но в целом его описание жителей южной и центральной части Восточной Европы считается объективным.

К востоку от реки Днестр, Геродот указывал на живущих здесь скифов-земледельцев, наиболее культурных и цивилизованных. Дальше на восток от этих земледельцев жили скифы-кочевники, которые «не сеют, не пашут …населяют землю к востоку от реки Герра (Южный Буг авт.)». Восточными соседями этих скифов-кочевников, были главные скифские племена называемые Геродотом Царские скифы. Это были скифы «самые храбрые и самые многочисленные …считающие других скифов своими рабами». Царские скифы населяли Причерноморье до реки Дон, а за Доном уже была земля савроматов (сарматов). Савроматы населяли «страну на 15 дней пути по направлению к северному ветру, страну лишённую диких и культурных деревьев (степь авт.)». Родственные скифам по языку сарматы, населявшие Приазовье, Прикавказье и Нижнюю Волгу, находились на более низкой, по отношению к ним, ступени развития.

Скифы и сарматы, из всех восточноевропейских народов были наиболее изучены греками. Их быт, нравы, обычаи, подробно описываются Геродотом, но и племена, жившие к северу от скифов, в лесной зоне Восточной Европы, Геродот также пытался описать как можно детальнее, хотя чем дальше на север, тем менее внятны-

ми становятся его рассказы. «Выше их (сарматов авт.) живут будины занимающие другую область всю поросшую лесом».

Нет сомнения, что здесь речь идет о лесных массивах верховьев Десны и Оки, где археологи отмечают в этот период наличие очень развитой юхновской культуры. Выходцев из этой культуры, некоторые исследователи считают непосредственными предками восточных балтов и восточных финнов, и тем интереснее сообщения Геродота о древней культуре и быте этих племен, названных им общим именем будины.

«Будины племя большое и многочисленное, все они светлокожие и светловолосые (северные европеоиды авт.). В их области построен деревянный город Гелон окруженный стенами. Длина стены с каждой стороны 30 стадиев; она высокая и целиком из дерева. Дома и храмы у них деревянные. Там есть храмы эллинских богов, украшенные по-эллински деревянными статуями и алтарями. И каждые три года они устраивают празднества в честь Диониса и впадают в вакхическое исступление. Ведь гелоны (очевидно, жители города Гелона авт.) в древности были эллины, которые покинули гавани (причерноморские авт.) и поселились у будинов, но говорят они на языке отчасти скифском, отчасти эллинском. Будины же говорят не на том языке, что гелоны, и образ жизни у них не один и тот же. Ведь будины, будучи исконными жителями, кочевники, они единственные из тех кто здесь живёт, питаются дарами леса. Гелоны же земледельцы, питаются хлебом и имеют сады, они ни сколько не похожи на будинов, ни цветом кожи, ни внешним видом. Эллины, однако и будинов называют гелонами, называют неправильно. Вся их страна поросла разнообразными лесами…»

Заметим, что описываемые Геродотом события происходят за полтысячи лет до нашей эры, и перед нами свидетельство современника о существовании в Восточной Европе больших городов с культовыми сооружениями, с земледельческим населением, испытавшим воздействие передовой греческой культуры. Во всяком случае, навыки деревянного зодчества позволявшие им строить города, храмы, изготавливать деревянные статуи, не оставляют сомнений

в развитой и самобытной культуре, сложившейся в среде древнего населения центра Европейской России.

Рядом с будинами Геродот описал племена меланхленов («черные плащи»). Меланхлены, по свидетельству Геродота, это племена, полностью перенявшие обычаи скифов («ставшие как скифы»). Можно не сомневаться, что меланхлены были не одни такие в лесостепной зоне Восточно-Европейской равнины, поскольку сильнейшее влияние скифов и сарматов на местные племена прослеживается здесь вплоть до эпохи раннего средневековья.

Дальше от будинов (восточнее) жили андрофаги. Название племени говорит само за себя, андрофаг по-гречески «людоед». То есть, жили в Восточной Европе и охотники, употреблявшие в пищу себе подобных. В этом нет ничего необычного, — по мнению многих археологов, каннибализм — это прошлое самых разных человеческих сообществ, и в виде ритуального он долго сохранялся в обычаях самых разных племён.

«Выше будинов к северу идет сначала пустыня (необитаемые земли авт.), а за пустыней, если отклониться в сторону восточного ветра живут фиссагеты, племя многочисленное и особое, живут они охотой».

Фиссагеты, имя данное, несомненно, скифами, потому что, соседями скифского народа саков в Средней Азии, было племя названное ими массагеты, и это название греки переводили на свой язык как «рыбу поедающие». Соответственно и фиссагеты можно истолковать как что-то поедающие. Но, что? Некоторые лингвисты видят в слове фисса индоевропейское «убитая жертва», другие — просто «жертва», а третьи утверждают, что это значит «убитый человек». Версии разные, впрочем, наличие рядом андрофагов (людоедов) наводит на определенные ассоциации. Может быть, из-за диких и жестоких обычаев каннибализма, северные иранцы и называли эти лесные народы общим именем mardχvār (древнеиранск. «людоед»), которое позже было перенесено на восточных финнов?

Впрочем, это ничем не подкрепленная догадка, тем более что Геродот ничего подобного о фиссагетах не писал. Указанное историком местоположение фиссагетов, позволяет отождествить их

с племенами городецкой культуры, которые по данным археологов действительно находились под сильным скифо-сарматским влиянием.

От североиранцев они получили своё имя, от них научились скотоводству, освоили металлы, переняли многие навыки хозяйственной деятельности. Свидетельством присутствия скифов и сарматов среди племен лесной полосы Восточной Европы, служат не только археологические находки, но и рассказ Геродота о некоторой группе отколовшейся от Царских скифов, и ушедшей на жительство в северные леса, «выше иирков, если отклонится к востоку».

Иирки — это следующий за фиссагетами народ, упоминаемый Геродотом. «Рядом с фиссагетами, в тех же местах обитает племя, имя которому иирки. Они также живут охотой, занимаясь ей следующим образом: охотник сидит в засаде, взобравшись на дерево, а деревьев там растет в изобилии, растут по всей стране. У каждого охотника наготове конь, обученный ложиться на брюхо, с тем, чтобы стать ниже, и собака. Как только охотник увидит с дерева зверя, он, выстрелив из лука, и сев на коня, устремится в погоню, а собака следует за ним…»

На иирках следует остановиться особо. По мнению лингвистов иирки — это, ни что иное, как переиначенное в древнегреческом языке племенное название угров — древних жителей севера Восточной Европы, Приуралья и Урала. Во всяком случае, археологами установлено, что 4–6 тысяч лет назад, в эпоху неолита, на указанных территориях расселялись племена культуры ямочно-гребенчатой керамики, начавшие во 2-ой половине I тысяч. до н.э. своё движение на запад и юго-запад.

Самый древний пласт названий водных объектов северной половины Восточно-Европейской равнины, принадлежит языку древнейших её обитателей — носителей уральских языков. Урал был родиной этих племен, центром, откуда они расселились не только на запад, дойдя до Скандинавии и Прибалтики, но и на восток, в сибирскую тайгу, вплоть до Саян и Алтая. Отсюда такое сходство в названиях многих сибирских рек, и рек севера Восточной Европы.

Уральская родина праугров, это всего лишь одна из научных гипотез. Есть и другие точки зрения: этнограф А. Кастрен полагал, что праугры сформировались в районе Саян и Алтая, откуда распространились на север и на запад Евразии, а советские ученые поначалу относили их родину на северо-восток Европы. Венгерский ученый П. Хайду, в результате многолетних исследований пришёл к выводу о том, что: «Общие предки финно-угров и самоедов, проживали, судя по названиям в их языке некоторых деревьев, в лесной зоне к северу от Российской степной полосы …обнимая территории Верхней Волги и по рекам Вятке, Ламе, Чусовой и Белой, а распад общего языка начался 5000 лет назад».

В наши дни, большинство ученых считает родиной прауральского языка Западную Сибирь. Территорию между зоной тундры и Алтае-Саянским горным узлом. Отсюда праугры заселили Урал и Саяны, и отсюда ушли на северо-запад, дошли до Скандинавии и далекой Паннонии. Вряд ли, когда-нибудь теоретические споры о родине праугров будут закончены, важно другое: прауральский язык, распространившись в древности на Урале и в Западной Сибири, и на северо-востоке Европы, лёг в основу многих древних и современных языков Евразии.

Угры проникая в железном веке, вглубь Восточно-Европейской равнины, смешивались с местными племенами, изменив и лингвистическое и антропологическое «лицо» северной части этой равнины, пройдя за тысячу лет путь до Балтийского моря. Они заселили все пространство между Волгой и Уралом, а на Южном Урале столкнувшись с сарматами и западными пратюрками, дали начало народам авар, булгар, мадьяр, хазар, печенегов, башкир, и других племён степи. За Уралом праугры, освоив просторы сибирской тайги, образовали народы ханты и манси, приняли участие в этногенезе других сибирских народов.

Иирки были одним из последних племён севера Восточной Европы, сведения о которых дошли до Геродота в неискаженном виде. Дальше он сообщает о племенах одноглазых людей, и племенах людей с собачьими головами, о крае земли, о странах «вечной ночи»,

что говорит о скудной информированности древних греков о территориях Урала, Сибири и севера Восточной Европы.

Мы же вернёмся к скифам, чтобы обозначить их место и значение в этногенезе народов Восточной Европы, в частности России и Поволжья. Скифы были удивительным народом: эти отважные воинственные кочевники поклонялись воткнутому в землю мечу и орошали его человеческой кровью. Воины скифов пили кровь первого убитого врага, снимали с убитых врагов скальпы и делали чаши из черепов побежденных. Своих предводителей скифы хоронили со страшными, кровавыми обрядами. В IV в. до н.э. скифы разгромили огромную армию персидского царя Дария Гистаспа, заманив её вглубь своей территории. Значение древних скифов и их преемников сарматов, в этногенезе народов населявших впоследствии Восточную Европу очень велико.

Создавшие богатейшую культуру, имевшие свою письменность, испытавшие воздействие эллинистической культуры, скифы и сарматы особенно повлияли на пришедших им на смену степняков-кочевников. Оружие, обращение с конём, сбруя, стремена, сложносоставной лук, приёмы ведения боя, войны, охоты, многое другое оставили им скифы, да и сами влились в ряды этих кочевников.

Неслучайно, вплоть до XVIII в. народы населявшие просторы Восточной Европы, в Византии и в Западной Европе называли, в том числе скифами, а страну Скифией. Лингвисты находят огромное количество скифских иранизмов и в тюркских и в финно-угорских языках, немало их и в языках славянских. Скифо-сарматская степная культура на протяжении столетий воздействовала на культуры других степных народов, и вплелась в них чрезвычайно сильно.

В конце I тысяч. до н.э. сарматы (савроматы) жившие, согласно Геродоту, в степях между Волгой и Доном, начали движение на запад. Сарматы принадлежали к той же ирано-язычной группе индоевропейских народов, которую называют «скифской ветвью». Родственные скифам и сарматам народы, жили и дальше в степях на восток. В Центральной Азии это были племена саков и массагетов, которые в свою очередь были родственны древним парфянам, мидийцам и персам. Все эти народы подразделялись на много пле-

мён и родов, в той или иной степени отличавшихся друг от друга, и возможно говоривших каждый на собственном диалекте. Считается, что язык современных осетин (асов-алан) — есть один из диалектов скифо-сарматского языка, и он является единственным дошедшим до нас «живым» памятником древнего языка северных иранцев.

Несмотря на общность диалектов, расовый состав сарматских племен был неоднородным. Археологи и антропологи полагают, что главную роль в племенных союзах сарматов играли племена андроновской культуры — европеоиды-долихоцефалы кавказского типа. Их останки находят везде, где расселялись сарматские племена, от Нижней Волги до Причерноморья и Среднего Поволжья. Однако в слоях последних веков до н.э. на Южном Урале, в степях Нижней Волги и Северного Казахстана обнаруживают также черепа монголоидные, и смешанных типов, что говорит о начале метисации (смешении) сарматских племен.

Сарматы были кочевниками, в чём очень походили на скифов. Геродот говорил, что у сарматов нет домов, и они живут в повозках, и такую же картину нарисовал через 500 лет греческий географ Страбон. Тот, в свою очередь, указывал, что страна, где обитали сарматы, была бедной и холодной. «Выдержать такие суровые условия может лишь местное население, привыкшее на кочевой манер жить на мясе и молоке, но для людей из других племен это невыносимо».

Через тысячу лет после Геродота, римский историк Аммиан Марцеллин, описывая сарматское племя алан, полностью совпадал в своих оценках уклада жизни сарматов с Геродотом и Страбоном. Интересны заметки Марцеллина о разведении аланами лошадей, которые, по словам историка: «Так же малы, как и скифские, но необычайно быстры и своенравны, поэтому приходится их холостить». То же самое сообщают средневековые авторы о размерах и свойствах лошадей в армиях Чингисхана, и других степных владетелей.

Также единодушны древние авторы, рассказывая о женщинах кочевников. По описанию Геродота, женщины сарматов: «Придерживались образа жизни древних амазонок». Они охотились верхом

и сражались на войне рядом с мужчинами «одетые также как они». То же самое говорил о сарматских жёнах Страбон, но, характерно, что и женщины «монголо-татарских» завоевателей вели себя точно также.

Нельзя обойти вниманием некоторые обычаи, существовавшие у сарматов. Один из них заключался в деформации черепов новорожденных, когда ребёнку с рождения стягивали голову тугой повязкой, и по мере его роста голова приобретала вытянутую форму. Наиболее широкое распространение этот обычай получил у сарматов «позднего» сарматского периода (со II по IV вв.), обитавших в волжских степях и предгорьях Кавказа. До 70% мужских черепов, найденных здесь, подвергались деформации. Такой же обычай широко практиковался, в начале нашей эры, в Центральной Азии, а потом и у «ранних» гуннов. Любопытно, что точно такой же обычай деформации черепов был в ходу и у индейцев доколумбовой Мезоамерики. Что это значило, и для чего это делалось, остается только гадать. У кочевников средневековья такого обычая уже не было.

Геродот описал ещё один «обычай» существовавший у сарматов Южного Урала, и среднеазиатских саков, подтверждённый археологами. Это, так называемый, «ритуальный» каннибализм, заключавшийся в том, что «когда человек достигает преклонного возраста, его родственники собираются вместе и приносят его в жертву, вместе с животными, потом они варят мясо и поедают его». Сарматы не были в этом отношении, каким-то исключением. Ритуальный каннибализм существовал в обычаях многих народов мира, и в обрядах многих религий. Например, в таинствах бога Митры в жертву приносился мальчик, тело которого потом съедалось.

После покорения Причерноморья сарматами, в истории скифов начинается период названый сарматским. Сарматы, принимая активное участие в жизни скифов, постепенно смешались с ними, занимая ведущее положение в руководящей иерархии скифских племен. Археологи отмечают, что к началу I тысяч.н.э. в захоронениях скифской знати обнаруживается антропологический материал принадлежащий выходцам из степей Северного Казахстана и районов Центральной Азии. С I в. сарматские племена аланов, роксоланов,

асов, аорсов и др., становятся важной политической силой в жизни Северного Причерноморья, всё более подчиняя себе остатки скифских племен. Именно с первых веков нашей эры в античных, а затем и западноевропейских источниках Причерноморские степи наряду с названием Скифия, стали именоваться и Сарматия.

С началом Великого Переселения народов (IV–VII вв.), скифо-сарматские племена органичной частью влились в орды гуннов. Увлекаемые завоевательным потоком аланы, асы, анты, другие сарматские племена, распространились по всей Европе. Следы сарматских названий обнаруживаются в европейской топонимике повсюду, от Пиренеев до Немана, но особенно много их находят в Южной и Восточной Европе.

Сарматы не просто расселялись по Европе. Они и здесь вставали во главе племен и родов как входивших, так и не входивших в гуннский и другие племенные союзы. В отечественной историографии принято считать антов одними из предков славян, что вполне возможно, если изучить значение сарматского слова анты. Дело в том, что современные кавказские осетины-аланы используют в качестве одного из самоназваний слово анди. Российский ученый Г. Вернадский сводил этноним ант к сармато-осетинскому anga, что означает «извне» (отсюда же andag — внешний), и допускал, что сарматы называли так племена своих союзников, у которых главенствующие позиции занимали сарматские роды. Некоторые племена не были иранцами, но назывались анты (анды), так как находились под сарматским влиянием.

Впервые название анты встречается в I в. у историка Плиния Старшего как название сарматского племени, вместе с еще одним названием — сербы. Плиний Старший называл так аланские племена, жившие у берегов Меотийского озера (Азовского моря). Сарматы-аланы-анты-сербы вместе с гуннами пришли в Южную и Центральную Европу, и, смешавшись там, в IV–V вв. с праславянами, встали во главе праславянских племенных союзов, дав им свои имена.

Аланы-сербы были широко распространены по Центральной Европе. Римский географ Вибий Секвестр в V в.н.э. называл на территории нынешней Саксонии и Тюрингии страну Белая Сербия,

памятью о которой остался крошечный западнославянский народ сорбы в современной Германии. Даже и в середине X в. арабские путешественники отмечали у балканских славян сарматские традиции: царя поили кобыльим молоком, среди знати был распространен обычай деформации черепа и неславянские имена, а правителей областей называли по-скифски жупан (отсюда и западнославянское пан), и др.

Сарматы-аланы, игравшие первоначально в славянских племенных союзах роль правящего класса постепенно славянизировались, забывая свое степное прошлое. Также они «растворялись» и среди других народов участвовавших в Великом Переселении: готов, гуннов и др., и постепенно сошли с этнической карты Европы. Отдельные группы алан сохранялись еще в XIII в. на территориях между Крымом и Уралом, но и они постепенно смешались с другими степняками и вошли в состав их племён и родов.

Такой длинный рассказ о скифах-сарматах здесь не случаен. Современные антропологические и лингвистические исследования говорят о генетической связи славянства со скифо-сарматами. Но, не менее глубокий след оставили североиранцы и в этногенезе народов Поволжья, и в том числе Волго-Окско-Сурского междуречья, по которому проходила граница лесной и степной зон Восточной Европы. Сарматы в своем расселении подходили вплотную к этой границе.

Значительные культурные, лексические, хозяйственные заимствования находят исследователи и у поволжских тюрок, и у мордвы, и у марийцев. Это подтверждают и источники, и археология. Современные татарские ученые Г. Саттаров и Ф. Гарипова убеждены, что топонимический корень (апеллятив) сар (сор, сер, сур) восходит к названию сармато-аланского племени, жившего в первых веках нашей эры в Среднем Поволжье, и от этого корня производят, в частности, такие названия как Сур-а, Сар-ов, Чебок-сар-ы и др. Сарматский этнонимичный корень ас (яз) имеется во многих топонимах Поволжья, и, в том числе, присутствует в названии древнего народа бурт-ас-ы.

ОЧЕРК 4.

Великое Переселение

Одним из ключевых событий всемирной истории, во многом определившим этническую и политическую карту Европы, стало Великое Переселение народов. Считается, что оно продолжалось с IV по VIII вв. Однако начало этого явления можно без сомнений отнести к первым векам нашей эры, когда жители Центральной Азии и Забайкалья небольшими группами стали переселяться на запад, и весь широкий «пояс» Евразийских степей от Дуная до Тувы «заволновался», пришёл в движение.

Быть может, причиной тому были климатические изменения, может быть, рост населения и нехватка пастбищ, гадать бессмысленно, но, упомянутое в прошлой главе вторжение сарматов в Причерноморье было одним из актов этого «волнения». Следом за сарматами пришли гунны, затем авары, за ними другие кочевники, и по большому счёту, процесс «переселения» можно считать закончившимся только к середине II тысяч., когда бывшие кочевники турки-османы были остановлены на Балканах.

Однако не только народы Азии приняли участие в Великом Переселении народов. Одним из этапов этого процесса было, так называемое, движение готов в нач. III в.

Тогда, древнегерманские племена объединенные именем готы (геты, готоны), из-за изменения климатических условий, снялись с мест своего обитания в Прибалтике и Центральной Европе и, увлекая за собой другие древние народы, двинулись вглубь континента[4]. К началу IV в. они уже атаковали Византию, расселились на Балканах и в Северном Причерноморье.

Во время своего движения готы разделились на западное (вестготы) и восточное (остроготы) «крылья». Занявшие Балканы вестготы напали на находившуюся в упадке Римскую империю, и в короткое время разорили Италию, а в 476 г. взяли и разграбили Рим. Вторжение вестготов привело в движение другие варварские народы Европы, и вскоре племена вандалов, бургундов, франков, свевов, лангобардов и др., создали свои королевства на территории современных Испании, Франции, Италии, Германии и даже Северной Африки. Эти королевства во многом стали предшественниками нынешних европейских государств.

Движение готов стронуло со своих мест все племена европеоидов центра Европы, заставив их двигаться не только на юг, но и на запад, и на восток. В частности племена балтов располагавшиеся на территории современной Беларуси и Польши, дошли до Оки, верховьев Западной Двины и Дона. Балты были одним из ведущих участников движения готов. Живший в VI в. готский историк Иордан указал, что одним из главных готских родов был род Балтов.

Для истории Поволжья Иордан имеет особое значение, так как именно он, описывая события IV в. рассказал о готском вожде Германарихе, создавшем огромную «державу» в Восточной Европе. Иордан перечислил народы подчинившиеся Германариху: «Покорил же он племена гольтенскифов, тиудов, инаунсков, васинброгов,

[4] Высказывалось предположение, что из-за подъёма уровня Балтийского и Северного морей прибрежные районы Северной Европы стало затапливать.

меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, навего, бубенегов, колдов…»

Ряд современных ученых отождествляют тиудов со средневековой чудью, васинброгов с весью, меренс с мерей, морденс с мордвой, а имнискаров, с оговорками, со средневековыми черемисами. Не все историки согласны с тем, что поволжские народы меря, мордва и весь, сложились как этносы уже в IV в., когда ни о каких славянах речи не было, но из «песни слова не выкинешь». Эти строки Иордана можно считать первым упоминанием перечисленных выше народов.

В том же IV в. началась и «кульминация» Великого Переселения народов. Началось вторжение в Европу гуннских племен. Несмотря на весь накопленный исследователями материал, происхождение гуннов так и не выяснено.

Кем были гунны, откуда они пришли, и на каком языке разговаривали, до сих пор вызывает споры ученых. По традиции гуннов принято считать потомками народа сюнну (хунну). Якобы, эти древние тюрки, обитавшие на севере Китая в III в. до н.э., перекочевали из Забайкалья в Западную Сибирь и на Южный Урал, став первым в Европе тюркским народом.

Однако это мнение, основанное главным образом на созвучии названий, и на традиции выводить всех диких завоевателей-кочевников откуда-то из Забайкалья, не подкреплено никакими серьёзными аргументами. Антропологи, например, до сих пор не могут выделить какой-то отдельный материал, который можно считать именно «гуннским», а лингвистам, известно лишь несколько слов и личных имён из гуннского лексикона (письменных памятников гунны не оставили). На основании этих слов и имён, скорее можно сделать вывод об индоевропейском происхождении гуннов, нежели тюркском.

А вот современники гуннского нашествия, римские и византийские авторы V–VII вв. помещали родину гуннов на север, в Приуралье и дальше, и возможно были не так уж, не правы. Более смелая гипотеза происхождения гуннов говорит нам, что значительная часть гуннской орды были выходцами из того «лингвистического

горизонта» где, на огромной территории от Балтики, через Поволжье и Волго-Камье до Урала, в течение долгих веков индоевропейские языки контактировали с уральскими. В этом регионе сложилась гуннская орда, отсюда она начала своё движение в Европу. И сюда же гунны вернулись, после падения державы Атиллы, в родные просторы Поволжья и Южного Урала.

Действительно, в дебрях Волго-Камья, на лесных равнинах Среднего Поволжья, в степях Южного Урала, в конце I тыс. до н.э. — нач. I тыс. образовалась «контактная зона», где сходились племена европеоидов и уральцев, и группы кочевников из Западной Сибири и Северного Казахстана. Дикие племена объединялись в союзы, постепенно «втягивая» в себя всё новые и новые группы кочевников с юга и востока Евразии. Этот гигантский «плавильный котёл народов», довольно долго накапливал «критическую массу», пока, из-за потепления климата, случившегося в Евразии в начале I тысяч. и вызванной им засухи, не вытолкнул из своей среды мощной племенной союз получивший название гунны (в прауральских языках унн, гун, огунр — «человек», «мужчина»).

Около середины IV в. гунны заполнили степи в низовьях Волги и Дона, где столкнулись с приазовскими сарматами. Считается, что между гуннами и сарматами началась кровопролитная война, но, скорее, большинство сарматов-аланов присоединилось к степной армии.

Эта огромная воинственная орда не знала никакой расовой или религиозной нетерпимости, и принимала в свои ряды всех желающих двигаться на закат солнца. Раньше бытовало мнение, что гунны были страшным бедствием для народов европейской цивилизации — дикой ордой разрушителей, но археологические исследования конца XX — нач. XXI вв., внесли серьёзную корректировку в это утверждение.

Скорее, речь должна идти не о тотальном уничтожении гуннами той или иной культуры, а о присоединении побежденных народов и их соседей и включении их в гуннский племенной союз.

Византийский автор Аммиан Марцеллин находившийся некоторое время среди гуннов, писал о них: «Племя гуннов, о котором

мало знают древние памятники, живет за Меотийским болотом (Азовским морем авт.) …и превосходит всякую меру дикости».

Описывая образ жизни и жестокие нравы гуннов, Аммиан указывал на отсутствие у них наследственной царской власти: «…гунны …довольствуются случайными предводителями из сильнейших и сокрушают всё на своём пути…» Он описывал их, как всадников «приросших к своим коням, выносливым, но безобразным на вид». На конях гунны вступали в бой «клинообразным строем со свирепыми криками, врукопашную рубятся очертя голову мечами и … набрасывают на врагов крепко свитые арканы».

Продвинувшись из Приазовья в Центральную Европу, гунны разгромили готскую державу Германариха, и здесь уже гуннов описывал ненавидящий их Иордан: «Малорослое, отвратительное и сухопарое, свирепейшее племя, понятное как некий род людей, лишь в том смысле, что обнаруживало подобие человеческой речи… Их свирепая наружность выдает жестокость их духа: они зверствуют даже над потомством своим с первого дня рождения. Детям мужского пола они рассекают щеки железом, чтобы раньше, чем воспринять питание молоком, попробовали они испытания раной. Ростом они не велики, но быстры …и чрезвычайно склонны к верховой езде; они широки в плечах, ловки в стрельбе из лука, и всегда горделиво выпрямлены благодаря крепости шеи. При человеческом обличье живут они в звериной дикости». Иордану, и другим европейцам, пришедшие в Европу кочевники, казались полулюдьми, полузверьми.

Ворвавшись в Центральную Европу и на Балканы, гунны, в короткое время, подчинили себе готов, сарматов, протославян, и, соединившись с ними, начали громить Византию.

К середине V в. на пространстве от Рейна до Чёрного моря, образовалась империя гуннов во главе с предводителем хаканом Аттилой, о котором даже ненавидящий гуннов Иордан сказал: «Единственный в мире …правитель племён всей Скифии достойный удивления по баснословной славе своей среди варваров».

Держава гуннов терроризировала всю Европу. Они нападали на Византию и на Рим, тревожили германские королевства. В кон-

це концов, объединенная европейская армия римлян, вестготов, франков и других народов, нанесла поражение главным силам Аттилы в 451 г. на Каталаунских полях в Галлии (на территории современной Франции). Через два года Аттила умер, а огромная, возглавляемая им империя сразу распалась. Гунны, теснимые европейцами, вернулись в степи Причерноморья и Приазовья, а с их уходом, в конце V–нач. VI вв., на историческую сцену вышли славянские племена, сформировавшиеся и окрепшие в составе гуннской империи.

С возвращением западных гуннов в степи, связаны события в Среднем Поволжье. Между вернувшимися группировками западных гуннов, и владеющими степями Приазовья восточными гуннами началась жестокая война за пастбища и главенство в степи. В результате часть гуннских племен стала уходить от кровопролития в бассейны рек Сейма и Десны, а так же в Среднее Поволжье, переходя границу леса и степи и заселяя лесостепную зону (возможно, возвращаясь на древнюю родину).

К концу VI в. степи между Волгой и Доном и предгорья Кавказа, были заселены племенами, входившими ранее в гуннский племенной союз. Это были в основном однородные этнические образования, с преобладанием уральского угорского субстрата, но уже достаточно сильно разбавленные раннетюркским этническим компонентом, что позволяет нам применять по отношению к этим группам термин угро-тюрки.

Этот термин не несет в себе научности, в полном смысле этого понятия. Скорее, он позволяет одним словом охарактеризовать племена, которые в языковом смысле были угорскими и раннетюркскими, а в расовом «смесью» племен европеоидов и уральцев, «варившихся» в «котле», о котором говорилось выше.

На границах этого «котла», в Поволжье, на Кубани, в Тамани и на Кавказе, с угро-тюрками смешивались местные народы. Смешение обуславливалось ещё и тем, что все эти народы были объединены похожим укладом жизни, который связывал их между собой не меньше, чем может связать общий язык или происхождение.

Племена, жившие в VI в. в южных степях Европы перечислял сирийский историк Захария Ритор: «Анвар, алан, куртагар, авар, дирмар, себир, бургар, сирургур, баграсик, абдел, кулас, эфталит, хасар эти тринадцать народов живут в палатках и питаются мясом скота и рыб, живут дикими зверьми и оружием…»

Из упомянутых Захарией, три племени сыграли ключевую роль в средневековой истории Поволжья. Это себиры (северы, сувары, сувазы), хасары (хазары) и бургары (булгары).

Первыми из них, в Среднее Поволжье, пришли себиры-северы. Это этническое имя известно с V в. Византийский автор Прокопий Кесарийский писал о них: «Савиры являются гуннским племенем. Живут около Кавказских гор. Племя это многочисленное, разделенное как полагается на много самостоятельных колен».

Гумилёв считал северов уграми, Артамонов и Кузьмин были убеждены, что они прототюрки. Их родиной были просторы между Южным Уралом и Алтаем, где сложился огромный конгломерат племён ранних угро-тюрок, присоединившихся в начале н.э. к движению кочевников на запад. Сабиров было так много, что по ним дали название целой географической области — Сибири, а в армиях восточных гуннов они были самыми многочисленными ордами.

Сабиры первыми в VI в. стали уходить в лесостепи бассейнов Десны и Сейма, в верховья Дона и Суры, постепенно заходя в лесную зону междуречий Оки и Суры, Суры и Волги. Расселяясь среди местных жителей, они переходили к оседлой жизни.

Поселившиеся в бассейне Десны сабиры-северы смешались на протяжении VI–VIII вв. с балтами и славянами, и дали начало славянскому племени северян[5].

---

[5] Не случайно новгород-северские князья — правители Северской земли, всегда вели независимую политику по отношению к Киеву. Антропологи отмечают у славян-северян отличную от других восточных славян антропологию. Сабиры-северы оставили своё имя и в русском названии одной из сторон света. Киевские князья, выступая в походы в Залесскую землю, говорили что пойдут «через север» (через северян). Так и стали земли, лежащие по левую сторону, если смотреть на восход солнца, называться север (северские земли). Термины севера, северяне, северские города, северская земля, бытовали на Руси до конца XVII-нач. XVIII вв.

Себиры заселившие верховья Дона и Хопра, вышедшие в междуречье Суры и Волги, и к Нижней Оке, смешались с жившими здесь волжскими финнами и местными аланами, стали основой племён буртасов и суваров-сувазов (предков чувашей)[6]. Появление остатков гуннских орд в Поволжье, вызвало движение местных племён, привело к их миграциям и смешению между собой. В Среднем Поволжье, во 2-й половине I тысяч. смешивались языки и обычаи жителей севера, востока, юга, а позже и запада, смешивались традиции лесов и степей Евразии.

Гуннское движение, закончившееся в V в., вскоре сменилось новыми волнами завоевателей. «Плавильный котёл» продолжал выталкивать из себя все новые племена: авары в VI в., угры-мадьяры в VIII в., печенеги в IX в., гузы и кипчаки в XI в., татары в XIII в., иссякнув только к середине II тысяч. Все эти племена, порой разными путями, стремились в Южную Европу, в Паннонию — крайнюю область евразийских степей. Имя гуннов, как и имя скифов, стало нарицательным для кочевников Евразии.

А Окско-Сурское междуречье в первой половине I тысяч. являлось частью той территории («лингвистического горизонта») где сформировались, и откуда вышли грозные завоеватели Европы гунны.

---

6 Самоназвание сувар превратилось в суваз из-за ротацизма свойственного языкам древних тюрок, когда вместо звука «р» произносится звук «з». Сначала сувары стали сувазами, а затем суваз превратился в цувас (чуваш). Ротацизм изменил не только племенное имя суваров, превратив их в чувашей. В степях Приаралья в VIII–X вв. существовал могучий племенной союз угро-тюрок называвшийся огур (гур). Из-за ротацизма огуры превратились в огузы (гузы) — союз племен из которого вышли азербайджанцы, сельджуки, османы и другие.

ОЧЕРК 5.

Угро-тюрки. Финно-угры

В прошлом очерке шла речь об «лингвистическом горизонте» протянувшемся от Балтики до Урала, где, в конце I тысяч. до н.э. — нач. I тысяч. проходило непрерывное смешение разных расовых и этнических групп и племён. Западные европеоиды встретили здесь волны индоиранцев с юга, и уральцев с севера. Это смешение продолжалось и во 2-й половине I тысяч. В результате этого сложились народы, вобравшие в свои языки элементы речи древних финнов и угров. Симбиоз этих элементов привёл к образованию финно-угорской языковой семьи. Народы, в языках которых возобладал тюркский компонент, вошли в тюркскую языковую семью. И те и другие приняли участие в этногенезе современного населения Среднего Поволжья, и вклад их нисколько не меньший, нежели вклад восточных славян, а в чём-то даже и больший.

Начнем с того, что на бескрайних просторах от Дуная до Тихого океана, от сибирской тайги до Гималаев и джунглей Индостана живут две огромные языковые семьи народов — уральская и алтайская.

Самым древним народом (или народами), праязык которых лёг в основу семьи уральских языков, являются выходцы из регионов Урала (отсюда и название семьи), Предуралья и Западной Сибири — племена угров (угр, огр). Угр — значит «мужчина», «человек» — древнейшее самоназвание. И хотя уральская родина угров всего лишь гипотеза, тем не менее, в истории, в антропологии и лингвистике, принято такое название.

Угры — древнейшие племена с удивительной антропологией. Уральская раса, к которой они принадлежат, являет собой смешанные между европеоидами и монголоидами черты, представляя пример самого древнего «плавильного котла народов», восходящего своей древностью к мезолиту. Котла, в котором сошлись племена востока и запада, расы Европы и Азии.

Если не принимать во внимание геродотовых иирков, то племенное имя угр известно с первых веков н.э., с начала Великого Переселения. Угры были в первых рядах «армий», в которых сплотились древние кочевники степи, не случайно родовое имя угр-угур-огур-огр рефреном звучало в названиях крупнейших гуннских племен. Кутри-гур-ы, ути-гур-ы, онон-гур-ы, и другие племена, да и сама древняя орда называлась уральским словом гунны-огунры. Этноним угр, угур присутствует во всей ранней истории кочевых племен, словно указывая на истоки их генезиса.

Две мощнейших волны степных завоевателей VI–IX вв. буквально «разорвавшие» Центральную и Южную Европу носили названия огры (обры-авары) и просто угры (мадьяры). Угорским по происхождению были и племена печенегов, и главные рода башкир составившие «ядро» башкирского племенного союза. Огромная, тюркоязычная орда, сложившаяся в VIII–IX вв. на просторах Приаралья также называлась огуры (огузы). Корень гур свидетельствует о присутствии в их этническом сложении угорского начала. Угорский компонент, угорское начало, пронизывает вообще всю Восточную Европу, и Сибирь, и Среднюю Азию, соединившись на западе от мест своего происхождения с финнами, а на юге и востоке с тюрками.

Но если с восточными финнами действительно произошло соединение, на основе взаимного проникновения, то с тюрками скорее можно говорить о «взаимном разделении», потому что, в конце I тысяч. до н.э. эти прототюркские и протоугорские племена будущего гуннского союза, представляли собой, скорее «однородную» этническую массу, нежели предков разных народов.

Группы кочевников, говорящие на прототюркских и уральских языках, стали выделяться из этой «однородной» массы в первых веках новой эры, причем, и западно-тюркские диалекты, и угорские, были густо «сдобрены» заимствованиями друг из друга. Во всяком случае те значительные древнетюркские включения, которые наблюдают лингвисты в современном венгерском языке (который мадьяры принесли в Европу из Предуралья), не оставляют сомнения в своём происхождении из первых веков нашей эры, то есть, тогда, когда предки онгров-венгров и предки тюрок вместе кочевали в одних ордах, чтобы потом разделиться.

Это деление началось, вероятно, в IV–VI вв., когда угро-тюркские племена сабиров, угров-мадьяр, протобашкир, ранних печенегов, стали смещаться к северным кочевьям, в лесостепь и степь между Волгой и уральскими предгорьями. Кочевники, оставшиеся в степях Прикаспия и Приаралья, всё более вбирали в себя тюркские элементы, которые смешавшись с угро-тюркскими, стали платформой кыпчакского (куманского) языка западных тюрок.

Тюрки — великая семья народов. Явившись на историческую сцену практически в одно время со славянами, они немедленно стали одним из народов, что называется, «пишущих» историю. Тюркоязычные элементы, обозначившись сначала в гуннских ордах, стали затем охватывать всё большее и большее число степных родов. Сначала это были племена североиранцев-андроновцев и среднеазиатских саков, которые принесли в тюркский мир не только богатейшую культуру, но и огромный духовный пласт (религиозная борьба двух начал, летоисчисление, эпос, легенды о происхождении). Тюркская и североиранская культуры за тысячелетнюю совместную историю переплелись настолько тесно, что порой трудно отличить, что пришло от тюрок, а что от иранцев.

Разрастаясь, тюркоязычная семья народов принимала в свои ряды всё новых и новых членов, при этом, не зная расовой дискриминации, охватывала и племена монголоидов, и уральцев и европеоидов, одним словом, всех готовых жить, подчиняясь законам степи. И в итоге создала великую цивилизацию «степного типа», не похожую на привычную для нас, европейскую «цивилизацию городов», но, тем не менее, доказавшую своё право на существование.

Предки тюрков (торк — «крепкий») переняли у сарматов-иранцев родовой термин ар (арья), и стали строить названия своих родов, используя этот корень: сув-ар, хаз-ар, булг-ар, ав-ар и другие, эти этнонимы построены по одному принципу. В IX в. среднеазиатский ученый Махмуд Кашгарский этимологизировал этноним татар, как «пришлый (чужой) человек», выделяя ар, как обозначение человека[7].

От иранцев восприняли предки тюрков и письменность. Как это не удивительно, «дикие» кочевники знали грамоту. В VI в. византийский дипломат Менандр Протиктор указывал в своих записях, что прибывший в Константинополь, тюркский посол Маннах привёз послание от кагана тюрок, написанное, так называемым, скифским письмом. Из этого скифского письма, впоследствии, в V–IX вв. было модифицировано тюркское руническое письмо, просуществовавшее до X в., и замененное на уйгурский алфавит, которым пользовались и в Золотой Орде. «Дикие» тюрки имели передовую для своего времени армию, обладавшую отличным вооружением и техникой ведения боя, опиравшейся на использование тяжеловооруженной конницы.

Из-за скудности источников, история древних тюрок нам практически неизвестна. Л. Гумилёв в своих трудах пытался построить стройную концепцию истории древних тюрок, но ввиду отсутствия сколь-нибудь надёжных данных, очень многое, что называется, «допускал». Читать эту «историю» интересно, но реальности в ней порой не больше, чем в ином историческом романе. Однако расска-

[7] В чувашском языке, относящемся к огурской группе тюркских языков (по-другому западнохуннской), слово ар, означает человек.

зывая о уграх и тюрках, средневековых кочевниках — наследниках древних скифов и сарматов, будет уместным привести цитату из произведений Гумилёва, посвятившего изучению кочевников всю жизнь, и искренне любившего тюрок.

«Кочевники вообще, а гунны и тюрки в частности изобрели такие предметы, которые вошли в обиход всего человечества как нечто неотъемлемое. Такой вид одежды как штаны, без которых невозможно представить себе мужской пол изобретены кочевниками в глубокой древности. Кочевая повозка, служившая домом, изогнутая сабля, превосходившая по боевым качествам и вытеснившая тяжелый прямой меч европейцев, сложный многосоставной лук, метавший стрелы до 700 метров, стремена без которых не мыслим бой верхом — всё это дали миру кочевники и тюрки в их числе…»

Народы, говорящие на тюркских и угорских языках, ныне разделены лингвистами на две разных языковых семьи. Алтайскую (по имени предполагаемой прародины тюрок — Алтая), и уральскую. При этом и та и другая языковые семьи, объединяют в своих рядах настолько разные в расовом смысле, и в смысле уклада жизни народы, что провозглашенное лингвистами родство многие ученые склонны объяснять не общим происхождением, а скорее длительными контактами этих народов между собой, в зонах совместного проживания.

Алтайская языковая семья объединяет в себе, кроме тюркских наречий, ещё монгольские, тунгусо-манчжурские и корейско-японские языки, имеющие весьма отдаленное сходство с тюркской основой, но такая же ситуация присутствует и в уральской языковой семье, куда сведены народы не менее разные чем «алтайцы».

Достаточно того примера, что очень близкие по языку обские угры (ханты и манси) и венгры, антропологически принадлежат к разным расам, но те же самые венгры, будучи антропологически сходными с жителями Финляндии, в языковом отношении стоят с финнами на двух разных «краях» уральской языковой семьи. Для того чтобы хоть как то объяснить создавшееся противоречие, в исторических дисциплинах принято положение, что родство языков не всегда означает родство народов, и приведенные выше при-

меры тому подтверждение. Однако что-то общее, что-то, что объединяет эти народы сильнее, чем язык и раса, безусловно, имеется.

Берясь за столь сложную тему как финно-угры опрометчиво претендовать на всеобъемлющую характеристику этногенеза и истории этой языковой общности. Научные точки зрения на происхождение и историческое развитие как всей совокупности финно-угров, так и отдельных её народов, порой настолько различны, что формулировка каких-то общих выводов и положений, вряд ли вопрос ближайшего времени.

Родство финно-угорских языков, провозглашенное, в конце XVIII в. в Западной Европе, носило, безусловно, больше политический, нежели научный характер. Преподнесенное в те времена обществу как открытие, генеалогическое родство финно-угорских языков не нашло подтверждения в дальнейших исследованиях. А уж антропологическая несхожесть представителей западных и восточных финно-угорских этносов, бросается в глаза и без всяких научных изысканий.

Однако за 200 лет изучения проблемы были созданы университеты и институты, проведены симпозиумы, фестивали, конференции, «съезды народов». Тезис о родстве вдолблен ученикам, а учителя получили награды, учёные степени и звания. Тем не менее, главный вопрос остался нерешённым. Является ли финский язык генетическим продолжением древнего угорского, а западные финны потомками охотников Урала, или финно-угорские языки есть «плод» смешения прафинского и праугорского языков в «контактной зоне» Поволжья и Волго-Камья? Точного ответа на этот вопрос нет и сегодня.

Финны, кто они? Не вдаваясь вглубь тысячелетий, начнем с того предположения, что в I тысяч. до н.э. очагом откуда расселялись предки прибалтийских и волжских финнов, была территория от современного города Риги до Валдайской возвышенности, и верховьев реки Оки. Отсюда прафинны начали движение в северную часть Прибалтики, и в бассейны верхней Волги, Оки и Клязьмы. На западе, в Прибалтике, прафинны рано столкнулись с древними германцами, от них и получили этническое имя финны,

которое германцы передали потом римлянам. Римский историк Тацит упоминал феннов в I в.

Этноним фенн связывают с древнегерманским словом fenna — «болото, грязь», что перекликается с самоназванием современных жителей Финляндии — суоми, от финского слова suo — «болото», и maa — «место обитания». Возможно, древние финны предпочитали селиться по глухим лесистым местам, в изобилующих болотами лесах северо-запада Восточной Европы, за что и получили своё имя.

Крупные, сильные люди, неутомимые охотники, знающие и любящие лес, типичные европеоиды беломоро-балтийского «светлого» типа, прафинны расселившись по Прибалтике и северо-западу Восточной Европы, образовали в начале I тысяч. несколько родственных племен, о которых упоминает в VI в. Иордан, называя их общим именем Thiudos.

Thiudos (чудь) — так называли древних финнов славяне (этноним финн пришел в русский язык очень поздно). Считается, что это название — чудь, древние славяне заимствовали от готов, когда готы начали в III в. движение на юг Европы. Тогда прибалтийские финны примкнули к готскому союзу племён, и стали для окружающих народов частью готской орды, участников которой вожди-готы называли тьюдд («народ», «люди»)[8].

В славянских языках слово тьюдд переиначилось как чудь, и на долгие века стало названием финских народов. Всех сходных с финнами по образу жизни и языку жителей севера Восточной Европы славяне называли чудь, отмечая только локализацию («чудь заволоцкая», «чудь заонежская» и др.). В средневековых новгородских диалектах чудь трансформировалась в чудна, чухна (отсюда чухнарь, чухонец, чухня) — этноним, распространившийся со славянами и на Урал и в Сибирь.

---

[8] Тьюдд — от древненемецкого teuta (народ, отсюда и латинское название немцев-тевтоны). Древнее самоназвание германцев тьюдд сохранилось не только в слове чудь. Французы грубых невежественных людей называют «тюдеск», как бы намекая на варварство немцев, а итальянцы называют немцев — «тюдеско». Самоназвание немцев дойче тоже произошло от тьюдд.

Племена чуди (ливь, эсть, карела и др.) жившие на северо-западе Руси активно участвовали в событиях русской истории. Они, на равных с новгородскими словенами, «изгоняли» а затем «призывали» варягов. Чудские воины участвовали в походах князя Олега на Киев и на Царьград, участвовали в походе князя Владимира на Полоцк. Чудь была в числе «лучших людей» переселённых князем Владимиром на юг Руси для защиты от половцев. При этом в одной из летописей, автор оговаривается, что «чудь — иже суть немцы» (т.е. немы, не говорят по-русски).

Живя долгое время среди славян, чудские племена северо-запада Руси постепенно смешались с ними (только в Прибалтике оформившись в самостоятельный народ эстонцев, близкий по языку к скандинавским финнам), и растворились в великорусской среде, оставив этнический термин чудь (чухна) в топонимике Русского Севера и Приуралья, в русских фамилиях Чуднов, Чудинов, Чудин, Чухнарев, Чухнин, и других.

Финнов, расселившихся на восток от мест первичного обитания, Иордан, вероятно, назвал васинброги (весь), и меренс (меря). Восточно-финские племена меря, весь, водь и мурома, занимали всё Волго-Окское междуречье, и левобережье Верхней Волги вплоть до реки Унжи. Самым сильным и самым многочисленным из волжскофинских народов были меря. О них пишет Иордан, они не сходят со страниц русских летописей. В 859 г. меря упоминается как платящая дань варягам наряду со славянами и другими племенами. В 907 г. меряне участвуют в победной экспедиции князя Олега в Византию. В первой половине II тысяч. меря, мурома, весь и водь были ассимилированы славянами, став частью русского населения Северо-Восточной Руси, и «влившись», таким образом, в средневеликорусский этнос.

Живой мерянский язык не дошёл до нас, но оставил память о себе в топонимике русской земли. Сотни названий географических объектов имеют восточнофинское («мерянское») происхож-

дение, в том числе и главный город России, Москва, названный, по одной из версий, по имени мерянской реки, на которой стоит[9].

Русский учёный М. Ломоносов отдавал должное чудскому компоненту в русской истории, указывая, что: «И то правда, что от переселений и дел военных немалое число чудского поколения соединилось с племенем словенским и участие имеет в составлении российского народов… Многие области, которые в самодержавстве русских князей чудским народом обитаемы были, после словенами наполнились. Чудь частью с ними соединилась, частью уступив место, уклонилась далее к востоку и к северу. Показывает сие некоторые остатки чудской породы, которые по словесным преданиям от словенского поколения отличаются, забыв употребление своего языка. От сего, не токмо много сёл, но и рек и городов и целых областей чудские имена в России, особливо в восточных и северных краях поныне остались. Немалое число чудских слов в нашем языке употребляются».

Мурома, меря, весь и водь, были финно-язычными племенами, к которым мог быть применён средневековый этноним чудь. Они в наибольшей степени сохраняли и прафинский язык, и европеоидный беломоро-балтийский антропологический облик. Племена прафиннов, ушедшие ещё дальше на восток и юго-восток, столкнувшись с древними обитателями этих территорий, и пришельцами с востока, смешались с ними сумев сохранить свой восточнофинский язык и свой антропологический тип только как субстрат, то есть, составную часть нового лингвистического и антропологического облика.

Эти племена расселялись в начале I тысяч.н.э. практически в центре Восточно-Европейской равнины, от Верхней Оки, и по её правобережью до самого слияния с Волгой, и дальше на восток до устья Суры. Их можно назвать прамордовскими.

С самого начала своего образования они складывались под очень разнородным влиянием других, более развитых экономически и культурно народов. Западная часть прамордвы на рубеже

[9] Моск-ва где маска — «медведица» и ваа — «женщина-богиня».

I и II тысяч. подверглась нашествию воинственных племен сарматского круга, дав начало культуре рязано-окских могильников. В результате этого на берегах Средней Оки сложился народ воинов, активно принимавший участие в военных событиях, происходивших в первых веках н.э. в Восточной Европе. Об этом рассказала археология культуры рязано-окских могильников, наполненная римскими, приазовскими и другими импортами, в том числе, импортами военными, знаковыми.

Затем рязано-окские предки мордвы приняли участие в готском движении, вступили в контакт с воинской верхушкой готов, и приняли участие в их походах. В этот период прамордва Среднего Поочья попала под сильное влияние, как самих готов, так и восточных балтов бывших составной частью готской орды. Археологи уверенны, что чрезвычайно милитаризованные предки мордвы не могли оставаться в стороне от событий Великого Переселения, и их этногенез продолжался в условиях далеко не мирных.

Эта прамордва, которую условно можно назвать «рязанской» (так как она размещалась на территории современной Рязанской области), испытала сильное «гото-балтское» проникновение, переняв от них и навыки ведения хозяйства, и социальную организацию. В языке современной мордвы-эрзи известны лексемы, происхождение которых можно объяснить только влиянием прагерманского языка готов. В свою очередь от балтов пришли в мордовский язык слова связанные с хозяйственной деятельностью, такие как: стойло, нож, поросёнок, невод и др.

Имеются параллели в культуре балтов и мордвы: балтский богатырь Чимпас стал у мордвы именем бога, а мордовский громовержец Пургинесе, похож на балтского Перкуна (Перунаса). Оставили балты и готы свой след и в антропологии мордвы, особенно мордвы-эрзи, привнеся в неё черты западных европеоидов.

Надо полагать, что в последние века до н.э. на юго-западную часть городецких племен — предков мордвы не меньшее влияние оказала окружавшая их скифско-эллинская земледельческая культура (будины и гелоны), о чём писал в своё время В. Семенкович. Во всяком случае, уже не видятся неожиданностью в своём созву-

чии мордовское слово тятя и греческое тэтта («отец»), или мордовское ватракс и греческое ватракш («лягушка»). Да и название мордовского народа эрзя очень похоже на греческое арсан («человек»).

Еще большему, но теперь уже скифо-сарматскому влиянию, подверглась, жившая восточнее прамордва, которую можно условно назвать «окско-сурской» (так как она жила в Окско-Сурском междуречье). Влияние сарматского (аланского) мира на эту группу племён было колоссальным. Металл, скотоводство, земледелие значительные лингвистические заимствования в языках мордвы, пришли от иранцев.

Кроме этого, «окско-сурская» прамордва расселялась в местах, в которые не прекращался приток с севера и северо-востока, многочисленных групп угров. При этом чем дальше на восток, тем сильнее шёл этот приток. Волго-Окско-Сурское междуречье было крайней зоной проникновения угров не переходивших границ леса и степи. Они смешивались и растворялись среди «окско-сурской» прамордвы, привнося в её язык и антропологию уральский субстрат.

К началу I тысяч. на указанных выше территориях жило большое количество родовых групп прамордвы, которые, в первые века н.э. стали складываться в племенные союзы. При этом в каждом конкретном регионе складывалась группа племен с особенностями местного развития, присущего только этой группе (эта ситуация для мордовских племен сохранялась до позднего средневековья). В Среднеочье и в низовьях Оки это были племена подвергшиеся влиянию гото-балтского союза — условные предки мордвы-эрзи. В бассейне Цны и южнее, а также в восточной части Волго-Окско-Сурского междуречья это были племена, находящиеся под очень сильным сарматским (аланским) влиянием — условные предки мокши и буртасов.

В левобережье Средней Волги, и дальше на восток, угорский субстрат уже преобладал над финским, постепенно, чем дальше на северо-восток, вытесняя его вообще. Впрочем, по образу жизни и по своему хозяйственному укладу все эти племена продолжали оставаться жителями леса, умелыми охотниками и рыболовами, добытчиками мёда диких пчел.

Представляя собой конгломерат сходных в целом племен, они получили от своих южных соседей иранцев общее обозначение мард, означавшее в иранских языках «мужчина». Этноним мард разошёлся по Среднему Поволжью, и вошёл в литературный обиход раннесредневековой Восточной Европы и Византии, хотя на Ближнем Востоке остался неизвестным.

Каждый, кто пишет о древней мордве, «обязан» назвать Иордана, упомянувшего народ mordens уже в VI в. (при этом, Иордан описывал события IV в.). Уже в X в. византийский император Константин Багрянородный целую страну называл Мордия. Славяне, состоявшие с сарматами-аланами в племенных союзах, восприняли от них этот этноним, переосмыслив его как мордва, где суффикс -ва служит обозначением множественности (по типу лит-ва, татар-ва, брат-ва), и начиная с XII в. этноним мордва, мордвич, встречается на страницах русских летописей.

Термин мард стал нарицательным для древнего населения Среднего Поволжья. В Покамье сделался одним из самоназваний народов коми (морт — «человек»), и удмуртов (уд-морт — «сильный человек»), хотя, по утверждению ряда ученых сами мордвины так себя не называли, предпочитая эндоэтнонимы эрзя и мокша[10]. О мокше позже, а что касается эрзя, то в свете контактов предков эрзи с сарматами появляется иранская версия происхождения этнонима, в основе которой лежит иранский термин ар (человек), в значении ар-сайя (героический человек).

Возможно, так себя называли гордые аланы, жившие среди мордвы. Арсайя в мордовских языках трансформировался в эрзя (ар-са), став этнонимом, а термин мард сохранился как название мужчины-супруга (мирдье)[11].

---

[10] Возможно, здесь сыграла свою роль двусмысленность названия, — вспомним mardχvār («людоед»).

[11] Неясна связь этнонимов эрзя и зыряне. Если предки коми-зырян в результате оттока из Волго-Окско-Сурского региона поселились в Приуралье, то ничто не мешает допустить, что сами себя они называли эрзайи, что в новгородских диалектах трансформировалось в зыряне.

С начала VIII в. мордовские племена Волго-Окско-Сурского междуречья, вместе с другими народами Поволжья, попали в зависимость от Хазарского каганата. Хазарский каган Иосиф, в X в. в числе подвластных ему народов упоминал народ арису, который большинство современных учёных идентифицирует с мордвой-эрзей. В IX–X вв. упоминали об арса и арабские хронисты. Видимо на Востоке термин арса (арджане) стал главным для обозначения мордовских народов (этноним мордва, как и этноним мокша, арабы не знали).

Культура Хазарского каганата — средневековой восточноевропейской империи, оказала влияние на поволжские народы мордвы и чувашей, в частности привнеся в их религиозные верования идею единобожия и наполнив эти верования ветхозаветными мотивами. Политическим наследником Хазарского каганата в Среднем Поволжье стало государство волжских булгар. Мордовские племена, жившие в непосредственном соседстве с угро-тюрками, сильно тяготели к степному миру, а западные племена «рязанской» прамордвы, наоборот, стали постепенно смешиваться с вятичами и кривичами.

Вслед за славянскими земледельцами, в земли «рязанской» прамордвы пришли киевские Рюриковичи, а после христианизации вятичи, местные балты, и среднеокские финны «влились» в древнерусский народ. Память о себе «рязанская» мордва сохранила в топонимике. Академик А. Шахматов не сомневался в том, что название Рязань — есть измененное в славянских наречиях эрзя (нь). Следы фонетики среднеокских финнов живут в особенностях южновеликорусского говора — это, например, знаменитое я-канье (вядро, сястра, чаво).

Средневековая мордва не сумела создать независимого государства, постоянно находясь в вассальной зависимости от более сильных соседей, однако из «хазаро-булгарского» периода своей истории мордовские предания вынесли память о каком-то былом единстве народа. Здесь имеется в виду цикл песен о вожде Тюште. В ранних песнях Тюштя имеет характер титула вождя, а в позднем цикле песен Тюштя — собственное имя мордовского властителя,

с добавлением титула Тюштя каназор, то есть повелитель. В некоторых песнях он вообще именуется Масторонь кирди («хозяин страны», «самодержец»), а древний период мордовской истории называется Тюштень пинге («Век Тюшти»).

Возможно, данные сказания хранят память о квазигосударстве предков мордвы, погибшем перед самым сложением Хазарского каганата. В этой связи представляется важным сообщение археологов о вторжении в VII в. на Среднюю Оку кочевнических орд разгромивших наиболее передовые в культурном и социальном плане племена рязано-окцев. После этого погрома, кстати, остатки рязано-окцев ушли на восток, «влившись» в этногенез окско-сурских мордовских племён.

Начиная с XIII в. мордва фигурирует как подвластный народ, в составе сначала Золотой Орды, затем Казанского царства, а затем уже и Московской Руси. Правда в Золотой Орде мордва выступает скорее как вассал Джучидов, участвуя и во внешних войнах Золотой Орды, и в междоусобицах русских князей. Например, в 1319 г. в отрядах московского князя Юрия Даниловича воевавшего с тверским князем Михаилом Ярославичем были татары и мордва, а в 1339 г. в походе ордынского царя Узбека на Смоленск (бывший литовским владением) вместе с рязанскими, московскими, ростовскими князьями участвовали «мордовские князи с мордвичи».

А вот в Российской империи мордва подвергалась закрепощению. Мордвины, не желая мирится с этим, не только участвовали во всех восстаниях против имперского центра, начиная со смуты и заканчивая пугачёвщиной, но и уходили из Среднего Поволжья и на восток, и на юг, подальше от царских чиновников и помещиков.

За, без малого, четырехсотлетнее пребывание мордвы в подданстве российской короны, она расселилась на территориях современной Башкирии, Татарстана, Чувашии, Самарской, Пензенской, Оренбургской, Ульяновской, Саратовской областей, в Сибири, на Дальнем Востоке, на Украине, и даже в Предкавказье, Закавказье и в Средней Азии. Новые места, конечно, не спасли мордву от царской кабалы и русификации, но, даже утратив родной язык, многие переселенцы помнили, что они мордва.

Жёсткая политика царизма по обрусению поволжских «инородцев», переформатировала их этническое самосознание. В конце XVIII и в XIX вв. огромное количество мордвы заговорило по-русски, их дети стали считать себя русскими и даже славянами, и потомки этой обрусевшей мордвы вряд ли уже поверят, что их предки принадлежали к древнему храброму и свободолюбивому народу. Трудно сказать хорошо это или плохо. Может быть, в этом и заключается смысл истории этносов, когда из малых племён складываются великие народы «пишущие» историю земли, к которым, безусловно, принадлежит русский народ. И принадлежит во многом потому, что вобрал в себя энергию и волю народов «вливших-ся» в него.

Эти слова, про «вливший-ся народ», можно в полной мере применить ещё к одному этносу финноволжской языковой группы, к народу мари. Этническая история марийцев имеет отношение к Волго-Окско-Сурскому междуречью, поэтому заслуживает упоминания. Марийцы делятся на две основных группы — луговые и горные, из которых, луговые живут на левом, пологом берегу Средней Волги (отсюда и название) и представляют собой, в большей степени носителей уральского антропологического типа. Марийцы горные, занимают земли на правом, высоком берегу («на горах», отсюда и название) Волги, между устьем Суры и Большого Сундыря, и имеют уже европеоидную внешность.

В начале I тысяч. предки марийцев жили рядом с прамордвой, занимая территории по обеим сторонам Средней Волги, от устья Оки до устья речки Казанки, и были «передовым отрядом» волжских финнов, в деле контактов с населением Прикамья. На западе с ними соседствовали балты. От них к марийцам пришли некоторые навыки ведения хозяйства, о чём говорят балтские заимствования в марийском языке относящиеся к первым векам нашей эры: кузнец, мякина, шест, деньги, удача, серп, поле, горшок и др.

У марийцев, как и у эрзян и мокшан есть «внешнее» название — экзоэтноним черемисы. Черемис можно разделить на две части, одна из которых мис — финское mies («человек»), а первая часть отвечает на вопрос «какой?», и у разных исследователей толкуется

по-разному. «Восточный», «боевой», «передовой» и другие. Однако сами себя марийцы так не называют, а, что касается их самоназвания, лежащий в его основе корень мар (мер) — один из самых древних в Восточной Европе. Его можно услышат в имени древнего народа ким-мер-рийцев. Он присутствует в северокавказских наречиях в виде мар («мужчина»). Это говорит о древности этнических связей народов Восточной Европы.

Впервые этноним черемис (цармис) упомянут в X в. у уже известного нам кагана Иосифа, в списке народов подвластных хазарам, а уже с XII в. этноним черемиса прочно входит в русское летописание. Мордва и марийцы, имевшие в древности очень близкие язык и культуру, общие религиозные верования, жили бок о бок на территории Волго-Окско-Сурского междуречья, и со временем часть марийцев слилась с мордвой, а часть ушла на восток, оставив, в память о себе, следы в топонимике региона.

Средневековые марийцы (особенно луговые) занимали, по отношению к московскому империализму позицию, ещё более непримиримую чем мордва. И были очень воинственным народом — современник князь А. Курбский называл марийцев «злолютыми ратниками». Рано попав в сферу влияния степного мира, марийцы довольно легко подвергались тюркизации (считается, что северная отрасль чувашей — вирьял — это отюреченные марийцы). Связав свою судьбу с тюрками, марийцы, после присоединения в XVI в. Казанского царства к Московии, оказали ожесточённое сопротивление, развернув настоящую войну. Так называемые Черемисские войны продолжались 30 лет.

Черемисы потерпели поражение и были буквально растерзаны карательными отрядами, однако принимали участие и во всех последующих антимосковских выступлениях и восстаниях, и в XVII, и в XVIII вв., при этом понесли такие потери, что в XIX в. оказались практически на грани исчезновения. Во всяком случае, доктор медицины, профессор М. Кандаратский, изучавший в конце XIX в. марийцев, указывал: «…грустно писать о таком племени как черемисы. Печально настоящее этой народности, печально прошедшее, и еще печальней будущее. До настоящего времени,

а может быть и до конца существования этого племени, что очень вероятно — одна только непроглядная темень». Немало черемисов крестившись, стали русскими, «влились» в этнос великороссов Поволжья, и только события октября 1917 г. открыли новую страницу в истории марийцев.

Родство языков не всегда означает родство народов. Люди, живущие на одной территории, в одной стране, на земле где жили их предки, даже если говорят на разных языках, всегда найдут «общий язык» между собой. И напротив, даже говорящие на родственных языках, но живущие в разных странах народы не могут найти общий язык из-за разной истории, разной идеологии, разных целей и задач, поставленных перед этими народами историей. Посмотрите на отношения русских и поляков. Кто скажет, смогут ли когда-нибудь эти родственные народы ужиться в одном государстве? А финно-угры и славяне живут вместе больше тысячи лет, без взаимных претензий и упреков. Видимо не язык, и даже не антропологическое родство объединяет народы. Их объединяет общая территория, общая историческая судьба, общая родина.

История разделения языков на семьи началась с разделения народов на национальности. Нам, живущим в современном мире, многие постулаты этого мира кажутся незыблемыми, существовавшими веками. Это, например, язык. Или национальность. Этой незыблемости учат со школы, и мы искренне верим, что русский человек допустим XIII в., абсолютно идентичен русскому человеку века XXI, по взглядам, по мировоззрению, по менталитету. Эта вера живет в нас, и опровергать её кажется, не только нелепо, но и кощунственно. Действительно, сегодня национальная принадлежность, это фактор определяющий жизнь человека, и его отношение к этой жизни, но так было не всегда, и началось это совсем недавно.

Вопрос о национальностях остро встал в XVIII в. в Европе, зародившись как «идея национализма». Не секрет, что и в древнем мире и в средневековье, в полиэтнических государствах вопрос о национальности того или иного индивидуума, жителя этих государств не то чтоб не стоял, он зачастую даже не ставился. На первом плане стояла принадлежность этого индивидуума, или к какой-либо социальной страте (сословию), или конфессиональная принадлежность. Люди до XVIII в. не воевали друг с другом, делясь на нацио-

нальности. Войны носили характер империалистических, династических или религиозных, но никто никого не уничтожал по признаку нации или расы.

Идея разделения людей на национальности понадобилась в XVIII в., как инструмент борьбы с европейскими империями. После произошедшей в самом конце XVII в. «Великой революции» во Франции (а Франция в средневековье тоже была, по сути, многонациональной империей), понадобилась идея, объединяющая народ под знаменем «Свободы, Равенства, и Братства», и этой идеей стала идея «единой нации». После того как эта идея завладела умами европейцев, начался, так называемый, «рост национального самосознания», охвативший все слои тогдашнего общества. Люди стали остро интересоваться своей нацией и историей этой нации. Сначала Наполеоновская Франция, потом объединение Германии, потом Италии, потом русско-турецкие войны за освобождение братьев-славян. Впервые люди стали осознавать себя не католиками, православными, мусульманами и протестантами, а французами, англичанами, славянами, турками и др. Собственно этот рост «национального самосознания», вкупе с другими факторами, и разрушил все европейские империи к середине XX в. А войны, по признаку национальности, стали самыми кровопролитными в истории человечества.

Но речь не об этом. С технической точки зрения, разделить людей на национальности, и тогда, и сейчас, можно только по признаку языковой принадлежности, и это дало толчок такой науке как лингвистика. Ученые европейских стран с энтузиазмом принялись изучать строение и происхождение своих языков, сравнивая их с другими. В XIX в., по мере накопления материала и использования сравнительно-исторических методов, языки стали объединяться в группы и семьи, по признакам сходства строения и звучания. И тут в науку стала вмешиваться политика. Стремление доказать принадлежность языка своей нации к какой-либо «великой семье народов» (а по возможности доказать лидерство в этой семье), порой вынуждало учёных делать поспешные выводы, а порой и подтасовывать факты.

Иногда и сами языки, пройдя за историю своего развития сложный путь, не позволяли точно определить их родство. Например, в среде венгерских учёных-гуманитариев в XIX в. разгорелась полемика между приверженцами финно-угорского и тюркского происхождения венгерского языка, названная «угро-тюркской войной», настолько сложным представлялось происхождение языка мадьяр. И во многом политические мотивы определили создание

«уральской семьи языков». При ближайшем рассмотрении нетрудно увидеть, что «дружная» финно-угорская семья включает в себя языки, связь между которыми представляется весьма отдаленной. Во всяком случае, попытки реконструкции «праязыка» закончились провалом, по фундаментальным причинам, и явления позволившие объединить угро-финские языки в одну семью возникли, скорее в результате долгого культурного и экономического сосуществования этих народов, живших в древности на общих территориях, нежели в результате генетического родства.

Были в XIX в. среди ученых (особенно российских) попытки создания теории о родстве угорских и тюркских языков. Была выдвинута гипотеза о существовании урало-алтайской языковой семьи, в которую хотели свести угорские, самоедские и тюрко-монгольские языки из-за их типологического сходства. Учеными допускалась возможность существования в глубокой древности единой урало-алтайской языковой общности. Эта гипотеза, впоследствии, была отвергнута научным сообществом, и даже не из-за невозможности её доказательства, а скорее из-за «желания» этой теории объять необъятное, объяснить то, что в рамках одной лингвистики объяснить нельзя

На бескрайних просторах от Дуная до Тихого Океана, от сибирской тайги до Гималаев и джунглей Индостана, живут две огромные языковые семьи народов, уральская и алтайская. Разные по расовому типу, по культуре, по укладу жизни эти две языковые семьи имеют что-то неуловимо общее, что-то, что роднит эти народы больше чем раса и язык. Это что-то, русский ученый-лингвист Н. Трубецкой называл «туранским психологическим типом», а носителей этого психотипа — «туранцами». Этим термином расисты определяют представителей уральской и алтайской языковых семей в общую расовую формацию «туранцев» противопоставляя её «высшей» расовой группе «арийцев».

Расисты считают, что «туранцы» как более приспособленная, неприхотливая, «дикая смесь» народов, могут поглощать и поглощают, растворяют в себе «высшую» расу «арийцев». Поэтому Гитлер и нацисты не хотели видеть в восточных славянах «арийцев», несмотря на индоевропейский язык, и утверждали, что русские, слишком перемешались с «туранцами», перестав принадлежать

к расе «арийцев». Подобный же бред лежит в основе многих нынешних доктрин современных борцов за «чистоту расы».

А князь Трубецкой, будучи в первую очередь лингвистом, хоть и признавал определенную общность некоторых лингвистических признаков свойственных и уральской и алтайской языковым семьям, всё же делал акцент на общем для тех и других психологическом типе. Вот, что говорил Трубецкой о русских, и о влиянии на них «туранцев»: «Распространение русских на Восток было связано с обрусением целого ряда туранских племен, сожительство русских с туранцами проходит «красной нитью» через всю русскую историю. Если сопряжение восточного славянства с туранством есть основной факт русской истории, если трудно найти великоросса, в жилах которого не текла бы туранская кровь, и если та же туранская кровь (от древних кочевников) в значительной мере течёт в крови малороссов, то совершенно ясно, что для правильного национального самосознания нам русским необходимо учитывать наличие в нас туранского элемента».

ОЧЕРК 6.

Мордия и Великая Венгрия

История создания топонимики Окско-Сурского междуречья не будет полной, без рассказа о древних государствах, в состав которых оно входило, и которые, так или иначе, влияли на этот регион. Великое Переселение народов, начавшее средневековую историю Восточной Европы, сделало Среднее Поволжье одним из центров этой истории, где происходили события, влиявшие на ход исторического развития и народов Восточной Европы, и народов Урала, Сибири, степей Казахстана.

Два ведущих восточноевропейских государства средневековья — Хазария и Волжская (Камская) Булгария, включали Окско-Сурское междуречье в свою сферу влияния, и эти государства известны всем (речь о них впереди). Но существовали на землях Поволжья такие надплеменные образования, которые и государствами назвать нельзя. Скорее, это были своеобразные «зоны этногенеза», в которых формировались племена и народы, составившие потом население Восточной (а в случае венгров и Западной) Европы.

Отмеченные древними авторами страны Мордия и Великая Венгрия не имели чётких границ и видимых атрибутов государственной власти. Территории, на которых роды складывались в племена и в союзы племен, получили свои названия от имен наиболее крупных этнических образований, живших здесь в I тысяч. Не много, на самом деле, найдется в истории средневековья земель, характеризуемых столь «пестрым» этническим разнообразием племен, живших практически одновременно на одной территории.

Мордия, назвал в X в. страну, лежащую между хазарами и волжскими булгарами, уже упомянутый ранее Константин Багрянородный. Он, несомненно, объединял под этим названием все народы, проживавшие на указанной территории (следуя средневековой традиции)[12]. Современными историками, эта страна локализуется между верховьями Дона, Средней и Нижней Окой и правобережьем Средней Волги до Самарской луки.

Своим названием Мордия обязана своим первичным обитателям — племенам финно-угров, для которых, у живших южнее скифов и сарматов, было одно название — марды. С конца I тысяч. до н.э. сарматы были полноправными хозяевами степей между Волгой и Доном, были соседями предков мардов, причем соседями беспокойными. Они активно осваивали эту территорию, вовлекая ее жителей в свою хозяйственную и культурную деятельность. В начале I тысяч. племена сарматского круга вторглись непосредственно в Поочье, «огнем и мечом» покорили местные народы, и влившись в них стали родоначальниками культуры рязано-окских могильников. Новый народ в III в. встретил нашествие готов, воевал и сотрудничал с ними, и у них «закрепил» свое название марды.

Только готы наполнили этот этноним другими смыслами. Они были удивлены воинственностью рязано-окцев, их милитаризованностью, и увидели в этнониме мард связь со смер-

[12] Страбон, в I в., в своей «Географии» отмечал эту традицию: «…вследствие неведения отдельные народы в каждой стране подводились под одно имя».

тью, убийством, подчеркнув тем самым боевую удаль окских финнов. Рязано-окцы, по-видимому, были включены в состав восточной империи Германариха на правах военных вассалов. Уже в союзе с готами они вступили в эпоху Великого Переселения народов.

В прошлых очерках мы говорили об огромном этнолингвистическом горизонте, от Прибалтики до Урала, на котором сложилась гуннская орда. Мы считаем, что предки мордвы были полноправными участниками гуннского движения.

Вторгшиеся в Среднее Поволжье, из Приазовья и Прикавказья, племена гуннов вобрали в себя местные этносы. Возможно, даже, селились среди мардов, и переходили к оседлой жизни, становясь земледельцами. Гунны стали этнической основой средневекового народа сувазов (предков чувашей), но это не значит, что они заселили только территорию современной Чувашии. Гунны-савиры (сувазы) проникали и в Окско-Сурское междуречье, и даже в Волго-Окское междуречье, в земли восточных финнов — предков мери, о чем говорит топонимика этих регионов. А те гунны, что остались в привычных степных и лесостепных ландшафтах, смешавшись с местными сарматами-аланами (что было нетрудно, настолько гуннская кочевая среда была пропитана «сарматским духом»), сделались этнической основой средневекового народа буртасов. Народа ставшего одной из «загадок» средневековья.

До сих пор среди учёных нет единого мнения по поводу того, что представлял собой этнос буртасы. Одни считают их частью мордвы, другие настаивают на тюркском или даже сарматском происхождении, и хотя доводов и для той, и для другой версии немало, все-таки более предпочтительной выглядит гипотеза алано-угро-тюркского происхождения.

Сам этноним буртас впервые упомянут арабскими хронистами в IX в. Его можно четко разделить на две составные части бурт и ас, и если относительно первой можно делать какие угодно предположения, то вторая не оставляет сомнений в своем сарматском происхождении. Сармато-аланские племена ас-

ов (яз-ов), с самого начала входили в гуннский племенной союз. Этот ас известен по всему степному югу. У Захарии Ритора, в списке тринадцати гуннских племен, мы видим: багр-ас-ик, кул-ас, можно вспомнить широко известные на Руси этнонимы черк-ас-ы, к-ас-оги, яз-ыги. Корень ас (ос), есть и в названии сарматских потомков — кавказского народа осетин.

Здесь везде, ас подразумевает сарматскую основу племени, отличая гуннские этнонимы с корнем ас, от гуннских этнонимов с корнем ар, принадлежащих племенам, имеющим тюрко-уральскую этническую платформу (хаз-ар, сув-ар, ав-ар и др.).

Аланы-асы, вошли в гуннский племенной союз. Кочевые народы стали совместно владеть Предкавказьем, степями между Волгой и Доном, и лесостепной частью Среднего Поволжья. Генетические связи между потомками гуннов, жившими на Кавказе, и потомками гуннов, жившими в Поволжье, прослеживаются и по сей день. Советский лингвист А. Попов предлагал искать решение «буртасского вопроса» на Северном Кавказе, заметив, что дагестанские аварцы называют чеченцев «бурт», а чеченский язык «буртижазалман*з»[13]. По мнению учёного, здесь ключ к объяснению схожести некоторых лексических элементов в мордовских и северокавказских языках.

Алано-угро-тюркское племя буртасов, к концу VIII в. уже занимало территории между Верхним Хопром и Волгой до Самарской луки. Буртасы, вобравшие в себя другие небольшие группы номадов, прибывавшие с востока, представляли собой довольно крупный народ. Арабские авторы говорят о них как о серьёзной военной силе. Ближневосточный хронист X в. Гардизи так описывал буртасов: «Их оружие два дротика, топор и лук; панциря и кольчуги у них нет; лошадь имеет не всякий, а только богатый. Их одежда джубба (шуба авт.), они носят шапки и обертывают их чалмами… Вся местность меж их владениями и страной Хазар представляет равнину… Некоторые совершают путь из страны буртасов в страну хазар по реке

[13] Кавказские буртасы сражались под знаменами Мамая, в XIV в. на Куликовом поле.

Итиль на судне, другие едут сухим путем… Плодов (винограда авт.) в той стране нет, вино у них делается из мёда».

Начиная с IX в. буртасы частично перешли к оседлой жизни, и тогда же попали в феодальную зависимость от хазар. Какого рода была эта зависимость можно понять, зная, что буртасы выставляли для службы кагану войско численностью 10 тысяч всадников. В X в. арабский ученый ибн Даста пишет о них: «Земля буртасов лежит между хазарскими и булгарскими землями. На булгар и печенегов, будучи сильны и храбры, производят они набеги. Буртасы подчиняются царю хазар. Земля их просторна и изобилует лесистыми местами. Вера их похожа на веру гузов, собой они красивы, стройны и дородны. Буртас — имя страны, и буртасы имеют деревянные дома… Язык булгар сходен с хазарским, но буртасы говорят на языке отличном от них»[14].

Военная судьба буртасов была неразрывно связана с народами степи. В IX в. они упоминаются как участники разгрома экспедиции князя Игоря на Каспий, и хотя в XIII в. они фигурируют в списке народов, платящих дань русским князьям («… буртаси, черемиси, вяда и мордва, бортничаху на князя великого Владимира»), но во время татарского нашествия становятся верными союзниками степняков.

Буртасы жили на границе леса и степи, но также продвигались в бассейны рек Цны и Мокши, и в Нижнее Посурье. Судя по топонимике, они доходили и до левобережья Тёши. Здесь буртасы смешивались с местными племенами прамордвы, вбирали их в себя, и перенимали от них оседлый образ жизни, становясь земледельцами, охотниками на пушного зверя и бортниками.

На весь средневековый мир были известны «буртасские меха» и «буртасский мёд», которые буртасы могли получать

[14] Гузы, как и другие выходцы из Южного Урала и Алтая верили в единого бога Тенгри — творца неба и земли. Эта религия сочетала в себе и тотемизм, и культ предков, и элементы шаманизма (через шаманов узнавали волю Тенгри) и кровавые жертвоприношения (в жертву приносили животных, а порой и людей).

только с северных границ своего расселения — из Окско-Сурского междуречья, где контактировали с родами «окско-сурской» мордвы, занимавшейся добычей мехов и бортничеством. Часть мордвы Окско-Сурского междуречья оказалась под тотальным влиянием степняков, к тому же еще смешивалась с буртасами. «Плодом» этого смешения, стал мордовский народ мокша.

Рассказывая о мордве, мы сознательно избегали употреблять этноним мокша. Дело в том, что народ мокша — более позднее этническое формирование, нежели эрзя, и является, в своей основе, народом больше тяготевшим к степному миру. В бассейне рек Цны и Мокши, в междуречье рек Мокши и Тёши, сошлись и встретились два мира исповедовавших разный образ жизни — мир лесной и мир степной. На стыке этих культур и укладов жизни, за века совместного сосуществования, образовался сложный финно-угорский народ, названный степняками мокша.

До сих пор нет точного толкования этому этнониму. Одни выводят его от названия одноименной реки Мокши, на берегах которой расселился крупный массив мокшан. Другие возводят имя мокша к индоевропейскому моксель («утекать, выливаться», «освобождаться») пытаясь найти глубокие смыслы в этом созвучии. Третьи производят мокша от финского слова meks (пчела), полагая, что степняки назвали древних пчеловодов так, как они сами называли пчёл.

Сам этноним мокша (моксель) стал известен с XIII в. При этом он был известен только в Европе, на Востоке он не употреблялся, там для всей мордвы существовало одно название — арса (арису, арджане). Татары, в свою очередь, наоборот, всю мордву называли мокша (моши, мохи), а в средневековой Руси вообще никогда не разбирали эрзю и мокшу, предпочитая общий термин мордва.

Эта неразборчивость, кстати, бытовала на Руси, вплоть до XVIII в., пока мордвой не заинтересовались русские ученые. К тому времени в обществе сложился устойчивый стереотип

о единстве народов эрзи и мокши, властвовавший над умами и историков, и этнографов[15]. Первым его озвучил В. Н. Татищев: «в Руси доднесь народ сарматский моксели, моши и мокшане именуются и с мордвой един народ есть». Татищев, кстати, первым и произвел этноним мокша от реки Мокши. Впоследствии, в XIX в., при более подробном изучении поволжских народов, у ученых стала складываться несколько иная картина. Возникли сомнения в единстве мокши и эрзи. Однако, когда в нач. XX в. было накоплено уже достаточно материала для более точных выводов, в России грянула социальная революция, круто изменившая жизнь и мокшан, и эрзян, и других народов населявших империю.

Сложившийся на финно-угорской основе народ мокша вобрал в себя значительный аланский и тюркский компоненты, но, тем

[15] Это стало, впоследствии, одной из причин, по которой народы мокша и эрзя были сведены в единую республику. На самом деле, несмотря на внешнюю похожесть, в этих народах очень много различного — фольклор, культура, язык. Например, нижегородский эрзянин не поймет пензенского мокшанина, а вот пензенский татарин пензенского мокшанина поймет. Известный филолог и этнограф мордвы М. Евсевьев будучи сторонником «мордовского единства», тем не менее, признавал, что: «…в мокшанском наречии татарских слов намного больше, чем в эрзянском, т.к. мокша более продолжительное время находилась среди татар, и под непосредственным влиянием татар. Это обстоятельство способствовало немало удалению друг от друга этих наречий мордвы». Фольклор эрзян и мокшан при общих параллелях, свойственных всем угро-финнам, все-таки отличается, а разница в антропологии видна и неспециалисту. Эрзяне — крупные европеоиды светлого беломоро-балтийского типа, а мокшане отличаются небольшими размерами тела и темным грациальным, европеоидным «понтийским» сложением, свойственным, кстати, и части поволжских тюрок и их обрусевшим потомкам. В археологии попытки привязать мокшан к городецкой культуре закончились ничем. Как же возникла Мордовия?
После революции 1917-го г., и провозглашения «права наций на самоопределение», на территории бывшей Российской империи стали возникать национальные республики, коих, при иных обстоятельствах, никогда бы не было. Большевики, торопясь «вырвать угнетенные нации» из «тюрьмы народов», не считались ни с границами расселения, ни с укладом жизни. В случае мордвы — эрзян и мокшан, дело затянулось до 1928 г. Тогда было принято решение о создании «Эрзяно-Мокшанской» национальной автономии, но т.к. названия эрзя и мокша были не особенно известны, а вдаваться в тонкости большевикам-интернационалистам не хотелось, то решили назвать округ «Мордовским», потому что общее имя мордвы было известно на Руси с древности. В 30-х гг., округ превратился в республику, и стала писаться история «единого мордовского народа», разделенного «кровавым монголо-татарским игом». В 90-е годы, были попытки переименования, но дальше попыток дело не пошло.

не менее, не оставил своего оседлого образа жизни и своих исконных занятий. Мокшане, несомненно, принимали участие в заготовке и «буртасских мехов», и «буртасского мёда». Из-за этого мёда, кстати, некоторые исследователи пытались истолковать этноним буртас, как борть и ас (бортники асы), подразумевая сарматов занимавшихся бортничеством.

Восприняв от степняков навыки воинского искусства, мокшане сделались грозными воинами. Недаром одно из первых упоминаний о народе мокша, было упоминание его в авангарде армии Батыя, в его европейском походе, где мокшане понесли, кстати, тяжёлые потери. Западный миссионер Гийом Рубрук бывший послом римского папы к татарам, первым упомянул народ моксель (мокша), при этом отделил его от мордвы — «моксель живет выше верховьев Дона… за ними живут марды, по латыни мордваны».

В XIII в. мокшане вместе с буртасами стали союзниками армии Батыя. Об этом говорит тот факт, что ставка Батыя, из которой он руководил покорением Северо-Восточной Руси, находилась на реке Мокше, среди мокшанских и буртасских земель[16]. Потом в землях мокшан была основана одна из столиц Золотой Орды — город Мохши (Наручадь), бывший центром одноименного улуса, объединившего земли мокши и буртасов. В золотоордынский период и сложился, окончательно, мокшанский народ, хоть и союзный степнякам-тюркам, но имевший финно-угорскую основу, которую степняки умели ценить и уважать, выделив его земли в отдельный улус.

Через 300 лет после татарского вторжения, европейский путешественник Сигизмунд Герберштейн сообщал: «К югу от реки Мокши тянутся огромные леса, в которых обитает народ мордвы, имеющий особый язык и подчиняющийся государю Московии. По одним сведениям, они — язычники, по другим — магометяне. Они живут в сёлах, разбросанных там и сям, возделывают поля, питаются мясом зверей и мёдом, богаты драгоценными мехами.

[16] Согласно преданию, записанному в XIX в. пензенским краеведом В. М. Терёхиным, ставка Батыя располагалась неподалеку от современного г. Краснослободска, переместившись сюда с реки Воронеж.

Это очень сильные люди, ибо зачастую отражают даже набеги татар. Почти все они пехотинцы, отличаются длинными луками и меткостью в стрельбе».

В золотоордынский период этнографический знак мокши распространялся на весь бассейн Цны и Мокши, на юге, в смешении с буртасами подходил к верховьям Хопра, а на севере достигал левобережья Тёши. Более того, академик Б. Серебренников, изучавший диалекты мордвы, утверждал, что мордовское население левого берега Нижней Суры, до начала XVII в. состояло из мокши, а эрзян здесь не было совсем. Эрзяне пришли в XVII в. из Арзамасского и Алтырского уездов, вытесненные русской колонизацией, и мокшане частью ушли за Суру, а большей частью смешались с эрзянами, оставив след в фонетике и лексике эрзянских говоров Присурья[17].

Мордовские племена, жившие в западной части Окско-Сурского междуречья (от устья Мокши до левобережья Тёши), также в течение длительного времени испытывали сильное культурное, экономическое и этническое влияние степного мира. Следы этого влияния можно наблюдать у этнографической группы Теньгушевской мордвы (мордвы-шокши). Присущие ей «мокшанские» компоненты, несомненно, были широко распространены на означенной территории, до середины II тысяч.

В IX–XII вв. Волго-Окско-Сурское междуречье, и вообще вся страна Мордия, находились в зоне угро-тюркского («степного») доминирования. Сначала хазары, а затем булгары, дали серьезный импульс развитию региона. Росли города, прокладывались торговые пути, развивалось земледелие и ремесла. В IX в. арабский путешественник Якут аль Хамави, писал о городах в лесостепных районах Среднего Поволжья: «Буртас — имя города и области … недалеко от него есть город, называется Сувар». Согласно исследованиям профессора Н. Фирсова в городе Буртас часть жителей

[17] Краевед из присурского села Мурзицы Б. Курков фиксировал предания современной мордвы Присурья, в которых мордовские старики упоминали, что их предки переселились на Суру из района Атяшева, и они разговаривали «по-другому».

исповедовала ислам уже в X в. В городе было две мечети — соборная и простая.

Видимо к этому времени уже существовали города восточных финнов — Эрзянь (Рязань), Мурома (Муром) и Кудома (Кадом). В двух последних названиях ясно прослеживается древнефинский топоформант -ма («место»). Кудома можно толковать как кудо («дом») и -ма, а в названии Мурома, муро можно рассматривать, как видоизмененный этноним меря, или как антропоним. В скандинавской саге X в. упоминается восточноевропейский город Moromai, в котором правил конунг Marro.

К урбонимам этого порядка, измененным в русских языках по роду названия, можно отнести Ростова (Ростов), Плескова (Псков), Москова (в древности назывался Москов), Сарова (Саров). После завоевания в XI в. Муромы и Кудомы русскими князьями, они стали форпостами славянской колонизации Среднего Поволжья.

Прамордовские племена — предки эрзян, миновали участи своих сородичей. Они хоть и не избежали сармато-гуннского влияния, но в отличие от мокши развивались достаточно самобытно. С первых веков н.э. у них оформились отношения «военной демократии», и стала выделяться племенная знать. Тогда же стали складываться этнические очертания племен Окско-Сурского междуречья, будущих: «Нижегородской мордвы», «Арзамасской мордвы», «Лукояновской мордвы», «Атяшевской мордвы», «Алатырской мордвы» и др. Именно к этому периоду (IX–X вв.) относятся первые упоминания арабами термина арса, и это упоминание вызывает ожесточенные споры в ученых кругах, потому что оно связано с одним из первых упоминаний о …Руси.

Здесь имеются в виду сообщения арабских хронистов IX–X вв. о трех народах рус, обитавших в Восточной Европе. Один из них локализовался в стране Арсания, рядом с булгарами. Куда только не предлагали современные исследователи поместить загадочную Арсанию, утверждая, что ей не место в Поволжье. Но с фактами, не поспоришь; арабы недвусмысленно указали местоположение ру-

си-арсы в Среднем Поволжье, а этноним арса, применялся на Востоке, только к мордве-эрзе.

Тем более что в X в. народ арису (эрзя) упоминался каганом Иосифом, среди других, живущих в Поволжье: «…в сёлах и городах, некоторые в открытой местности а некоторые в городах. Вот их имена: Бур-тс, Бул-г-р, С-вар, Ари-су, Ц-р-мис, Вн-нтр, Са-вар, и С-л-вина…»

Не вдаваясь в подробности этнического происхождения народа рус, жившего в Арсе (об этом будет говориться в дальнейшем), следует отметить, что существование в Поволжье, в конце I тысяч. городов, названных по имени живущих вокруг них народов подтверждено многими средневековыми авторами. Существование городов Буртас, Сувар, Булгар, Мурома и др., не вызывает сомнений, так почему этого права лишают мордву-эрзю? Тем более, город с подобным названием существует и сегодня — это Арза-мас. А наличие в этом регионе некоей Руси, в XIII в. дополнительно подтверждено русскими летописями (Пургасова Русь).

Хронист аль Истархи говорит о жестокости и негостеприимности русов населявших Арсу: «…что же касается Арсы, то неизвестно, чтобы кто-нибудь из чужеземцев достигал ее, так как тамошние жители убивают всякого чужеземца, приходящего в их землю. Лишь сами они спускаются по воде и торгуют, но не сообщают никому ничего о делах своих и своих товарах, и не позволяют никому сопровождать их и входить в их страну. И вывозят из Арсы черные соболя и руду».

Несмотря на хазарское владычество и угро-тюркскую колонизацию, мордва сумела сохраниться как этнос, безусловно умея «постоять за себя». Во всяком случае, венгерский монах Юлиан (о нем позже), возвращаясь в 1236 г. в Западную Европу, прошёл через земли мордвы и оставил воспоминания об этом: «В течение 15 дней прошёл по царству мордванов. Это язычники и настолько жестокие люди, что у них тот человек, кто не убил многих людей, ни за что не считается, а когда кто-либо идет по дороге, перед ним несут головы всех убитых им людей, и чем больше голов перед ним несут, тем выше он ценится. А из голов человеческих делают чаши

и особенно охотно пьют из них. Тому же, кто не убил человека, не разрешают жениться»[18].

Конечно, утверждения об особой жестокости мордвы можно отнести к особой предвзятости автора-католика к язычникам. Вряд ли мордве была присуща какая-то особенная жестокость, выходящая за рамки того, надо сказать, вообще жестокого времени, однако следует признать, что наличие феодальных отношений у мордвы подразумевает и наличие профессиональных воинских команд (дружин) в мордовской этнической среде, о боеспособности которых говорят многие средневековые источники.

В VIII в. в Среднее Поволжье пришли народы, сыгравшие одну из главных ролей в дославянской истории региона. Речь идет о ещё одном кочевом родоплеменном союзе — выходцах из Приуралья, поселившихся в Среднем Поволжье и в Волго-Окско-Сурском междуречье в частности.

Древние венгерские предания сохранили воспоминания о прародине, Великой Венгрии, локализуемой в Волго-Уральских степях, и занимавшей огромную территорию привольных степных кочевий. На этих территориях веками шёл этногенез праугорских и западных пратюркских племен, сопровождавшийся сильным влиянием сарматской культуры. Отсюда вышел в VI–VII вв. в степи Южного Урала племенной союз огуров-огузов, прорвавшийся затем в Малую Азию. Потомки этого союза, турки-османы, заставили трепетать всю Европу. Здесь начали формирование племена кочевников аваров, покоривших в VI в. Центральную Европу. Отсюда двинулись на закат солнца племена, названные в русских летописях угры, а в Европе получившие название венгры (онгры), прошедшие с VIII по X вв. всю Восточную Европу и обосновавшиеся в Западной. О них и пойдет речь.

Огромная кочевая масса известная на Руси как угры, на самом деле состояла из нескольких родов-племен называемых в источнике Дентумогер. Специалисты выделяют в ней племенные группы

[18] Термин «царство» предполагает наличие каких-то феодальных отношений. О наличии у мордвы «царств» говорит и ещё один европейский путешественник XIII в. — Гийом Рубрук.

как угро-тюркского происхождения, так и с преобладанием угорского компонента. Очевидно, главным родом этого союза племен были мадьяры (маджары), так как у всех средневековых хронистов и запада и востока эта орда называлась или угры или мадьяры.

Этноним мадь-яр (мадж-ар) сложен из древнейшего угорского компонента ма (мадж), обозначавшего также главные роды зауральских угров (например, манси), и ирано-угро-тюркского -ар («человек»), который характеризует уральско-пратюркскую платформу, на которой сложились мадьяры.

Персидские и арабские авторы называли маджаров — баджгард. Для других приуральских кочевников, эти авторы использовали этноним баджнак (превратившийся в древнерусском языке в печенег), и этноним баджгар (ставший в средневековых русских говорах башгир, башкир). При этом их часто путали между собой, настолько эти племена были близки друг другу, объединенные общим происхождением и общими культурными традициями, характерными для сармато-угро-тюркского Южного Урала.

В середине VIII в. племена и роды, объединенные общим названием мадьяры, сосредоточились по левобережью Волги от места её слияния с Камой до Жигулёвских гор (называемых в Средневековье «Мадьярскими»), и перешли на правый берег в поисках новой родины. Широким потоком угры-мадьяры устремились в степи Подонья и в Среднее Поволжье.

В Поволжье мадьяры встретили родственную для себя этническую среду из булгар и сувазов, имевших общую с мадьярами прародину[19]. Хазары, владевшие Поволжьем, привлекли воинственных кочевников для расширения своего влияния в этом регионе. Северные группы маджар вторглись в среду волжскофинского населения Волго-Очья, дошли до районов мордовского и буртасского расселения бассейнов Цны и Мокши. Угры-мадьяры рассредото-

[19] Лингвист В. Каховский указывал, что: «…этнокультурные связи чувашей, венгров и башкир, а также дунайских болгар сложились не в Поволжье и не где-то ещё, а именно в степях Приуралья и Южного Урала. Сказки, легенды, общие для всех лингвистические связи, культ коня всходят к глубокой древности, ко времени сходства указанных народов».

чились по всему право и левобережью Средней Оки до верховьев Клязьмы, осваивая земли восточных финнов.

Южная часть мадьярской орды с разрешения хазарского кагана расположилась в степях между Доном и Днепром. Но вслед им шла орда печенегов, из-за чего мадьяры ушли ещё западнее. Это описал Константин Багрянородный: «…турки (так византийцы называли мадьяр, не сомневаясь в их тюркском происхождении авт.), называвшие сами себя мадьярами, жили близ Хазарии …но под натиском канглов (печенегов авт.) были вынуждены откочевать в Этелькузу».

Нападение, прорвавшихся через земли Хазарии, печенегов было вызвано или степными конфликтами, возникшими еще на прародине, или сознательным исходом кочевников из Приуралья, в связи с какими-то природными катаклизмами. Угры-мадьяры были вынуждены отступить и перекочевать в степи между Днепром и Днестром, став южными соседями молодого русского государства[20].

Часть мадьяр откочевала на Северный Кавказ, где в средние века был известен город Маджар (ныне Моздок)[21]. Угры-мадьяры, обосновавшиеся в Причерноморье, терроризировали всех соседей. В IX в. Персидский историк Гардизи свидетельствовал, что: «…маджары ходят к гузам, славинам и русам, берут оттуда пленников, везут в Рум (Византию авт.) и продают».

Сравнительно недолго задержались угры-мадьяры в Причерноморье. Вскоре печенеги настигли их и здесь, и вынудили отправиться дальше на запад. В IX в. мадьяры вторглись в Паннонию, где основывали государство Венгрия. В русской летописи сказано: «Устремишись угри через горы великия яша прозваша горы Угорские (Карпаты авт.) и почаша воевати на живущих тут волохи

[20] Из-за угров, живших южнее, восточные славяне назвали сторону света юг (уг). Видимо, какая-то часть угров составляла угро-славянский народ уличей (угличей).

[21] В составленной в Московии, в XVI в. «Книге большому чертежу», на Сев. Кавказе, отмечен Мажаров юрт. Кавказские мужары были в числе союзников турок, во время осады Азова, в XVII в. В XVIII в. на Сев. Кавказе, была учреждена православная Маджарская епархия с центром в г. Моздок.

и словени… После угри прогнаша влахов и наследиша землю ту, и седоша со словени покоришеся под них, и оттоле прозваша земля Угорская».

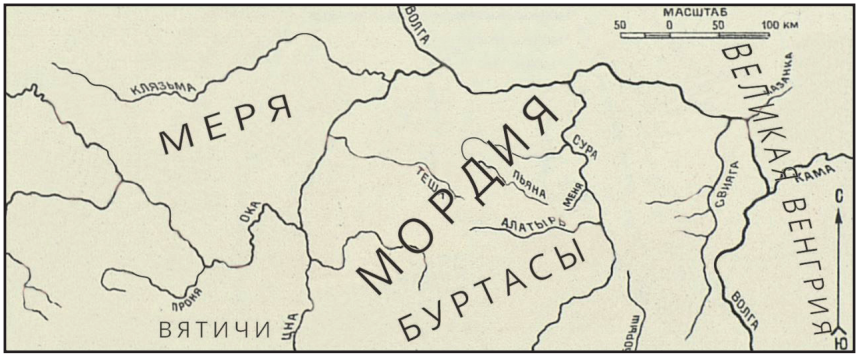
Новоиспеченные европейцы поначалу наводили ужас на своих цивилизованных соседей, прославившись жестокостью при набегах. Казалось бы, западноевропейцев, боровшихся в это время с нашествием норманнов, трудно было удивить погромами, но онграм-венграм разграбившим Милан и Париж это удалось. Достаточно сказать, что слово онгр стало означать в средневековом французском языке «людоед», а в языках западных славян слово огр до сих пор означает «злой великан». Потом венгры обвыклись, перешли к оседлой жизни, приняли от римского папы католичество, и потом уже, долгие годы служили «щитом Европы» от турок-османов (по иронии судьбы, своих дальних родственников).

Но нам интересна судьба мадьяр остановившихся в Среднем Поволжье. Согласно венгерским источникам маджары встретились в Волго-Очье, в земле «Susudal» с русами. Очевидно, с одним из народов рус, о которых писали арабы. Отрасли русов — Славия, Куява и Арса находились недалеко друг от друга, и располагались, очевидно, в Волго-Очье. В источнике говорится, что мадьяры атаковали русов столицей которых был город Куя, что созвучно названию одного из центров руси.

Победив русов, мадьяры расселились по огромной дуге от верховьев Клязьмы, по бассейну средней Оки, и бассейнам Цны и Мокши, вплоть до верховьев Суры. Воинственные всадники быстро освоились среди местных народов. Роды кочевников стали своими для булгар и сувазов. Не были чужими мадьяры и на буртасской земле. Во всяком случае, учёный-филолог Б. Васильев не сомневался, что: «Этническая история буртасов неразрывно связана с этнической историей предков мадьяр».

Мадьяры, которых в Поволжье называли мажары (мазары, мачары, от самоназвания маджар), служили и хазарским и булгарским правителям. Обосновавшись наиболее плотно в нижнем течении Цны и Мокши, и отсюда на запад по Средней Оке, мажары, будучи более воинственными и организованными чем местные племена,

заняли среди них доминирующее положение. Они подчинили себе целую географическую область, названную их именем — Маджара. Эта Маджара (Маджар) в древнерусской огласовке звучала как Месчера, Мещера. Звук «ж» перешел в «сч», или «щ» так же как этноним баджнак превратился в пещенег, и после в печенег.



Мордия и Великая Венгрия

В XIV в. русская летопись, оценивая этнолингвистическую ситуацию X в. в бассейне реки Оки указывает: «…по Оце реке, где потечет в Волгу седить мурома язык свой, мещера свой язык, мордва свой язык». Мажары, (мазары, мачары) заставили считаться с собой и восточных и западных соседей, навсегда присвоив новой родине своё имя. В период наивысшего доминирования мажаров в IX в. земли Мещеры простирались до левобережья Теши на севере, до верховьев Суры на востоке, и до слияния Москвы и Оки на западе.

В конце IX-нач. X вв. в земли вятичей и в Волго-Окское междуречье началась экспансия Рюриковичей. Мощный натиск хорошо подготовленных дружин заставил мажар потесниться. Мещерские земли раскололись на «русскую» северную половину, и «угро-тюрскую» южную. Мажары пожелавшие остаться в северной половине, крестились, и стали русскими людьми, на службе у Рюриковичей, а не желавшие им служить уходили на юг и на восток, в мещер-

ские земли за Окой[22]. Здесь, местная мордва в союзе с мажарами и булгарами, сумела остановить натиск русских князей. По сообщению Лаврентьевской летописи под 1103 г. сказано: «Того же лета бися Ярослав с мордвой, месяца марта в 4 день, и побежден бысть Ярослав».

Сопротивление, видимо, носило упорный характер. Если, Муром, после того как его в 1088 г. отбили у булгар, стал центром русского княжения, то Кадом несколько раз переходил из рук в руки, и последняя попытка отбить его у Рюриковичей зафиксирована в 1209 г. Попытка закончилась неудачей, но дальше Кадома Рюриковичей не пустили.

Мажары достаточно долго сохраняли свою этническую и языковую обособленность в Поволжье. Когда в XIII в. сюда вторгалась армия Батыя, мажары-венгры по свидетельству современника, стали союзниками татар. Этим свидетелем был венгерский монах Юлиан, изучивший предания своей родины, и выяснивший, что где-то на востоке остались мадьяры-венгры. Юлиан решил обратить их в католичество, и в 1235 г. отправился в Поволжье. Вскоре ретивый доминиканец достиг Волжской Булгарии, и там действительно встретил мадьяр, которые, даже спустя 300 лет после выхода из Приуралья, говорили на понятном монаху языке.

Юлиан пишет: «Те немало обрадовались, узнав, что он венгр. Водили его кругом и по домам и по селениям, и старательно расспрашивали о короле и королевстве братьев своих христиан, и все что он только хотел изложить им о вере, и о прочем, они весьма внимательно выслушали, так как язык у них совершенно венгерский, и они его понимали, и он их понимал. Они язычники, не имеют никакого понятия о Боге, но не почитают и идолов, и живут, словно дикие звери. Земли не возделывают, едят мясо конское, волчье и тому подобное; пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах. По преданию древ-

[22] Церковные предания сохранили память о местночтимом святом Тверской земли Георгии Угрине (угрин — название мадьяр у восточных славян), который вместе со своим братом Ефремием Новоторжским и Моисеем Угрином служили Ростовскому князю Борису (брату Глеба), убитому Святополком Окаянным, в 1051 г.

них, они знают, что те венгры произошли от них, но не знали где они. Татарский народ живет по соседству с ними. Поэтому избрали они их себе в друзья и союзники, и таким образом соединившись вместе, они совершенно опустошили пятнадцать царств».

Затея с обращением приволжских мажар в католичество провалилась, зато Юлиан оставил ценнейшие свидетельства о Поволжье XIII в.

В период булгарского владычества на землях Мордии и Великой Венгрии, сложилась своеобразная, угро-тюрская этническая среда. Булгары, сувары, маджары, и буртасы были близкими и связанными общими традициями народами[23]. Для своих соседей славян, они были жителями одной страны — Булгарии, выступая как единый народ булгары («болгаре» русских летописей). Этим можно объяснить отсутствие в русском летописании, периода X–XIII вв. этнонимов мажар и сувар, так как к ним ко всем применялся единый термин болгары.

Мещера не потерялась и в составе Владимиро-Суздальской Руси. После завоевания Юрием Долгоруким, в 1152 г. столицы мажаров — города Маджар-на-Оке, он переименовывается в Мещерский Городец. Позже в летописях устанавливаются такие термины и понятия как Мещера, Мещерская сторона, Мещерская земля, Мещера с волостями. Русское культурное и экономическое влияние достаточно сильно проникало в западные районы Волжской Булгарии, в XII–XIII вв. однако в 30-х годах XIII в. ситуация в Поволжье кардинально изменилась.

Все Поволжье оказалась во власти новой степной империи — Золотой Орды. Угро-тюрки Поволжья, будучи выходцами из одной с завоевателями, культурной и этнической среды, легко отдались под эту власть. Богатейшая культура Золотой Орды, ставшая

[23] Аль Гарнати в X в. писал: «Вокруг Булгара тюркские племена, не сосчитать их». Эль Максуди рассказывая о народах Поволжья, писал: «…четыре родственных между собой племени тюрок: баджнаки (печенеги), баджакин (булгары), баджгард (мажары) и нукард (сувары) совершают набеги на земли славян». Генеалогические легенды также указывают на родство угро-тюрок. Имеются легенды о трех братьях Хазаре, Болгаре и Буртасе, сыновьях богатыря Алпа, брата Тюрка.

с XIV в. исламской, втянула в свою орбиту всех без исключения жителей Мордии и Великой Венгрии. Главными инструментами влияния были язык и вера. Булгары, мажары, буртасы переходили на кипчакский язык завоевателей, или наполняли его элементами свои древние наречия[24].

Кыпчакский язык на долгие годы стал в Поволжье языком межнационального общения, а тюркоязычные жители Поволжья, приобрели у славян одно общее название «татаре», или позже «бусурмане» (мусульмане). Только с присоединением Поволжья к Русскому государству в XVI в. на страницах летописей и деловых бумаг появляются этнонимы мачар (мажар), чувас (суваз, чуваш), буртас.

В XIII в. Волжская Булгария, Великая Венгрия Приуралья, Мордия и Маджара-Мещера вошли в состав Золотой Орды. На их территориях были образованы отдельные области-улусы. При этом улусы были образованы с соблюдением известных тогда этнических границ. Мажары-мещеряки оказались в Мещерском улусе, мордва в Наручадском-Мохши, а кочевники поволжских и заволжских степей в Нагайском улусе.

На этом закончим рассказ о Мордии и Великой Венгрии — странах, так и не ставших государствами. Жители этих стран стали одними из предков жителей Среднего Поволжья, и они же сложили каркас топонимики этого междуречья — его гидронимию.

О том, что основой российской топонимики, ее каркасом, являются названия водных объектов, уже говорилось. Самыми первыми географическими объектами, получившими названия, были реки, ручьи, озера, источники и все, что связано с водой. Сначала осваивались берега больших рек, и эти реки обретали свое имя. Шло время, население росло, расселялось по реке, неся с собой ее название, приходили другие племена, сначала, как разведчики, и, узнав от первопоселенцев имя реки, приносили это имя в свои языки, но поселившись здесь, притоки большой реки называли уже по-своему.

[24] Предки чувашей, верные своей языческой религии не принимали ислама, затем сопротивлялись христианизации, и сумели сохраниться как этнос.

Однако если происходило завоевание и покорение одного народа другим, более развитым культурно и экономически, то река могла и сменить свое имя, хотя такое случалось нечасто, видимо имя реки для древних было чем-то священным, сакральным, что менять было очень нежелательно и чревато. Поэтому названия рек и других водных объектов — это своего рода памятные метки народов, когда-либо живших здесь, порой единственное, что может о них напомнить.

Впрочем, не стоит и удревлять возраст гидронимов, возводя время возникновения названий рек чуть ли, не в эпоху неолитических стоянок первобытных людей, найденных на берегах этих рек. Подобные находки могут только утвердить нас в мысли, что эти места были обитаемы с глубокой древности, но кто были эти люди, и на каком языке они говорили, мы не узнаем никогда. Племена первобытных людей не вели оседлый образ жизни, и эти стоянки были скорее базами, в которых останавливались группы охотников, передвигаясь за своей потенциальной добычей. Начало внятной фиксации гидронимов следует соотнести с началом письменной истории народов, и в случае Волго-Окско-Сурского междуречья, это будет середина I тысяч.

Согласно всем историческим трудам, в это время на территории региона проживали финно-угорские племена — предки мордвы. Отсюда напрашивается вывод, что им принадлежит создание гидронимов региона, основная часть которых имеет в своем составе топоформанты -ма, -ва, -ша (-са, -за), -ка (-га), -та (-да), и -ра (-ара). Однако специалисты-языковеды категорически отрицают связь современных мордовских наречий с этими топоформантами, с натяжкой относя к ним лишь форманты -ма и -ва, и то, только потому, что они происходят из языка прафиннов.

Прафинские племена, расселяясь по просторам Восточной Европы, включали в названия рек формант, имеющий значение географической привязки -ма (-маа), что означает «место»: Пере-ма (Пермь), Ка-ма, Клязь-ма, Иж-ма, Циль-ма, Ворс-ма, Сиязь-ма, Муро-ма, Кудо-ма, Костро-ма и др. Другой формант, имеющий значение женщины-богини -ва (-ава): Дауга-ва, Не-ва, Маска-ва, Ра-ва,

Меля-ва и др. Гидронимы с этими топоформантами можно встретить по всей северной половине Восточной Европы, от Даугавы на западе, до Сосьвы и Ижмы на востоке, что служит свидетельством былого расселения древних финнов.

Считается, что и название Ока также имеет древнефинское происхождение, потому что, и теперь в финском языке слово йока означает река. В современной Финляндии можно без труда отыскать массу водных объектов с таким формантом (Сейне-йоки, Кеми-йоки и др.), более того, слово йов, в значении река, долго сохранялось и в мордовских языках, а мокшане до сих пор реку Мокшу называют также и Йов. Слово йов было вытеснено из мордовских языков балтским лей (лити — «лить воду»), хотя и осталось в таких древних названиях как Явлей, Явас и др.

Это вытеснение произошло потому, что как утверждал российский лингвист В. Топоров, прафинны расселялись на территориях уже осваиваемых восточными балтами, где и осуществили заимствования из их языка. Топоров, кстати, выводил название Оки из балтских языков. Он сопоставлял имя Ока с балтским акис («незамерзающее место в водоёме», «прорубь»).

Но топоформант -ка (-га), в названии Ока, как и в десятках других названий (Вят-ка, Ветлу-га, Канер-га и др.) — это один из самых древних и распространённых в северной части Восточной Европы, формантов. Этот формант ведет нас в Западную Сибирь. В бассейне крупнейшей реки Оби, где находится предполагаемая прародина угров (здесь и теперь живут угорские народы манси и ханты), множество рек имеют в названиях подобное окончание.

Угры называли Обь — Ас («река-господин», «большая река»), а для обозначения меньших рек использовали формант -ка (-га), в значении поток, течение. Силь-ка, Таль-ка, Ватыл-ка, Омей-ка, Варкасиль-ка, и многие другие названия указывают на то, что топоформант -ка (-га) родом отсюда.

Не меньше, чем топоформант -ка (-га), в Западной Сибири, и на Урале распространен другой древнейший топоформант -та (-да). Например, Тавда, Салда, Конда, Воркута и др. Имеет ли он какое-либо отношение к воде сказать трудно, но то, что его роди-

ной были Урал и Сибирь, утверждать можно. Отсюда праугры разнесли форманты -ка (-га), и -та (-да), по всей Северной части Восточной Европы. Гидронимы Ул-га (Волга), О-ка (О-га), Свия-га, Оне-га, Волог-да, Судог-да, Вычег-да, и др., находятся повсюду на указанной территории

Это был один поток праугров, распространившийся в I тысяч. до н.э. из Урала и Зауралья, по северной половине Восточной Европы. Другой поток, в котором угры, смешавшись с пратюрками, заселили не только области Восточной Европы, но и дошли до Алтая и Саян, вышел, в конце I тысяч. до н.э. из областей Южного Урала, и продолжал свое движение до самого конца I тысяч.

Обратите внимание, что топоформанты -ша (-са, -за, -жа, -су), и -ра (-ара), так часто встречающиеся в названиях водных объектов Окско-Сурского междуречья, заполняют собой огромною территорию Восточной Европы, а также Урал и Западную Сибирь, и доходят до Казахстана и Средней Азии.

При этом абсолютно одинаковые названия находятся на расстоянии многих сотен километров друг от друга. Река Унжа в бассейне Волги и река Унжа в бассейне Оки. Река Сура — приток Волги, и Сура — приток Верхней Пинеги. Река Вишера в Новгородской области и Вишера — приток Камы, и есть еще Вишера — приток Вычегды. Гидроним Шелокша в Архангельской области, и такие же (Шёлокша, Шилокша и др.) в Нижегородской области. Деревня Шилекша в Ивановской области и село Шиликша в Кировской. Река Акша в Забайкалье и река Акша — приток Теши, и река Аксу в Казахстане. Река Тёша приток Оки, и река Чёша впадающая в Баренцево море, и речка Теза — приток Клязьмы. Гидроним Выкса в правобережье Нижней Оки и река Вуокса впадающая в Ладожское озеро. Гидроним Икша под Москвой и река Икса в Западной Сибири. Речка Колокша во Владимирской области и небольшой ручей Калнакса в Нижегородской, и десятки других.

Это не может быть случайным совпадением. Эти созвучия отражают древнее расселение родственных друг другу племен. Причем родственных не только друг другу, но и племенам пришедшим

после них, иначе так похожие названия не могли бы находится так далеко друг от друга.

Упомянутый уже академик Серебренников был убежден, что язык этих племен утрачен навсегда. Современные исследователи, тем не менее, установили, что подобный язык, содержащий в себе как элементы пратюрских, так и элементы праугорских языков, мог образоваться в глубокой древности, на территории Южного Урала, Алтая и Западной Сибири, где пратюркские и праугорские племена, смешиваясь, осуществляли значительные лингвистические заимствования друг у друга. Именно тогда, древнетюркское су («вода») вошло в древнеугорские языки как са, и было распространено угро-тюрками во время своих миграций везде, куда им удалось добраться.

Са (вода), безусловно, менялось в разных диалектах, разных племен, превращаясь где-то в -ша (Тё-ша, Вор-ша, Ик-ша и др.), где-то в -за (Пен-за, Те-за, Яу-за и др.), где-то в -жа (Серё-жа, Ун-жа, Ир-жа и др.).

Оттуда же, из регионов Южного Урала, Алтая и Западной Сибири происходит еще более древний топоформант -ра (-ара, -яра, -ора). Он ведет нас к одному из палеосибирских (енисейских) языков — языку кетов, в котором слово ур (ор, ул, ол) значило «вода»[25]. Топоформант -ур широко распространен в названиях рек Сибири, от самых крупных, до самых мелких речушек. В глубокой древности, енисейцы, в пределах Саянской прародины, жили в тесном контакте с предками алтайцев, и передали им свое обозначение воды. Пратюрки разнесли этот топоформант, сначала по степям Южного Урала и Северного Казахстана (реки Куна-ра, Сина-ра, Сакма-ра, Санар-ка и др.), а затем вместе с уграми принесли его в Поволжье (Сама-ра, Са-ра, Инс-ар, Чебокс-ары, Су-ра, и др.), и в другие места.

Многие озёра, как в Среднем Поволжье, так и в междуречье Волги и Оки, имеют в своих нерусских (или псевдорусских) назва-

[25] Языки народов живших на Алтае, в Хакасии, Туве и на Саянах до прихода туда угров и тюрок. В этих местах многие названия рек можно объяснить только с помощью енисейских языков.

ниях формант -ар (-ер), из-за которого, исследователи выводят происхождение этих названий из мордовского языка, где слово эрьке означает озеро. Скорее здесь нужно предполагать, все тот же древний топоформант -ар (-ор, -яр, -ер). Названия озёр Н-ер-о, Ут-ор-ки, Васьм-ер-ки, Куст-ор-ки, П-ер-кино, Ч-ар-ское, Светло-яр и многие другие, заимствованы мордвой у своих соседей угро-тюрок, и видоизменены потом славянами.

Вопрос с угро-тюркскими заимствованиями в языках мордвы, очень деликатный. Тезис о финно-угорском (древнемордовском) происхождении гидронимов для многих практически аксиома. Но, тем не менее, такие заимствования более чем возможны. Заимствовалась не только лексика, но даже синтаксис (способ построения словосочетаний). По мнению не раз упомянутого академика Б. Серебренникова: «…синтаксис языков финно-волжской общности был некогда синтаксисом тюркского типа».

Здесь представляется, что угро-тюрки Среднего Поволжья (буртасы, булгары, мажары и сувазы), заняв доминирующее положение в означенном регионе, стали строить свою топонимику восприняв от восточных финнов лишь некоторые названия (Сиязьма, Ворсма, Пияна и др.). Мордва же, складывавшаяся как народность под гегемонией угро-тюрок, воспринимала, в свою очередь, их топонимику, параллельно используя и собственные названия (мордва-мокша называвшая реку Мокшу еще и Йов), и снабжая своими топоформантами названия угро-тюркские (Сар-лей, Шилокш-лей и др.).

В подтверждение этого вывода можно привести, как пример, гидронимику Чувашской республики, которая в основном создана предками чувашей, пришедшими сюда, практически в одно время с другими угро-тюрками.

Повторим, что мордовские языки, скорее всего, не имеют отношения к подавляющему большинству гидронимов Волго-Окско-Сурского междуречья. Согласно мнению историка и этнографа И. Смирнова: «Ни одна более или менее крупная река в пределах губерний Нижегородской, Симбирской, Пензенской, Тамбовской, Саратовской, Рязанской не носят типично мордовского названия: Исса, Пенза, Мокша в Пензенской губернии, Оса, Выша, Керма,

Катма в Тамбовской губернии, Ока, Тёша, Кульбака, Ватьма в Нижегородской губернии, Свияга, Сура в Симбирской губернии, чужды мордовскому языку и по составу и главным образом по окончаниям».

Названия рек с топоформантами -са (-за, -ша, -жа), и -ра, где-то измененные русскими или мордовскими суффиксами, или перестановкой гласных, хранят память о былом присутствии угро-тюрок в Центральной России. Начиная от предместий Москвы, встречаем мы характерные гидронимы: Икша, Нара, Воря и др. Следуя на восток, по левобережью Оки, встречаем гидронимы: Пекша, Ворша, Колокша, Люпша, Рокша, Нерская и др. Далее на восток, через Оку, в Волго-Окско-Сурское междуречье, где гидронимы: Выкса, Тёша, Серёжа, Вичкинза, Акша, Макраша, Пара, Ковакса, Какша и др. Уходим южнее, к верховьям Хопра и там реки: Мокша, Керша, Лакша, Баклуша, Пенза, Инсар и др. А поворачивая на запад, в Рязанскую область, встречаем реки: Вокша, Кольша, Пара и др. На всем описанном пространстве, мы встречаем десятки однотипных гидронимов, которые происходят из угро-тюркских наречий. Это же мы видим и в названиях многих расположенных здесь селений[26].

Если же говорить об угро-тюркской антропонимики, то названиями образованными от личных имен угро-тюрок, следует считать во-первых, названия с топоформантом -ас (-ос, -ес, -ис, -яс), восходящие к этнонимичному корню ас (аланы-асы, бурт-асы). Сатис, Матмас, Втарес, Атемас-ово, и другие подобные, образованы от дохристианских и домусульманских имён угро-тюрок, и встречаются по всему Волго-Окско-Сурскому междуречью.

Предки чувашей сувазы были очень близки с буртасами (этноним буртас долго сохранялся среди чувашей как этнографический знак), и сами в старину расселялись в Среднем Поволжье гораздо шире, чем принято думать. В чувашском ономастиконе сохранилось много древних имён, лёгших в основу географических на-

[26] Например, Кашира от тюркского кешар — «переправа». Коломна от тюркского коломма — «пост охраны», Тула от тюркского тула — «рыба», Орел от тюркского аирли — «вливаться» и др.

званий. Имена Арзамас, Луктас, Алемас, Атемас, Салавирь и др., и, вероятно, в старину эти антропонимы были достоянием всей общности поволжских народов. Эти имена мы видим в основе многих топонимов Волго-Окско-Сурского междуречья. В том, числе и антропонимы мажар-мадьяр.

Судя по сохранившимся средневековым документам, личные дохристианские и домусульманские имена мажар, заканчивались шипящим звуком «ш». Бурнаш, Баиш, Тениш, Теиш, Барыш, Алиш, Балаш, Чалыш, Малиш, Алтыш и др. Эти же, и другие подобные имена, были в ходу и у волжских булгар до принятия ими ислама, что говорит об этнической близости этих племён. Топонимы, образованные от личных имен такого рода ныне снабжены, как правило, русскими суффиксами, однако красноречиво говорят о своем происхождении: Балаш-иха, Бол(ы)ш-ево, Баиш-ево, Чалыш-ево, Бурнаш-ево, Тениш-ево и десятки других.

Мордва, долгое время жившая бок о бок с угро-тюрками, не могла не заимствовать у них личные имена, или хотя бы систему их построения. Действительно, среди мордовских дохристианских имен, наряду с исконно мордовскими (Кулеват, Водоват, Череват, Кежеват и др.), были широко распространены и имена подобные буртасо-сувазским (Пургас, Ченбас, Кирдяс, Томболес, Чиндяс и др.), и булгаро-мажарским (Пуреш, Чалыш, Алиш, Байка, Шилка и др.). Эти имена стали вытесняться только с началом христианизации мордвы, заменяясь именами христианскими. И мордва, уже перенимала христианские имена, видоизменяя их на свой лад

Еще одним свидетельством широкого расселения угро-тюрок в Среднем Поволжье служат топонимы, имеющие в своем составе этнонимичный корень буртас, мажар, мачар. Судя по таким топонимам, мажары и буртасы, жили по всему Среднему Поволжью. Например, Буртасова мель и Буртасово озеро есть возле Казани, много топонимов с корнем буртас в Чувашии (Буртас, Буртасы, Буртакассы, Пуртассы, Буртасское и др.).

В Ульяновской области селение Буртас расположено рядом с поселками с говорящими названиями Сармас и Турхан, в Мордовии есть селение Буртасы, а в средние века топоним Буртас отме-

чался возле Нижнего Новгорода. Еще более широко представлена география распространения топонимов с корнем мажар и мещеряк. Начиная от сёл Большие и Малые Можары на реке Пара в Рязанской области до села Можарово на реке Ик (приток Белой, в Башкирии), и от села Мещерское на Хопре, до Мещерского озера в Нижнем Новгороде, эти топонимы покрывают огромную территорию.

К топонимам этого порядка лингвисты относят и группу селений с названием Мочалы, которое этимологизируется из этнонима мачар и древнейшего тюркского топоформанта -лы (-ли, -лык, -ле, -ль), означающего род, племя. По мнению профессора Э. Мурзаева ареал распространения этого тюркского топоформанта по северу Евразии, сравним с ареалом распространения славянского -ово (-ево, -ов, -ев). Следы этого форманта видны в названиях Нерль, Цыкуль, Нергель, Которосль, Суздаль. Тюрки большинство своих топонимов снабжали суффиксом -лы (-ли, -лык,-ле, -ль), и название Мочалы звучало как Мачар-лы, а в русской фонетике звук «р» «выпал», ради удобства произношения.

Угро-тюрки Поволжья — булгары, сувары-сувазы, буртасы, мажары доминировали в регионе с VI по XIII вв. — более 600 лет, и были одними из главных творцов местной «дославянской» топонимики. Не учитывать их вклад, делая упор на финно-угорское происхождение топонимики Волго-Окско-Сурского междуречья, означает идти по ложному следу.

ОЧЕРК 7.

Славяне и Русь

Позже других, и наиболее основательно, Волго-Окско-Сурское междуречье, и всё Среднее Поволжье заселили восточные славяне, став творцами самого «верхнего» и самого мощного слоя топонимики региона.

О происхождении и истории славян написаны горы литературы. Славяне как основной компонент русской истории волнуют умы историков и беллетристов, а споры об их происхождении — одни из самых принципиальных споров российской и мировой историографии. Главная загадка славянского происхождения заключается в том, что славяне появились в работах средневековых историков в VI в. уже сформировавшимся народом, ранее письменные источники словно и не знают никаких славян. В связи с таким «поздним» появлением славян на арене мировой истории (относительно появления германцев, кельтов, иранцев, балтов, иллирийцев и др.), ряд учёных выдвинул предположение о том, что славяне собственно и сформировались на основе перечисленных выше народов, будучи, таким образом, самым «молодым» народом Европы.

Но другие учёные, опираясь на факт описанного в VI в. широкого расселения славян на огромных территориях Балкан и Центральной Европы, и их высокой к тому времени социальной организации, наоборот сделали вывод о том, что происхождение славян никак не менее древнее, нежели происхождение германцев, или допустим кельтов. К тому же, язык славян сохранил в себе самые архаичные черты общие для всех индоевропейских языков, что, по мнению этих учёных также говорит о его древнем происхождении. Но эта же архаичность позволила первой группе историков говорить о том, что славянский язык просто очень поздно отделился от других индоевропейских языков, зародившись на их периферии, следовательно, является самым молодым индоевропейским языком. Из-за этих, и ряда других противоречий, мнения историков о зарождении славянства разделились. Если первые полагают, что славяне появились в V–IV вв., то вторые убеждены, что этот народ возник едва ли не во II тысяч. до н.э.

«Наука с лопатой» — археология, не смогла поставить точку в этом споре, возможно, только усилив его, так как данные археологов, основанные на изучении останков быта живших когда-то людей, не позволяют делать однозначных выводов об этнической принадлежности этих людей. На территории распространения той или иной культуры мог жить как один народ, так и несколько разных народов, образ жизни которых был схож из-за одинаковых природных условий и тесных контактов между собой.

Победителей в споре так и не выявилось, а сам он из теоретического и научного перерос в обществоведческий и политический, и как тут не вспомнить известный тезис о том, что «история — это политика, направленная в прошлое».

Вопрос славянского происхождения стал особенно актуальным в XVIII в., когда большинство западных и южных славян сделались подданными неславянских государств. Южные славяне попали под гнёт османов, подвергшись нещадному закабалению, а западные (чехи, словаки, часть поляков, немногочисленные лютичи, поморяне и др.) оказались в составе германских государств, где стали подвергаться тотальному онемечиванию.

В ответ на возмущения славян в германских ученых кругах вызрел тезис о том, что славяне не являются самостоятельным народом, а произошли от кельтов и германцев, и представляют собой некое «молодое» ответвление этих народов, а, следовательно, онемечивание славян — это своего рода «возвращение» в лоно «материнской нации» — безусловное благо для самих славян. В Российской империи, где в XVIII в. правящие круги были наполнены немцами, этот тезис о «несамостоятельности» славян с готовностью подхватили, и, на его основании была разработана целая научная теория получившая название «Норманской». Она доказывала, что русские, как ответвление славянства, не способны к самостоятельному управлению и всегда вынуждены отдавать руководство собой германцам.

В борьбу с норманской теорией вступили М. Ломоносов, В. Татищев, другие русские учёные. Они ссылались на пример многовекового самостоятельного существования славянского государства Россия. В жарких спорах сторонники норманизма вообще отказали русским в славянстве, объявив их то ли финно-уграми, то ли монголо-татарами, то ли жутким симбиозом тех и других. Ленивым народом рабов, не способным к цивилизации.

Грянувший в XIX в. «рост национального самосознания» положил конец спорам о славянах в России. «Прославянская» доктрина победила, во многом благодаря поддержке на самом «верху» империи. Дело в том, что правящие в это время Россией государи, хоть и именовались Романовыми, были по факту этническими немцами, и здесь сказалась удивительная способность русского народа делать «русским» любого иностранца живущего в России.

Парадокс, но потомки герцогов Гольштейн-Готторпских и князей Гессен-Дармштадских, стали русскими едва ли не «больше, чем сами русские». С подачи императора Александра III в моду вошло всё «исконно» русское (сиречь славянское) и империя преобразилась. Чиновники стали носить густые бороды, вместо европейских мундиров солдаты надели гимнастерки-косоворотки, иностранные термины в государственных службах стали вытесняться русскими.

Полицейские превратились в городовых, появились земства, управы и т.п., изменилась архитектура, другим стало искусство, везде выискивались славянские корни, стало модным «славянофильство». Освобождение русскими армиями из-под гнёта Османской империи южных славян вызвало небывалый патриотический и национальный подъём в России. В русском обществе царила эйфория, все ощущали себя не просто русскими, все ощущали себя братьями-славянами. Вырос интерес к славянской истории, множились научные труды. Были написаны «Истории России» С. Соловьёва, В. Ключевского, Д. Иловайского, ставшие основой нашей современной историографии.

В этих трудах, подчас в ущерб роли других народов России, подчеркивалась, а порой, и выпячивалась роль славян в создании Руси-России, и история славянства сделалась «основанием» российской истории, её «фундаментом». Данный «фундамент», в некоторых трудах современных «исследователей» славянства, стал совсем уж гипертрофированным — славяне представлены чуть ли не предками всех современных народов, и создателями цивилизации.

Историй о происхождении славян создано много, но, на наш взгляд, наиболее предпочтительной выглядит версия профессора А. Кузьмина сумевшего учесть и письменные, и археологические, и фольклорные данные, и построить на их основе стройную концепцию происхождения славян. По Кузьмину, славяне, вместе с другими индоевропейскими народами, берут генетическое начало в глубокой древности, порядка 3000 лет назад.

Археологами установлено, что Великое Переселение народов IV–VI вв. было не первым Великим Переселением в человеческой истории. Ему предшествовало Великое Переселение конца II тысяч. до н.э., когда после долгой войны между древними жителями Малой Азии и жителями Южной Европы, проигравшие войну малоазийцы вынуждены были оставить свою родину, и переселиться в Западную Европу. Эти беженцы были родственниками и современниками тех арийцев, о которых повествуют «Веды» и «Авеста»,

и называли они себя энеты (отсюда и имя легендарного Энея, первого римского царя)[27].

Покинув свою родину, они расселились в нескольких местах тогдашней Европы; часть на Аппенинском полуострове и на берегах Адриатики, часть на полуострове Бретань в Галлии (совр. Франция), а часть на берегах Балтийского моря.

Будучи высокоразвитым и цивилизованным народом энеты передали европейским дикарям свою культуру, навыки земледелия и социальную организацию, составив впоследствии племенную знать туземцев. Сходство многих древних местных обычаев с древними малоазийскими, параллели в топонимике Адриатики, Балтийского побережий и севера Франции с древней топонимикой Малой Азии, а также антропологический материал, отличающийся именно с конца II тысяч. до н.э. распространением на этих территориях останков явно пришлого народа, подтверждают пришествие энетов.

Кузьмин полагал, что энеты, на берегах Адриатики и на Балтике, вступили в контакт именно с праславянами, передав им свое племенное название (энеты-венеты), культуру и язык, и стали, таким образом, прародителями славянства. Энеты дали толчок образованию целого ряда этносов древней Европы, но в первую очередь, влиянию малоазийцев подверглись жители Балтийского побережья и древние иллирийцы, населявшие Адриатику.

Иллирийцы — главные предки сербов, хорватов, черногорцев, македонцев, словенцев и омусульманеных арнаутов-албанцев, и они же, в смешении с другими праславянами, являются предками части дунайских славян. В русских летописях сохранилось воспоминание о далекой прародине — Нестор упоминал страну Илюрик, откуда вышла часть славян.

В свою очередь, жители берегов Балтики, сблизившись с энетами, распространили их влияние на всю Центральную Европу (имя энеты слышится и в славянском венды, и в германском вандалы).

---

[27] Энеты-энеды-энды-инды, соединившись с европейцами дали начало индоевропейцам. В европейских языках это имя установилось как венеты (венеды).

От энетов древние прибалты усвоили малоазийские традиции: «покупной» брак, моногамия, счёт родства «до седьмого колена», культ коня. Характерно, что подобные традиции были присущи и племенам древней Италии, где также в своё время высадились энеты.

Связи апеннинских и балтийских потомков энетов не прекращались долгое время. Предания жителей Балтийского берега гласят, что в I в. до н.э. их посетил римский император Нерон, искавший здесь своих родственников. Нерон был прямым потомком малоазийского царя Энея[28]. Он нашел родню среди жителей побережья, и, согласно преданию, отдал им дань почтения, наградил и построил для них города. Эти предания для средневековых европейцев не были пустыми сказками.

Неслучайно древние жители Новгорода призвали «править и володеть» собою выходца с берегов Балтики. Неслучайно западные русские княжества так легко и безропотно покорились литовским (балтским) князьям Гедиминовичам. Не случайно самые родовитые бояре Московской Руси, включая царя, искали свои корни в далекой Прибалтике, «в пруссах», полагая себя роднёй римских кесарей. Да и род Балтов, не случайно был одним из главных родов в готском союзе. Балты были главными обладателями наследия энетов, и передали это наследие славянам и германцам.

В гуннском нашествии выкристаллизировались племенные союзы славян, распространившиеся по всему Подунавью и Балканам[29]. Эти союзы вбирали в себя иллирийцев, фракийцев, даков, валахов, аланов, балтов, угров, другие племена — всех, кто ценил свободу и независимость, и готов был за них сражаться. В отличие от германцев и балтов, племена которых складывались по родовому признаку, большинство славянских племен формировалось

[28] Нерон был из рода Юлиев, все представители которого носили имя Юлий Цезарь. Знаменитый Гай Юлий Цезарь приходился Нерону дедушкой

[29] Первым о славянах сообщил Иордан в VI в.: «У левого склона Альп, спускающегося к северу, от устья реки Вистулы (Вислы), на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венедов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно родам и местностям, всё же преимущественно они называются склавенами и антами. Эти венеды …происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венедов, антов, склавенов».

по принципу территориальной общины, то есть, по признаку общей территории, на которой могли проживать самые разные группы людей.

Эту особенность подметил О. Трубачёв: «Древние германцы формировались по родовому признаку и носили названия по происхождению, тогда как кельты и славяне назывались по признакам места обитания (поморье, лес-деревья, поле, и др.)».

Стоит сказать, что никакой «чистоты» славянской крови нет. Не было рослых, голубоглазых, светловолосых витязей-славян никогда. Если в кровнородственной общине прирост племени шёл, так сказать, естественным путем размножения, то в общину территориальную принимали всех «желающих». Историк В. Мавродин утверждал, что: «…славянство сложилось на территории распространения разных расовых типов и если обратится к погребениям …то перед нами выступят различные физические особенности населения одной и той же области. В славянских погребениях находят черепа и круглые (брахицефалы) и длинные (долихоцефалы), широколицые и узколицые, останки высоких и низкорослых людей и т.д. и т.п. Ни о какой единой расе славян не может быть и речи».

Территориальная община, в отличие от родовой, более «коммуникабельна», более приспособлена к любым местным условиям. Именно в этой территориальной общинности и заключается секрет успешной колонизации славянами таких огромных территорий. Они вбирали в себя местное население, тогда как племена, объединенные по признаку кровного родства, зачастую просто уничтожали туземцев, или порабощали их. Территориальная общинность подразумевала и выборность верховной власти, поэтому славяне так легко возводили в главенство над собой иноплеменников, придавая значение лишь личным качествам вождя.

Славянские союзы вобрали в себя сарматов, иллирийцев, фракийцев, какие-то племена балтов и германцев, остатки гуннов, и многих других. К VI в. славяне завоевали практически весь Балканский полуостров, расселились по Дунаю. К VIII в. славянские племена уже соседствовали с лангобардами в Италии и Баварии. К концу VIII в. они заселили берега Днепра, придя сюда через Кар-

паты, но это были не единственные славяне, двинувшиеся на восток. Одновременно от берегов Балтики, к рекам Волхову и Ладоге шел ещё один славянский колонизационный поток.

Двумя потоками «северным» и «южным», славяне к IX в. освоили лесную зону Восточно-Европейской равнины. Территориальный принцип формирования общины сыграл решающую роль. Колонизация не превратилась в завоевание, не вызвала столкновений и войн пришельцев с аборигенами. Славяне вобрали в себя племена восточных балтов и восточных финнов без какого-либо кровопролития.

Об этом говорит и топонимия Восточно-Европейской равнины. Крупные реки и озёра и их наиболее крупные притоки, носят иранские, балтские и финские названия, воспринятые славянами от первичного населения, а средние и мелкие водные объекты имеют уже славянские названия.

В середине IX в. в районах Ильменского озера, и на берегах Днепра стали складываться первые государственные образования восточных славян. С этого момента, имя восточных славян неразрывно связывается с именем Русь, но, что это за «Русь», и откуда она, точного ответа нет до сих пор.

Спор о происхождении Руси органически вплетен в спор о происхождении славян. Вопрос о том, являются ли славяне самодостаточным этносом, или это только «мусор» оставшийся после образования германцев, балтов и кельтов, породил и вопрос о роли и значении летописной Руси в истории восточных славян. Российские учёные-норманисты, развившие в XVIII в. теорию о неспособности славян к самоуправлению, на основании коротенького летописного рассказа о призвании варяга-руса Рюрика сделали вывод о скандинаво-германском происхождении российской власти.

Они утверждали, что «бестолковые» славяне никогда не были способны к управлению государством, и только под «чутким руководством» германцев в славянских странах всегда наступали мир и порядок. Дескать, ильменские славяне неспроста призвали в 862 г. русь «править и володеть», а потому, что эта русь была племенем германцев. Это утверждение сразу было оспорено учёными

«антинорманистами», доказывавшими, что данные варяги-русь, потому русь и назывались, что были выходцами из славян. Ильменские славяне, поэтому и призвали их «володеть» собою, что видели в них соплеменников.

Спор этот, из чисто российского, перерос вскоре в европейский, а затем и в мировой. Число сторонников того и другого лагеря росло, выискивались новые факты, множились аргументы, и как всегда в научный спор вмешалась политика. Российская империя, вдруг осознавшая себя в конце XIX в. как славянское государство бурно росла, а на Западе это никому не нравилось, поэтому пытаясь обосновать свое влияние на Россию и с помощью истории, западные политики привлекли на службу теорию норманизма.

Но рост «национального самосознания» великороссов уже не позволял мириться с этой теорией. Если в нач. XIX в. придворный историк Н. Карамзин в своей «Истории государства Российского» соглашался с норманистами, то последующие историки С. Соловьёв и В. Ключевский уже сомневались, склоняясь к антинорманистским взглядам, а Д. Иловайский уже прямо отвергал норманизм.

Советская историческая наука также встала на позиции антинорманизма, а теорию норманизма впоследствии взял на вооружение пропагандистский аппарат нацистской Германии. «Организация русского государственного образования — разглагольствовал бесноватый фюрер — не была результатом государственных способностей славянства в России, напротив, это дивный пример того как германский элемент проявляет в низшей расе свое умение создавать государство …в течение столетий Россия жила за счёт этого германского ядра своих высших правящих кланов». Мысль о неполноценности восточных славян внушалась в памятках немецким солдатам, в инструкциях учителям на оккупированных территориях и т.д. Что из этого вышло известно всем, но и сейчас подобные идеи, опирающиеся на норманскую теорию, можно услышать в некоторых кругах.

Когда научный спор приобретает политическую направленность, то становясь сторонником той или иной версии, поневоле

становишься приверженцем того или иного политического лагеря, и уже невозможно оставаться в рамках исторического познания. Но если всё-таки в этих рамках оставаться, то в этом споре трудно полностью принять ту или иную точку зрения. Противоречивость фактов, и построенных на этих фактах доказательств, возникшая из-за скудности и противоречивости источников, не позволяет полностью согласиться со сторонниками любой из версий истоков российской государственности.

Профессор А. Кузьмин, изучая проблему происхождения славян, разумеется, не мог обойти молчанием и вопрос происхождения Руси. Он выдвинул предположение, что русь (росы) и варяги (варины) были разными народами и жили небольшими, хорошо сплоченными родами, по всему пространству раннесредневекового мира. При этом все они, хоть и не славяне, но и не германцы. Кто угодно, только не германцы.

Такой вывод профессор сделал потому, что топонимика имеющая корни рус (рос), и варяг (варин) в разных огласовках разбросана по всей Европе. «Варяжская» топонимика в основном находится в Прибалтике, где варяги-варины известны уже в VIII в. Там они, по мнению Кузьмина, и соединились со славянами, составив единый народ.

А топонимика с корнем рус встречается в самых разных уголках обитаемого мира. Ведь «русей» в средневековых летописях насчитывается более десятка. Поднепровская Русь, Тьмутараканьская Русь, Аланская Русь, Балтийская Русь, Венгерская Русь, Русь в Карпатах, в Саксонии, в Тюрингии, в Крыму, в Окско-Сурском междуречье (Пургасова Русь), и даже в Северной Африке. Этноним рус в разной огласовке, звучит по-разному: «росы», «роги», «руги», «рутены», «ройи», «руяны», «росо-моны», «рокс-аланы» и т.д.

А. Кузьмин выдвинул предположение, что одна из этих «русей», в данном случае прибалтийская, смешалась с варягами-славянами, и стала «почти» славянским народом, поэтому новгородцы и призвали этих варягов-русь. Другая русь — днепровская, смешалась, в свою очередь, со славянским племенем полян, передав им своё

имя (поляне-русь). Обе руси соединились в IX в. в Киеве, и дали имя огромной стране.

Профессор полагал, что создал гипотезу сумевшую удовлетворить всех участников дискуссии. Норманисты обрадуются, что русь не славяне, антинорманисты будут счастливы, что русь не германцы. Но, увы, никого это не примирило, да и вопросы оставшиеся «в осадке», продолжают беспокоить исследователей. Откуда появилась русь? Куда делись остальные «руси»? Как они были связаны друг с другом?

Возможно, слабость этой теории, как и других теорий, в том, что они строятся на поиске «национальной принадлежности» руси. Национальная «идентификация» стала одной из главных и злободневных тем современности. Оформившись в XVIII в. «идея нации» ещё долго будет тревожить умы и сердца людей, проливая реки чернил, и реки крови. Национальность стала идеей-фикс новой истории. Главное установить кто твой собеседник или оппонент по национальности, и уже можно делать выводы о том, что он за человек.

Если убрать из истории о призвании варягов национальную принадлежность участников (которой в то далекое время не придавали принципиального значения), то от конфликта не останется и следа. Сообщество мирных жителей пригласило боевую дружину защищать закон и порядок в данном сообществе, за что обязалась выплачивать им содержание (дань, оброк). У боевиков это неплохо получалось, и со временем они составили правящую военную элиту этого сообщества. Все просто, и для средневековья обычное дело, но стоит только расставить национальные акценты, и история сразу приобретает другое звучание.

В своей версии о происхождении руси, уважаемый профессор Кузьмин, высказал очень любопытный аспект. Цитата: «…сторонники южного происхождения названия «Рось» указывают на обозначение в иранских и индоарийских языках светлого или белого цвета, который символизировал социальные притязания родов. Источники дают материал и для подробного толкования. В первые века, в Галлии существовало племя рутенов, которое часто сопровождалось эпитетом «флави рутены» (пламенные, рыжие, яркие рутены). Это словосочетание в некоторых средневековых источниках

переносилось и на Русь… В X в. итальянский епископ Лиутпрад этноним “Русь” объяснял из просторечного греческого как “рыжие”, “огненно-рыжие” …дочь Ярослава Мудрого Анна Русская осмысливалась и как Анна Рыжая (Анна Красная). Название Чёрного моря как “Русского моря” встречается более чем в десятке источников запада и востока. Обычно это название связывают с этнонимом и обосновывают южное происхождение Руси. Но надо иметь в виду, что это название осмысливалось ещё и как “Красное море”. В некоторых славянских источниках море называется не “Чёрным” а “Чёрмным” то есть “Красным”. Так же оно называется и в ирландских сагах, выводящих первых насельников на острове Ирландия из Скифии (в ирландском языке “Маре Руад”). Само название “рутены”, происходит видимо из кельтского обозначения красного цвета, хотя на ругов-русов это название перешло уже в латинской транскрипции».

В этом отрывке профессор намекал, что определенные социальные группы средневековья имели цветовое обозначение. В данном случае русы-росы имели своим символом красный цвет, из-за чего даже море, северные берега которого они населяли (Аланская, Поднепровская, Тьмутараканьская, Таманская Русь) называлось «Красным» («Чёрмным»)[30]. Но возникает вопрос: почему только Русь имела в Европе свой цвет и никакой другой этнос?

Ответ только один: Русь и не была этносом в полном смысле этого слова. Это была социальная группа — страта профессиональных и потомственных воинов. Если допустить что все группы русов окружавшие Понт Эвксинский (Чёрное море) с севера и северо-востока были наследниками-преемниками древнейших североиранских (скифских и сарматских) традиций уходящих своими корнями в индоарийское прошлое, тогда становится понятным, почему русам-росам соответствовал красный цвет.

Древнее индоарийское общество делилось на описанные в «Ригведе» и «Авесте» касты, и у каждой касты был свой цветовой символ. Впервые на то, что у древних персов и скифов были касты

[30] В древности море называлось именем народа населявшего его северные берега.

подобные индийским, и каждой касте соответствовал свой цвет, внимание обратил французский учёный Ж. Дюмезиль.

Советские историки развили это наблюдение, и археолог Е. Кузьмина в своих трудах указала: «…цвета и предметы, символизирующие три социальные группы общества, хорошо известны не только у саков и скифов, но и у других иранских народов! Само название этих групп или классов, по-индийски “варна”, а по-ирански “пиштра”, значит цвет. Сословию жрецов подобает белый цвет, чаша для возлияний, особый головной убор. В иранском искусстве жрецов в сценах жертвоприношений, изображают в специальном колпаке с завязками. А скифских жрецов писатель римской эпохи Лукиан называет “носящими священную шапку”. Сословию рядовых общинников подобает жёлтый и синий цвета и орудие труда. Лукиан именует скифских общинников “восьминогими”, то есть имеющими двух волов для запряжки в ярмо… Сословию воинов, к которому принадлежит царь, подобает красный цвет и оружие. Древнее иранское название этих воинов “ратайштар”, “стоящие на колесницах”. Другое их название образовано от слова “хштайя”, “царь”, к которому восходит название касты воинов-кшатриев в Индии».

Деление общества на касты (варны), сохранившееся нынче только в общественной жизни Индии, в глубокой древности было распространено на всю индоиранскую общность. Деление общества на касты отражено в «Ригведе», относимой исследователями к X в. до н.э. Кастовость прослеживается в «Авесте». Но наиболее чётко кастовое общество, с определением цвета каст описано в другом древнем литературном памятнике — «Махабхарате»: «У браминов белая, у кшатриев кроваво-красная краска. У вайшьев — жёлтая, у шудр чёрная краска».

В «Махабхарате» Брахма связывает свойства варн с характером людей и с цветом солнца: белый цвет солнца — это брахман (просветлённый саттва); красный цвет солнца — это кшатрий (свирепый раджас); чёрный цвет солнца в затмении — это шудра (невежественный тамас).

Этому делению общества на касты следовали древние иранцы — члены индоиранской языковой семьи. Североиранцы — скифы и сарматы принесли кастовость в степи Причерноморья и Приазовья. Индоиранская цветовая идентификация разных социальных групп проходит через всю историю кочевников восточноевропейских степей.

В древности высшая каста жрецов и священнослужителей имела своим символом белый цвет, и белый цвет навсегда стал обозначением священной власти. Племена степи делились на «белые» — властвующие, и «чёрные» — подвластные, платящие дань. Белые и чёрные хазары, белые и чёрные угры, белые (акгузы) и чёрные (карагузы-киргизы) гузы, чёрные клобуки (каракалпаки). Поздняя столица хазар называлась Белая Вежа. Одним из названий государства Джучидов было Ак-Орда (Белая Орда). Да и русский царь величался в степи Ак-падишах (Великий белый царь).

В славянскую среду занесли это разделение сарматы. На Балканах были известны «белые хорваты» и «Белая Сербия». Через кочевников эта символика пришла и на Русь. «Белая Россиа» названа страна, куда Татищев помещал «престол сарматский». «Белой Русью» называлась территория, не платящая дани татарам, и «Черной Русью» называли территории Руси зависимые от Джучидов. Впоследствии, когда Московская Русь стала независимой, её назвали «Белой Русью», в отличие от «Чёрной Руси», подвластной полякам.

Чёрный цвет переосмыслился как цвет податного сословия. Отсюда «чёрные люди» обязанные платить подать в отличие от «белых», свободных от налогов. Жёлтый и синий цвета, были в древности принадлежностью пастухов и земледельцев, и мы видим, что огромная масса кочевников, занявших в XI в. южные степи, называла себя шары, куманы («жёлтые», «золотые»). Позже эта «жёлтая» орда, практически без сопротивления покорилась «белому» роду татар, которые называли куманов своими «конюхами» и «холопами». «Синей Ордой» называли североказахстанские степи — край пастухов-скотоводов. И наконец, красный цвет — цвет

пролитой крови (санскр. руда — «кровь»), служил символом воинов и военных вождей.

Кровожадный бог Рудра вышедший из тела Брахмы, краснокожий и проливающий кровь обозначил красный цвет цветом воина. Красный Рудра описывался с пучком волос на голове (шикхандой), известным и у древних индийских воинов, и у воинов-степняков, и у казаков (оселедец). Синонимом красного были рокса или рокс (санск. «сияющий», «светлый»).

Каста «красных» существовала в Причерноморье с древнейших времен, и красный цвет был её символом. Поэтому «сияющие», будучи наиболее воинственной и организованной частью степного сообщества, стали «боевым авангардом» степных племенных союзов, давая им своё имя. Византийцы и римляне называли их росы, аорсы, рокс-аланы, отождествляя рос с прилагательным росиос (греч. «красный, рыжий»). Арабы называли их русами, а страну ар-Русийа (Арсания), а пришедшие в Причерноморье готы звали их росомоны (рос, и манн — «мужчина»).

Римский историк Аммиан Марцеллин так описал в IV в. роксоланов: «Они превосходные воины, потому что военное дело у них становится суровой наукой во всех мелочах. Высшее счастье в их глазах погибнуть в битве. Умереть от старости или от какой-то случайности, это позор, унизительнее которого ничего не может быть. Убить человека, геройство которым только и можно хвалиться. Самая главная добыча для такого героя, это кожа с головы врага (скальп авт.)… Рабство им неизвестно и все они родятся свободными… Аланы вообще красивы и рослы, волосы их отливают в золотистый цвет. Взгляд у них скорее воинственный, чем свирепый. Быстротой нападений, и воинственным духом, они ничем не уступают гуннам».

Воинственные роксоланы (или росомоны по Иордану) вместе с «белым» жречеством, составляли племенную знать. Но когда росов становилось слишком много, то какие-то отряды уходили на «кормление» вглубь континента. Так отряд россов стал во главе славянского племени полян, а другой отряд, возможно, добрался до Среднего Поволжья, обосновавшись в знаменитой Арсе.

Росы считали унизительным для себя занятием земледелие или скотоводство. Воин должен был или воевать или торговать. Очень много сведений о русах сохранилось у арабов. Вот краткая «выжимка» из описаний арабских авторов X в.: «Русы имеют царя именем Хакан Рус. Они нападают на славян, приходят к ним на ладьях …берут их в плен и продают хазарам и булгарам. Они не засевают полей, но живут тем, что награбят у славян… Русы не имеют недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен, единственный промысел их торговля собольими, беличьими и другими мехами, которые они продают… Русы носят очень широкие шаровары: сто локтей материи идет на каждые. Надевая такие шаровары, русы собирают их в сборки у колен, к которым и привязывают. Некоторые русы бреют бороду, другие свивают её наподобие лошадиной гривы и окрашивают краской… Когда у кого из русов родится сын, то отец новорожденного кладет перед дитем обнаженный меч и говорит: “не оставлю в наследство тебе никакого имущества, будешь иметь только то, что приобретёшь этим мечом”… Все постоянно носят мечи при себе ибо мало доверяют друг другу, и коварство меж ними обычное дело: если кому удастся приобрести какое имущество, то уже родной брат или товарищ тотчас же начинают домогаться как бы его убить и ограбить… Русы мужественны и храбры. Когда нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его. Женщинами побежденных сами пользуются, а мужчин обращают в рабство. Ростом они высоки, красивы собой и смелы в нападениях… Я видел русов, и я не видел людей более крупных, чем они. Каждый из них имеет при себе меч, нож и секиру. Мечи их волнообразные франкской работы».

Все это говорилось о «восточноевропейских» росах-русах, но этим сведения о русах, а, следовательно, и проблема происхождения Руси не исчерпывается. Ведь этнонимы и топонимы с корнем рус имелись не только в Восточной, но и в Западной Европе. Неужели рокс-аланы добрались и туда?

Аланы доходили вплоть до Бискайского залива и Пиренейского полуострова, чему свидетельством европейская топонимика (например, испанская Кат-Алония, Каталаунские поля в Галлии

и др.), но западноевропейская русь всё же имеет своё, независимое от аланов, происхождение, такое же древнее. Оно ведется от энетов, переселившихся в Западную Европу, во II тысяч. до н.э.

Мигранты-малоазийцы, покинувшие свою родину в XIII в. до н.э. были выходцами из общей с североиранцами культурно-языковой общности, и знали деление общества на касты. Они принесли эту традицию в Европу, и, соединившись с прибалтами, иллирийцами, галлами и другими туземцами, передали её всем этим народам. Воинская каста энетов тоже была «красной».

«Кровавые» и «сияющие» энеты-росы и на новой европейской родине остались «кровавыми» и «сияющими» родами профессиональных бойцов. Не случайно, везде, где жили венеты (венеды), рядом с ними, или среди них, находились народы, имевшие в своем этнониме корень рус. Рядом с венетами Адриатики жили эт-русски, сами себя называвшие рас-енами, среди венетов Прибалтики жили п-русс-ы, восточнее придунайских венетов находился народ бо-русс-ков.

Кастовость, воспринятая древними европейцами от энетов, подвергшись некоторой трансформации, была признана и в средневековой европейской системе ценностей, став основой для сословного деления общества. Была признаваема и цветовая символика каст, неслучайно белый цвет стал символом высшего духовенства и королевской власти, а красный цвет навсегда остался в европейской геральдике символом мужества и воинской доблести.

Эпитет «белый», в смысле «священный», «царственный», заключен в названии многих европейских городов. Например, Вена (древненем. wien — «белый»), или Белград — столица Сербии, или Белгород на Руси. В древней Москве существовал «Белый» город, и в целом есть немало подобных примеров. Красный (червонный) цвет, как цвет воинской дружины, навсегда остался на Руси символом воинской доблести и чести, а термин «светлый» прочно вошел в титулатуру феодальной Европы («ваша светлость», «светлейший князь», «ваше сиятельство» и др.). И характерно, что в большинстве европейских языков эпитет «красный», в разной огласовке, звучит как руд (рут, руж, руз, руг, рос и др.).

В той или иной форме (рутен, русин, рог и др.), он сделался в раннесредневековой Европе соционимом, обозначавшим социальную группу профессиональных воинов. Со временем эти группы могли уходить из своих племён, образовывать отдельные роды и племенные союзы, но имя «Рус» прикреплялось к ним навсегда, становясь, таким образом, этнонимом. Русы (руги, руды, рутены, ругии и др.) были, несомненно, родовыми сообществами, в которых культ рода имел первостепенное значение, но русы не имели какой-то определённой этнической привязки. Русами могли быть и балты, и германцы, и кельты и славяне, тем более, что говорили они на тех же языках, что и окружавшие их народы, а в начале I тысяч. эти языки были ещё довольно близки между собой.

Понятно, что «красные» русы в силу своей специфики землю-матушку возделывать не собирались, и стремились или оседлать выгодные торговые пути, или занимались разбоем, или нанимались к какому-нибудь земледельческому племени, способному их прокормить, в качестве защитников. Видимо этим и характеризуются обозначения разных «русей». В случае, когда русь жила отдельно, её название имело территориальную привязку (Тьмутараканская Русь, Карпатская Русь и др.), а в случае если вступала в союз с каким-нибудь народом или правителем, получало привязку этническую (Угорская Русь, Варяжская Русь, Пургасова Русь и др.)

Эти полуплемена-полуармии были особенно востребованы в эпоху Великого Переселения народов. Этнонимы с корнем рус становятся широко известны именно с первых веков нашей эры. Тогда ни один земледельческий народ, не мог чувствовать себя в безопасности, и призывал в защитники и покровители русов.

Тем более, европейские русы ведшие свой род, как правило, от легендарных энетов очень почитаемых в Европе, вполне могли претендовать на роль феодальной знати в любом европейском сообществе. Расцвет деятельности русов пришелся на VI–X вв., и если составить этническую карту Европы этого периода, то вся она будет наполнена всевозможными русами, рутенами, и рогами. Они обнаруживались на огромном пространстве от Франции до Волги,

и от Скандинавии до Северной Африки, и даже в Сирии во время первого крестового похода упоминалась какая то Росса.

И наше Волго-Окско-Сурское междуречье не осталось «без внимания» отважных и предприимчивых русов. Этот регион, где сходились самые большие реки Восточной Европы, был важным транзитным узлом, владея которым можно было контролировать всю торговлю на «Великом Волжском пути». И те три «рода» русов, о которых писали арабские путешественники — Куяба, Славийя и Арсания, судя по всему, занимали этот узел. Арабы не случайно указывали, что все три Руси находились недалеко друг от друга (в двух днях пути). Русы «оседлали» ключевые точки речного транзита, и богатели, собирая дань с проезжающих караванов.

Русь-Куяба — это, очевидно, Суздальское ополье, откуда можно было контролировать Верхнюю Волгу, и устье Оки, и где, вероятно, обосновались русы — выходцы из Прибалтики, или из южных пределов Скандинавии, неслучайно, так похоже звучат названия Суздаль и Сёсдала — дружинный центр в южной Скандинавии известный по раскопкам археологов. Куяба, или Куя — это древняя Шуя, которую В. Татищев называл «столицей Белой России». Именно с этими русами вступили в противоборство мажары-мадьяры, о которых говорилось в прошлом очерке. «Белая Россиа» была разгромлена в IX в. народом Дентумогер.

Другая Русь — Славийя, находилась в верховьях Дона, контролируя Среднюю Оку и юго-западное направление речного транзита. Мы связываем её с народами салтово-маяцких археологических культур, и полагаем, что это была именно аланская русь — сарматы-роксоланы, смешивавшиеся и взаимодействовавшие с соседями угро-тюрками: савирами, хазарами, мадьярами. Эта Русь-Славийя также не устояла перед набегами кочевников, погибнув в IX в.

И, наконец, последняя Русь — Арсания, с центром в городе Арса. Арабы в один голос утверждали, что она располагалась на «острове», и тут не обязательно должен подразумеваться полноценный остров. Это мог быть участок суши, «огороженный» со всех сторон реками, и наше Волго-Окско-Сурское междуречье как нельзя лучше подходит под это определение. Здесь, в между-

речье Мокши, Оки, Волги и Суры находилась самое свирепое подразделение русов — русы-арсы. Они контролировали устье Оки и Суры, вдобавок обеспечивая охрану сухопутных караванных дорог проходивших через регион.

Эти русы-арсы союзничали с хазарами и булгарами и сумели устоять перед натиском чужаков, сохранившись до нач. XIII в. Их потомки погибли в борьбе с Рюриковичами, о чём сообщает русская летопись, говоря о «Пургасовой Руси».

Арсания была первым потестарным (раннегосударственным) образованием в Волго-Окско-Сурском междуречье. А их главный город Арса был предтечей Арзамаса. Арсы смешались с волжскими финнами, возможно, передали своё имя мордовскому народу эрзя, а вот кто они были по происхождению — большой вопрос. Это могли быть балты или готы, так как влияние тех и других на мордву-эрзю просматривается и в языке и в материальной культуре, а могли быть и аланы, потому что североиранское влияние на язык и уклад эрзян не оспаривается ни одним серьёзным ученым.

Подобно им существовали и другие роды русов-росов-роговрутенов, однако к X в. в Европе уже стали складываться достаточно крепкие феодальные государства, и для «красной вольницы» наступили тяжёлые времена. Они должны были или встроиться в феодальную систему созданных государств, или же, их просто уничтожали и изгоняли, так как ни одно государство не потерпит на своей территории банду хорошо вооружённых воинственных бузотёров.

Некоторые роды-отряды русов нанимались к феодалам или общинам в качестве защитников, и один такой отряд был приглашен в IX в. приильменскими славянами и финнами для своей защиты. Сначала, очевидно, жители Приильменья находились под покровительством скандинавских варягов-викингов, очень активно действовавших в Восточной Европе, но потом отказались от их «услуг» («изгнали за море»), и призвали родовитую русь из Прибалтики. «Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: земля наша велика и обильна, а наряду в ней нет, приходите княжить и володеть нами».

Возможно, родовитость Руси сыграла здесь решающую роль. Жителям Приильменья предпочтительно было подчиниться власти потомков энетов, нежели власти каких-то безродных скандинавских бродяг. Прибалтийская русь быстро обосновалась на новых землях, а дальше история известная. Родственник вождя руси — Рюрика, — князь Олег направился в Киев, где правили южные русы (россы) Аскольд и Дир, и сместил их, обвинив в неродовитости. Затем сын Рюрика — князь Игорь, затем Ольга, Святослав и т.д. Интересно, как быстро ославянились пришельцы: уже в третьем поколении у русов в ходу были славянские имена.

С династией Рюрика связывают и крещение Руси. Акт, значение которого трудно переоценить. Крещение Киевской Руси сыграло, наверное, главную роль в последующем становлении и объединении русской народности. Далеко не сразу осознали себя восточные славяне единым народом. Еще и в XIV в. жители русских княжеств различали друг друга по месту жительства («рязанцы», «нижегородцы», «ярославцы» и др.), и объединялись только по признаку «словеньского языка» и православной веры. И только правящая верхушка, родовая знать и бояре — потомки Рюриковой руси, чётко осознавали, что они «от рода русского». Начиная с XIII в. название русины, русаки, русские, стало распространяться на всех жителей Руси, а разные области обретали свои имена-эпитеты (Белая Русь, Московская Русь и др.).

Византийское православие способствовало развитию единого древнерусского языка, распространению славянской грамоты и православной культуры, и собственно сделало Россию тем, что она есть, а русы дали ей своё имя. Кстати факт не «из ряда вон выходящий». Например, германцы-франки дали своё имя целому народу — французам, греки до сих пор называют себя «ромеями», из-за того, что много веков входили в состав Римской империи. Балканские славяне носят имя своих завоевателей болгар.

Потомки Рюрика, подчинив славянские племена Восточной Европы, продолжили заниматься тем, чем и должны заниматься профессиональные воины — они воевали. Походы в Европу, в Византию, в Хазарию, войны с кочевниками, сплотили молодое го-

сударство, и власть Рюриковичей признавалась на всем огромном пространстве, от Ладоги до Днепра. Легитимность Рюриковичей признали и южные россы, судя по тесным контактам Киева и Причерноморья.

Рюриковичи, «оседлав» путь «Из варяг в греки», пытались завоевать и «Великий Волжский путь», однако не смогли, как не смогли и обеспечить продвижение славянской земледельческой колонизации в тучные степные чернозёмы. Пришлось славянам, со своим подсечно-огневым земледелием, двигаться вдоль границы леса и степи, а Рюриковичи, чьей прямой обязанностью было расширение жизненного пространства своих подданных, расплодившись, вступили в междоусобную вражду, борясь за уделы, и за людские и материальные ресурсы, и единое вначале государство распалось на враждующие между собой вотчины. Тем временем, на западе и на востоке, образовались две великие империи средневековья: западная католическая под руководством римских понтификов, и степная империя Джучидов, возникшая на обломках Хазарского каганата, и уже эти империи стали определять дальнейшую судьбу государства созданного некогда, призванной «из варяг» русью.

ОЧЕРК 8.

Хазары и волжские булгары

Русская история, знакомство с которой каждый из нас начинает со школьной скамьи, имеет свою концепцию, то, что называется «ядро». Таким «ядром» является история Московского государства. Начавшись в IX в. в Киеве, она продолжилась на территории Северо-Восточной Руси, где была создана Русь Московская. При этом вся древняя русская история пронизана духом борьбы с «дикими» кочевниками степи, представленными в этой концепции извечными антагонистами славных росов, несущими гибель и ужас разрушения.

В этой истории другие государства, возникавшие на территории современной России, воспринимаются как внешняя, зачастую враждебная сила по отношению к Московскому царству. Ведь в большинстве своём эти государства относились к другому типу цивилизации — «степному», а со Степью как раз и боролась Русь. Но на самом деле, многовековая история Руси и Степи это не толь-

ко история борьбы. Это ещё и история совместного сосуществования, и в конечном итоге слияния в единую страну, и жители этих степных государств никуда не делись, не ушли в небытие. Они все остались здесь, на своей земле, стали русскими, чувашами, татарами, другими народами, объединенными судьбой одной страны — России. Они строили, создавали эту Россию, и умирали за неё, если надо, на поле брани.

Выставление древних степных государств непримиримыми противниками Руси, мешавшими её развитию, формирует безразличное, а порой и негативное отношение к истории этих государств, а это отношение влияет и на нашу сегодняшнюю жизнь.

Любой школьник знает о былом существовании Хазарии и Волжской Булгарии — государств созданных «пришлыми» кочевниками, и боровшихся с Русью. И если к Булгарии отношение еще «туда-сюда», вроде бы, хоть и мешали строительству Руси, но все-таки были соседями, да и от «монголо-татар» пострадали, то к Хазарии отношение настороженно-скептическое. Тут и Вещий Олег мстящий «неразумным хазарам», тут и дань, которую хазары брали с древних славян, тут и коварство хазар по отношению к князю Игорю, да и иудаизм, принятый ими в VIII в. Тем не менее, Хазария, вместе с Булгарией, сыграли одну из главных ролей в истории России, и возможно, не было бы Хазарии, не было бы и современной России, во всяком случае, в том виде, в каком мы ее знаем. История Хазарии и Волжской Булгарии — это часть Российской истории, и дело тут вот в чем.

Если взглянуть на физическую карту России то не может, не бросится в глаза, что вся страна покрыта густой сетью рек и речушек. Реки для истории России имеют исключительное значение. В течении долгого времени, реки были единственными путями сообщения, летом на судах, зимой на санях по замерзшему льду. Реки, при отсутствии на таких огромных расстояниях каких либо инструментов навигации, были для людей главным ориентиром.

Реки — это живые дороги России, использовавшиеся и для войны и для торговли. Они позволяли с максимальной быстротой добираться до самых дальних уголков огромной равнины. Два са-

мых главных очага русской славянской цивилизации зародились на реках. Новгород на Волхове, а Киев на Днепре, стали центрами, из которых шла славянская колонизация бескрайних просторов Восточной Европы. Но был ещё один цивилизационный очаг колонизации, который условно можно назвать угро-тюркским. И зародился он на Волге.

Волга. Великая река русской равнины. Бассейн Волги занимает площадь большую, чем площадь Франции. В верховьях этого бассейна, на реке Москве, образно говоря, сошлись три цивилизационных потока, сделавших Россию Россией. Волхов-Ладога-Новгород сделали Россию европейской, Днепр-Киев сделал Россию византийской, а Волга сделала Россию азиатской.

В VI–VII вв. после распада гуннского союза, в Прикаспийских степях и в предгорьях Северного Кавказа, между различными племенами этого союза шла борьба за лидерство. После ухода на запад аваров, степное первенство получил племенной союз болгар. В середине VII в. в степях между Азовским и Каспийским морями, болгары образовали квазигосударство — Великую Болгарию.

Возглавлял это «государство» в 50–60-х гг. VII в. полулегендарный Кубрат — фигура историческая, по некоторым данным даже был крещён в Византии. После смерти Кубрата его сыновья, как водится, вступили друг с другом в борьбу за престол. Этим немедленно воспользовались другие племена кочевников — хазары, которые напав на болгар, изгнали их из степи. Один из сыновей Кубрата — Аспарух, увел свою орду на берега Дуная, где, подчинив местные славянские и фракийские племена, основал Дунайскую Болгарию. Другой сын — Батбай, сумел найти общий язык с хазарами, и остался в Предкавказье (там до сих пор живут потомки болгар — северокавказский народ балкарцев). Еще одна орда болгар ушла на Среднюю Волгу, и основала там, вассальную хазарам, Волжскую (Камскую) Булгарию[31]. А победившие их хазары создали

[31] В историографии болгар поселившихся в Волго-Камье принято называть булгарами, а их страну Булгарией.

степное государство Хазарский каганат (от титула правителя каган — «царь царей»).

Образовавшийся изначально в Предкавказье (совр. Ставропольщина), каганат вскоре распространил свое владычество на берега Нижней и Средней Волги, «оседлав» один из главных речных транзитов Восточной Европы, связывающий Ближний Восток с Северной Европой и Скандинавией. Кроме того, через Нижнюю Волгу проходил сухопутный транзит из Средней Азии, Индии и Китая в Причерноморье, и дальше в Южную Европу.

Хазары быстро освоились в новом качестве проводников и охранников торговых караванов, и стали взимать пошлины за транзит с проезжих купцов. Доходы были огромными. Настолько огромными, что в дальнейшем, хазарская верхушка смогла позволить себе содержать наёмную армию, и с помощью этой армии распространила свое владычество на Приазовье и Причерноморье, в Крым и на Кавказ, и на всё Поволжье. Дань хазарам платило большинство обитателей Восточной Европы, включая и многие племена восточных славян. К VIII в. сложилась огромная степная империя ставшая соперницей двух самых могущественных государств того времени — Византийской империи и Арабского халифата.

Сами хазары были одним из племен гуннского союза. Мы видели их в списке прочих гуннских племен у Захарии Ритора (хасиры), и судя по суффиксу -ар, хазары были народом сложившемся на угро-тюркской основе, родственными болгарам и суварам. Этноним хазар, у разных авторов, имеет разное толкование. Если в случае частицы -ар какое-то единодушие есть у всех (ар – «человек»), то что означает хаз можно только предполагать. Хаз или каз можно толковать как «вольный», «свободный». Подобный корень встречается в слове каз-ак[32]. Кроме того, известен похожий термин гусар (хусар) обозначавший тяжелую кавалерию в средневековых

[32] Термин каз-ак стал и этнонимом (казах), и соционимом (казак). Изначально казак — это древнее название легковооруженного воина степняка. Термин казак можно разделить на каз и ак, где «ак» означает белый — «не платящий налогов». Интересно, что в Поволжье, до недавнего времени, группу казаков называли не только казаки, но и каза-ра (ср. мошкара).

Венгрии и Польше, хотя тут все объяснимо — венгры принесли этот термин из степей, а поляки почерпнули из своего сарматского прошлого.

Можно допустить, что, будучи вначале действительно названием степного рода, этноним хазар, по мере возвышения данного рода среди других жителей степи, стал нарицательным, обозначающим принадлежность к определенной социальной группе. В данном случае к группе тяжеловооруженных всадников, своего рода «рыцарской элите», захватившей власть в степи.

Древние рыцари степи хазары, подчинив себе другие кочевые народы, будучи кочевниками, создали государство, принадлежащее к цивилизации «степного типа». Изначально это не было государство, как мы привыкли его понимать, то есть элита этого государства не сидела в городах и замках, а кочевала по степи, откуда осуществляла руководство страной. Хазарская знать продолжала вести кочевой образ жизни, ни чем не отличаясь от своих подданных.

То же самое описывали древние и средневековые европейские и арабские авторы, говоря о нравах скифской и сарматской элиты, а затем и о других степных элитах, включая половцев и «монголо-татар». Это было то, что Л. Гумилёв называл «цивилизацией степного типа». Потом, по мере занятости торговлей, хазары стали оседать на земле и строить города. Но даже тогда, хазарская знать откочевывала со своим родом (вежей), на лето в степь.

По-разному складывались отношения степной империи со своими могущественными соседями — Византийской державой и Арабским халифатом. Византия, которой принадлежали тогда Причерноморье и Крым, вела в VII–IX вв. непрекращающиеся войны на Балканах и в Малой Азии, и не могла удержать свои северные регионы. Византийцы уступили Крым хазарам, но продолжали оказывать политическое, культурное и религиозное влияние на Хазарию. Византия, будучи империей, никогда бы не смогла отказаться от такого влияния.

Свет христианства проник в Хазарию очень рано. Святой Кирилл (который с Мефодием) посетивший в IX в. хазар, нашел среди

них много христиан. Христианство и православного, и несторианского толка, было распространено в степной империи[33]. Есть сведения о христианских храмах в городах Хазарии. Христианами были и знать, и простолюдины (из русских летописей известны крещеные хазары в дружине киевских князей), но также рано в Хазарию начал проникать и ислам.

Расположенный на берегах Персидского залива Арабский халифат был самым главным распространителем учения пророка Мухаммеда. Верховный правитель государства — багдадский халиф, был и светским и духовным владыкой в своей стране, а распространение мусульманской веры было его прямой обязанностью. Джихад, начавшись в VII в. не затихал до начала IX в., охватил страны Ближнего и Среднего Востока, проникнул оттуда в Африку и на Пиренейский полуостров. Арабы вели постоянные войны с Византией, и направили «острие» джихада через кавказские горы в Восточную Европу.

Следует понимать, что население Восточной Европы в VII–IX вв. в основной своей массе было конгломератом племен, стоящих еще только в начале зарождения какой либо государственности, то есть, представляло собой наилучшую среду для распространения религиозных, и других, создающих первичные общества учений (что и подтвердило потом, распространение христианства).

Следовательно, приход в области расселения этих племён подготовленных миссионеров, особенно если этот визит подкреплен хорошо вооруженной армией, обусловил бы скорое принятие ислама по всей Восточно-Европейской равнине уже к IX в. Трудно сказать хорошо это было бы для России или плохо, но то, что мы жили бы в другой России — в этом сомневаться не приходится.

[33] Несторианство — течение в христианстве, основанное в Византии патриархом Несторием, правившем в 428–431 гг., и утверждавшем что Иисус Христос, будучи рожден человеком, только потом «обожился» (стал Богом). Его учение осуждено как ересь на соборе 431 г., но оно успело к этому времени, распространится в евразийских степях, Иране, Средней Азии и даже на западе Китая. Низложенный на соборе Несторий основал резиденцию в иракском городе Мосул, откуда продолжал проповедовать свое учение. Несторианство пользовалось влиянием до XIV–XV вв. Много несториан было в армии Чингисхана.

Главным заслоном на пути распространения мусульманства в Восточной Европе встал Хазарский каганат.

Нет, хазары не были против ислама как такового. В каганате открывались мечети, мусульмане чувствовали себя здесь достаточно комфортно (впоследствии хазарская гвардия — знаменитые Асии — состояла из мусульман). Хазары не могли принять политического главенства халифата, принять которое, означало бы потерять контроль над торговым транзитом, который неизбежно перейдёт в руки халифа — главы всех мусульман.

В середине VIII в. противоречия между Хазарией и халифатом достигли наивысшей точки и арабский полководец Мерван, пройдя вдоль Каспийского моря, вторгся в Хазарию во главе огромной армии. Наголову разгромив хазарское войско, и разграбив древнюю столицу хазар, находившуюся в предгорьях Северного Кавказа, Мерван вышел к Нижней Волге, а оттуда довёл свою армию до Среднего Поволжья, громя и грабя хазар и их вассалов, и попутно насаждая ислам. По сообщениям арабских хронистов Мерван потребовал от правителя хазар принятия ислама в обмен на собственную жизнь, и каган не смог отказать победителю, но как мы знаем из дальнейшей истории, обманул арабов.

Дело в том, что арабам было трудно удержаться в Приазовье и Причерноморье, учитывая растянутость коммуникаций и вольготный образ жизни местного населения (оседлое население легче держать в покорности). А после начала в халифате внутренних междоусобиц в конце VIII в., арабам стало не до Хазарии, и каганат восстановил свое могущество и влияние в степи. «Уходу» хазар от арабского исламского влияния способствовало ещё и принятие хазарской верхушкой, во второй половине VIII в., в качестве главной религии каганата иудаизма.

Влияние иудаизма в Причерноморье и Приазовье, с начала новой эры было очень велико. Это подтверждается и археологией и письменными памятниками. В источниках, рассказавших о Боспорском царстве (находившемся в районе Керченского п-ва), синагоги иудеев упоминаются уже до нашей эры. Затем поселения иудеев на северных берегах Чёрного моря стали возникать в связи

с «великим еврейским рассеянием», принявшим огромные размеры после подавления римлянами иудейского восстания 66–70 гг., и двух разрушений Иерусалимского храма, в 70 и 132 гг.

Правда потом, ближе к V в., в связи с победным шествием христианства, появляются свидетельства об упразднении причерноморских синагог, и перестройке их в христианские храмы, но традиции иудаизма прочно закрепились в Северном Причерноморье. Их центром был город Таматарха (Самкуш, Тьмутаракань — ныне Керчь), который в VIII в. называли «иудейским городом».

Распространение иудаизма в Хазарии можно связать с событиями, произошедшими на востоке в VII–VIII вв., в период расцвета и могущества Арабского халифата. Тогда, все население Ближнего и Среднего Востока принимало ислам «в обязательном порядке», и хотя мусульмане делали исключение для иудеев и христиан, называя их «людьми книги» (то есть, признающими единобожие и имеющими Священное писание), и позволяли исповедовать свою веру за небольшую плату, многие иудеи и христиане чувствовали себя неуютно, предпочитали уехать из халифата.

Миграциям иудеев в Хазарию также способствовала разгоревшаяся в Византии, в VII–VIII вв. борьба «иконоборцев» и «иконопочитателей», отразившаяся, в конце концов, на иудеях. Они вынуждены были спасаться из Византии бегством. Персидский историк аль Масуди (XI в.) указывал, что: «…много евреев из различных мусульманских стран и Византийского царства, отправились к хазарскому кагану. Это произошло потому, что византийский император Арманиус принуждал всех евреев своего царства к принятию христианства. Многие евреи удалились впоследствии этого из Византийского царства в хазарскую землю».

Ничего удивительного в том, что иудеи пытались укрыться в Хазарии, не было. Кроме того, что в Причерноморье были давние и сильные иудейские традиции, с древних времён была известна исключительная веротерпимость степняков. С прибытием в конце VIII в. в Хазарию, большого количества иудеев, распространение иудаизма в степях усилилось и совпало с чаяниями хазарской верхушки, не желавшей, как гегемонии багдадского халифа, так и уси-

ления позиций православной Византии. И в том, и в другом случае, это могло привести к потере контроля над восточноевропейским транзитом, а иудаизм же давал свободу для политического маневра.

В 80-х гг. VIII в. иудаизм стал главной религией в Хазарском каганате, однако на обстановку внутри страны это никак не повлияло. Степная империя была веротерпимым, многоконфессиональным государством, в котором язычники и мусульмане мирно уживались с христианами и иудеями, и друг с другом. По описанию все того же аль Масуди, в столице Хазарии — городе Итиле — огромном административном и торгово-промышленном центре средневековья, для приверженцев каждой религии были не только свои храмы, но и свои суды, а многие жители Хазарии, по сообщению хронистов IX в. ибн Руста и Гардизи, по пятницам ходили в мечеть, по субботам в синагогу, а по воскресеньям в церковь[34].

Хазарский иудаизм не был привилегией правящего класса. Он распространялся среди самых разных слоев населения Хазарии. Само собой, высокий уровень исповедания учения сохранялся только в крупных религиозных центрах, таких как Итиль, Таматарха, а широкие слои придерживались примитивного «народного» понимания иудаизма, сводившегося в основном к культовой символике, и следованию основным постулатам.

Распространившись вместе с христианством и исламом по всей территории степи (даже древний свод степных законов, предшествовавший чингисхановой Яссе, назывался Торе), иудаизм проник и в верования поволжских народов, находившихся в вассальной зависимости от хазар. Языческие верования мордвы и чувашей буквально пропитаны им. Концепция единого бога-творца, отсутствие изображений и идолов, характерных для язычества, материнско-родовой строй, погребальные обряды, отношение к покойнику, порядок принесения жертвы, эти и другие обычаи, мордва и чуваши заимствовали из иудаизма. Недаром Поволжье в раннем средневе-

[34] Филолог А. Попов считал одним из вариантов названия Астрахани в древности, название Хазторокань. В русских летописях встречается и Азтархан, и Хазторхан, и Хазторокан. По поводу второй части — торокань, он предлагал сравнение с Тьмутараканью (Теми-тархан, Тама-тарха, Сам-керц).

ковье называли, кроме прочего, «пределом Симовым» (Сим — библейский прародитель евреев).

Причем, эти иудейские заимствования выдержали испытание временем. Несмотря на последующую исламизацию, а за ней и христианизацию поволжских народов, еще и в XVII в. мордва, раз в пятьдесят лет проводила свои традиционные моления о предках, а библейские имена были в ходу у мордвы еще до прихода в Поволжье славян. В легенде об основании Нижнего Новгорода мордовского вождя зовут Абрам, и православные священники долго не могли приучить мордву произносить имя Авраамий правильно, по-гречески, через «в», а не через «б». Откровения мордовского «пророка» К. Алексеева, «явившегося» в нач. XIX в., также носили ветхозаветно-раввинистический характер[35].

Но еще сильнее иудаизм «пропитал» верования чувашей. Исследования чувашского языка и фольклора проведенные в XIX–XX вв. поразили ученых: несмотря на многовековое распространение ислама и христианства язык чувашей сохранил довольно большой пласт древнееврейской лексики и религиозные заимствования из иврита, а языческие верования чувашей пронизаны догматами и ритуалами почерпнутыми из иудаизма.

Через хазар иудейская традиция распространила свое влияние и на молодое русское государство. В древнем Киеве существовала большая иудейская община. В IX в. там известен Жидовский квартал, а сам город во многих средневековых источниках и сочинениях ближневосточных авторов назван Саббатаем, то есть, городом где «празднуют субботу».

О поселениях иудеев и хазар на территории древней Руси говорят и зафиксированные в летописях средневековые топонимы (многие из которых сохранялись вплоть до XIX в.): Жид и Жидова речка возле Киева, Жидятин, Жидовы, Жидоставы и другие села расположенные в киевской округе, город Козарград на реке Остре, городище Козар под Рязанью и город Жидичев упомяну-

[35] Речь о нем пойдет в очерке «Царь» и «Пророк».

тый в 1257 г. Местечко Казара в Галиции, и урочище Козар, и Козарское городище близ Воронежа.

Кроме этого, современные филологи и лингвисты говорят о значительном влиянии древнееврейской книжности на славянские пересказы библейских сюжетов[36]. Многие из этих сюжетов заимствованы прямо из еврейских источников, минуя армянскую, иранскую и арабскую литературную традицию, несмотря на тесные связи славян с названными народами. Не избежали влияния иудейского элемента и древнерусские клерикальные круги. Это влияние началось сразу с крещением Руси в 988 г. потому что, согласно летописи, крестились не только киевские язычники, но и некоторое число киевских иудеев.

В связи с этим сообщением не вызывает удивления, например, тот факт, что поставленный князем Ярославом в 1035 г. в Новгороде епископ, носил имя Лука Жидята (то есть, родом из «жидов», иудеев). Или рассказ Киево-Печерского патерика о Никите Затворнике, который не принимал новозаветных книг. Влияние древнего иудейства очень долго сохранялось в Восточной Европе, проявляясь в самых разных формах.

В нач. IX в. Арабский халифат, раздираемый внутренними междоусобицами, остановил свой натиск в Восточную Европу и Малую Азию. Можно утверждать, что Хазарский каганат, ведя борьбу с этим натиском, не только не допустил распространения господства ислама на территории Восточноевропейской равнины, предопределив тем самым «византийский выбор» Руси, но и, в какой-то мере, спас саму Византию, «оттягивая» на себя лучшие арабские армии. Византийцы хорошо понимали значение Хазарского каганата в деле противостояния с арабами, и всячески подчеркивали свой пиетет к хазарам. В 732 г. византийский император Лев Исавр, женил своего сына на сестре хазарского кагана — принцессе Чичак (Цветок), принявшей после крещения имя Ирина. Её сын впоследствии стал императором Византии под именем Лев Хазар.

[36] Буквы ц и ш (цадик и шин) пришли в русский алфавит из иврита.

В IX в. Хазарский каганат достиг пика своего могущества. Доходы от торговли росли, противники были заняты своими проблемами. Единственными конкурентами хазар на восточноевропейских торговых путях были варяги и русы, но огромной равнины хватало всем. Население каганата росло, и кроме скотоводства развивалось земледелие, ремесла, архитектура. Города Хазарии, наполненные многонациональным населением, прекрасными зданиями и культовыми сооружениями, были центрами международной торговли.

Каганат не был жёстко централизованным государством, и позволял своим провинциям-вассалам вести относительно самостоятельную политику. Это способствовало обособлению в Среднем Поволжье Булгарского княжества — государства созданного пришедшими туда в конце VII в. кочевниками-булгарами. Надо сказать, что булгары были родственны хазарам, как, впрочем, и маджары о которых рассказывалось в прошлом очерке. Все они были выходцами из единого, условно «гуннского» «плавильного котла», говорили на похожих языках, вели схожий образ жизни.

Булгары заняли доминирующее положение среди местных племен, став передовым отрядом хазар в деле освоения Поволжья. Однако когда в IX–X вв. объемы торговли между Европой и Азией, проходившие через Волго-Камский узел выросли, увеличив доходы контролировавших этот узел булгар, это позволило им не только выделиться из Хазарского каганата, насколько это возможно, но и начать чеканить собственную монету, и даже содержать собственную армию.

Булгары подчинили своему влиянию всю Среднюю Волгу. Кроме того, вчерашние кочевники на удивление быстро освоили земледелие, причем подняли его на такой высокий уровень, что в археологии есть разделение орудий земледелия, на древнебулгарские и древнеславянские. То есть, земледелие Булгарии развивалось без участия и влияния славян.

Внешняя и внутренняя торговля, а также сноровка и трудолюбие булгар, превратили Волжскую Булгарию в страну с развитой экономикой и сельским хозяйством. Это хозяйство удовлетворяло не только свои нужды, но и нужды соседей. В «Повести временных

лет» сообщается, что в 1024 г., во время голода в Суздальской земле: «Болгары привезоша жито (хлеб авт.) и тако ожиша…» Такое же сообщение есть и под 1229 г.

Волжская Булгария строилась как исламское государство, что впрочем, было неудивительно для такой веротерпимой империи, какой была Хазария. Проникновение ислама в Волго-Камье началось еще в VIII в., а в конце этого века, после установления в Хазарии иудаизма как главенствующей религии, в Волго-Камье начался приток хазарских мусульман недовольных этим фактом. Согласно преданию, самый первый правитель Булгарии — Алмуш, принял ислам в VIII в., а с ним титул эмира и мусульманское имя Джафар ибн Абдула. Его наследники носили только арабские имена, и вся знать Волжской Булгарии была мусульманской. Культура, экономика, идеология Волжской Булгарии развивались под влиянием ислама, и булгары распространяли ислам по всему Среднему Поволжью, хотя в веротерпимой Хазарии смотрели на это «сквозь пальцы».

Но в X в. «хазарский лев» захромал на все четыре лапы. Подвергаясь постоянному давлению кочевников Приуралья — печенегов, гузов и пр., каганат, в период своего могущества сдерживал эти орды. Но, из-за внутренних противоречий, заключенных, по мнению учёных-обществоведов, в отсутствии объединительной идеи для всех жителей империи, к середине X в. окончательно ослабел под ударами номадов. Несмотря на свою веротерпимость, богатство, самостоятельность провинций, хазары не смогли сделать свое государство общим домом для народов населявших его, каким смогла сделать свою империю с помощью православия Византия.

В 965 г. русский князь Святослав Игоревич окончательно добил Хазарское государство, но Волжская Булгария к этому времени выступала уже как независимое образование. В её владения входили все земли Среднего Поволжья, Покамья и Нижней Оки, включая и Волго-Окско-Сурское междуречье. Булгария, сначала в составе Хазарии, а затем уже как самостоятельное государство, была пер-

вым государственным образованием в состав которого входил наш регион.

Вдумайтесь только: в течение почти 500 лет, вплоть до середины XIII в. Волго-Окско-Сурское междуречье было частью огромной империи рожденной в степи. Если сказать что хазары и булгары оказали влияние на становление и развитие народов региона, то значит не сказать ничего! Орудия труда, оружие, передовое земледелие, скотоводство, металлургия, письменность, культура, архитектура, зачатки государственности у поволжских народов — все это пришло сначала из Хазарии и Булгарии. Булгары строили города, прокладывали дороги. Низовья Оки, включая Тёшу, Мокшу и Цну, были встроены булгарами в систему «Великого Волжского пути», или как его ещё называли «Второго шелкового пути». В бассейне Тёши, помимо Арсы появились другие укрепленные города (городище в Саконах, город Имамишикли на месте нынешнего нижегородского Ардатова и др.).

Вообще количество городов в Волжской Булгарии было огромным для того времени. Современными археологами учтено порядка 250 булгарских городищ, из которых 70 находятся в Волго-Окско-Сурском междуречье. Наиболее крупные из булгарских городов были известны по всему средневековому миру. Персидский историк Идриси (XII в.) указывал в Предкамье булгарский город Гурджан, на Средней Каме города Мазира и Казира, в Среднем Поволжье города Булгар, Билял, Сувар, Асбал и Тухчин. Русские летописи знали булгарские города Кашан и Жукотин на Каме, Балымер, Ошлюй и Ошель (возможно, на месте нынешнего Нижнего Новгорода) на Волге. На карте братьев Пицигани (1367 г.), на реке Каме, названной на карте «Эдил», расположены города Себур, Сакатин (Жукотин), Кар, Паскерти, Карманчухо (Кременчуг), а на реке Волге города Болгар, Караболам, Самар, Иалахи, Тарага, Таница, Кабако, Кабанко, Сарай, Лохалит, Тартанкли, Макдаси, Котоба. Про города Арса, Маджар и Буртас уже говорилось, и остается добавить, что скандинавские саги также говорят о большом количестве городов в Волжской Булгарии.

В IX в., к моменту выхода восточных славян к Волге и Оке, Волжская Булгария была одним из сильнейших государств Восточной Европы. Контролируя важные магистрали торгового транзита, Булгария превратилась в крупнейший международный центр мировой торговли. Местные купцы регулировали торговые связи Руси, Прибалтики и Северной Европы со странами арабского востока, с Ираном, Индией и Китаем. Древняя столица страны — город Булгар, был местом крупного международного торжища-ярмарки, на которое съезжались купцы со всех сторон обитаемого мира. Торговля приносила колоссальные доходы государственной казне, таможенный сбор составлял до десятой доли от стоимости товара.

При раскопках на территории бывшей Волжской Булгарии, и районов контролировавшихся ею (в том числе и в нашем регионе), археологами найдено большое количество вещей из самых разных стран мира. Это прибалтийский янтарь, восточная посуда, византийское стекло и другие товары, и конечно множество монет со всех концов обитаемого мира. Нумизмат XIX в. П. Соловьев писал: «Народы, населявшие материк между Каспийским и Балтийским морями, были необходимым звеном в торговле Каспия и Балтики, посредником между мусульманским Востоком и европейским Западом. Корысть соединила на берегах Волги и смуглова аравитянина и белокурых обитателей севера, подданных халифата с языческими норманнами, славянами, чудью».

Булгары понимали, что славянская колонизация рано или поздно приведёт к потере контроля над речным транзитом, поэтому мобилизовали на борьбу с русскими князьями, все население Поволжья, и хоть с трудом, но сдерживали русскую экспансию до XIII в.

На Булгарский эмират татары напали в 1236 г., за год до вторжения на Русь. Причем по сообщению арабских источников, до этого, Джучиды предпринимали ещё две атаки на Булгар, в 1229 и 1232 гг., но те наступления были булгарами отбиты. Решающая атака на Волго-Камье нелегко далась татарам. Булгары ожесточённо сопротивлялись, а после завоевания не смирились с татарским владычеством, в 1242 г. подняли восстание, да такое сильное, что Батый, несмотря на европейский поход, был вынужден отправить на его подавление победителя сражения при реке Калке — темника Субудая. К середине XIII в. Булгарский эмират прекратил своё существование, войдя в состав новой степной империи — Золотой Орды.

Пятьсот лет Волго-Окско-Сурское междуречье находилось в сфере влияния двух могучих поволжских государств, давших серьезный экономический и культурный импульс развитию этого региона. Но эти державы сыграли немалую роль и в становлении древней Руси. Хазарский каганат не только воспрепятствовал исламизации Восточной Европы, хазары в течение ряда веков сдерживали орды кочевников Приуралья, рвавшихся в тёплые степи Причерноморья. Зародившееся в IX в. на берегах Днепра молодое русское государство, созревало и набиралось сил в тени своего восточного соседа, и под его влиянием. Даже сам титул каган, который носили и Владимир Святой и Ярослав Мудрый, говорит о том, как древние русы воспринимали Хазарский каганат. Русские правители принимали титул каган, считая его самым высоким титулом мира. Сразу после крушения Хазарии степи Причерноморья заполнили кочевые орды печенегов и гузов, но окрепшее русское государство уже сумело дать им достойный отпор.

Советский ученый, историк М. Артамонов говорил о хазарах так: «Роль хазар в истории была прогрессивной, они остановили натиск арабов, открыли двери византийской культуре, установили

порядок и безопасность в Прикаспийских и Причерноморских степях, что дало мощный толчок для развития народного хозяйства этих районов и обусловило заселение славянами лесостепной полосы Восточной Европы».

Хазары оставили после себя немало вопросов, многое в их истории на уровне догадок. Но одно можно утверждать абсолютно точно: хазары никуда не исчезли, никуда не ушли из российских степей, их потомки живут в России. Русские, татары, казаки, караимы, дагестанские таты, какие-то народы Северного Кавказа, часть евреев-ашкенази, были когда-то хазарами, и историю Хазарии не следует отделять от истории России. Хазары и булгары были частью «волжского потока», который соединился на берегах Москвы-реки со славянскими потоками.

Последний раз как народ хазары упоминались в XIII в. итальянским путешественником Плано Карпини. Он перечислил их среди народов покорившихся Батыю. Впрочем, Крым, несмотря на находившееся там Крымско-татарское царство, на многих средневековых картах назывался Хазарией вплоть до XVIII в.

К топонимике нашего региона хазары имеют опосредованное отношение, через булгар и маджар, но рассказ о хазарах, был необходим для понимания многообразия процессов, в результате которых создавалось государство Россия. Не менее необходим он, и для понимания того, насколько давно государственность пришла на земли Волго-Окско-Сурского междуречья. Ещё когда в пойме Москвы-реки бродили медведи, здесь уже росли города, процветали ремесла и земледелие, культура и торговля.

ОЧЕРК 9.

Тюркская гегемония и славянский натиск

Такой длинный рассказ о тюркских раннесредневековых государствах нужен для того чтобы понимать, какую роль играли они в истории Среднего Поволжья, и нашего региона, в частности. Будучи территориально частью великих империй древности, Волго-Окско-Сурское междуречье осваивалось и развивалось в рамках этих империй, под гегемонией главных этносов этих государств. Эта гегемония не могла не сказаться на культуре, хозяйстве, укладе жизни и, разумеется, на топонимике.

После крушения Хазарского каганата, контроль над Средним Поволжьем перешел к волжским булгарам. В языковом отношении средневековые булгары (как и хазары) были носителями древнего тюркского языка, непохожего на язык кипчаков. Этот язык выделяется в тюркской языковой семье в отдельную огурскую группу,

которую, в лингвистике, принято противопоставлять собственно тюркским языкам[37].

Булгары были наследниками той древней культурно-языковой общности, из которой вышли предки всех западно-тюркских этносов. Происхождение этих народов, сложившихся в огромном угро-тюркском («гуннском») «плавильном котле», существовавшем в начале I тысяч. в Поволжье и на Южном Урале, позволяет считать их угро-тюрками по происхождению, такими же как и хазары, буртасы и печенеги.

Булгары заняли господствующее положение среди местных угро-тюркских и финно-угорских племен, и построили в Волго-Камье сильное и динамичное государство, контролировавшее речной транзит между Северной Европой и Азией. Бывшие кочевники быстро освоили земледелие, и прекрасно обжили новые для них ландшафты лесной полосы. В VIII в. на Среднюю Волгу проник ислам, который приняла вся булгарская верхушка. Впрочем, булгарский ислам не препятствовал распространению в Поволжье других религиозных течений, проникавших сюда как из Хазарии так и из Византии.

Булгарская государственность благотворно сказывалась на развитии всего региона. Многочисленные города и торговые пути служили экономическому и культурному развитию края, и привлекали новых переселенцев, приходивших из степей. В конце VIII в. племенной союз мадьяр перешёл Волгу и устремился в Поволжье и в степи Подонья, но часть мадьяр осталась в Волго-Очье, где уже существовала родственная им этническая среда. Именно эти мадьяры разгромили «русские» Куябу и Славийю. Они влились в состав угро-тюркского населения, заняв западные границы Волжской Булгарии в Поочье — современную Мещеру.

Расселившись к концу I тысяч. по всему бассейну Средней Волги, угро-тюрки принесли в среду местных финно-угров свой язык и культуру, традиции и обычаи степи.

---

[37] На очень похожем языке говорят теперь чуваши — потомки сувазов — жителей Хазарии, а затем Волжской Булгарии и Золотой Орды.

Финно-угры обитавшие в бассейне реки Цивиль, и по правобережью Нижней Суры, соседствуя с сувазами, были ассимилированы ими, превратившись в предков одной из отраслей современного чувашского народа, называемой вирьял[38]. Финно-угры обитавшие в юго-западной части Волго-Окско-Сурского междуречья, и в бассейне рек Цны и Мокши, испытав серьёзное влияние буртасов, а затем мадьяр-мажаров, стали похожими на воинственных пришельцев, переняв от них элементы языка и уклад жизни. Они составили впоследствии основу народа мокша. Можно допустить, что буртасы и мажары являлись военной верхушкой некоторых племён мордвы.

Таким образом, к началу X в. на территории охватывающей Среднюю Волгу бассейны рек Цны, Суры и Мокши, а также районы Волго-Камья, сложился раннесредневековый угро-тюркский конгломерат народов, включавший булгар, сувазов, мажар и буртасов, и занимавший доминирующее положение среди местных финно-угорских народов. Несмотря на исповедание булгарами ислама, среди большинства населения указанных территорий широкое распространение имели языческие верования, как местного, так и привнесенного из Приуралья, толка (тенгрианство), пропитанные религиозными влияниями из Хазарии и Византии[39].

Мы допускаем, что угро-тюрки оформили гидронимику Волго-Окско-Сурского междуречья, и прилегающих районов, где-то закрепляя старые названия, а где-то давая новые имена, охотно перенимаемые местной мордвой.

В XII–XIII вв. волжские булгары столкнулись с новыми претендентами на роль хозяев Среднего Поволжья — с юго-востока к региону подошли кочевники кипчаки. А с запада напирали вос-

---

38 Народ чувашей делится на две отрасли: вирьял — живущие севернее, и анатри — живущие южнее. Вирьял, по мнению академика Ю. Краснова — это финно-угры, которые приобрели тюркский язык в X–XII вв., а анатри — потомки древнего населения Булгарии. Он подчеркивал, что финно-угорских элементов больше в быту северных чувашей, а тюркских — в быту южных.

39 Следы этого влияния видны, например, в том, что тенгрианцы (агаряне) называли дни недели также как и древние христиане-несториане, и древние иудеи-хазары. Эта единая система наблюдается у многих угро-тюркских потомков, от современных татар-мишарей Нижегородской области, до турок Анатолии.

точнославянские племена, ведшие земледельческую экспансию в лесной полосе Восточной Европы, и грозившие поколебать угро-тюркскую гегемонию в Поволжье.

X в. ознаменован выходом восточных славян к Оке. Эта мирная колонизация, направленная, сначала в соседнее Волго-Окское междуречье, шла двумя потоками. С северо-запада, из районов Ильменского озера шли новгородские словене, которые вместе с кривичами, шедшими из районов Смоленска, составили один поток (сместившийся потом на север, и дошедший до Приуралья и Белого моря), а с юго-запада шли вятичи и радимичи, начавшие своё движение от берегов Днепра.

Сначала вятичи и радимичи вышли на Среднюю Оку, где встретили племена приокских финнов. Славяне, принесшие более высокую земледельческую и ремесленную культуру, ассимилировали эти племена, вобрали их в себя и сделали «мордовский» город Рязань (Эрзянь), своим опорным пунктом на Оке. Вскоре летописцы уже заменяли слово «вятичи», словом «рязанцы» («вятичи — иже есть рязанцы»).

Закрепившись в правобережье Средней Оки, славяне, под руководством киевских и черниговских Рюриковичей, вступили в Волго-Окское междуречье — в землю, названную в киевских летописях Залесской (так как она находилась на северо-востоке от Киева, за огромным лесным массивом). В Залесье славяне встретили племена восточных финнов, а также мажар (мещер в древнерусской огласовке). О том, какой характер носила эта встреча, никаких сведений не сохранилось, но область Мещера (названная так по имени господствующих здесь мажар) раскололась в X в. на две части. Северную — «русскую», и южную — «тюркскую». Видимо, часть мажар ушла на юго-восток, а часть подчинилась Рюриковичам. На Руси, за равниной лежащей между реками Москва, Клязьма и Ока, закрепилось название «Мещерской», а множество рек и населенных пунктов этой равнины имеют в названиях угорские (угро-тюркские) корни.

Что же касается восточнофинских (чудских) племён мери, муромы и других, они также как и среднеокские финны подверглись

ассимиляции, став, вместе с балтами и славянами, основой средневекового податного населения Владимиро-Суздальской Руси, предками центральных великоросов. Ассимиляция не была мирной и гладкой. Не согласные с христианизацией меряне не раз восставали. В русских летописях под 1024 г. отмечено: «Бе мятеж и глад по всей той стране, всташа Волсви (волхвы авт.) в Суждали…» Это восстание подавил Ярослав Мудрый, однако уже в 70-х гг. XI в. «заблудшая чудь», не желавшая расставаться со своими языческими верованиями опять взбунтовалась, и убила епископа Леонтия Ростовского.

Есть в летописях и свидетельства о присутствии в левобережье нижней Оки, ислама. В средневековой «Повести о водворении в Муроме христианства» рассказывается о прибытии на княжение в Муром, князя Глеба — сына киевского князя Владимира (крестителя Руси). Вместе с Глебом в Муром, для крещения его жителей, приехал епископ Илларион, но муромчане встретили их враждебно. «Когда приеде Глеб ко граду Мурому, тогда неверующими и жестокими были муромцы, и не приемли его к себе на княжение, и не крестишася, но сопротивляхуся ему».

Епископу Иллариону, начавшему было проповедь, муромчане отрезали бороду и крепко его помяли. И Глеб «…отъехал от града на реку Ишню (Ушну), и тамо пребываше до преставления сего отца (епископа Иллариона авт.)». Муромские жители не приняли Глеба, и ему пришлось отступить, но какой верой дорожили горожане, не принимая христианства? В «Повести» говорится, что они пребывали в язычестве, поклонялись рекам, озёрам, деревьям, приносили в жертву собственных детей (обычные обвинения для язычников), но летописец, всё же делает оговорку о том, что своим пророком муромчане считали некоего Моамефа, в котором легко угадывается Мухаммед — пророк мусульман.

После неудачи князя Глеба за дело, согласно повести, взялся князь Ярослав — сын черниговского князя Святослава, но-

сивший в крещении имя Константин[40]. Испросив благословения на крещение язычников, Константин-Ярослав с семьёй, с епископом Василием, с духовенством и с чудотворной иконой Божией Матери прибыл к Мурому. Строптивые муромцы не приняли и Константина-Ярослава, вдобавок убив его сына Михаила, посланного к ним для переговоров. Тогда князь взял город приступом и утвердился в нём, построив в Муроме храм Благовещенья. Но муромчане устроили заговор против Константина, и, угрожая убийством, потребовали от него убраться из города. Не растерявшись, князь взял чудотворную икону и вышел к неверным. Произошло чудо. Икона засияла «паче солнца», мятежники пали на колени и попросили о прощении. Князь «…повелел всем людям с великой радостью идяху к реке, и с женами, и с детьми, и женский и мужской пол бродяху в реке. Пресвитеры же на берегу стояша, молитвы глаголеху». Чудотворная икона получила название «Муромской», а Муром стал христианским городом.

Несмотря на тотальную христианизацию и русификацию мерян и других восточных финнов, языческие традиции («чудские обычаи») в Волго-Окском междуречье отмечались ещё и в XVIII в. Обрусевшие потомки мерян поклонялись «хозяину-медведю» и какому-то «синему камню» на Плещеевом озере. Эти «бесовские наущения» жестоко преследовались православной церковью.

За два столетия (с X по XII вв.), Рюриковичи покорили всё Волго-Окское междуречье, перешли Волгу выше её слияния с Окой, завладели землями до верховьев реки Унжи, и, крестив живших здесь вепсов (весь), мерян и марийцев, включили их в состав податного населения Владимиро-Суздальской Руси. В конце XI в. киевляне в жестокой и кровавой междоусобице с черниговскими отпрысками Рюрика отвоевали свое право на владение Залесской землей.

Осваивая Волго-Окское междуречье, через которое проходили важные торговые пути, русские князья не могли не столкнуться с Волжской Булгарией. Борьба за средневолжский транзит нача-

[40] Этот Ярослав-Константин отмечен в летописях как побитый мордвой в 1103 г («…и побежден бысть Ярослав»).

лась, когда Святослав в 965 г. разгромил сюзеренов Булгарии — хазар, а его сын — киевский князь Владимир в 985 г. осуществил набег на Булгарию. С этим набегом связан летописный эпизод, в котором соратник великого князя — дружинник Добрыня, остерегал его воевать с булгарами, после осмотра захваченных в плен. «Рече Добрыня Володимеру. Смотри колодники и все в сапогах. Эти дань нам не будут платить, поидем искать себе лапотников. И сотвори Володимер мир с болгаре…»

Булгарский эмират действительно был одним из самых передовых государств своего времени, и союз с булгарами пошёл на пользу Владимиро-Суздальской Руси. Взаимная торговля и культурный обмен способствовали развитию обеих государств, но они не могли не воевать друг с другом. Слишком «лакомым куском» был средневолжский транзит, что бы можно было делить его с кем-то. Академик Б. Греков точно определил причины столкновения русских князей с Булгарией, указывая, что: «Из характера торговых отношений Руси и Булгарии можно легко сделать вывод о неизбежном столкновении обеих стран в двух пунктах: а) добывание на европейском севере пушнины, б) торговля с восточными странами».

Утвердившись в Залесье, Рюриковичи развернули военные действия против Волжской Булгарии. В течении XI–XII вв. русские князья, согласно сообщениям летописей, организовали девять походов на Булгарский эмират, пытаясь вытеснить булгар со Средней Волги. Продвигаясь к месту слияния Волги и Оки (справедливо считая это место ключевым в верхневолжской торговле), Рюриковичи основывали (между 1152 и 1157 гг.) выше устья Оки, на Волге, крепость Городец Радилов, создав здесь опорный пункт своей экспансии.

В летописи говорится: «Быша же князю Мстиславлю на Городце с братом своим муромским и рязанским на усть Оки, и ждаша дружины две недели, и не дождаша ехавшее с переднею дружиною в поганые (в земли мордвы авт.) и взяша сёл шесть и сам город». По мнению историков здесь говорится о булгарском городе Ошель (Атель), возможно находившимся рядом с устьем Оки.

В начале XIII в. натиск русских дружин усилился. Походы случились в 1205, 1219, 1220, 1221 гг. После удачного похода русских дружин в 1205 г. вглубь Булгарии, булгары в отместку в 1218 г., взяв с собой мордву, совершили набег на Заволжье, захватили Великий Устюг и вышли к реке Унже. Правивший в то время во Владимире великий князь Юрий Всеволодович, вместе со своим братом Святославом, в ответ на этот набег устроили рейд в самое сердце Булгарии, к месту слияния Волги и Камы, где разгромили крупный булгарский город Ошлюй (Исли).

В 1229 г. булгары, в отместку предприняли два похода на Устюг и на Рязань «…окольнии же города болгарскии, Собекуляне, и Челмата, и совокупишася их пять тысяч …и поидоша на Русь». Но эти походы закончились полной неудачей, после чего в 1220 г. Юрий Всеволодович вновь стал готовить поход на Булгарию. Однако булгары, измотанные предыдущими битвами, запросили мира. Только с третьего раза, «с мольбой великой, и с дарами многия, и с челобитьем великим», булгарам удается убедить великого князя заключить мирный договор, в результате которого булгары ушли из устья Оки. В 1221 г. великий князь Юрий Всеволодович основал город получивший название Нижний Городец (по отношению к Городцу Радилову, расположенному выше по Волге), впоследствии ставший Нижним Новгородом (или Новгородом Низовской земли)[41].

Название Нижний Городец довольно долго держалось за городом, наряду с названием Новгород Низовской земли. Ещё в 1643 г. в одном из актов Нижегородского Печерского монастыря сказано: «Яз, Нижегородца посацкий человек Иван Петухов…» Наименование жителей Нижнего Новгорода «нижегородцами», образовано от названия «Нижний Городец»[42]. Часто в летописях, Нижний Новгород назывался просто Новгородом (например, в созданной в Нижнем Новгороде в 1377 г. «Лаврентьевской летописи»), и толь-

[41] «Низовая земля» по отношению к Залесской земле, так как она ниже по течению Волги.

[42] Иначе бы произносилось «нижненовгородец», как произносится, например, «нижнетагилец».

ко начиная с XV в. во всех источниках закрепляется название Нижний Новгород.

Основание Нижнего Новгорода имело огромное значение для славянской, русской колонизации Поволжья. Взяв в свои руки устье Оки, Рюриковичи, уже в XIII в. сломили бы сопротивление булгар, и покончили бы с их гегемонией в Поволжье, и только татарское вторжение остановило этот процесс.

Выйдя к устью Оки, русские князья столкнулись ещё с одним серьёзным противником. Булгарские эмиры всячески развивали союзнические отношения с местными финно-уграми, и это принесло свои плоды. На борьбу с русской экспансией были подняты все поволжские народы, и на юго-западе Волго-Окско-Сурского междуречья местным мажарам и мордве удалось остановить натиск сначала черниговских, а затем рязанских Рюриковичей.

На северо-западе, на пути владимиро-суздальских Рюриковичей встали раннефеодальные образования мордвы Волго-Окско-Сурского междуречья — наследники Арсы союзные булгарам. Место, где Юрий Всеволодович основал Нижний Городец, принадлежало мордве, и согласно преданию, зафиксированному П. Мельниковым, указавшим, что: «Из-за Кудьмы-реки мордвин Абрам пришёл на устье Оки и поселился на Дятловых горах, поросших дремучим лесом… Этот Абрам был панком[43], он укрепил свой город валами и тыном …»[44]

Русские дружинники потребовали убраться, но хитрый Абрам начал тянуть время, а потом, собрав силы, напал на ничего не подозревавшего противника. Дружинники одолели его, завладели городом, а жителей перебили, или взяли в «полон». Сам Абрам был убит. Мордва, узнав об этом, решила отомстить за смерть панка и выгнать непрошенных гостей. Узнав о приближении мордвы, русские вышли им навстречу, и, пробившись, ускакали во Владимир, а мордва не смогла их догнать, потому что, русские воевали на конях, а мордва пешими. Потом дружинники, уже во главе с ве-

[43] Мордовский титул верховного вождя, воспринятый вероятно от аланов (жупан-пан).

[44] В списке булгарских городов есть город Обран-Ош (город Абрама).

ликим князем, вернулись, победили мордву, и построили в устье Оки город.

Как мы уже знаем, мордва Волго-Окско-Сурского междуречья не была толпой дикарей. К XIII в. у мордвы сложились феодальные образования, названные в русских летописях волостями. В древнерусском языке под термином волость подразумевалась территория определённого удела, главой которого был князь. Таким мордовским князем был Пургас — правитель волости объединившей мордовские племена, жившие от Нижней Оки до Припьянья. Северной границей его волости была Волга или Кудьма, а южной, река Мокша.

Допускаем, что центром волости был город Арзамас, известный нам как Арса. Возможно, в этот период своего существования город был мордовско-булгарским центром, что подтверждено археологией, и возможно, сам Пургас принадлежал к алано-угро-тюркской феодальной верхушке мордвы, о чём говорит его имя с характерным окончанием -ас.

Именно в Арсу помещали арабские хронисты один из трёх родов рус, обитавших в IX–X вв. в Восточной Европе. И эти русы, конечно же, не имели отношения ни к Киеву, ни к Новгороду, потому что в IX–X вв. славяне к Среднему Поволжью только подходили, и ни жить, ни тем более иметь городов, там не могли.

Но для некоторых исследователей признать, что русью могли называть кого-то еще кроме славян, означает «наступить на горло собственной песне». Вот и появляются мнения вроде тех, что «древние авторы просто ошиблись», или «напутали». Но если допустить, что в Волго-Окско-Сурском междуречье (в Арсе-Арзамасе), в IX–XII вв. среди племен мордвы, жили русы-росы, пусть и не принадлежавшие к славянскому племени, тогда найдется внятное объяснение ещё одному удивительному факту, упомянутому в русских летописях — на стороне Пургаса, против русских, сражалась Пургасова Русь.

Эта самая Пургасова Русь, попортила немало крови исследователям, пытавшимся «свести концы с концами». И правда, какая может быть Русь у Пургаса, когда Русь воюет с Пургасом? Было сделано много предположений, из которых наименее нелепым вы-

глядит то, что якобы, русские летописцы называли «Пургасовой Русью» тех славян, которые к XIII в. уже поселились на землях Пургаса, и были «мобилизованы» им на борьбу.

Предположение неверное, потому что, ещё и в XIII в. (не говоря уже о IX–X вв.), термин-звание рус было привилегией профессионального воина. Это звание надо было унаследовать, или как минимум заслужить. Да, были «русские княжества», да, была «Русская земля», но здесь «русский» — имя прилагательное означающее принадлежность русам. Восточные славяне называли себя или по имени племени (вятич, словенин), или, что чаще всего, по месту обитания (рязанец, смолянин, новгородец), и этому прилагательному ещё только предстояло стать этнонимом.

Происхождению Пургасовой Руси есть другое объяснение — мы его касались в прошлых очерках. В раннем средневековье (VIII–IX вв.), разноплемённые отряды профессиональных бойцов русов («красных»), бродили по всей Европе в поисках военной удачи. Один из таких отрядов, возможно, аланы-асы, пришёл из степи в Волго-Окско-Сурское междуречье, и обложил данью местные племена, обязавшись взамен защищать их. За годы проживания среди местного населения, они смешались с туземцами, но своей функции не утратили, проживая в Арсе и вокруг, и возможно составляя феодальную верхушку эрзян. Не утратили они и своего гордого имени Русь, будучи упомянуты в летописи как «Русь Пургасова».

Русские князья были сильнее Пургаса. Начиная с 1222 по 1237 гг. в летописях зафиксировано пять походов в мордовские земли. Показательным был поход 1228 г., когда зимой «…великий князь Гюрги и Ярослав и Костянтиновичи Василько, Всеволод идоша на мордву; и муромский князь Гюрги Давыдович вшед в земли мордовскую, Пургасову волость, пожгоша жито и потравиша и скоты избиша, а сёла пожгоша, живущих же в волости Пургасовой посекоша мечом нещадно, а прочие поймаша, и полон послаша назад»[45].

[45] В этом отрывке упомянут князь Ярослав — отец знаменитого князя Александра Невского. Согласно мордовским преданиям после этого набега, Ярослав заключил с Пургасом мир, и женился на его дочери Утяше, ставшей матерью князя Андрея Ярославовича — младшего, сводного брата Александра Невского.

В летописи упоминается ещё один мордовский вождь — Пуреш, являвшийся уже союзником русских князей. «А Болгарский князь пришёл было на Пуреша, ротника Юргева, и слыша оне великий князь Юрги стал жечь сёла мордовские, и бежа болгары прочь ночью; а Юрге с братьею и со всеми полки возвратишися добри здорови». То есть булгары пришли на помощь Пургасу, а какая-то часть «окско-сурской» мордвы уже была в союзе с русскими князьями.

В 1229 г. Пургас, собравшись с силами, нанёс ответный удар, осадив Нижний Новгород. «Пришла мордва с Пургасом к Новгороду, и отбились от них новгородцы. Они же (мордва авт.) зажегоша монастырь Пресвятой Богородицы, и церкви которые извне города; в тот же день и отъехали прочь, захватив много убитых».

Шла настоящая война, и мордовский союзник великого князя — Пуреш, атаковал Пургаса. Противоборство Пургаса и Пуреша дало повод некоторым историкам рассуждать о вражде между эрзей (Пургас) и мокшей (Пуреш), якобы имевшейся в XIII в. Вряд ли это так, в средние века войны вели между собой феодалы, а не народы. Мордовский князь Пуреш (если он и вправду мордвин, а не мажар или буртас) счел за благо для себя, союз с русскими князьями, и выступил на их стороне, ища в этой войне свои выгоды. Можно предположить, что владения Пуреша вплотную граничили с русскими землями, и он находился под влиянием русских князей.

Вскоре великий князь Юрий Всеволодович выступил в новый поход. Ему на помощь выдвинулся сын Пуреша, с отрядами половцев. «В то же лето (1230 г.), Пурешев сын с половцы победил Пургаса, и перебил всю мордву и Русь Пургасову, а Пургас бежал с малым отрядом, и направился в укреплённые места, в тверди, чтобы защищаться, если хватит сил».

Археология подтверждает, что на обозначенных нами владениями Пургаса территориях существовало раннефеодальное образование. В 1970 г. археолог В. Мартьянов указал, что южнее Тёши располагалось средневековое княжество с центром в районе современного города Сарова. В результате проводившихся в 1990 г. раскопок, на месте Саровского городища были обнаружены остан-

ки настоящего города XII–XIII вв. с целым ремесленным кварталом, где занимались металлургией и обработкой металлов. Здесь нашли предметы, связанные с булгарской, русской, и скандинавской культурами, а большая площадь древнего городища позволила говорить о наличии здесь крупного средневекового центра. Данный город можно считать столицей древней мордвы, возможно ставкой Пуреша, а может быть ещё одним городом Пургаса.

Пургас был разгромлен и перед русскими князьями открылся выход в «подбрюшье» Волжской Булгарии — в Волго-Окско-Сурское междуречье, к древним путям, соединявшим Владимир и Великий Булгар через Муром и Арсу-Арзамас. Это была прямая дорога к обладанию важнейшим Волго-Камским речным торговым узлом, но уже подошел к Среднему Поволжью грозный царь Батый, возглавивший татарскую армию, призванную очистить от конкурентов «Великий Волжский путь» до самой Ладоги.

Надо сказать, что кипчаки-половцы проникали в Среднее Поволжье давно, ещё с X в. расселялись среди родственных угро-тюрок. Густые леса, конечно, мало интересовали скотоводов-кочевников, но вот лесостепи верховьев Суры, Мокши, Хопра, а также Пьянско-Присурская зона Волго-Окско-Сурского междуречья характеризуемая «остепненной» местностью, вполне подходили для отгонного скотоводства. Кроме того, кипчаки-половцы, собираясь в боевые отряды, предлагали «свои услуги» как русским, так и булгарским феодалам, а порой просто разбойничали.

Возможно, поэтому с ними особо не церемонились. Например, в летописи под 1117 г. говорится: «…тогда же приидоша половцы к болгарам и выслал им князь болгарский питии с отравою, и пил Аепак и прочие князи и все помроша». Но всё-таки кипчаки, несмотря на союзы с русскими князьями (выше говорилось какую роль они сыграли в борьбе с Пургасом), были родственны угро-тюркам Поволжья, что хорошо понимали на Руси. В той же летописи, в рассказе об одном из походов на булгар в 1183 г. говорится, что великий князь Всеволод побоялся звать на помощь кипчаков-половцев, сказав: «…половцев призвать не хочет, ибо они с болгары язык и род едины».

Завоевание Волжской Булгарии нелегко далось Батыю. Булгары были прекрасно осведомлены о татарских приготовлениях к нападению на Среднее Поволжье. Арабский историк Ибн аль Асир говорит, что после битвы на Калке в 1223 г., отряд татар направился в Булгарию, но булгары устроили засаду и перебили 4000 татар. Следующая атака новых хозяев степи произошла в 1229 г. «Саксины и половци взбегоша из низу к болгарам от татар, и сторожеви болгарски прибегоша, биении от татар близ реки ей же имя Яик». После булгары, устроив на границах степи засеки (подобные им потом строили московские государи), сумели в 1232 г. отразить натиск татар, но через четыре года татары сломили сопротивление булгар и оккупировали Волжскую Булгарию.

«Приидоша …в болгарскую землю безбожники татаре, и взяша славный город Великий Болгар, и избиша оружием от старца до уного младенца …а город их пожгоша, а всю землю плениша». Жестокая расправа над булгарами указывает на их упорное сопротивление, в случае которого татары не щадили покоренных. Булгарские князья, признавшие власть татар, стали татарскими управляющими в своих владениях. В «Житии князя Федора Смоленского» сказано: «…начаша ходити рустии князья и болгаре в орду к царю, отчин своих просити на столование свое». Многие булгары бежали от нашествия в северные земли Волжской Булгарии и в Закамье, много выехало в Суздальскую землю, к великому князю Владимирскому, а тот «велми рад сему был и повелел их развести по городам около Волги и в другие». Очень много булгар укрылось и в Волго-Окско-Сурском междуречье.

На Окско-Сурское междуречье татары напали в 1237 г., сразу после покорения Волжской Булгарии. Находившиеся здесь феодальные княжества, вассальные булгарским и русским правителям, также оказали сопротивление завоевателям, о чём можно судить по сообщению русских летописцев, указавших, что татары, напав на мордву «…села и жита пожгоша». Однако какие-то мордовские властители добровольно покорились пришельцам, о чём говорит доминиканец Юлиан: «…они (татары) напали на царство мордванов. Там было два князя: один со всем народом и семьей покорился

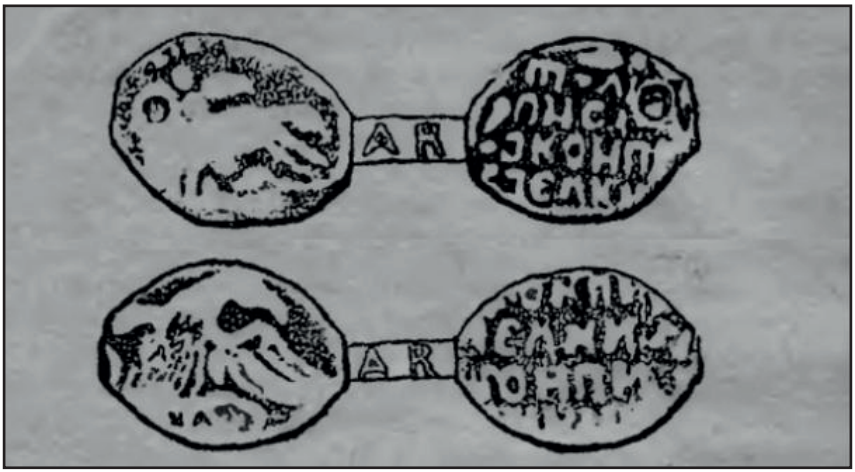
владыке татар, но другой, с немногими людьми, направился в весьма укреплённые места, чтобы защищаться…»

Подчинив Волжскую Булгарию и Волго-Окско-Сурское междуречье, и обезопасив, таким образом, свои тылы, татары в том же 1237 г. напали на Русь. Напали из пределов юго-западной части Окско-Сурского междуречья, ставшего с этого времени одним из самых важных районов будущего татарского государства. Отсюда, впоследствии, велся контроль над покоренными землями Руси.

Захваченное татарами Волго-Окско-Сурское междуречье не было диким, неосвоенным краем. Это был регион с большим количеством городов построенных в период хазаро-булгарского владычества. Регион, где в силу лесистости, кроме земледелия были развиты ещё и бортничество, и промысел пушного зверя.

Булгары строя волго-окскую торговлю, прокладывали здесь торговые пути, осваивали месторождения руды, развивали металлургию и ремесла. Завоевателям достался развитый экономически край, с лояльным к ним населением, состоящим из мордвы, булгар, мажар, буртасов и сувазов. О лояльности к татарам местного населения свидетельствует тот факт, что Джучиды, обложившие данью все покоренные народы Восточной Европы, для мордвы главной повинностью (главной формой эксплуатации, как писали советские историки), сделали… службу мордовских воинов в войсках Золотой Орды.

Согласитесь, странный налог с «угнетённого» народа, если конечно не допустить что и мордва, и мажары и буртасы, стали вассальными союзниками татар, и их феодальная знать была включена в систему феодальной знати народившейся империи. При этом мордва во всех операциях ордынских армий отмечалась особо. Моксель мы видим в авангарде европейского похода Батыя, мордва отмечается русскими летописцами в карательных походах на Тверь, в боях под Смоленском, в войнах Тохтамыша с Тимуром, и др. Везде в источниках сделана оговорка, что в составе ордынской армии присутствовала мордва. Видимо она считалась серьёзной силой.



На одной из них, по-мокшански, читается „**моли**“ (ходит), „**анси**“ (только) **окань** (за золото) **пелки** (половина) (см. рис. 1).
А на другой по эрзянски:
оконьп (за золото) **еак** (ходит) **сон** (эта) **питник'с** (самая) (см. рис. 2).

Монеты-мордовки. Взято: Монета-мордовка. Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мордовка_(монета)#cite_note-zava-3

Земли мордвы, мажаров и буртасов, татары считали землями союзников. Если вначале главная столица Золотой Орды — город Сарай, располагалась на Нижней Волге, то, впоследствии, в конце XIII в., столицей стал город Мохши (Наручадь) на реке Мокше.

Именно в Мохши, в течение долгого времени свозились налоги с Северо-Восточной Руси и Среднего Поволжья, здесь раздавались наделы беям, тарханам и мурзам — военному сословию империи, сюда приезжали за ярлыками русские и булгарские князья. Более того, в 1312 г. царь Золотой Орды Узбек перенёс монетный двор из города Увек (Нижняя Волга) в Мохши-Наручадь, и здесь проходила чеканка монет империи. Считается, что чеканка монет в государстве Джучидов прекратилась во 2-й пол. XV в., когда империя раскололась, но монеты, отчеканенные в Мохши (их на Руси назы-

вали «мордовками») были в обороте у населения Поволжья вплоть до XVIII в., имея хождение наряду с царскими.

Завоевав, в XIII в. Волго-Окско-Сурское междуречье, татары установили здесь тюркскую, кыпчакскую гегемонию, ставшую во многом продолжением угро-тюркского господства. Начавшись в VI–VII вв. это господство, посредством татарского завоевания продлилось вплоть до середины XVI в., и здесь следует ещё раз подчеркнуть, какую роль оно сыграло в создании местной топонимики.

Значительный пласт географических названий берёт свое начало в древних «угро-тюркских» языках, но немало названий происходит и из языка кипчаков. После включения, в XVI в. Волго-Окско-Сурского междуречья в состав России, эти топонимы, порой просто заменялись на русскоязычные, но чаще перерабатывались русским населением, или в порядке «народной» этимологии, или оформлялись русскими суффиксами, и в таком виде, уже включались в современную российскую топонимику.

В частности, ярко выраженные тюркские корни имеют такие названия как Балахна, Балахониха (тюрк. бала — «верхний» и хана–«-стена», подобные названия есть на Каспии). Апеллятив курмыш вполне может быть тюркским. Булгары называли так небольшую крепость, а по-чувашски курмыш — это усадьба, состоящая из одного двора. Селения с названием Курмыш расположены по всему левобережью Нижней Оки до самой Елатьмы, то есть, по древней границе Суздальских земель и Булгарии. Наделы, полученные ордынскими феодалами, назывались беляки (тюрк. билык — «дар»), и этот термин долго сохранялся в административной номенклатуре Среднего Поволжья.

Центры беляков называли по имени владельцев-степняков. По мнению исследователя истории нижегородских татар Алимжана Орлова, расположенные в междуречье Кудьмы и Оки, селения Сартаково, Дуденево, Кубаево, получили свои названия по именам владельцев: Сартака (сына Батыя), военачальника Дуденя (известного своим карательным походом на Русь), и Кувая (татарского мурзы известного из летописей).

Так же от имен татарских князей-мурз Лыская и Мураша (Мурана), получили свои названия селения Лысково и Мурашкино, а город Сергач именован так, по названию кыпчакского рода Сернач (Сернаш). Из источников известно, что в XIV в. Сергач был местом встречи царя Тохтамыша и нижегородских князей.

Особенно привлекали степняков местности в Пьяно-Присурской возвышенности, и территории к юго-востоку от Арзамаса, потому что, они отличались большими безлесными пространствами, пригодными для отгонного скотоводства. Кроме того, ордынские феодалы охотно занимали земли, населённые трудолюбивыми суварами и мордвой. По всему Волго-Окско-Сурскому междуречью разбросаны селения, имеющие в своих названиях тюркские корни: Салганово, Ушаково, Мансурово, Узяково, Кутузово, Куракино, Сабурово и др. По мнению, всё того же А. Орлова, некоторые реки Волго-Окско-Сурского междуречья носят именно кыпчакские названия. Это реки Меня, Кира, Пара и др.

Орлов утверждал, что с XIII в. вся восточная часть междуречья называлась «Татарской степью» из-за заселивших её татар-кипчаков. Действительно здесь, кроме топонимов, происходящих от тюркских мусульманских имён (Саитовка, Ахматово, Муратово, Мустафино, Шугурово, Шарапово, Юсупово и др.), и топонимов происходящих от ордынских титулов (Мурзино, Мурзицы, Тарханово, Дивеево, Казаково, Уланово, и др.), имеется ещё значительный пласт названий образованных, возможно, от личных домусульманских имён степняков.

Читатель наверняка заметил, что многие древние имена жителей степи, начиная от скифского царя Колоксая до мамаевского богатыря Челубея, и героя татарского эпоса Едигея заканчиваются суффиксом -ей (-ай, -уй). Эта закономерность прослеживается у всех народов «угро-тюркского мира». Печенеги Куряй, Илдей, Итегай, и др., половцы-кипчаки Ичигей, Бастей, Мальдибердей, Тукнай и др., татары Батый, Субудай, Чагатай, Тагай, Мадай, Шибай, Могучей, Бибай, Теребердей, Лыскай и др., сибирские татары Куруллдей, Гильдей, Торабердей, и др., чуваши Рамзай, Маслей, Мамай,

Урпай, Сысуй, Табей, Уклерей и др., мажары-мещеряки Еникей, Радай, Тугай и др.

Сотнями подобных имен наполнены средневековые источники и документы. Возможно, от них образованы названия селений, принадлежавшие когда-то выходцам из степи. Кужендеево (Кужендей), Личадеево (Личадей), Ризадеево (Ризадей), Автодеево (Автадей), Тагаево (Тагай) и др. За давностью времён, уже невозможно разобрать какие из этих названий возникли в доордынский (булгарский) период, а какие относятся к временам правления Джучидов, или к временам правления московских государей, которые также жаловали служивших им тюрок сёлами и вотчинами.

Немало в регионе топонимов в которых прослеживается древнетюркский топоформант -ли (-ле,-лы,-лык), означавший в древнетюркских языках род (племя). Этот древнетюркский -ли, -лы, узнается например в таком названии как Мухтолово. Оформленное русским суффиксом -ово, тюркское селение Мухталы превратилось в Мухтолово, и это только один из примеров. Многие селения имевшие в своих названиях формант -ли, были заселены «ясачной» мордвой, которая татарский формант -ли переиначивала в мордовский формант -лей (-ляй, «овраг, ручей»).

Возможно, так возникли топонимы с тюркской основой и мордовским топоформантом: Тарталей (Татарлы), Размазлей (Рамаслы), Мочалей (Мачарлы) и др. Мордва расселявшаяся по белякам, и на пустующие земли (всеми исследователями признается, что с XIII в. в связи с прекращением междоусобиц, и в Северо-Восточной Руси, и в Поволжье наблюдался значительный рост населения), строила свою топонимику параллельно с татарской, и порой просто снабжала тюркские названия формантами своего языка: -лей («ручей»), -кужо («поляна»), -ур («крепость»), -пиче («сосна»), -пумра («роща»), -пандо («гора»), -веле, -бие («село»), -ерьке («озеро») и др., переиначивая их согласно своей фонетике (например, Татарлы в Тарталей). Кстати, по мнению востоковеда академика Б. Владимирцева мордовские форманты -веле и -бие заимствованы из тюркских языков.

Отдельный пласт топонимов Волго-Окско-Сурского междуречья появившихся с участием тюркских языков, составляют названия образованные в союзе с тюркским апеллятивом майдан («площадь», «открытая площадка»). Считается, что название Майдан связано с производством поташа в XVII–XVIII вв. Однако не все майданы расположены там, где раньше велась заготовка древесины, а некоторые находятся там, где такая заготовка не велась никогда. К «тюркскому прошлому», следует отнести и названия, в которых указывается этническая принадлежность живущих в них (Татарский, Татарская и т.п.).

Татары, в период своего владения Волго-Окско-Сурским междуречьем, также и ассимилировали местную мордву. Полевые исследования нижегородского учёного-фольклориста Н. Морохина показали, что, например, жители татарского села Шубино (Сергачский р-он), в древности были финно-уграми, о чём говорят особенности их диалекта.

Весь этот «угро-тюркский» и «тюрко-кыпчакский» след в топонимике Волго-Окско-Сурского междуречья, во многом остается ещё неисследованным. О нём стараются не упоминать без особой нужды, или отмахиваются как от чего-то, мешающего и ненужного, делая упор на мордовское происхождение дославянской топонимики края, прибавляя что, не выводимые из мордовских языков названия, принадлежат языку какого-то древнего народа, ныне утраченному, или объявляют эти названия забытыми мордовскими именами. Однако исторические факты говорят сами за себя. Угро-тюрки, а за ними тюрки-кипчаки, господствовали в Окско-Сурском междуречье с VII по XVI вв., и след, оставленный ими в топонимике не изжить, не замолчать невозможно.

ОЧЕРК 10.

Золотая Орда и татары

Во 2-й пол. XIII в. в Евразии образовалась самая большая империя средневековья — Золотая Орда. Золотая Орда — это позднее наименование, впервые зафиксированное в XVI в., чаще всего в средневековье употреблялось название Белая Орда (Ак Орда), или Улус Джучи — по имени сына Чингисхана — Джучи (основателя династии Джучидов). На Руси же, это государство в средние века называли просто Орда («поиде в Орду», «пришед из Орды»).

Нарисованный отечественными беллетристами образ дикой и кровожадной державы, в которой сосредоточено все самое жестокое и невежественное, что только может придумать человек, никак не вяжется с реальным обликом этого могущественного и цивилизованного государства, с широкими политическими и торговыми связями, высокоразвитой культурой и экономикой.

Но могли ли дикие кочевники, пришедшие из глубин Азии, в течение одного поколения создать такое развитое государство — самую могущественную империю средневековья? И почему они вообще задались такой иррациональной целью — покорить весь мир?

Почему объектом нападения стали Волжская Булгария и Северо-Восточная Русь — страны, лежавшие в лесной полосе, и потому не представлявшие интереса для скотоводства кочевников? Почему не тронули Литву? Наконец, почему Чингизиды отказались от дальнейшей экспансии в Европу, развернувшись от Адриатики? Зачем «монголы» поменяли свое имя, ради имени покоренного народа — татар, а впоследствии и свой язык, ради языка опять же покоренных кыпчаков? И главный вопрос — это «монголо-татарское иго». Что это такое? Почему оно было только на Руси?

Но если не было «диких монголов» и «ига», то, что тогда случилось в нач. XIII в. в Восточной Европе? «Альтернативных» гипотез объясняющих эти события также немало, попробуем и мы предложить свою версию.

Начнем с того, что в X в. пал Хазарский каганат добитый князем Святославом. Степи наполнились печенегами, которых затем вытеснили кипчаки (половцы). О наличии у кипчаков потестарных образований спорить не будет никто, а если пойти дальше, и допустить, что государствообразующие процессы на территориях между Волгой и Доном продолжились и вскоре перешли в централизацию?

И нет нужды выводить завоевателей из Забайкалья, если корни такого явления как «Империя Чингисхана» берут начало в погибшей Хазарии.

Возможно, было так: В нач. XIII в. среди кочевников-кипчаков левобережья Нижней Волги возвысился род татар. Этот этноним был известен в кипчакском мире — из летописей известна «орда князя Татара». Род кочевников с подобным названием упоминается в «Слове о полку Игореве». С. Плетнева, перечисляя роды кипчаков-куманов-половцев, писала: «Первый [род] ими, второй имак, третий татар, четвертый байадур, пятый кипчак».

Если допустить, что татары были «белым» родом имевшим право на правление в степи, возможно унаследовавшим это право от хазарской верхушки, то все встаёт на свои места.

Кипчаки-татары как «белый» род заняли доминирующее положение в южных степях, подчинили себе окрестные орды, и ста-

ли возрождать великую империю хазар. Усилившись, они решили вернуть контроль над «Великим Волжским путем» от устья Волги до устья Ладоги. И захватили именно земли по этому пути, не тронув русских княжеств лежавших в стороне от него. Ведь торговлю на Волге, после гибели хазар никто не отменял, а прибыль от контроля над этой торговлей способна возродить любую державу.

Предводитель татар — Темужин, наделенный титулом Чингисхан, несомненно, был представителем «белого» сословия степи, только этим можно объяснить то, с какой легкостью Дешт-и-Кипчак покорился его наследникам — Чингизидам. Царское («белое») достоинство степных правителей не оспаривалось ни в одной европейской стране, во всех источниках они именуются царями. Даже русские летописи, как правило, не скупившиеся на бранные эпитеты для завоевателей, всех ордынских государей упоминают вкупе с титулом царь, а членов дома Чингизидов, вкупе с титулом царевич. Этот факт имеет очень большое значение для истории Золотой Орды. В отличие от княжеской власти, власть царя (цезаря, императора, василевса, султана и др.) освящалась главой господствующей конфессии, и носила сакральный характер, была то, что называется «власть от Бога».

Ведь, что бы там не говорили, а Батый установил власть над территориями в основном повторяющими очертания Хазарской империи. В пользу того, что татары были «местными» есть немало доводов. Никаких документов Золотой Орды на монгольском, или каких других языках кроме кыпчакского (старотатарского) не сохранилось, да и вряд ли они были. Татары изначально говорили на родном кыпчакском языке, и распространили его на все народы своей империи. По-кыпчакски (по-татарски) говорили на Руси и в Поволжье, в Причерноморье и в Предкавказье, в Сибири и на Урале. Он стал языком межнационального общения, языком науки и культуры, языком письменности. На нём написаны великолепные произведения средневековья, и, по мнению лингвистов, старотатарский язык имеет ключевой характер по отношению ко всем другим тюркским языкам.

Татары не были дикарями, и как только закончился завоевательный импульс стали строить городскую цивилизацию. Городская цивилизация Золотой Орды превосходила городскую цивилизацию современной ей Западной Европы. Далеко не все европейские города имели водопровод, канализацию, общественные бани и многие другие удобства, которыми пользовались в больших городах степи. Полисы Золотой Орды были крупными политическими, хозяйственными, культурными и религиозными центрами своего времени. Археологами выявлены следы более ста крупных городов существовавших в Орде. Средневековый арабский хронист аль Омари, описывая в XIV в. территорию Золотой Орды, называл в числе наиболее крупных городов и областей Хорезм, Сычнак, Сайрим, Аркенд, Дженд, Сарай, Маджар, Азак, Акчерман, Кафу, Судак, Саксин, Укек, Булгар, Дербент, области Сибир и Ибир, Башгард и Чулыман.

Тогда же другой араб — ибн Хальдун говорил о Золотой Орде как об «обширном царстве на севере, от Хорезма до Яркенда и Согда и Сарая до города Маджара и Аррака и Булгара и Башгарда и Чулмана; и в границах этого царства город Баку, и возле него Железные ворота и на юге до границ Константинополя».

По словам арабского ученого XIV в. ибн Арабшаха, столица Орды «город Сарай, является центром науки и источником всего самого доброго и лучшего. За короткое время здесь собралось много ученых и знаменитостей». Кроме Сарая, находившегося на Нижней Волге, ордынские цари использовали в качестве столиц поволжские города Булгар и Мохши, а также Саксин в дельте Волги, называемый еще «Старым» Сараем. Крупные волжские города Хазторокан, Укек, Гюлистан, Бездеж, Сарайчик образовывали своеобразный земледельческий оазис, тянувшийся по обоим берегам великой реки. Здесь находился экономический и культурный центр Золотой Орды, куда стекались все богатства из покоренных Джучидами земель.

Золотая Орда имела хорошо отлаженную финансовую систему, ее законодательство опиралось на введенный Чингисханом кодекс законов Яса, действовавший вместе с древним степным кодексом

Торе. В империи действовал эффективный аппарат управления и сбора налогов, все государство было разделено на улусы, наделенные широкой самостоятельностью. Параллельно территория империи была разделена на тумены — своего рода, военные округа, управляемые тумен-беями (тёмниками). Тумен-беи отвечали за мобилизацию и боевую готовность.

Так как большое развитие получила торговля, вся Золотая Орда была покрыта сетью караванных путей-дорог, охраняемых и оборудованных местами отдыха. В пути были устроены караван-сараи и ямы для путешественников, а перевозку гонцов и почты осуществляли ямчи служившие при ямах. Такая система позволяла с максимальной быстротой преодолевать расстояния огромной страны. Ордынская администрация проводила колонизацию пустующих земель империи. Заселялся будущий Русский Север, в XIII в. славяне заселили Унжу и Ветлугу, зашли в Поволжье, много славян было выведено для установления земледелия в степи (их поселения будут уничтожены, в конце XIV в. нашествием Тамерлана и чумой).

В каких богов верил Чингисхан и его наследники? Традиционно считается, что они исповедовали «степной» культ бога Тенгри, чему, впрочем, нет обоснованных подтверждений. Однако если мы допускаем, что татары были «наследниками» хазар, то должны допустить, что в их верованиях было место иудейству. Действительно, в Западной Европе ходили слухи, что покорители степи — иудеи. Более того, в XV в., в Силезии на алтаре Ядвиги Силезской резчик изобразил татарское войско, где на головах всадников-степняков надеты шлемы, очень похожие на еврейские шапки «юденхуты», и такой же «юденхут» был изображен на татарском знамени. О названии степного кодекса Торе, предшествовавшего Ясе, мы упоминали выше. Согласитесь, тут есть над чем подумать? Во всяком случае, татары весьма покровительствовали единобожию, а, язычников-половцев, кроме всего прочего называли «погаными», то есть отличали этим от себя. Среди ордынцев было много христиан, и православных и несториан, а один из правнуков Батыя — царевич Петр Ордынский, даже стал русским пра-

вославным святым. Единобожие стало и главной религией империи Джучидов — они избрали ислам.

Наивысшего могущества империя достигла в XIV в. при царе Узбеке. Его усилиями ислам стал главенствующей религией, и это благотворно сказалось на жизни Золотой Орды. Развилась богатейшая исламская культура, письменность на татарском, персидском и арабском языках. При этом в Орде не было гонений на другие религии. Немусульмане, и в первую очередь «люди книги» — христиане и иудеи — рассматривались как зиммии, то есть, находящиеся под покровительством мусульман. В городах Поволжья наряду с мечетями существовали синагоги и церкви.

В 1261 г. при царе Берке в столице Орды — Сарае была основана Сарайская епархия, имевшая большой вес среди православных епархий Восточной Европы. Сарайские епископы были близки к ордынскому двору, и часто выполняли дипломатические поручения царей. В середине XV в. после окончательного крушения Орды, епархия была переведена в Москву на Крутицкое подворье, но Сарайский епископ оставался вторым лицом в церковной иерархии Московского государства, и долго еще сохранял свое влияние в степи.

Русская православная церковь получила от ордынских царей большие льготы и привилегии, которые не умалились и при принятии Ордой ислама. Царь Узбек в своем ярлыке православному духовенству указывал: «Кто веру их похулит или ругает, тот ничем не извинится и умрет злой смертью. Да будут целы все соборные церкви митрополитовы, ничем не изобижены. Что закон их, и в законе их церкви и монастыри, и часовни их, ничем никто не вредит им, не хулит…» За поругание церквей и христианства наказывали смертью.

Сторонники концепции ига рисуют жуткую картину национального угнетения, издевательства над покорёнными Ордой народами, но как всё обстояло на самом деле? Например, волжские булгары, покоренные не менее кровопролитно, чем Русь, так же как и Русь получили автономию. Гийом Рубрук посетивший в 1253 г. Булгарию, называл её жителей булгарами и ярыми приверженцами

ислама. И это тогда, когда о главенстве ислама в Орде еще не было речи. В этой связи, интересно сообщение русского летописца от 1262 г. о том, что «бесермены» (мусульмане) взяли на откуп у татар право сбора дани в Ярославле и Суздале.

Булгария, несмотря на «иго», фигурирует в летописях как страна, сохранившая свое имя, свои города и даже своих правителей. Эмир Булгарии заплатил контрибуцию татарам, и был оставлен повелителем своей страны. Более того, именно в столице Волжской Булгарии — городе Булгаре были отчеканены первые монеты золотоордынской империи.

В Волго-Камье не прекращалась торговля, строились мечети, а после принятия Ордой ислама, булгары, вместе с татарами, проводили исламизацию башкир, мажар, финно-угров, поддерживали тюркизацию поволжских народов, и тюркскую экспансию на Среднюю Каму. Булгары сохранили свою культуру, сблизив её с мусульманской культурой Золотой Орды, и хоть перешли на язык завоевателей, но своей самобытности среди кипчаков не утратили. Объединение булгар и кипчаков в одной конфессии, послужило причиной постепенного исчезновения этнонима булгар. Булгары стали называться или по месту жительства (казанцы, атряки и др.), или по вероисповеданию — мусульмане (бесермены). Такое вот тяжелое «иго»…

Что же касается поволжских финно-угров, то, согласно концепции «ига», они также страдали от иноземного гнета, наравне с русским и булгарским народами. Однако источники говорят, что отряды «угнетенной» мордвы, выступали в качестве союзников татар. Князья-мордвичи принимали участие во многих военных операциях ордынцев против русских и других княжеств. Только когда процессы распада в Орде примут необратимый характер, мы увидим мордовские отряды в союзе с русскими князьями.

Финно-угры Поволжья, несомненно, находились под полным политическим влиянием и контролем татар, но назвать это игом, не повернется язык. То же самое можно сказать и о буртасах, суваз и мажарах. Они находились под тотальным влиянием татар, их племенная знать, как и знать финно-угров, была встроена в систему

феодальных отношений Золотой Орды, и в период мусульманского расцвета охотно принимала ислам. Так что, вряд ли, здесь может идти речь об «иге».

Но, может быть, «злобные татары» отыгрались на русском народе? Как жилось под «игом» на Руси? Сторонники версии ордынского гнёта, не устают живописать картины унижений, и непомерных поборов, но реальных подтверждений этим, в большей степени, литературным рассказам нет. Восстания, якобы угнетенного русского народа, на поверку оказываются эпизодами феодальных междоусобиц, в которых Рюриковичи разбирались друг с другом, зачастую с помощью ордынских войск, или попытками некоторых князей выйти из-под контроля Орды, а такие попытки жестоко пресекались. Размеры дани, собираемой татарами с русских земель, тоже на поверку оказались не такими уж большими. Согласно исследованиям историка П. Павлова, в среднем дань на душу населения, в год составляла 1–2 рубля, и не могла быть обременительной для земледельцев, хотя, конечно, лишала дополнительных доходов русских князей, живших на остаток после выплаты дани в Орду. Но и они в накладе не оставались. Например, московский князь Симеон Гордый — сын Ивана Калиты — пожертвовал на содержание Константинопольской епархии, сумму денег равную годовой дани.

Под властью Орды Русь развивалась, что отмечают и сторонники «ига» (правда, по их мнению, «вопреки гнету»). Росло население, расширялись старые города, строились новые. Характерно, что ордынская администрация поощряла развитие новых центров на Руси в ущерб старым. Незначительные ранее городки Северо-Восточной Руси стали центрами княжеств. Москва, о которой почти ничего не было слышно, вдруг выросла в один из крупнейших русских городов, заштатная Тверь также стала центром крупного княжества. Быстро выросло значение Рязанского и Нижегородского княжеств, но захирели старые русские столицы — Владимир, Ростов, Суздаль. Очевидно, что ордынцы, устраняя от власти неугодных им князей, выращивали в новых центрах лояльную себе элиту.

Усиление позиций православия способствовало колоссальному развитию православной культуры и искусства, архитектуры. Сложились школы мастеров церковной живописи, зародились новые литературные жанры.

Любопытно, что за царя, живущего в Орде и признаваемого на Руси главой государства, молились на богослужениях, при этом имена русских князей, рядом с царским именем не упоминались. Князья были назначаемыми из Орды «главами администраций» и в иерархию ордынской знати, за редким исключением, не входили. Такая традиция продолжалась на Руси, вплоть до XV в.

В период ордынского правления произошли заметные улучшения в экономической жизни Руси. Утвердилось трёхполье, увеличились урожаи, улучшилось плодородие земель. Развитие получили ремесла, промыслы, торговля, значительно увеличилось население. Сбор дани, сначала осуществляемый баскаками, вскоре был передан в руки князей-Рюриковичей. Поначалу, видимо, этим их власть и ограничивалась, даже войска, которые ими использовались для разборок друг с другом и для защиты рубежей, князья получали из Орды (за исключением ополчения, которое набирали сами).

Армия Золотой Орды была грозной и боеспособной. Когда в 1268 г. крестоносцы решили взять реванш на русском северо-западе, татары выслали войска в поддержку Ярославу Ярославичу — брату Александра Невского. «Того же лета князь Ярослав Ярославич хотел идти на немцы, и великий баскак владимирский Иаргамак, и зять его Айдар со многими татарами придоша. И то слыша немцы устрашися, и встрепенаша, прислаша со многим челобитьем и дары многи послы своя. И добиша челом на всей воле его (Ярослава авт.), и всех здариша, и великого баскака, и всех князей татарских и татар… Немцы зело бо бояхуся и имени татарского».

Сложился стереотип, что основу политики Золотой Орды составляли ее отношения с Русью. На самом деле русские княжества были на периферии золотоордынской политики, и внешней, и внутренней. Для степной империи больший интерес представляли

земли Ирана, Кавказа, Передней Азии. Посланники Орды поддерживали тесные связи с Византией, с Западной Европой, с Египтом. Отношения с Русью были обычными отношениями сюзерена и вассала, характерными для феодальных государств средневековья. Характер «рабского ига», эти отношения приобрели гораздо позднее — в трудах российских и нероссийских историков, писавших более на «злобу дня», нежели ради исторической правды.

Золотая Орда не была идеальным государством. Семена распада таились внутри империи. Отсутствие четкого порядка престолонаследия позволяло претендовать на трон Орды не только прямым потомкам Джучи, но и другим членам «Золотого рода» потомков Чингисхана. В 1359 г. после смерти последнего прямого потомка Батыя — царя Бердибека, в Орде разразился тяжелейший политический кризис, названный в русских летописях «великой замятней». Борьба за власть между претендентами переросла в настоящую гражданскую войну. За период с 1357 по 1381 гг. на ордынском троне побывало порядка пятидесяти царей, империя стала распадаться на независимые владения, во главе которых вставали Чингизиды, властвовавшие одновременно с сидевшим в Сарае царем.

Потомок одного из сыновей Джучи — царь Тохтамыш пытался восстановить величие империи, но потерпел поражение от эмира Чагатайского улуса — Тимура (Тамерлана), известного в истории как Железный хромец («Тимур-Аксак»). Разгромив Тохтамыша, Тимур в 1395 г. вторгся в степи между Волгой и Доном. Вторжение тимуровских гулямов было сродни катастрофе. Тимур разорил и предал огню города и торговые пути от Каспийского моря до Булгара, превратив богатые цветущие районы в пустыню. Отряды Тимура разорили Крым, и дошли до Руси, но, нагруженные богатой добычей, повернули назад.

После нашествия Тимура, в степь пришла «черная смерть» (чума), и довершила опустошение некогда цветущего государства. Летопись сохранила память о страшной эпидемии: «Бысть от Бога на люди под восточною страною, на город Орначь и на Хазторокань, и на Сарай, и на Бездеж, и на прочие грады в странах их, бысть мор силен на Бесермены и на Татарове и на Ормены и на Обезы

и на Жиды и на Фрязи и на Черкасы и на всех тамо живущих, яко не бе кому их погребать».

Эти беды подорвали мощь великой империи, и после ряда междоусобных войн она распалась на несколько государств, вступивших между собой в противоборство за имперское наследие. Царства Казанское, Астраханское, Крымское, Сибирское, Орда Ногайская, улус Мещерский, эмират Чагатайский, Великое княжество Московское стали равноправными участниками борьбы за это наследие.

Проводя энергичную и грамотную политику, московские великие князья сумели превратить свое государство в одну из самых мощных держав на всем постордынском пространстве. Объединив, к середине XVI в. под своим началом ряд бывших ордынских улусов, московский великий князь Иван IV Грозный по праву победителя принял титул царя.

Считается, что мысль о царском характере московской власти принесли на Русь византийцы, в большом количестве выехавшие в единоверную Московию после завоевания Константинополя турками-османами. Еще Иван III — дед Ивана Грозного, женившись на племяннице последнего византийского императора — Софье Палеолог, «потихоньку» примеривал на себя царскую корону, но, всё же символично, что Иван IV назвал себя царем только после венчания «на царство» в Казани в 1552 г.

Завоёвывая впоследствии и другие «осколки» Золотой Орды, русские государи, добавляли в свой титул их названия. Последними были присоединены царство Крымское, жузы казахские и Туркестан (Чагатайский улус), добавившие в титулатуру российского императора элементы: «царь Херсонеса Таврического» и «государь Туркестана».

Через 400 лет после распада Орды, Москва объединила её земли, и все восточные народы в полной мере признали её наследницей власти царей Ак Орды, называя русского царя Ак-падишах (великий белый царь). В дипломатической переписке с восточными народами — башкирами, казахами, узбеками, туркменами и др., русский государь только так (Ак-падишах) и именовался.

Несмотря на православие и некоторые другие особенности, Москву можно считать наследницей Великой «белой» империи. Московское княжество, будучи осколком Золотой Орды, вобрало в себя и плохие и хорошие качества Улуса Джучи. Золотоордынский феодализм подготовил условия для установления на Руси крепостного права, золотоордынская система комплектования армии стала образцом для формирования московского войска, и была прародительницей русского дворянства.

Славяне и татары, как, впрочем, и другие народы империи, были полноправными гражданами одного государства, и татары в Москве, да и вообще на Руси пользовались невероятной для «угнетателей» лояльностью населения. Иностранцы, посещавшие Московию, порой не различали татар и русских, как этносы. Михалон Литвин в 1550 г. в письме польскому королю Сигизмунду II описывал татар и московитов как жителей одной страны, с одинаковым образом жизни, обычаями и нравами, и предполагал у них одну веру. Татарский язык, наравне с русским был распространен в Московии вплоть до XVII в. На нем говорили и при дворе, и в храме, и на базаре. Российский историк Г. Вернадский указывал, что: «Татарский язык становится модным при дворе великих князей московских, что вызвало негодование со стороны его противников “византийцев”».

В XV–XVII вв. многие русские дворяне носили тюркские фамилии, огромное количество тюркских слов относящихся, главным образом, к коневодству, управлению, финансам, торговле, военному делу, вошли в XIII–XVII вв. в русский язык. Выходцы из Орды служили при дворе и в войсках московских государей. Чингизиды и другие знатные ордынцы всегда были принимаемы великими князьями, и им поручались ключевые посты в администрации и в войске Московии. Финансы, управление, налоги, администрация — всё было устроено в Московии по примеру Золотой Орды. Даже архитектура подражала ордынской. Московский храм Василия Блаженного построенный Иваном IV после взятия Казани, создан по подобию девятиминаретной казанской соборной мечети.

Татарский элемент в становлении Московской Руси нельзя не замечать. В конце концов, он тоже часть русской, российской истории, и обойти его молчанием невозможно. Факт остается фактом. Независимые русские княжества были в XIII в. завоеваны стремительным набегом степняков, и в течение долгих лет находились в зависимости от тюркского государства, рождённого в степи. Эта зависимость кардинально изменила вектор развития Древней Руси и сказалась на всей её последующей истории. Хотя, если рассматривать этот факт как внутреннее явление единой общероссийской истории, творимой всеми населявшими её народами, наверное, можно будет избежать противоречий порождаемых другими интерпретациями.

Что же такое были сами «татары»? Предположим, что, будучи вначале наименованием одного из степных родов кипчаков, термин татар, по мере расширения влияния татар в степях, стал соционимом. Татарами стали называть бойцов и военачальников армии Чингисхана — своего рода «степную гвардию». С развитием в Орде феодализма и выделением феодальной знати, термин стал обозначать представителя этой знати — «рыцаря степи» — тяжеловооруженного всадника, приводившего с собой в случае мобилизации отряд казаков. Эти категории степняков (татары и казаки) были «белыми» (свободными от налогов), и жили за счёт войны, ясака и царского жалованья.

Феодальные отношения в Орде, в своем развитии настолько напоминали европейские, что итальянцы, жившие в черноморских колониях, и торговавшие с Ордой, уподобляли феодалов Орды, феодалам Священной Римской империи. В посланиях они называли ордынского царя «императором», беков — «баронами», других феодалов — «рыцарями».

В XIII–XV вв. татары составляли господствующий слой общества Золотой Орды. Следуя указанию царя, они первыми приняли ислам. К XIV в. среди татар уже было очень много представителей знати народов, живших под властью Золотой Орды — русских, булгар, мажар, буртасов, поволжских финно-угров. Все они стали мусульманами. В XIV–XV вв. соционим татар постепенно

стал синонимом мусульманина («бусурмана»), и на Руси всех жителей Орды звали как татарами, так и бусурманами, различая только по месту жительства (казанцы, ногайцы, крымцы и др.). Термин татар (татарин), отнюдь не был бранным на Руси. Негативный оттенок он стал приобретать позже, когда на Русь хлынул поток славянских переселенцев с Балкан, бежавших от османского ига.

На Руси тогда наступил период «второго южнославянского влияния». В верхах и среди простолюдинов стали проповедоваться идеи славянского единства. Сербские, хорватские и болгарские переселенцы, закрепившиеся при дворе и среди иерархов церкви, начали борьбу за искоренение всего «неславянского», якобы чуждого русскому народу. Известный деятель хорватского происхождения, обласканный при дворе царя Алексея Михайловича — Юрий Крижанич, писал об устройстве «истинно славянского» русского воинства: «У воина лысая голова признак рабства, мы (русские) во всем подражаем татарам и туркам, татарский хохол на темени или польский хохол на лбу ничем не лучше лысины». Это говорится о прическах бойцов московского войска, а вот о воинском духе: «На Руси названия “солдаты” и “рейтары” губят весь дух у людей. Надо брать славянские имена и названия — например, пищальники и становники, а вместо казаков — конники и хеврои». Боролся ревнитель чистоты славянства, и с тюркскими именами: «Одно имя по святому, а другое надо, чтоб славянское». В общем, татарское наследие искореняли как могли, но это не убавляло симпатий московитов к татарам.

Негативное отношение к татарам стало формироваться после того как Московская Русь вступила в противостояние с Крымским царством. Крымчаки своими набегами разоряли пограничные области Руси, угоняли людей в «полон» для последующей продажи в рабство. Крымское царство, под управлением Чингизидов-Гиреев, было поистине уникальным образованием с точки зрения занятости населения. Несколько веков его жители жили только войной и грабежом. В течение почти 300 лет, крымчаки увели и продали в рабство, по разным оценкам, от 2 до 3,5 млн жителей Руси. Для небольшого тогда русского населения это была огромная цифра.

Московское правительство строило засеки и ставило дозоры, устраивало превентивные походы в степь, но это мало помогало делу. Крымские татары, превратившие грабеж в профессию, быстро учились обходить русские укрепления и засады, а крымский перекоп надежно защищал полуостров от проникновения противника. Будучи мусульманами, крымцы безжалостно относились к христианскому населению Восточной Европы, разрушая и сжигая все, что не могли унести с собой. От их стремительных набегов не было житья, крымских татар боялись и ненавидели, именно тогда сформировалось на Руси негативное отношение к татарам, и родились поговорки о «незваном госте». Кроме того, крымские татары были верными союзниками турок-османов, главных противников России на юге, и доставляли немало хлопот русским армиям.

Во многом благодаря крымским татарам «прижилась» теория «монголо-татарского ига», зерна которой упали на благодатную почву ненависти к крымчакам. Более того, многие картины опустошения Руси «монголо-татарами», списаны с описания набегов крымских татар, подробности которых были свежи в памяти современников. Последний набег крымчаков был зафиксирован в 1769 г., а пять лет спустя, в результате победы России в русско-турецкой войне 1768–1774 гг., Крымское царство было присоединено к Российской империи. Многие крымские татары, особенно представители знати, уехали в Турцию, другие остались служить русскому трону, а простым общинникам пришлось осваивать мирные профессии земледельцев и скотоводов.

Но случившегося было уже не поправить. Нелюбовь к татарам впиталась в сознание русского народа, за 300 лет грабежей и насилия, и долгое время слово татарин было бранным эпитетом, да таким, что в XIX в. многие поволжские тюрки не хотели называть себя татарами, предпочитая определение «мусульманин». Только с ростом интереса к своей истории, термин татарин стал обретать свой сегодняшний смысл, превратившись в этноним.

В заключение добавим, что Золотая Орда имеет прямое отношение к нашему региону, так как Волго-Окско-Сурское междуречье входило в состав этого государства, а граница Орды проходи-

ла по правобережью Волги, постепенно сдвигаясь к югу, по мере расширения владений Нижегородского и Московского княжеств. Из преданий известны татарские князья Лыскай и Мураш, правившие в регионе, юго-западная часть междуречья входила в состав Мещерского, а юго-восточная в состав Наручадского улусов. В период «великой замятни», спасаясь от междоусобиц и эпидемий, в благодатные земли междуречья бежали ордынские феодалы, захватывавшие местные уделы.

По сведениям П. Черменского западную часть региона в нач. 60-х гг. XIV в. заняли татарские князья-мурзы, основавшие свои столицы в Саконах, в Сараклыче-Сарове и в Наровчате. Князь Сеид-Ахмет поселился на реке Мокше, а на берега Пьяны, «в страну мордвы-эрзи» пришёл князь Секиз-бей. Местная мордва долго и плотно «сотрудничала» с татарами, из летописей известно, например, что Пьянское побоище, сделалось побоищем именно потому, что татар тайно подвели к русскому войску «поганые князи мордовстии». Золотая Орда долго «не отпускала» Окско-Сурское междуречье, «цеплялась» за него, то Мамаем, то Крымом, то Казанским царством, и окончательно «оставила» только в середине XVI в., после «взятия казанского».

ОЧЕРК 11.

Мещерский улус и Нижегородское княжество

Закончив к середине XIII в. покорение Поволжья и Северо-Восточной Руси, Джучиды стали встраивать завоёванные земли в свою государственную систему. Русь, правление в которой, сразу после завоевания, осуществляли специально назначенные баскаки, вскоре была передана в руки местной потомственной аристократии из Рюриковичей, получившей право собирать дань с отданных в их управление вотчин, и после уплаты части собранного своему сюзерену — ордынскому царю, содержать себя и свой двор за счет остатков.

Огромный Булгарский эмират, включавший все Среднее Поволжье и Покамье, а на юге доходивший до Яика, был разделен на несколько княжеств-улусов. Это деление происходило с соблюдением известных в Орде этнических границ. Если для Руси все жители ордынских улусов были «татарами» и «басурманами»,

то внутри Орды границы обитания этносов знали, и умели отличать, допустим, ногайца от жителя Крыма.

Созданные в Волго-Очье Мещерский и Наручадский (Мохши) улусы были разделены по этому принципу. Наручадский улус по разным оценкам, занимал территории современной Пензенской, Тамбовской, части Ульяновской и Нижегородской областей и всю Мордовию. Он объединил земли заселенные мордвой и буртасами и включал часть Волго-Окско-Сурского междуречья вместе с Арзамасом. Столица Наручадского улуса — город Мохши (Наручадь) была одной из столиц империи, в которых располагалась ставка ордынских царей, а население улуса считалось наиболее преданным Джучидам.

Другой улус — Мещерский, созданный в бассейне Средней Оки и включивший в себя юго-западную часть Волго-Окско-Сурского междуречья, объединял земли мажар-мещеряков и союзной им мордвы. Первоначальной границей Мещерского улуса в правобережье Оки была река Пара, в левобережье его земли доходили до границы современной Московской области. На юге — в бассейне Цны и Мокши — мещерские земли соприкасались с землями Наручади, как и на востоке, а на севере сначала доходили до устья Оки, затем отодвинулись к Кудьме, затем к Серёже, а в XIV в. утвердились по реке Тёше.

Золотая Орда, как и её предшественник — Хазарский каганат, предоставляла своим вассалам широкую самостоятельность, граничащую с автономией. Выполняя свои мобилизационные и фискальные обязанности перед имперским центром, улусы и княжества могли вести относительно независимую внутреннюю и внешнюю политику, а, начиная с XIV в. удельные правители могли иметь собственные вооруженные отряды (что, впрочем, для средневековья было обычным делом). Исключительная веротерпимость степняков и полное отсутствие в их среде этнической неприязни позволяли окраинам империи развиваться в рамках своих культур и религий.

Тем не менее, для проведения имперской политики в подвластных улусах, во многие из них были направлены, так называемые,

карачи-беи — представители знатных степных родов мангыт, барын, кипчак, кыйт, седжуит, аргын, ширин, кунграт. Везде, куда приходили карачи-беи, они или встраивались в местную элиту, или образовывали её, управляя улусом, во главе которого ставился улус-бек. Улус-беком мог быть и представитель местной элиты, как это было на Руси или в Волжской Булгарии. Военную и мобилизационную власть в улусах осуществляли назначенные ордынским царем тумэн-беи.

Помимо этого, во многих завоеванных улусах в собственность воинов ордынской армии — казаков, тарханов, уланов и мурз, выделялись для «кормления» земельные наделы (беляки), с живущими там земледельцами. Те должны были содержать и кормить владельцев земли, которые, в свою очередь, обязаны были оставаться в полной боевой готовности и являться в действующую армию по первому призыву в полном вооружении и с несколькими казаками, в зависимости от величины надела. В XIII–XIV вв. земли Окско-Сурского междуречья активно заселялись татарами-кипчаками, получавшими здесь беляки рядом с беляками местных феодалов — мажарских, буртасских и мордовских князей, включенных Джучидами в свою феодальную иерархию.

Податное («чёрное») население составляли всё те же местные земледельцы и ремесленники из мордвы, буртасов и мажар-мещеряков, что отмечено и в более поздних документах, где выражение «чёрные люди, которые ясак дают» применялось к мажарам («мачярам») и буртасам («буртасы посопные татаровя»)[46].

Первым правителем Мещерской Орды, был Мехмет Осман Уланов «из рода Крымского». В 1298 г. его сместил Бахмет сын Усейнов из рода Ширин, по некоторым данным сын ордынского князя Тагай-Усейна. Сведения о них почерпнуты из «Бархатной книги русского дворянства», где записаны родовые легенды русских дворянских родов. У многих из этих родов родоначальниками были выходцы из Орды.

[46] Ясак (тат.) — подать, налог. Посоп (древнерус.) — налог, уплачиваемый зерном.

Согласно «Бархатной книге», Бахмет огнём и мечом насаждал в Мещере ислам. Этот Бахмет считается родоначальником князей Мещерских, в «Бархатной книге» о нём говорится: «Князь Ширинский Бахмет Усейнов сын, пришёл из Большой Орды в Мещеру, и Мещеру воевал, и занял её, и в Мещере родился у него сын Беклемиш».

Но если первые ордынские ставленники на троне Мещерского улуса были мусульманами, то уже сын Бахмета — Беклемиш принял в Мещере православие, получив в крещении имя Михаил. Дело, видимо, в той же внутренней политике Джучидов: русские северо-восточные княжества продолжали развиваться в рамках своей культуры и идеологии, а Мещерский юрт находился в непосредственном соприкосновении с ними, тем более, что западные земли улуса ещё недавно были владениями рязанских и владимирских князей. В Мещерском улусе было сильно влияние русской культуры и идеологии, а принятая в среде степняков веротерпимость позволяла подданным Орды принимать православие. Поэтому сын мусульманина Беклемиш, стал православным Михаилом, построил в Мещере церкви и крестил многих своих подданных, а его внук Юрий Федорович со своим полком участвовал в Куликовской битве.

Русские княжества Залеской земли довольно скоро оправились от татарского погрома и стали набирать силу. Однако татары не позволили восстановиться старым русским центрам — Владимиру, Рязани, Ростову и другим городам, откуда велось сопротивление ордынцам. Вместо этого они поощряли рост новых феодальных центров, и управление русскими княжествами в золотоордынский период переходит в ранее малоизвестные, Переяславль-Рязанский, Москву, Тверь, и другие города, заявившие о себе как новые русские столицы.

Такая же ситуация была и в Поволжье. Захирели крупнейшие города раннего средневековья: Булгар, Сувар, Буртас, Маджар (Мещерский Городец), но возвысились новые центры: Казань, Мохши-Наручадь и др. Но в Мещере, как исключение, таким новым центром, стал старинный, булгаро-мордовский город Сарова (Саров), переименованный татарами в Сарыклыч.

По преданию, зафиксированному в XVIII в. монахами Саровского монастыря, князь Бахмет в 1298 г. основал на месте разорённой нашествием Саровы, город Сарыклыч (Золотой клинок), сделавшийся центром Мещерского юрта.

В свою очередь Наручадский улус, расположенный на пересечении важных стратегических путей, был, помимо всего прочего, местом, откуда татарская администрация осуществляла наблюдение за своими неспокойными вассалами — землями Руси. Рядом со столицей улуса — городом Мохши, был создан военно-административный центр Тумен — ставка тумен-бея, командующего тумой (тьмой) — подразделением в 10 000 воинов. Здесь формировали войска, отсюда можно было своевременно реагировать на вспышки недовольства в подвластных областях. Ныне этот город носит название Темников. Считается, что он основан в 1536 г. как русская крепость, на самом деле в 1536 г. Темников был перенесен с левого берега реки Мокши, на более удобный правый, где и стоит по сей день.

Апеллятив тумен широко представлен на территории, когда-то подвластной золотоордынским царям. В Сибири это — Ак-тюменские юрты, Тюмень-ула, Тюменкино и др., в Воронежской области — Тюменевка, в Ивановской –село Тюменское, на Алтае — Тюменцево, в Башкирии — Тюменяк, в Армении — Туманян, в Казахстане — Тюмень-Арык. Знаменитая Тьмутаракань — это переиначенное в древнерусском языке название Тумантархан. Английский путешественник XVI в. Энтони Дженкинсон упоминал Тюмень на северо-западном побережье Каспия, там же была известна река Тюменка. Названия с апеллятивом тумен известны и в Средней Азии, и в Турции, и в Иране — везде, куда простиралась власть Чингизидов. Любопытно в этой связи звучат названия сёл Большое и Малое Туманово на левом берегу Тёши, бывшей в XIV–XVI вв. границей Нижегородских земель и Мещерской Орды.

Из Тюмени-Темникова в XII–XIV вв. осуществлялись карательные походы на Русь, сюда же свозился «выход». В русской летописи говорится, что в 1406 г. ордынский царь Тохтамыш был

убит в Тюмени. Но сибирская Тюмень известна лишь с XVI в. и логично допустить, что царь погиб, в какой-то из европейских Тюменей, возможно, и в мордовской.

Центром Мещерской земли был упоминаемый в летописях город Азак. Его местоположение не установлено, но, как показали раскопки городов Сарова-Сарыклыча и Мохши-Наручади, это были крупные полисы с базарами, банями, ремесленными кварталами, серьёзными укреплениями. Раскопки существовавшего в XIII в. Итяковского городища (близ города Темникова) открыли археологам настоящий средневековый замок с четырёхметровыми стенами и валами. Можно быть уверенными, что он был не единственным.

Завоевание Джучидами Поволжья и Руси положило конец распрям и военным конфликтам, что в свою очередь вызвало подъём экономики и рост населения в этих землях. С ростом торговли и товарооборота, стало умножаться количество торговых путей. Две важные имперские дороги проходили прямо по территории нашего региона. Один путь существовал, очевидно, ещё со времен хазаро-булгарского владычества, и связывал Волго-Окское междуречье с Волго-Камьем, следуя через Муром по левобережью Тёши на Арсу-Арзамас, и дальше в Булгар. Татары включили его в свою систему торгового и почтового сообщения.

Мещерский юрт и Наручадский улус

Другой путь получил свое развитие, видимо, во времена ордынского владычества. Он связал Нижний Новгород и Тумен-Темников, проходя по правобережью Нижней Оки через Берёзополье и Салавирский лес. Это была «Царская дорога» («Царская сакма»), которая, через Мохши-Наручадь вела на Нижнюю Волгу в Сарай — главную столицу Орды. По ней ездили за ярлыками русские князья, обретавшие в Сарае кто власть, а кто и смерть.

На пересечении этих двух «сакм», на левом берегу Тёши, там, где в неё впадает речушка Сахан (древнетюрк. «ложбина»), татары поставили, на месте древнего булгаро-мордовского городища, таможенный (от тюрк. «тамга» — знак на товаре об уплате пошлины) и наблюдательный пост.

По данным нижегородского учёного-филолога А. Орлова, городище в устье речушки Сахан (по-мордовски Сакань) было резиденцией потомков Чагатая — второго сына Чингисхана. А. Орлов утверждает, что недалеко от развалин городища в старину существовал большой каменный курган, подобный тем, что кипчаки делали для своих вождей. Потомки Чагатая дали начало российским дворянским родам Чегодаевых, Чаадаевых, Ромодановых, Щербатовых и др.

С конца XIII в. в Среднем Поволжье усилился ещё один феодальный центр — Нижегородское княжество.

Вначале татары сделали центром княжения древний Суздаль, связанный с булгаро-мадьярским прошлым края[47]. Нижний Новгород, основанный в 1221 г. как форпост на границе христианского, языческого и мусульманского миров, вскоре сделался одним из центров огромного Средневолжского региона. Такой значимый в стратегическом и логистическом плане узел, как слияние двух

[47] Ранее мы указывали на возможную связь упоминавшегося еще в скандинавских сагах топонима Суздаль и шведского Сёсдала, но надо отметить, что название Суздаль, так и не получившее объяснения в русском или финно-угорских наречиях имеет в окончании видоизмененное древнетюркское -ли (-лы, -ле). Суздаль также отмечен и нотарием короля Белы, который сообщает, что выйдя из «Скифии», угры захватили землю «Susudal». О «мадьярском следе» свидетельствуют речка Мжара и курган с одноименным названием в окрестностях Суздаля.

самых больших судоходных рек центра Восточной Европы сделал город своеобразным «мостом» между Русью и Поволжьем.

Необходимо помнить и о «корнях» династии нижегородских князей. Существует гипотеза о том, что её основатель — князь Андрей Ярославич — младший брат знаменитого Александра Невского, был, по материнской линии потомком мордовского князя Пургаса.

Основой этой гипотезы служат несколько мордовских былин, героем которых является князь Андрей Ярославич. В них говориться, что его отец — князь Ярослав, женился на дочери мордовского повелителя Пургаса — красавице Утяше. От их брака и родился князь Андрей.

После того как Батый завоевал Русь, Андрей Ярославич, вопреки старшинству, стал в 1247 г. великим князем владимирским. Правда, был он им недолго. В 1250 г. княжество перешло к Александру Ярославичу. Возможно, Андрей проявил непокорство Орде, так как его смещению предшествовал карательный поход на владимирские земли ордынского воеводы Неврюя. Однако через шесть лет он помирился с Ордой и получил в удел Суздаль, Городец и Нижний Новгород. Допускаем, что ордынцы знали о том, что в жилах князя Андрея течёт кровь не только Рюрика, но и финно-угорской знати, и отдали ему устье Оки — ключ к мордовским землям, как потомку этой знати.

Наследники князя Андрея всегда вели исключительно независимую политику по отношению к московским родственникам, и Нижний Новгород стал настоящим политическим центром Волго-Очья, после того как потомок князя Андрея — суздальский князь Константин Васильевич в 1350 г. перенёс сюда свою столицу.

Он оттеснил мордву от волжских берегов в Салавирские леса и «повеле русским людем селитися по Оке и по Волге и по Кудьме реком и на мордовских селищах, где кто похощет». Грамотная политика проводимая суздальской ветвью Рюриковичей, позволяла им получать в ордынском центре ярлыки на всё новые и новые уделы, и во 2-й пол. XIV в. Нижегородское княжество стало одним из самых крупных княжеств Руси. На востоке владения нижегород-

цев выходили к Ветлуге и Суре, на западе и северо-западе нижегородцы граничили с владимирскими, стародубскими, ростовскими, костромскими и галичскими землями, а на юге утвердились по берегам Кудьмы и Сундовика, продвинувшись затем к Тёше и Пьяне.

Расположение в месте слияния Волги и Оки — перекрестке важных торговых магистралей того времени, приносило нижегородцам крупные барыши, а Суздальское ополье было житницей северо-восточной Руси. Прекращение распрей и введение новых методов земледелия (трёхполье) обеспечили рост населения княжества, и это стало главным фактором славянской колонизации Поветлужья и бассейна Вятки. В XIV в. русские попытались проникнуть глубже в Волго-Окско-Сурское междуречье, и нижегородские князья возглавили это движение.

Момент был подходящий: в Золотой Орде, во 2-й пол. XIV в. началась «великая замятня» — период ослабления и без того не самой строгой центральной ордынской власти. Армии золотоордынцев впервые за многие годы потерпели ряд поражений от литовцев, что вызвало разброд и шатания в столицах Орды и склоки по всей империи. В 1359 г. в Золотой Орде вспыхнула война за трон между многочисленными потомками Джучи, и в условиях фактического безвластия, многие видные военачальники Орды и некоторые Джучиды сочли себя вправе захватить земли, которые им нравятся.

Золотоордынские «сепаратисты», во главе с Тагаем и Секиз-беем, прибыли в Окско-Сурское междуречье и основали здесь свои независимые княжения. Тагай захватил в 1361 г. Наручадь, и занял земли в верховьях реки Алатырь. Секиз-бей захватил Запьянье. Понимая, что наступил «делёж» региона сюда устремился и нижегородский князь Дмитрий Константинович, но тумен-бей, Булат-Темир опередил его. Сначала он захватил булгарские земли, а затем вторгся в Попьянье, и в 1366 г. сжёг Арзамас, и через год совершил поход к Нижнему Новгороду.

Князь Дмитрий Константинович, к тому времени выдавший дочь за московского князя Дмитрия Ивановича (будущего «Донского»), призвал на помощь зятя и разгромил Булат-Тимура. Он выгнал захватчика «за реку Пиану, и тамо множество татар изби-

ша, а друзии в реце Пиане истопиша, а по зажитиям множество их побиена быша, им же несть числа». Нижегородцы заняли плодородные земли Присурья. Захваченный в 1370 г. город Курмыш, князь Дмитрий Константинович сделал резиденцией своего брата Бориса, а в свой титул включил формулировку «Великий князь… Сарский и Болгарский, Больмецкий и Подольский, и всех Заволжских и Северных юрт от Понизовой земли государь».

После династического брака судьба Нижнего Новгорода сделалась связанной с судьбой Москвы, и зять с тестем предприняли попытки закрепиться в Среднем Поволжье. В 1370 г. они организовали поход за Суру, в Булгарский улус, который присягнул на верность тумен-бею Мамаю — безродному интригану, узурпировавшему власть в Орде. Поход завершился победой: улус-бей Асан сдался без боя и выплатил князьям огромную контрибуцию. После этого нижегородцы и москвичи атаковали улусы Тагая и Секиз-бея, также верных Мамаю.

Мамай, требуя оставить в покое своих вассалов, послал в Нижний Новгород в 1374 г. посольство во главе с мурзой Сарайкой, но Дмитрий Константинович, подстрекаемый своим зятем Дмитрием Ивановичем, не признававшим власти узурпатора, приказал перерезать всех послов вместе с мурзой. После этого в 1375 г. в нижегородские пределы была направлена карательная экспедиция, опустошившая берега Киши и Пьяны, начавшие было заселяться русскими земледельцами, а в 1377 г. к Приволжью, со своей армией подошел сам Мамай.

Нижегородцы, усиленные московским корпусом, выдвинулись навстречу и стали лагерем на реке Пиане (Пьяне), в ожидании противника. Расположившись на берегах реки, воины расслабились, думая, что враг ещё далеко. Тем временем татары, с помощью союзной мордвы обошли русский лагерь («погани князи мордвстии подведоша рать татарскую из Мамаевой орды») и ударили с тыла. Предавшиеся пьянству нижегородские и московские ратники не смогли оказать должного сопротивления, и были наголову разбиты. Разгром был страшным: предводительствовавший войском

князь Иван Дмитриевич утонул в реке, другой Рюрикович — князь Симеон был изрублен[48].

Остатки русской армии бежали, а татары, вместе с мордвой, подошли к Нижнему Новгороду и разорили предместья. После этого татары с добычей ушли обратно в степь, а мордва, во главе с мурзой Алабугой, продолжала жечь и грабить русские селения в правобережье Волги. Нижегородцы нашли в себе силы дать отпор. Городецкий князь Борис Константинович разгромил мордовские отряды. В 1378 г. был осуществлен карательный поход в мордовские земли, завершившийся страшной расправой. Пленных травили собаками на волжском льду, топили в полыньях, сёла и пашни мордвы подвергли огню и разорению.

В 1380 г. Мамай в битве на Дону был разбит князем Дмитрием Ивановичем Донским, а в Орде воцарился законный наследник Джучи — его правнук Тохтамыш. В непростых отношениях, сложившихся у Дмитрия Донского с Тохтамышем, нижегородцы приняли сторону ордынского царя, и в 1382 г. нижегородские отряды, возглавляемые сыновьями Дмитрия Константиновича — Василием по прозвищу Кирдяпа и Симеоном, примкнули к карательному походу Тохтамыша. Московский князь бежал, а жители Москвы поверили клятве нижегородских князей, что татары не причинят вреда городу, и открыли ворота. Москва была сожжена, а Дмитрий Донской покорился Тохтамышу.

Тем не менее, Москва оставалась сильнейшим русским центром. Опытный дипломат князь Дмитрий Донской купил в 1383 г. у мещерского князя Александра Уковича, земли в междуречье Тёши и Волги. Сделка была скреплена ярлыком царя Тохтамыша, и территории от устья Оки до правого берега Тёши отошли Московскому княжеству. Тогда же Москве достались мещерские земли в среднем течении Оки, а русские земледельцы получили возможность безопасно селиться в Берёзополье и Межпьянье. Славяне проникли в долину Кудьмы, и вышли к правобережью Тёши,

[48] Тогда и возникла поговорка «За Пьяной люди пьяны», а за рекой Пианой закрепилось имя Пьяна.

о чем говорит местная топонимика, но охотнее всего они заселяли плодородные земли в бассейне Пьяны. Правда, впоследствии эта первая волна славянской колонизации была практически вся рассеяна из-за событий произошедших в Окско-Сурском междуречье в XV — нач. XVI вв.

В конце XIV в. ордынская империя уже стояла на краю гибели. Московское княжество, пользуясь этим, набирало всё большее влияние на Волге и Оке. В 1392 г. московский великий князь Василий Дмитриевич объявил о присоединении к Москве всех нижегородских земель. И хотя нижегородские князья, поддержанные ордынцами, пытались в 1395 и 1412 гг. отвоевать Нижний Новгород, Москва эти попытки пресекла[49]. В нач. XV в. Нижегородское княжество стало частью Московии.

Усилилось проникновение Москвы и в земли по Нижней Оке. В том же 1392 г. великий князь Василий Дмитриевич выкупил у Орды права на Муром, Тарусу и Мещерский Городец (Маджар). Московиты всё больше и больше теснили мещерских улусников. В истории Саровской пустыни сообщается: «На сем месте был прежде город Сарыклыч, и жил в нём при князе Дмитрии Ивановиче в 1389 г., последний владетель оного князь Бехан, владевший по власти царя Золотой Орды и другими многими городами и селениями татарскими и мордовскими. От частых на него нападений военных, с сего места переселился он за реку Мокшу, где ныне село Кангуш (Кангуши), и там построил себе жилище, обведя его земляным валом».

Видимо, на рубеже XIV–XV вв. Мещерский улус попал в зависимость от Москвы, и мажары-мещеряки, вместе с буртасами, начали служить Руси. Начиная с XV в. термины мещера, мещеряки возвращаются в русские летописи. Земли Мещерского улуса летописцы называют «Мещерским юртом» или «Мещерской казацкой ордой», а после окончательного присоединения, во 2-й пол. XVI в. еще и «Мещерской украиной» или «Польской украиной», поскольку они были окраиной московских земель на границе с «Полем» (Степью).

[49] В 1411 г. возле Лыскова произошла решающая битва между войсками Василия Дмитриевича и нижегородской армией, победу в котором одержал сын Дмитрия Донского — великий князь Василий.

Из-за господства в золотоордынской империи ислама многие жители Мещерского улуса, особенно из военного сословия, были мусульманами. Они приняли «татарскую веру», и их на Руси стали называть «мещерскими татарами», или «мещерскими казаками-татарами», тем самым подчеркивая их этническую обособленность от кипчаков. Из-за того, что много мажар-мещеряков исторически проживало в рязанских землях, их также называли и «рязанскими казаками».

После создания на территории Мещерского улуса Касимовского царства (о чём пойдет речь в следующем очерке), туда устремилось множество казанских, ногайских, крымских, астраханских, сибирских татар. На Руси их стали называть «касимовскими» или «городецкими татарами» (от старого названия Касимова — Мещерский Городец). Буртасов и мажар-мещеряков — коренных жителей этих мест, называли также «мордовскими татарами», то есть, татарами, живущими среди мордвы (так же, как и татар живущих среди черемисы, называли «черемисскими татарами»).

Посетивший Россию в 1588–89 гг. англичанин Джильс Флетчер писал: «Самыми грубыми и дикими почитаются татары мордовские, которые как своим образом жизни, так и нравами отличаются от всех прочих. Что касается до их религии, то хотя они и признают единого бога, но поклоняются как богу каждому живому существу, которое прежде встречают утром»[50].

Мордовские татары очень долго владели восточными (Саровскими и Темниковскими) землями Мещерского улуса, даже, уже и будучи вассалами московского государя. Немецкий дипломат и путешественник Адам Олеарий посетивший Россию в 30-х гг. XVII в., указывал: «Затем приехали мы к городу Мурому, населенному русскими и татарами. Здесь начало поселений мордовских татар, которые все покорны великому князю». Феодалов восточных земель Мещерской орды называли также «мордовские князья» (синоним понятия «мещерские князья», так же, как термин «мордовские татары» был синонимом термина «мещерские татары»).

[50] Подобные обряды отмечены и у мордвы. Схожесть верований также могла стать одной из причин наименования мещеряков «мордовскими татарами», т.е., татарами, исповедующими «мордовскую веру».

Разумеется, не все мажары и буртасы были казаками и князьями. Трудовое население Мещерского юрта также выделялось из общей массы ясачного населения Поволжья терминами, выдававшими их этническую принадлежность. Раньше говорилось о «мачярах» и «буртасах», отмеченных среди «чёрного» сословия Руси.

Мещерский юрт к 40-м гг. XVI в. был уже практически полностью подчинён Московскому княжеству. Однако события, речь о которых пойдёт в следующем очерке, возродили Мещерскую Орду, и продлили её существование вплоть до конца XVII в. После начавшейся в XVII в. христианизации и русификации этносов Волго-Окско-Сурского междуречья, много мажаров-мещеряков вышло за пределы своей родины — на восток и юго-восток, разнеся этноним мещеряк по всей территории Средней и Нижней Волги, а также Дона.

Есть мнение, что мещеряки стали одной из тюркских составляющих волжского и донского казачества. Этноним мещеряк встречался среди имён казацких атаманов на протяжении XV–XVIII вв. Немало мещеряков и в русском дворянстве. Фамилии Мещерский, Мещеряков, Мещерин, Можаров, Мазаров, Мочаров, Мочалов и др., красноречиво свидетельствуют об этом. Но мажары не растворились до конца в русском суперэтносе. Небольшими островками живут в Среднем Поволжье татары-мишари (переиначенный в языке местных народов этноним мажар).

Приняв вместе с исламом язык золотоордынских властителей-кипчаков, мишари, тем не менее, отличаются от других тюрок диалектом и культурными традициями, а также своей антропологией. Многие мажары, наряду с буртасами и сувазами, были поглощены русской колонизацией, став, вместе с татарами и мордвой, одной из основ русского населения Волго-Окско-Сурского междуречья. Они принесли во внешний облик этого населения черты, которые позволили антропологам выделить на территории, от устья Оки до Среднего Дона, особый — великоросский нижнеокско-сурско-донской антропологический тип, присущий как русскому населению указанных мест, так и части мордвы и татар.

ОЧЕРК 12.

Касимовское царство и Казань

Конец XIV — нач. XV вв. стали для Золотой Орды периодом страшных катаклизмов. Вторгшийся в 1395 г. в Поволжье чагатайский эмир Тимур-Аксак подверг империю полному разорению. В 1396 г. гулямы Тамерлана дошли до Волго-Окско-Сурского междуречья и разрушили город Мохши-Наручадь, причем разрушили так, что город больше не смог восстановится. Тимур разорил местные улусы, и опустошил земли Булгара. Его армии дошли до городов Карасу (Елец), Маджар (Мещерский Городец), Сарыклыч (Саров) и Тумен (Темников), и, разрушив их, повернули назад. После тимурова нашествия в Поволжье пришла чума, обезлюдевшая Среднюю и Нижнюю Волгу.

Московское княжество избежавшее этих бед, тем временем, набирало всё большую силу. Средневолжские татары, посмевшие в 1429 г. во главе с царевичем Али-Бабой совершить набег на московские земли были жестоко наказаны служившим Москве ста-

родубским князем Федором Палецким, который: «Побиша татар и бесермен и полон весь отняша, царевича и князя Али Бабы не догнаша». Этот набег дал основание московскому великому князю Василию II организовать карательную экспедицию в земли Булгарского улуса закончившуюся взятием Булгара. Удачный поход обеспечил Москве доминирование в Среднем Поволжье, но события в Большой Орде спутали планы великого князя.

В результате династических войн приведших, в конце концов, к распаду империи, в земли мажар-мещеряков в 1437 г. прибыл со своей ордой потомственный Чингизид — царевич Улуг Мухаммед. Василий II, пытаясь выпроводить незваного гостя и конкурента в борьбе за власть в регионе, направил навстречу ему сильную армию под командованием своих воевод. В битве под городом Белев (совр. Тульская область), Улуг Мухаммед неожиданно нанёс поражение превосходящим его силой русским отрядам, и, проследовал в Волго-Камье, где сместил булгарского улусника Али-Бека, и провозгласил себя местным царём. Своей столицей Улуг Мухаммед избрал город Казань стоящий на пересечении выгодных торговых путей, и таким образом основал Казанское царство[51].

Сюда же к Казани, на Арское поле, было перенесено из разоренного Булгара древнее торжище. Оно сделалось крупнейшим в Восточной Европе торговым центром, о котором англичанин Дженкинсон в 1558 г. писал: «…сюда съезжались и русские и казанские и крымские и ногайские купцы, и собирались на гостином острове близ Казани»[52].

Само же Казанское царство было по-настоящему многонациональным государством с господствующей религией исламом. В русской летописи сказано: «Вся земля Казанская, муллы и сеиты, и шейхи и шейхзады, и молзады и азии, афызы, князья и уланы,

---

[51] Казань от хузан («изгиб»), так как город расположен на берегах крутого изгиба Волги. Современные татарские историки, основываясь на данных археологии, убеждены, что возраст города составляет 1000 лет, но первое упоминание о нем относится к 1278 году.

[52] После взятия в 1552 г. Казани, Иван Грозный прикажет перенести это торжище к городу Васильсурску в устье Суры, однако, из-за войн и других неурядиц здесь торговля долго не могла возобновиться. Только в 40-х гг. XVII в. торжище было восстановлено несколько выше по течению Волги, в более удобном месте, у Макарьевского монастыря

и мирзы и ички и задворные казаки, и чуваши и черемиса, мордва и буртасы, и можары…»

Улуг Мухаммеду присягнули все удельные правители поволжских народов. Улуг Мухаммед как прямой наследник Джучид (внук Тохтамыша), потребовал от Москвы уплаты «выхода» (дани), а после отказа выступил в поход на московские земли, и в 1438 г. захватил Нижний Новгород.

На княжение в Нижнем Новгороде Улуг Мухаммед поставил своего вассала — князя Данила Борисовича — потомка нижегородских князей, отодвинутых от власти Москвой. Таким образом, он пытался (впрочем, безуспешно) возродить Нижегородское княжество, вассальное Казани. После этого, весной 1439 г. Улуг Мухаммед уже осадил Москву. Москвичам удалось отбиться, однако ни о каком московском присутствии на Средней Волге теперь не могло быть и речи. Казанский царь стал полновластным хозяином Среднего Поволжья.

Это государство, возникшее на обломках Булгарского улуса, было типичным феодальным государством средневековья с одной особенностью. Так как мусульманам запрещено было порабощать своих единоверцев, хозяйства крупных и мелких казанских феодалов, держались трудами захваченных в плен рабов не мусульман. Именно с возникновением Казанского царства связано окончательное рассеяние живших в Волго-Окско-Сурском междуречье, русских земледельцев-колонистов первой волны (XIV в.), выживших после тимурова нашествия и чумы, и вынужденных при власти казанцев или принимать ислам, или становится рабами.

С целью захвата рабочей силы, Казанцы постоянно совершали набеги на земли Руси. Зимой 1444 г. очередной поход в рязанские земли возглавил сын Улуг Мухаммеда — царевич Мустафа. Однако он потерпел поражение от объединенной армии, составленной из московитов, «рязанских казаков» (мещеряков), и мордовских воинов, впервые за много лет выступивших против татар. В жестоком бою был зарезан и сам царевич. Гибель сына звала Улуг Мухаммеда к отмщению, и в 1445 г. на берегу реки Нерли, возле Суздальского Спасо-Ефимъевского монастыря, состоялось генеральное сраже-

ние между войсками Василия II и армией Улуг Мухаммеда. Русские были наголову разбиты, а великий московский князь попал в плен.

Освобождение князя Василия II очень дорого обошлось Московскому княжеству. Кроме того, что был заплачен огромный выкуп, Улуг Мухаммед потребовал восстановить в границах XIII в. Иски-юрт (Мещерский улус). Правителями «обновленного» улуса он определил своих сыновей — Касима и Юсуфа. Но самым плохим было то, что московский великий князь официально признал себя вассалом Казанской короны и обязался платить «выход» и в Казань, и в Мещеру.

В 1446 г. царевич Касим прибыл в Мещерский Городец (Маджар), и объявил Мещеру своим царством. Город Маджар получил имя Ханкерман, но в Руси его назвали «Касимов Городец», и название Касимов с этого времени закрепилось за городом навсегда. К Мещерскому юрту, который на Руси стали называть по имени основателя Касимовским царством, отошли и древние Сарыклыч и Тумен, а мажары-мещеряки сделались вассалами царя Касима.

Кроме этого, многие исконно русские земли, в том числе и подмосковные, были отданы в «кормление» многочисленным мурзам, бекам и тарханам, прибывшим вместе с Касимом. Татарскими вотчинами стали многие подмосковные города, а Звенигород сделался подмосковной резиденцией касимовских царей.

С образованием Касимовского царства, в Мещеру, на древние земли мажаров, буртасов и мордвы, хлынул поток татар-переселенцев из Казанского царства, и из разрываемой междоусобицами Большой Орды. На всём пространстве Касимовского улуса было восстановлено главенство ислама, и даже описаны случаи, когда мусульманское духовенство, также прибывшее из Казани и Орды, боролось с христианскими обычаями, распространившимися в среде местных мусульман, долгое время живших рядом с православными[53].

---

[53] Искоренялся, например, распространившийся среди мещерских мусульман праздник «Йорымка Байрам» (праздник «красного яйца» — Пасха)

Прибытие всё новых и новых переселенцев, принесших с собой другой уклад жизни, и обновленный ислам, ставило мажаров и буртасов перед выбором уходить, или смешиваться с пришельцами принимая новые обычаи. Выезд татар из Большой Орды и казанских земель в Касимовское царство не прекращался и в XVI в., и привел к тому, что в Касимове и его окрестностях, а также в подмосковных татарских вотчинах сложилось тюркское население близкое к казанцам и кипчакам, и отличное от мажар-мещеряков, сместившихся в этот период восточнее.

Парадоксально, но новое государство, созданное с целью контроля и сдерживания Руси, уже после смерти Улуг Мухаммеда само попало под московское влияние. Нет, все внешние атрибуты сохранялись — Москва по прежнему платила «выход» в Ханкерман, и более высокое положение в феодальной иерархии касимовских царей также никто не оспаривал, но Московское княжество, более развитое экономически и культурно, незаметно взяло в свои руки бразды правления союзом Москвы и Касимова.

Наследник Улуг Мухаммеда, казанский царь Махмуд (Мамутек) — старший брат Касима, видя такое дело, предпринял в 1448 г. военную операцию против Москвы. «Послал царь Казанский Мамутек всех князей, со многими силами воевать отчину великого князя Владимир, Муром и другие города», но это нападение было отбито общими силами московских и касимовских правителей, как было отбито и случившееся через два года нашествие из степи. Тогда к границам Московии подступили «Татары из поля Мальдибердей и Улан и иные с ними князья со многими татарами», но они вынуждены были отступить перед объединённой армией Москвы и Касимова.

Союз с царём Касимом сослужил добрую службу Василию II. В 1446 г. московские бояре недовольные татарским засильем в Москве, организовали заговор против великого князя. Мятеж удался, и Василий II угодил в руки заговорщиков, которые для верности его ослепили (за что его прозвали «Тёмным»). Но, против заговорщиков выступил мещерский царь Касим. Он разгромил мятежников, и передал их в руки великого князя. В благодарность за это

сын Василия Темного — Великий князь Иван III отдал касимовским феодалам в 1497 г. город Серпухов.

С началом правления Василия III татары буквально наводнили Москву, полагая Московское княжество отраслью бывшей великой империи. Тем не менее, Касимовское царство, с годами всё больше и больше врастало в систему московских земель, а пришлые татары, наряду со службой касимовскому царю, охотно служили и московскому великому князю. На Руси в XV–XVI вв. даже оформилась этносословная группа получившая название «служилые татары». Эта группа была составлена из татар, перешедших на русскую службу, живших на Руси и в Касимовском царстве (Мещере), и получавших за службу «земельное» и другое жалованье, а также наделы с «оброчными» (податными) крестьянами, обязанными кормить и содержать этих татар (то есть, была скопирована золотоордынская система).

«Служилые татары» сохраняли свою внутреннюю субординацию, подчиняясь своим бекам, мурзам и тарханам, но воевали в одном строю с русскими бойцами. Они сыграли важную роль в войнах Руси со Степью, с Литвой и Ливонией, и утратили свое военное значение только в начале XVIII в. Те из них кто не стал русскими дворянами или купцами, были переведены в разряд «государственных крестьян».

К восточной части Мещерской Орды (Касимовского царства) в XV–XVI вв. относились земли нашего региона (река Тёша была северной границей, а Арзамас, до середины XVI в. входил, вероятно, в сферу влияния Казанского царства). Жители этих земель находились в вассальной зависимости от Касимова и Москвы, являясь крайним населением Руси на границах с Казанью и степью. После своего восстановления, в середине XV в. город Тумен-Темников стал центром этих земель, которые получили название Темниковское княжество.

В 1509 г. Василий III подтвердил право на владение Темниковым и окрестностями наследнику Бахмета — князю Акчуре сыну Адашева, а после него в Темникове правил мурза Кугуш, и уже сын Кугуша — князь Тениш объявил о выходе из-под касимовской

юрисдикции, и присоединении Темникова к Московскому государству. Здесь дело, видимо, в том, что, судя по личным именам князей, ни Акчура, ни Кугуш, ни Тениш, не были мусульманами (как впрочем, и не были христианами), и чтобы не принимать ислам, чего от них, несомненно, требовала ханкерманская верхушка, темниковские князья пошли на такой шаг.

Москва проявила в этом вопросе большую, чем Касимов, гибкость, и предоставила темниковским феодалам полную самостоятельность и в делах духовных, и в делах светских. Сохранился документ 1536 г., согласно которому, наследник Тениша — князь Еникей получил от московского государя право: «Судить и вязать тархан и башкир и мажаров, которые живут в Темникове по старине, потому как наперед судил и вязал отец его Тениш». Забегая вперед, добавим, что этот Еникей был одними из самых верных слуг Ивана Грозного. Он командовал корпусом темниковских казаков и мордвы в походе на Казань, а впоследствии проводил в Волго-Окско-Сурском междуречье политику Москвы. Его потомки стали русскими князьями Еникеевыми.

Пограничное положение Темниковского княжества, также сыграло свою роль в его полунезависимом статусе. Еще и в середине XVI в. земли на восток от Оки считались дикими и враждебными. Князь А. Курбский называл Муром «крайним городом», от которого до Казани, «дикое поле», и у него были на то все основания. Конфликты и эпидемии XIV–XV вв. остановили экономическое развитие Волго-Окско-Сурского междуречья. Московские цари, после того как отвоевали Нижний Новгород, захотели сделать его основным городом, через который бы велась торговля с востоком. Они поместили в Нижнем Новгороде таможню, и запретили торговый путь через Арзамас в Муром, что привело к ещё большему экономическому упадку края. Постоянные войны Москвы и Казани еще сильнее разорили богатый край

Многолетняя кыпчакская экспансия превратила регион в некий «филиал» степи, в котором господствовали порядки и обычаи степняков, и широко распространился ислам. И хотя, тот же Курбский различал в Казанском царстве шесть языков (народов):

«Татарский, мордовский, чувашский, черемисский, вотяцкий або арский и башкирский…», господствующим языком Волго-Окско-Сурского междуречья, как, впрочем, и всего Казанского царства, был старотатарский (кипчакский).

Казань, в союзе с единоверными государствами — бывшими улусами Золотой Орды, доминировала в Поволжье, но, к середине XVI в. Московская Русь уже достаточно окрепла, чтобы взять под контроль «Великий Волжский путь».

В 1518 г. произошло важное для московских князей событие. В Казани умер правнук Улуг Мухаммеда — царь Мухаммед-Амин, не оставив прямых наследников. С потомков Василия «Тёмного» снялась вассальная клятва, данная им Улуг Мухаммеду в 1445 г. в курмышском плену. Встал вопрос, кто теперь займет Казанский престол, ведь и сыновья Улуг Мухаммеда в Касимове умерли, не оставив прямых наследников. Правда, в Мещерской Орде было «пруд пруди» других царевичей-Чингизидов, перебравшихся сюда в разное время, и формально имевших права на любой престол Восточной Европы и Азии.

Москва не замедлила предложить своего кандидата. Алахияр, Шейгали, Бикбулат, Сайбулат и другие — любой из этих потомков Чингисхана, обосновавшихся в Московии, был готов занять престол Казани. Однако судьба казанской короны решилась без участия Москвы. На трон взошел крымский царевич из рода Чингизидов-Гиреев, а московского ставленника выпроводили вон. Великий князь Василий III счел себя оскорблённым и открыл боевые действия против Казани.

Некоторые современные историки порой пытаются представить противостояние Москвы и Казани как продолжение борьбы Руси против «золотоордыского ига», а некоторые даже, противостоянием христианства и ислама в Поволжье, но всё это крайне далеко от истины. Московское княжество и Казанское царство были осколками одного государства — Золотой Орды, и были в большей степени порождением этой империи, нежели наследниками своего «доордынского» прошлого.

В Москве татар было не намного меньше, чем в Казани, устои и порядки были там и там примерно одинаковы, только Московское княжество было государством с доминированием христианской религии, а Казанское царство с доминированием ислама.

Было и ещё одно важное отличие: московские князья в ордынской табели о рангах были чем-то вроде улус-беев, и не имели права претендовать на трон Чингизидов. Выход из этого щекотливого положения Москва видела в использовании своих мещерских союзников — Чингизидов. Любого из этих потомков Чингисхана можно поставить и на казанский, и на другой престол, в качестве марионетки.

Глобальные же цели Москвы очевидны: для полноценного развития государства необходимо было захватить контроль над «Великим Волжским путем», и первым препятствием на этом пути была Казань. Никакого сверхжелания уничтожить «остатки ненавистного ига» здесь не было, и уж тем более не было никакой межконфессиональной вражды. Во «главу угла» ставили экономические интересы, и в XVI в. началось русское завоевание Поволжья, отложенное в XIII в.

ОЧЕРК 13.

Поход Ивана Грозного

Поход Ивана Грозного, состоявшийся в 1552 г. имеет для истории нашего края ключевое значение. Этот поход разделил его прошлое на «до» и «после». Практически любой учебник, или книга по краеведению после небольшого вступления начинает историю Волго-Окско-Сурского междуречья с похода Ивана Грозного, и войны за Казань.

Надо признать, что события середины XVI в. действительно имели для Среднего Поволжья судьбоносное значение. Присоединение региона к Московской Руси, вывело край из орбиты действия и влияния тюркских мусульманских государств Восточной Европы, и открыло новую страницу в истории региона — российскую. Победы Ивана Грозного положили начало массовому заселению края славянскими земледельцами, началась христианизация поволжских народов и приобщение их к великой православной культуре. Христианизация обусловила русификацию «инородцев». Приняв крещение, и став православными, мордва и марийцы, мажары и буртасы, татары — все вскоре становились русскими людьми.

Поход Ивана Грозного от Оки к Суре выглядел настолько эпохальным в глазах местного населения, что о нём были сложены легенды и предания, навсегда оставшиеся в народной памяти. Причём и предания славян, и предания мордвы, и предания татар, одинаково хранят эту память. Авторство названий многих географических объектов, местные жители приписывают лично царю. Обитатели многих сёл и деревень, приурочивают возникновение своих селений к этому походу. Грозный царь по пути давал названия, повелевал строить церкви, мосты, дороги, насыпать курганы-мары. Он крестил, награждал, карал, миловал. Если собрать все предания, может создаться впечатление, что поход продолжался несколько лет. Настолько бурную деятельность развил тогда, совсем ещё молодой великий московский князь Иван IV (царём он тогда ещё не был, как впрочем, и «Грозным»).

На самом деле от Оки до Суры Грозный прошел за 12 дней. Но эти 12 дней врезались в людскую память на века. Впрочем, обо всём по порядку.

Походов на Казань, Иваном IV было совершенно целых четыре. Правда три первых он совершал от Нижнего Новгорода, или по льду Волги, или вдоль её берега, а вот четвёртый, решающий, вошедший в народный эпос, совершил уже через наши края, через Волго-Окско-Сурское междуречье. А предшествовали ему следующие события.

После смерти в 1518 г. последнего потомка Улуг Мухаммеда — Мухаммед-Амина, Москва и Касимов немедленно предложили на казанский престол одного из обитавших в Касимове Чингизидов — царевича Ших-Али (Шигалея). Но с этой кандидатурой не были согласны имевшие большой авторитет в постордынском мире правители Крыма — Чингизиды-Гиреи. Основатель казанской династии Улуг Мухаммед, был двоюродным братом основателя династии Гиреев — Хаджи-Гирея. В Крыму считали казанский престол своим. В 1521 г. крымские войска, во главе с Сахиб-Гиреем, выгнали из Казани Ших-Али, вместе с пришедшими с ним москвичами и касимовскими татарами. А в 1524 г. Сахиб-Гирей возвел на казанский трон своего племянника Сафа-Гирея. Началась война.

Отец Ивана Грозного — великий московский князь Василий III был очень опытным политиком, и одновременно с началом боевых действий повёл работу по организации заговора в самой Казани — среди местной знати. Через несколько лет эта работа увенчалась успехом, и в 1531 г. Сафа-Гирей был низложен и трон опять перешёл к касимовцам.

Восстановление промосковской династии вызвало недовольство казанцев, и в 1535 г. ставленник Москвы Джан-Али (брат Ших-Али) был убит. В Казань снова прибыл Сафа-Гирей. Казалось бы, ответ Москвы не заставит себя ждать, но в 1533 г. незадолго до гибели Джан-Али, в Москве умер Василий III. Это была серьёзная потеря, так как Василий III очень много сделал для расширения и укрепления Московского государства. Он присоединил земли Пскова, Смоленска, Рязани, пытался сделать зависимой Казань.

Смерть Василия III вызвала ослабление центральной московской власти. Его совсем юный сын Иван был пока ещё не способен управлять страной, и в Москве развернулась борьба дворцовых партий за власть и влияние на юного князя. Пользуясь этим ослаблением, казанцы продолжали свои набеги на Русь. Наконец, после, более чем, десятилетнего периода дворцовых склок московский трон в 1545 г. занял сын Василия III — великий князь Иван IV. Подстрекаемый русскими и касимовскими феодалами, пятнадцатилетний государь вступил в борьбу с Казанью.

Первый поход состоялся в 1546 г. Тогда в Казани, в результате дворцового переворота свергли Сафа-Гирея, и этот поход был скорее «демонстрацией силы» нежели военной операцией. Огромное московское войско, подошедшее к стенам Казани, «помогло» казанцам определиться в выборе новой кандидатуры на свой престол. Этой кандидатурой предсказуемо стал Ших-Али. Однако в этот раз его правление продлилось всего месяц — Сафа-Гирей, с помощью крымских и ногайских мурз, выгнал Ших-Али из Казани, и опять сделался казанским царём.

В 1547 г. Иван IV объявил Сафа-Гирею войну, и в декабре 1547 г. московское войско, во главе с великим князем, выступило из Москвы. Под Казанью московская рать вступила в бой с вой-

ском Сафа-Гирея, и вынудила его укрыться в городе. Но на штурм москвичи не решились, и в марте 1548 г. войско вернулось в столицу, что бы через два года, зимой 1550 г. опять двинуться на Казань.

Соединившись в Нижнем Новгороде с союзниками-касимовцами, к февралю 1551 г. войско было уже у стен Казани, однако на штурм московские военачальники опять не отважились. Слишком укреплённым городом была Казань. Вместо штурма решено было построить недалеко от Казани крепость-базу, создав опорный пункт для ведения дальнейших боевых действий. В 1551 г. в устье Свияги была заложена крепость Свияжский Городец. Окрестным жителям было объявлено, что русский государь зовет: «Чувашу и черемису и мордву и тарханов у Свияжска города быти», после чего русские воеводы стали приводить оную чувашу, черемису и мордву к присяге-шерти, причем одним из условий присяги было освобождение русских рабов. «Полону им русского никак у себя не держати, весь освобождать… А так же и Государю, и Великому князю служити, и хотеть во всём добра, и от города Свияжска неотступными быти». В это же время водные пути, ведущие в Казань, были перерезаны, и город оказался в блокаде. Казанцам угрожал голод, и они смирились, изгнали крымцев, и опять приняли на трон Ших-Али.

Параллельно с военными действиями Москвой велась большая дипломатическая работа. Московские дипломаты вступили в переговоры с Ногайской Ордой, недовольной тем, что контроль над Средней Волгой постепенно переходит в руки Москвы, и с ногайцами удалось договориться. Так же, московское правительство организовало подкуп мелких феодалов Казанского царства. Их группами отправляли в Москву, где: «Государь их жаловал великим жалованием, кормил и поил у себя за столом. Князей и мурз и сотных казаков жаловал шубами с бархаты с золотом, а иным чуваше, черемисе, камчатые и атласные… А всех Государь пожаловал доспехом и коньми и деньгми…»

Когда ситуацией в Поволжье заинтересовались в Стамбуле — столице самой могущественной империи того времени — Османской, султан которой был ещё и халифом, т.е. покровителем всех

мусульман, московский посол так ответил султану: «Мой Государь не есть враг мусульманской веры. Слуга его, царь Саин Булат господствует в Касимове, царевна Кайбула в Юрьеве, Ибак в Сурожике, князья ногайские в Романове: все они свободно и торжественно славят Магомета в своих мечетях… В Кадоме в Мещере многие приказные государевы люди мусульманского закона …и в тех городах мусульманския веры люди по своему обычаю мизгити и кишени держат, и Государь их ничем от веры не нудит и мольбищ их не рушит».

Дипломатическая работа принесла свои плоды, но в Казани, к тому времени, было уж слишком много недовольных личностью самого Ших-Али, и политикой Москвы, стремившейся подчинить Казань. В феврале 1552 г. Ших-Али опять выгнали из Казани, а на трон, при поддержке крымского царя, посадили астраханского царевича Ядыгара-Мухаммеда. Таким образом, Москве и Касимову дали понять, что ключи от Волги будут в руках степняков. Но и планы Москвы насчёт Казанского царства поменялись: если раньше московиты стремились поставить на казанский трон «своего», управляемого Москвой царя, то теперь московское правительство решило узурпировать казанскую корону, венчав на Казанское царство Ивана IV.

В 1552 г. двадцатидвухлетний Иван IV двинулся в четвёртый, решающий поход на Казань. Была собрана огромная армия. Источники называют гигантскую для того времени цифру в 150 тыс. человек. Вся эта боевая громада уже было отправилась на восток, но крымские союзники Ядыгара, атаковали Московию с юга. Крымский царь Девлет-Гирей вторгся в Россию, и в короткое время дошёл до Тулы. Русские вынуждены были повернуть главные силы против Девлет-Гирея, и отбросили крымчаков, после чего, вероятно, перед Иваном и его воеводами встал выбор: или перегруппироваться и идти на Казань по проторенному пути от Нижнего Новгорода, или атаковать казанцев сразу пока не успели оправиться от разгрома их союзники из Крыма?

Чтобы не потерять стратегической инициативы, военный совет решил идти на Казань, используя старинный булгарский и золотоордынский тракт, заброшенный в XV в.

В созданном в 70-х гг. XVI в. «Лицевом Летописном Своде» сохранилось описание маршрута Ивана Грозного через Волго-Окско-Сурское междуречье.

Путь великого князя лежал от Мурома: «…на Саканьский лес, на реку Велетьму …на Шиленьшу, на Саканское городище, на Иржу, на Автечь реку, на Кевсу, на озеро Икшу, на Пьяну, через которую наведён ратью мост, на Дубровку озеро, на речку Медяну». Конечным пунктом сбора было Борончеево городище, рядом с местом впадения реки Барыш в Суру.

Армия двигалась двумя колоннам. Сам Иван IV с полком левой руки, сторожевым полком и гвардией, от Каширы пошёл через Владимир в Муром. Князья М. Воротынский и И. Милославский, с полком правой руки и большим полком, от Тулы отправились через Рязань и Темников. С юга, для защиты от набегов степняков, «через рязанские и мордовские места», пошёл отряд в 13 тыс. воинов во главе с князем А. Курбским.

Кроме этого, из Касимова вышел отряд касимовских «городецких» татар, под началом князя Ак-Сеит Черевсеева, а из Темникова отряд мещерских казаков, во главе с князем Еникием Тенишевым. Неугомонный Ших-Али отправился с артиллерией по Волге.

Каждый отряд двигался с разной скоростью, и если Иван IV дошёл от Мурома до Суры за 12 дней, то Курбский продирался от Рязани через леса, целых пять недель. Все по-разному, они в августе подошли к Свияжску. Огромное войско осадило Казань, но защитники Казани отвергли ультиматум Москвы. Тогда русские перекрыли речку Казанку, что ухудшило положение осаждённых, а после подрыва крепостной стены, взяли город приступом.

Победители согласно «Казанскому летописцу» истребили всех мужчин, а женщин и детей взяли в «полон». Город, «как водится», был отдан на три дня на разграбление, а Ших-Али готовился в четвёртый раз примерить казанскую корону.

Но великий московский князь Иван IV, «неожиданно» для всех сам венчался казанским царем. Этот шаг в постордынском мире вызвал непонимание и возмущение. Ведь московский князь поставил себя на один уровень с Чингизидами! Даже касимовский царь — по факту вассал Москвы — как Чингизид стоял на феодальной лестнице выше любого из князей Восточной Европы.

Польша и Литва так никогда и не признали за Иваном IV царского титула, а в степи на него смотрели как на самозванца и узурпатора, не сразу приняв «царское величие» Москвы[54]. Безусловно, и сам Иван Грозный, и его правительство, понимали эту «не вполне легитимность» царского титула Ивана IV, именно поэтому следующее приобретение Москвы — Астраханское царство, было записано на «настоящего» царя — правившего в Касимове Саин-Булата (его титул стал звучать как «царь Мещерский и Астраханский»).

Этим же можно объяснить «историческую загадку» 1573 г. когда Ивана IV ненадолго сменил на московском престоле тот самый Саин-Булат, носивший в крещении имя Симеон. Это не стало неожиданностью для современников; тогда все отлично понимали, что значит быть потомком Чингисхана. Англичанин Джером Горсей бывший в то время при московском дворе писал, что Иван Грозный: «передал ему [Симеону] свой титул и корону …заставил своих подданных обращаться со своими делами и тяжбами к царю Симеону. Он был посажен на престол и прежний царь Иван пришёл бил ему челом и приказал своим митрополитам, епископам, священнослужителям и знати, и чиновникам делать тоже, а всем послам обращаться к Симеону с теми же почестями».

Историки по-разному оценивали этот факт. Н. Карамзин, например, объяснял это временным помешательством русского царя, другие говорили, что это было нечто вроде шутки скучающего монарха… Шутка не шутка, а крымцы, бывшие до этого врагами

[54] Только в 1574 г. император «Римской империи» (Австрии) Максимиллиан подтвердил Ивана IV равным себе по достоинству, за ним это сделала английская корона.

Москвы, вступили в войну с Ливонией на стороне России, управляемой Чингизидом (Симеоном Бекбулатовичем).

Вернёмся в 1552 г. Казань повержена, и великий московский князь Иван IV стал царём, а Казанское царство — частью России. Стало частью России и Окско-Сурское междуречье, через которое прошли победоносные армии Грозного царя. Но, надо полагать, не только стратегическая необходимость заставила Ивана IV воспользоваться древним путём из Мурома в Булгар. Ему нужно было привести к присяге местное население, до этого покорное Казани. Нужно было самому утвердить новую власть, в стратегически важном районе, лежащем между Нижней Окой, Сурой и Волгой. Важно было продемонстрировать величие и мощь русского государя, величие и мощь православной «русской веры».

Летопись рассказывает: «…20 июля государь ночевал в лесу на реке Велетьме, а на другую ночь остановился на Шилексне, а третью под Саканьским городищем, а четвёртую на реке Ирже, а пятую на Авше реке, а шестую на Кавсе, а седьмую на озере Икше, а восьмую на озере не дойдя до Пьяны реки…»

По наведённым заранее переправам войско форсировало Пьяну, и расположилось, как сказано в летописи «у Дубровки озера» — вероятно рядом с современной деревней Дубровкой Краснооктябрьского р-на Нижегородской Области. Это была девятая остановка Ивана Грозного, а десятую ночевку великий князь осуществил в районе между современным поселком Сеченово и селом Чембилей («Десятый стан на речке Медяне»).

За 12 дней прошёл Иван Грозный, расстояние от Оки до Суры, благодаря древнему торговому пути. Однако если провести по карте воображаемый маршрут царя, не может, не бросится в глаза, что после стоянки у Дубровки, Иван Грозный совершил бросок на северо-восток, к истоку Медяны, чтобы уже оттуда двинуться к устью Барыша.

С чем связанно такое уклонение от главного направления на Алатырь и Баранчеево Городище? Уже упомянутый раньше А. Орлов полагает, что такое отклонение от маршрута московский государь был вынужден совершить для того, чтобы привести в по-

виновение присурских татар, не желавших изменять Казани. Возможно и так, хотя вряд ли они могли создать серьёзную угрозу для огромной армии, да и в целом, дипломатическая работа прошлых лет, сделала своё дело, — население региона встречало нового повелителя мирно.

Маршрут похода Ивана IV через Окско-Сурское междуречье

Как уже сказано выше, среди жителей Поволжья сохранилось большое количество преданий об этом походе. До сих пор любой курган, любой овраг или холм (мар) как-то связывают с походом Ивана Грозного, причём с обязательными подробностями о сломанных колёсах, потерянных рукавицах, о солдатских шапках которыми насыпали курганы, и прочими деталями.

Интересно, что предания эти записывались этнографами по всему Среднему Поволжью, даже там, где Иван Грозный никогда не был. Например, в Заволжье жители многих деревень утверждают, что именно через их селенья шёл Грозный царь на Казань. Повторюсь, что согласно этим преданиям, Иван IV основывал города и селения, строил церкви, крестил язычников, карал и миловал.

Вряд ли за 12 дней он успел сделать всё, что ему приписывает людская молва, хотя конечно, давать указание по устройству станов и церквей мог вполне, а уж крестить язычников и «перекрещивать» мусульман, было его прямой обязанностью, как православного государя. Но возникает вопрос: если царь шёл по хорошо известному пути, откуда взялись бесконечные истории о проводниках, якобы помогавших заблудившемуся войску найти дорогу?

Эти истории не могли возникнуть на пустом месте. Можно с уверенностью утверждать, что многочисленные проводники понадобились и войску, которое вёл царь, и армиям, которые вели его военачальники.

Вышедшие из Мурома, Темникова и Касимова, и из рязанских пределов многочисленные царские отряды использовали все попутные дороги. Они должны были преодолеть дремучие выксунские и саровские леса, и без местных проводников действительно могли бы заблудиться. С веками молва сделала их проводниками самого царя, да и не мудрено, ведь благодарил их за службу сам царь.

В «Царственной книге» говорится, что надёжными проводниками московских армий были местные сыны мордовского народа. Мордвин Чукляев провожал русскую армию от деревни Лесной Муромского уезда, до деревни Куженеево (Кужендеево), а мордвин Кельдяев был провожатым от своего села Куженеево, до города Свияжска, но народная память сохранила и другие имена. В песне «О Калейке мужике показавшим путь через Выксунский лес царскому войску» называется имя некоего Калейки, но кто он, и откуда был родом, осталось неизвестным[55]. Государь в благодарность пожаловал ему несколько сот десятин земли с лесом, по которому он проводил войско.

Любопытное предание пересказал выксунский писатель Н. Ключарёв. Согласно ему, проводниками русских отрядов были четыре местных татарина: Ардатка, Тоторша, Кужендей и Ризадей, которые провели царские полки до Арзамасова городища и по-

[55] От Калейки, вероятно, произошла местная «областная» фамилия Калякин.

лучили в награду «дачи», названные потом их именами: Ардатово, Тоторшево, Кужендеево и Ризадеево. Возможно, это были мещерские казаки, — подданные темниковского князя Еникея, и жители этих мест.

Среди преданий о проводниках Ивана Грозного любопытна ещё одна местная легенда о проводнике мордвине, получившем от царя в награду за свою службу драгоценный перстень, который оный мордвин называл «гольцо», за что и получил прозвище «Голец». Скорее всего, здесь речь идет, всё о том же Ивашке Кильдяеве, потомки которого — землевладельцы Гольцовы, в XVIII в. продали принадлежавшие им выксунские земли заводчикам — братьям Баташевым. У этой легенды есть продолжение, где говорится, что названный «Голец» сам себя называл Кужендеем, и был он братом Эрзи, который со своей женой Масьей основали город Арзамас.

Существуют и другие подобные предания, но один вывод из этих легенд можно сделать абсолютно точно. Ни в преданиях, ни в документах того времени нет и намека на то, что в регионе жили русские. Их в середине XVI в. здесь не было[56].

Местное население западной части региона составляли мажары-мещеряки и мордвины, а центральную и восточную часть региона населяли кроме мордвы и буртасов, многочисленные марийцы, сувазы и тюрки-кипчаки.

В основной своей массе население Окско-Сурского междуречья придерживалось своих древних языческих верований, и только феодальная верхушка исповедовала ислам, и то, судя по личным именам вождей, небольшая её часть. Однако в восточной и центральной части, находившихся в сфере влияния тюркских мусульманских государств Поволжья, была широко распространена мусульманская религия (мечети, по мнению А. Орлова, были даже в районе Арзамаса), особенно среди феодальной тюрко-татарской

[56] Данные археологии позволившие сделать вывод о расселении восточных славян в правобережье Нижней Оки чуть ли не с X в., на самом деле свидетельствуют лишь о тесных контактах местного населения со славянами, что вполне естественно для соседей. В XVI в. русские земледельцы жили только в устье Оки, и в Берёзополье.

и мордовской знати, но и здесь простые общинники, как правило, хранили верность язычеству.

Впрочем, войско московитов, вошедшее в Волго-Окско-Сурское междуречье, не несло идей какой-то межэтнической или межконфессиональной вражды. На службе у московского государя было много, и татар, и мажар. Отряды Черевсеева и Тенишева были серьёзной силой, другие «служилые» татары составляли немалую часть войска. Великий князь, и его воеводы лояльно относились к жителям региона, всячески пытаясь привлечь их на свою сторону, вербуя в свою армию. Многие местные татары, верные Казани, уже в районе Арзамаса начали оказывать сопротивление московитам, но в целом «завоевание» края прошло мирно, и большая часть жителей присягнула Москве.

Местные жители, принятые в войско царя, отличились в последующих боях. Например, всё тот же мордвин Ивашка Кильдяев стал одним из героев казанского похода. Мордвин Иван Кильдяев, названный царём «Дружина», дошёл до Казани, участвовал в штурме, бился на стенах, и «выказал храбрость немалую». Ещё одним героем казанского похода стал, живший на реке Пара татарин, мурза Бахметка (Махмет) «красивый и мужественный собою». Царь во время восьмой стоянки, в районе современного поселка Гагино: «Услышал о силе Бахметки, и призвал его к себе, и взял в проводники».

Бахметка отличился под Казанью, первый забрался на крепостную стену, взял в плен царевну Узбеку, «за что царь взыскал его своей милостью, облобызал его, и при крещении стал его восприемником (крестным отцом), назвав его Юрием Ивановичем Бахметьевым, и пожаловал ему множество земель вокруг Пьяны».

Подобные «Ивашки Кильдяевы» и «Бахметки» присягнувшие на верность Ивану IV составили опору Москвы в регионе. После победы над Казанью им были розданы «дачи» и вотчины, а многим просто подтверждены права на владение беляками, полученными ещё от казанских правителей. Собственно, на верности этих местных феодалов, подкреплённой к тому же ещё хорошим жалованием, и держалась, на первых порах власть Москвы в Волго-Окско-

Сурском междуречье, хотя в Волго-Камье и на территории современной Чувашии сразу же вспыхнула партизанская война.

Англичанин Джильс Флетчер, описывая в 1591 г. взаимоотношения московского правительства с феодалами вновь присоединенных земель, указывал: «Нагорные люди очень много беспокоили русских царей, которые по этой причине теперь остаются довольными тем, что могут покупать у них мир, платя им, мурзам и дивей-мурзам, то есть начальникам их племён, ежегодную дань («жалованье» в понимании Москвы авт.) русскими произведениями, за что они, со своей стороны, обязаны служить царю в предпринимаемых им войнах, на некоторых известных условиях. Говорят, что они, мурзы, справедливы и очень честны в своих поступках… Простой народ неохотно хранит с русскими договоры, но мурзы или князья, за получаемую дань, удерживают его от нарушения условий»[57].

После присоединения края мещерские, мордовские и татарские мурзы постепенно встроились в феодально-вотчинную систему Московской Руси. Принимая крещение (на первых порах добровольно), и переходя на русский язык, они и их потомки становились русскими. В деловых бумагах XVI–XVII вв. сохранились сотни фамилий таких «новоиспечённых» русских дворян: Исуповы, Мамаевы, Череватовы, Алемасовы, Радаевы, Рахмановы, Барановы, Бахметьевы, Лемаевы, Ичаловы, Нагаевы, Мочаловы, Ризоватовы, Байковы, Маскаевы, Чиндясовы, Измайловы, Аргамаковы, Ахматовы, Болтины, Мамлеевы, Мещерские, Мансуровы, Мустафины, Чаадаевы, Чегодаевы, Узяковы, Чуфаровы, Шейсуповы, Шугуровы, Карамзины и др. Их потомки считали себя русскими дворянами, русскими людьми, и только фамилии говорили об их тюркских корнях.

Четвёртый поход Ивана Грозного закончил тюркскую историю нашего края, но любопытно рассмотреть этот исторический акт с точки зрения того влияния, которое он оказал на топонимику Окско-Сурского междуречья. Действительно ли верно утверждает молва, что молодой государь принял деятельное участие в форми-

[57] «Горные люди» — так называли жителей правого, высокого («горного») берега Волги.

ровании этой топонимики, давая названия сёлам и городам, урочищам и водным объектам? Или легенды являют собой пример «народной» этимологии, когда русские земледельцы, впоследствии колонизировавшие междуречье, пытались осмыслить непонятные названия, подбирая похожие по звучанию русские слова и приурочивая это осмысление к значимому историческому событию?

Начнём с дороги, на которую ступил в конце июля 1552 г. великий князь. Древний тракт, основанный ещё в хазаро-булгарский период (VIII–X вв.), проходивший вдоль высокого левого берега реки Тёши, служил и хазарам, и булгарам, и руссам, и викингам, и всем кто торговал по «Великому Волжскому пути». Это был только один из важных торговых путей, проложенных в древности в Окско-Сурском междуречье.

Другая дорога, связывавшая Владимиро-Суздальские земли с городом Тюменью (Темников), и с Мохши-Наручадью, шла от муромской переправы, по левому берегу Велетьмы и Тёши, и, свернув вдоль левого берега Лемети, проходила через нижегородский Ардатов, в древний Сарыклыч (Саров), а оттуда в Тюмень.

Во времена золотоордынского правления, когда усилился Нижний Новгород, возникла ещё одна «сакма», связующая Нижний Новгород с Мохши-Наручадью. Сакма была проложена от самого устья Оки через Берёзополье и Выксунские леса. Ещё одна стратегически важная дорога — «Большая посольская» пересекала регион с запада на восток, от Касимова, через Темников и Арзамас, до Суры и вела в Ногайский улус.

Эти дороги проходили через регион, делая его развитым и обжитым. Только в конце XIV в. экономике края, до того подорванной нашествием Тимура и эпидемией, был нанесён убийственный удар, когда, как уже говорилось, запретили торговлю через Арзамас и Муром предпочитая путь из Казани в Нижний Новгород. На долгие полтора века прекратился сухопутный транзит через Окско-Сурское междуречье, и только приход Москвы в Среднее Поволжье возобновил его.

Перехлесты этих дорог в устье речки Лемети, и в устье речушки Сахан (Сакань, Саконка) — места исторические. Здесь издревле

шли купеческие караваны, скакали гонцы, ехали послы. По этим дорогам везли «выход» в Орду, по этим дорогам ехали за ярлыками. По одной из них возвращался из Орды смертельно больной Александр Невский. Здесь проходил в Орду московский князь Василий — сын Дмитрия «Донского», сумевший подкупить татарских беев («умздил дарами великими князей царёвых»), и получивший от Тохтамыша ярлык на Нижний Новгород, Муром, Мещеру (Мещерский Городец) и Тарусу. По этим дорогам, шли на бой с московитами войска Улуг Мухаммеда, и вели назад захваченного в плен великого московского князя Василия «Тёмного». Через эти края возвращался он назад из курмышского плена, заплатив огромный выкуп.

По одной из этих дорог бежал в Казань Мамутек, разбитый князем Данилой Холмским, и здесь шёл на Казань Иван Грозный. Через Муром пришёл Гришка Отрепьев к царице Марии Нагой (в иночестве Марфе) — матери убитого царевича Дмитрия Угличского, сосланной в глухой выксунский монастырь. «И пришед в монастырь на Выксу с товарищем своим неким старцем, в разодранных и худых ризах. А сказавши приставам, что пришли помолиться, и к царице для милости. И добившись того чтоб царица их к себе пустила. И неведомо каким вражьим наветом прельстил царицу и сказал ей воровство свое. И она дала ему крест злат с мощью и с каменьем драгим, сына своего благоверного Дмитрия Ивановича Углицкого».

По этим дорогам уходили на Урал, в Сибирь и на Дон, «раскольники», и по ним же гнали в ссылку мятежных московских стрельцов и других бунтовщиков. По древнему тракту, через Алатырь, Арзамас и Муром возвращалась из своего путешествия в Казань Екатерина II, и по нему же везли на казнь в Москву Емельяна Пугачёва. По древней «Царской сакме» ведущей из Сарова через Ардатов в Муром, шёл на богомолье Серафим Саровский, и по нему же ехал на беседу к батюшке Серафиму император Александр I. Не раз видел этот тракт и русского поэта А. Пушкина, проезжавшего в своё имение — село Большое Болдино. Книги не хватит, чтобы перечислить всех великих людей, путешествовавших по этим дорогам.

А 20-го июля 1552 г. переправившись через Оку, московский государь вступил в земли, которые и через 80 лет после этого события, путешественник Адам Олеарий, называл «земли мордовских татар»[58].

Легенды о созданной, Иваном Грозным, топонимике начинаются прямо здесь, на Навашинской земле. Местные предания утверждают, что после переправы, у царской кареты лопнул железный обод на колесе, называемый шиной, и царь потребовал «нову шину», отсюда мол, и возникло Навашино. Другая легенда гласит, что царь, окрестив местную мордву, первый их поселок назвал Новокщёново (от глагола кстить — «крестить»), а уже потом, в результате простонародного упрощения Новокщёново превратилось в Новошёново, а затем и просто в Навашино.

После государь решил избавиться от всех лодырей и бездельников («сонь») в своем войске, и выселил их в лежащую рядом деревню, названную из-за них, Сонино. Следующая деревня была населена не желавшей креститься мордвой, поэтому названа была Безверниково.

Перед нами классический пример «народной» (мнимой) этимологии, когда люди пытаются истолковать название, исходя из лежащего на поверхности смысла, привязывая свое толкование к какому-то известному событию. Несомненно, название Навашино произошло от древнего угро-тюркского гидронима Наваша, путем оформления его русским формантом -ино. Хотя не следует здесь отвергать и наличие древнего марийского форманта -ваша, распространенного в марийских землях Заволжья. Родственники марийцев — меряне, уходившие в X–XI вв. от русской экспансии на правый берег Нижней Оки, селились в Приокской низменности, чему свидетельством служат такие топонимы, как находящиеся здесь посёлок Чудь и крошечная речушка Меря.

[58] Переправа произошла в районе, где теперь построен железнодорожный мост.

Ивана Грозного, переправившегося через Оку, встречали мажары-мещеряки и мордва, и нерусское население ещё долго преобладало в этих районах, несмотря на начавшуюся колонизацию. Характерно, что поселок на месте Навашино носил название Мордовщиково, и только в 1957 г. был переименован.

Древняя топонимика бассейна Велетьмы, и низовьев Тёши и Серёжи (где расположился первый стан царя), является яркой иллюстрацией смешанности, дорусского населения этих мест. Названия речек с формантами -ва и -ма (Велетьма, Ульчадма, Сарма, Толава, Мелява, Сарова и др.), принадлежат языку древних восточных финнов — предков мордвы. А названия речек с топоформантом -га (-ка) (Канерга, Илимдиг(а), Засик(а) и др.), принадлежат языку древних угров, соединившимся здесь с финнами.

Гидронимы с формантом -ша (-са, -за): Тёша, Серёжа (ша), Иржа (ша), Акша, Шилокша, Выкса, Калнакса, Ковакса, Вичкинза, Пуза и др., говорят о пришедших в Приочье буртасах и мадьярах-мажарах, как и топонимы, образованные от личных имён этих угро-тюрок (Луктос, Ильмис, Нукус, Сатис, Мотмос, Втарес и др.).

Антропонимы с окончанием -ас (-аз, -ис, -ус, -ес, -ос) принадлежащие древним угро-тюркам, и перенятые от них древней мордвой, распространены по всей территории Среднего Поволжья, «опускаясь» на юг вплоть до верховьев Дона. Древние имена с суффиксом -ас (-аз, -ис, -ус, -ес, -ос), были широко представлены в антропонимике угро-тюркских народов, и воспринимались от них финно-уграми. Древнечувашские имена: Марас, Атмас, Макас, Минас, Теменес, Арсамас и др., перекликаются с древнемордовскими: Инемас, Пургас, Виряс, Томболес, Вячкомас, Полдомас и др., и марийскими: Пайказ, Токпарс, Яныс и др. А мажарские имена, отличались только шипящей гласной в конце: Алтыш, Мураш, Пуреш и др.

Название Велетьма, произошло, согласно «народной» этимологии, от того, что Иван Грозный, оглядевший после переправы через Оку лежащие перед его армией огромные леса, будто бы произнес «Велия тьма лесов» («великое множество»). На самом деле, это древнее название можно разделить на две части, корень велеть,

и суффикс -ма. Исследователи считают, что велеть — это производное от мордовского веле («село»), а -ма — это восточнофинское обозначение местоположения. Получается что-то вроде, «место, где расположено село». Но мордва не создавала топонимов с формантом -ма, для мордовского языка это не свойственно.

Повторимся, что мордовская топонимика, в юго-западной части Окско-Сурского междуречья, имеет более позднее происхождение по сравнению с топонимикой угро-тюркской (булгарской, буртасской, мажарской).

Мордовские племена, жившие рядом с угро-тюрками и находившиеся под их влиянием, пользовались древнефинской и угротюркской топонимикой, или снабжая угро-тюркские топонимы своими формантами (напр. Шилокшлей), или переиначивая их на свой лад. (Мамлей-ка вполне могла иметь название Мамай-ли, Саваслей-ка могла звучать как Суваз-ли и др.). Собственно мордовская топонимика региона стала складываться уже в позднем средневековье, и из всего многообразия мордовских топоформантов в Окско-Сурском междуречье наиболее распространенными, являются -лей, и -кужо.

Названия Липелей («ольха-ручей»), Кавлей («камень-ручей»), Кудлей («дом-ручей»), или Серякуши («высокая поляна»), Верякуши («верхняя поляна»), Миякуши («бобровая поляна») и др., безусловно, принадлежат мордовским языкам, и к ним же можно отнести такие как Верея (виря — «верх») или Виля (веле — «село»), если бы не одно «но»: среди топонимов междуречья, звучащих вроде бы по-мордовски, попадаются такие, в которых при наличие чётко выделяемого форманта -лей, или -кужо (-куши), основа топонима не имеет в мордовских языках никакого смысла.

В этих случаях исследователи или подбирают похожие по звучанию мордовские слова, или просто говорят, что это забытые древние мордовские имена (вроде как Тур, Мам и др.), но может быть и другое объяснение.

Эти основы практически неизменными можно обнаружить в древних и современных тюркских языках Поволжья. Например, тур, в топониме Тур-куши, может быть древнечувашским словом

тор, означающим божество. Или древнетюркским словом тура, означающим крепость. Мордва вполне могла назвать место, где находилось языческое капище угро-тюрок, «поляной, где молились божеству» (Торкужо), или «поляной на которой стоит крепость» (Туракужо).

Дополнительную уверенность в таких толкованиях придаёт попытка этимологизировать с этих позиций топоним Туртапка. Жители села Туртапка под Выксой, расскажут, что название села произошло от имен мифических бандитов Тура и Тапки, живших здесь когда-то, что является примером «народной» этимологии. Исследователи выводят образование топонима от мордовского личного имени Турдак. Но Туртапка можно разобрать как тор («божество»), и тюркское tapinak («храм»), и истолковать, таким образом, как Тортапинак — «храм божества», переиначенный в мордовском языке в Туртапка (Туртапки).

Или разобрать как тура («крепость»), и tapinak («храм»), и истолковать как «крепость с храмом».

Тюркская, чувашская антропонимика вообще может служить ключом ко многим, якобы «чисто мордовским» названиям. Чуваши, наследники древней угро-тюркской (гуннской) этносреды, наиболее активно сопротивлялись и исламизации и христианизации, и поэтому сохранили много мужских и женских имён, несомненно, свойственных в древности для всей этой среды. Чувашские мужские имена, такие как: Атемас, Кавлей, Маслей, Мамелей (Мамлей), Казандей, Савлей, Тавлей, Авлей (Явлей), Турапай, Ратмай, Рамзай, Сысуй и др., и женские имена: Силиверь (Салавирь), Иленеть (Илеметь), Сертилеть, Тохтап и др., легко отыскать в основе многих местных топонимов.

Напомним также версию востоковеда В. Владимирцева о заимствовании мордвой древнетюркского форманта -иле (-ле). Мордва, по мнению академика, заимствовала -иле, переиначив на свой лад, в -веле. Поэтому и возникают сомнения в мордовском происхождении топонимов Виля и Велетьма. Названия современных мордовских сёл региона, таких как Чука-лы, Пиче-ле, Карда-виль и др., возможно, имеют тюркское происхождение.

Следующая ночёвка армии Ивана Грозного, случилась 21 июля 1552 г. на речке Шилексне (Шилокше). Угро-тюркский гидроним Шилокша, в разных вариантах, часто встречается в северной части Европейской России. Этим именем, как правило, названы совсем небольшие речки и ручьи, и оно изменялось в разных русских говорах самым причудливым образом. Шилекша, Салакса, Шиликша, Шолокша и др. Это название можно разложить на формант -ша, и корень шилк, ведущий своё происхождение от древнего булгарского шилка («светлый», «серебряный»).

Между первым и вторым станами царского войска расположены селения, названия которых однозначно принадлежат угро-тюркскому прошлому нашего края. Первое название Мурзицы. В топониме Мурзицы, что называется, «невооружённым глазом» виден, древний степной титул мурза (князь), но почему тогда не Мурзино (таких названий много в Поволжье), или Мурзы (есть и такие)? Существует местная легенда о неких разбойниках Мурзицах, скрывавшихся когда-то в местах, где сейчас расположен посёлок, но это опять «народная» этимология, как в случае с Туром и Тапкой. На самом деле, раньше Мурзицы, скорее всего, назывались Мурзицын стан. Возможно, здесь какой-нибудь мурза получил от Ивана Грозного в награду за службу земельный надел, названный Мурзицыным станом. Или здесь находился пункт отдыха для высокопоставленных особ. Именно так, «стан», называли места отдыха, своего рода, гостиницы, находившиеся рядом с большими караванными путями.

На торговом пути, пересекавшем Окско-Сурское междуречье, с запада на восток, от муромской переправы через Арсу-Арзамас к Суре, необходимы были места для отдыха купцов и путешественников, и особенно «станы» оборудованные тёплыми помещениями. Они так и назывались «тёплыми станами». Там, где когда-то проходили важные торговые пути, обязательно были «тёплые станы». Как память о них остались названия современных посёлков. Село Тёплый стан есть в Мордовии, Тёплый стан есть в Татарстане, свой

Тёплый стан был под Москвой (ныне район города). Такой же «тёплый стан», мы находим в 40 верстах восточнее Мурзицына стана.

Сегодня это село Тёплово, которое до XVIII в. называлось Тёплый стан. Простонародному языку свойственно упрощение названий, и в топонимах состоящих из двух слов, люди, как правило, выбирают одно, наиболее характерное. Мурзицын стан со временем превратился в Мурзицын, а впоследствии отпала и последняя буква, и тоже произошло и с названием Тёплый стан. Его жители отказались от стана, и снабдили прилагательное тёплый русским формантом -ово (Тёплово).

Интересен тот факт, что на восточном конце окско-сурского сухопутного транзита, так же имеются Мурзицын и Тёплый станы. Присурский Мурзицын стан со временем превратился в Мурзицы, а посёлок Тёплый стан в 1945 г. был переименован в Сеченово. Любопытно, что жители присурского Тёплого стана название своего села, в отличие от приокских «теплостановцев» не упрощали, также как и жители сёл расположенных в Татарии, и в Мордовии. Видимо приокский Тёплый стан раньше других «станов» попал в сферу жизнедеятельности русских переселенцев.

Рядом с приокскими Мурзицами расположилось селение с самым загадочным названием — Кулебаки. Что только не придумали, пытаясь объяснить этимологию этого древнего названия (а оно действительно древнее). Здесь и вкусные кулебяки (вид пирога) которые якобы тут пекли, здесь и кули и баки, и мордва делавшая ульи-кули, и складывавшая мёд из них в баки. Авторы одной из версий, для того чтобы объяснить название Кулебаки, приводят мордовский топоформант -ки («дорога»), и уверяют, что все нерусские поволжские топонимы, с окончанием -ки — это древние мордовские антропонимы, вроде того как Шат-ки дорога некоего Шата, Дем-ки — дорога Дема, Ичал-ки — дорога Ичала, Туртап-ки — дорога Туртапа, а Кулебаки — дорога Куляба.

Возможно, понимая всю нереальность существования в древности такого количества дорог, авторы гипотезы делают оговорку, что это были даже не дороги, а тропинки, называемые именами проторивших их первопроходцев. А мордовские имена, которых

не встретишь ни в одном документе средневековья (Шат, Работ, Кулеба, Бор, Ичал, Руй, Рут, Ба, Лад, и др.), дескать, когда-то существовали, а затем были забыты.

На наш взгляд, в данном случае исследователи, пренебрегая законами языка и опытом своих предшественников, сделали поспешный вывод и предлагают его в качестве решения. «Открывать» в живом, хорошо изученном языке новые «древние» имена — означает придумывать «параллельную реальность». Впрочем, оставим загадочного Кулябу, на его тропе-дороге, и обратимся к проблеме.

А проблема заключается в том, что современные исследователи, склонные выводить происхождение древних топонимов Окско-Сурского междуречья только из мордовских языков, и не желающие признавать наличие в этих краях какого-либо другого, «дославянского» населения, загоняют себя в определенные рамки и порой не замечают очевидных фактов.

Топоним Кулебаки не единственный в своем роде. В Тамбовской области, на реке Цне, есть село Кулеватово известное с 1678 г. В основу его названия положено мордовское дохристианское имя Кулеват[59]. Можно предположить, что это и есть ключ к отгадке, но вряд ли мордвин Кулеват имеет касательство к Кулебакам. Ведь тогда название звучало бы как Кулебатово или Кулебатино, а мы имеем Кулебаки, и мордва здесь не причём. Может быть, в основу названия положена фамилия основателя? Если покопаться, то можно обнаружить, что такая фамилия действительно существует, но принадлежит она …сынам еврейского народа. Известны такие деятели как Моисей Кульбак — белорусский еврейский писатель, и Соломон Кульбак — американский еврей польского происхождения, но вряд ли евреи имеют отношение к основанию Кулебак. Скорее дело здесь в самом значении слова. Что может означать кулебаки или кулебак?

[59] Например: Череватово от мордовского имени Череват, Вадоватово от Водоват, Кулебатово от Кулебат.

На юге России, в степях Курской области есть селение Кульбаки основанное в 1680 г. Его жители хранят предание о происхождении названия деревни гласящее, что проезжавший когда-то через деревню казак потерял часть сбруи коня. Он вернулся и стал расспрашивать у местных, не находили ли они «кульбак»? И хотя они не понимали казака, вскоре выяснилось, что потерял он седло. Кульбак — это старинное степное, видимо ещё сарматское, название седла, потому что ничем другим нельзя объяснить, что по-польски, седло называется кульбак. В Польшу кульбак принесли сарматы, и передали это название седла ляхам-полякам (отсюда и фамилии евреев — выходцев из Польши).

Сарматы, влившиеся в состав кочевых гуннских орд, распространили своё название седла среди кочевников, и те, в свою очередь, принесли кульбак в Поволжье. Сарматский кульбак был известен по всей Восточной Европе. Так называли седло и в степях, и в московской армии, даже ещё и в XVII в. Помните хорвата Юрия Крижанича, который при дворе царя Алексея Михайловича боролся за чистоту славянского языка и за искоренение татарских терминов? Рассуждая о воинском духе русских ратников, Крижанич с тревогой писал: «…воины много храбрости теряют, когда они свои военные дела и понятия заменяют чужими, иностранными, татарскими словами. Это ненужное смешение языков в военном деле особенно вредно, ибо рассуждают они так: откуда пришло название ратных дел, оттуда пришла и воинская слава и доблесть. Надо заменить, в том числе, слова: “солдат” на “пехотинец”, “гетман” на “полевой бан”, “атаман” на “главарь”, “капитан” на “сотник”, “витязь” на “ратник”, “гусар” на “копейщик”, “аманат” на “заложник”, “барабан” на “бубнарь”, “есаул” на “поручик”, “драгун” на “конник”, “кантар” на “узда”, “бахмат” на “татарский конь”, “кулбак” на “татарское седло”». Кулбак, кульбак, кулебак — это древнее степное название седла, а применительно к нашим Кулебакам оно связано с особенностями рельефа местности.

Посёлок Кулебаки-Кульбак стоял на древнем тракте, а древние дороги повторяли все особенности рельефа той местности, где они были проложены. Эти особенности не могли, не отразится

в топонимике. Например, место, где даже в сухую погоду стояла непролазная грязь, грозившая путникам опасностью застрять, называлось в народе «Лихим местом», и осталось «Лихим» и по сию пору, хотя проблем с проездом там вроде бы уже нет. Так же получили своё название и Кулебаки. Подъезжая к Кулебакам со стороны Оки, даже по современной дороге, испытываешь некоторое неудобство, из-за крутых спусков и подъёмов, последний из которых находится уже в самих Кулебаках («Рыночная гора»), а представьте, каково было ехать по ним на телеге или верхом? Притом, что до Кулебак, и после Кулебак местность практически ровная. Древние угро-тюрки отметили это место, назвав селение и речушку Кульбак («седло»).

Мы оставили Ивана Грозного на реке Шилокше. Гидронимов с топоформантом -ша (-са, -за, -жа) очень много в западной и центральной части Окско-Сурского междуречья, на старинных угро-тюркских землях. Они повсюду, от названий небольших источников (Калнакса) до названий сравнительно крупных рек (Тёша, Ковакса, Серёжа, Акша и др). То, что эти названия не могут принадлежать мордве, лишний раз доказывает мордовское название речушки Шилокшлей, впадающей в Шилокшу. Мордва использовала древнее название добавив к нему свой топоформант -лей.

Между второй и третьей стоянками московского войска расположены селения Ломовка, Тёплово и Гремячево, в которых, согласно народной этимологии, сначала сломалась царская карета (в Ломовке), затем царь согрелся в тепле (Тёплово), а затем карета загремела (в Гремячеве). Хотя по другим легендам, в Гремячеве гремело и оружие солдат, и знаменитые местные родники.

О Тёплове — «Тёплом стане» на древней дороге мы уже говорили, а что касается Гремячева, то название с основой «гремячий» очень характерно для Среднего Поволжья. Названия Гремячево, Гремячий, Гремячка, Гремячий ключ получали селения русских колонистов, расположенные вблизи сильно звучащих источников, а топоформант -ево (-ово) в названии села, свидетельствует об основании селения не позднее XVII в., когда Окско-Сурское междуречье заселялось выходцами из Северо-Восточной Руси. Впрочем

топонимы расположенные на противоположном сёлам Тёплову и Гремячеву, правом берегу реки Тёши — Монасиха, Кобылиха, Балахониха и подобные, говорят о том, что нижегородцы (потомки древних суздальцев, которым принадлежат названия с формантом -иха созданные не позднее XV в.), выходили к Тёше в XIV–XV вв.

Что касается названия Ломовка, то здесь вроде бы очевидна связь названия с глаголом «ломать» («сломать»), то есть с какой-то неисправностью или поломкой. Тем не менее, вряд ли селение Ломовка запомнилось царю как место вынужденной остановки. Угорский апеллятив лом («низина»), чрезвычайно распространен на всем пространстве расселения мордовских народов. Лом-аты, Лом-ов, Лом-ать, Лом, Лом-ки, Лом-ня и др. встречаются по всему Среднему Поволжью, а формант -ка в названии нашей Ломовки говорит о том, что село пополнилось русским населением после XVII в., когда в Поволжье хлынули переселенцы из южнорусских областей. Именно им было свойственно образование топонимов с топоформантом -ка (Липовка, Берёзовка, Мамлейка, Котовка и др.). Возможно, тогда Ломов стал Ломовкой.

Ночь на 22 июля застала московского государя возле «Саканьского городища» на левом, высоком берегу Тёши. Саконское городище — место знаменитое. П. Мельников помещал сюда центр древнего мордовского княжества, А. Орлов убежден, что здесь был центр татарского княжества, Ардатовский краевед А. Базанов уверял, что здесь был булгарский форпост. Видимо и то и другое, и третье мнения имеют под собой основание, и здесь действительно был средневековый феодальный центр, основанный на древнем тракте ещё в хазаро-булгарский период, как опорный пункт и место для взимания «тамги» (таможенного сбора). Татары также поместили сюда свою таможню, и крупный отряд во главе с царевичем Чагатаем. Татарский посёлок Мухта-лы (тюркск. maktu — «крайний», и -лы — «род») ныне Мухтолово, был пограничным пунктом Орды.

Вообще вдоль древнего тракта селились представители самых разных этносов. В нескольких километрах восточнее Саканьского городища (Сакон) расположено село Голяткино, название которого

указывает на поселившихся здесь в древности балтов-голяди (галиндах). Древние балты были активным и многочисленным этносом, и проникали далеко на восток. Балтский «след» виден в названии речек Нуча и Чна протекающих в здешних лесах.

К югу от Саканьского городища простирались земли населенные вперемешку мордвой, мажарами и буртасами. В золотоордынский период это был цветущий край, богатевший на важных средневековых торговых путях. Но в середине XVI в. здесь царили безлюдье и запустение. В 1552 г. в районе Сакон заканчивались владения Тюменского княжества — вассала Москвы, и по реке Ирже проходила граница с Казанским царством.

Не случайно Иван IV поставил свой четвертый стан на Ирже. Армии понадобилась остановка перед вторжением на территорию противника. Впереди находился крупный центр междуречья — Арзамас (Арземасово городище). Термин «городище» указывает на то, что Арзамас (как и Саконы), к этому времени, лежал в руинах, сожжённый в перипетиях русско-казанских междоусобиц.

Согласно местным преданиям, здесь войско царя сбилось с пути, и ему понадобились проводники, немедленно явившиеся к нему под именами Калейки и Ардатки. Нет сомнения, что это «калька» легенд записанных среди населения правобережья Теши. В преданиях жителей местных деревень Надёжино, Юсупово, Онучино (порядка 30-ти км. южнее Тёши) сохранились воспоминания о стоянии армии Ивана Грозного рядом с этими деревнями, о церкви якобы построенной царём, и о курганах, будто бы насыпанных его войском.

В месте слияния Тёши и Иржи находятся древние сёла Большое и Малое Туманово «официально» известные с 1582 г. Название Туманово местные жители связывают с легендой о тумане преградившим путь царскому войску, за что царь и назвал село Тумановым. Краеведы связывают происхождение названия села с именем служилого мордвина Тумана Кочемасова, упомянутого в документах XVII в.

Однако в этом названии явно просматривается апеллятив тумэн. Село расположенное на границе Тюменского княжества,

бывшее пограничным и таможенным постом, получило своё название по княжеству, на границах которого стояло. Название Тумэн позже оформилось русским топоформантом -ово.

Эта древняя граница не изжила себя и в Московском государстве. Она применялась в административном делении созданного здесь впоследствии Арзамасского уезда. Исследователь А. Гераклитов обращал внимание на то, что уезд исторически делился на две части. Одна часть, к востоку от Арзамаса называлась Залесье, другая к западу, называлась Утишье, и мордва этих частей была не похожа друг на друга. То есть, их непохожесть была следствием проживания в разных государствах, и сохранялась ещё довольно долго.

Следующая ночь 24 июля 1552 г., застала московское войско в устье реки Акши, в предместьях древнейшего населенного пункта междуречья — Арземасова городища, отождествляемого нами с древней столицей Арсой. Версий о происхождении названия Арзамас много, и все они, так или иначе, связаны с мордвой. Самая распространенная гласит, что в названии соединены два мордовских имени — Эрзя (Арзя) и Маса (Масья), а затем уже следуют варианты: или это были два проводника Ивана Грозного, или два брата, или брат с сестрою, или даже муж с женою. Все эти версии, в той или иной степени, можно отнести к «народной» этимологии, но одно не вызывает сомнений: первая часть топонима Арзамас связана с мордвой эрзей. В. Никонов, исследовавший топонимику южной части тогдашней Горьковской области был уверен, что первая часть названия есть видоизмененный этноним эрзя, а вот вторая имеет отношение к древним мадьярам-мажарам, жившим здесь.

В своём «Кратком топонимическом словаре», он соглашался с мнением академика Б. Серебренникова, сопоставившего мас с венгерским mezzo («поле»), и связывал возникновение топонима с мадьярами. Мажары называли местность и город, расположенный на ней — «Эрзянское поле» («Поле Эрзи») и это имя навсегда прикрепилось к древней Арсе. Оним Арзамас прочно вошёл в антропонимику поволжских народов: Арсамас — это мужское имя у чувашей, мордвы, марийцев.

Согласно сведениям А. Орлова, здесь же, в районе Арзамаса, местные татары встретили боем московскую армию. Надо сказать, что Арзамас всегда входил в сферу интересов степного мира. Даже если не принимать во внимание гипотезу о сарматской Руси-Арсе, А. Орлов указывает на то, что здесь известны булгарские (угротюркские) археологические находки. Город, стоявший на большом торговом пути, просто не мог остаться без внимания хазар, булгар и татар.

В XII в. вокруг Арсы-Арзамаса существовало мордовское раннефеодальное образование. Неизвестно кем был Пургас — мордвином или потомком сарматов, но боролся он с Рюриковичами уже от имени мордовского народа, и выступал из пределов Арзамаса, о чём говорит и его маршрут, отмеченный в летописи «…из-за речки Чары (приток Серёжи авт.)».

Что же до местных татар, то кипчаки-половцы проникали в Арзамасский край ещё до татарского нашествия. Арзамас, безусловно, был одним из золотоордынских региональных центров. Неслучайно местности южнее и восточнее Арзамасова городища облюбовали ордынские сепаратисты Тагай и Секиз-бей.

После разгрома учиненного Тамерланом, и других бедствий обрушившихся на Орду регион запустел, и в составе Казанского царства играл роль окраины — пограничного с Тюменью района. Расселившиеся здесь татары притесняли местное мордовское население (мордва жаловалась Ивану Грозному на татар занимавших лучшие земли и просила удалить их с Тёши), и оказали сопротивление царским отрядам, но были разбиты воеводой Левашовым. В честь победы Грозный приказал поставить церковь в татарском селе, бывшем центром сопротивления, и ставшем после постройки в нём церкви, селом Архангельским, а для наблюдения за местными татарами учредил «Арзамасскую выездную казацкую слободу» и поселил в ней 600 верных мещерских казаков.

Локальные бои с татарами московиты вели на всём пути от Арзамаса до Присурья, но местная мордва сопротивления не оказывала и охотно переходила «под руку» московского государя,

принимая крещение. Мордовские князья и старшины подносили молодому государю чаши с песком и землёй (в знак того, что вручают ему свою землю), а Иван Васильевич, в свою очередь, приказывал строить для них церкви и дарил мордве иконостасы.

Шестая стоянка на речке Кавсе, предположительно около современной деревни Вазьем (недалеко от п. Вад), и седьмая на озере Икше (которое не сохранилось), вероятно, в районе современной речушки Якшеньки и сёл Большая и Малая Якшань, также случились в местах плотно заселённых татарами. Даже современная топонимика этих мест не оставляет сомнения в своих тюркских корнях. Сёла Шарапово, Саблуково, Нагаево, Рахманово, Болтино, Алтышево, многочисленные Майданы, говорят о былом присутствии здесь тюрок. Кроме того, по утверждению А. Орлова, очень много деревень было переименовано расселившимися в них потом мордвой и русскими земледельцами. Конечно, не все татары оказывали сопротивление, очень много татар переходило на службу к русскому царю и крестилось. В окрестностях современного Гагина, где 27 июля 1552 г. находилась восьмая стоянка Ивана Грозного, к нему присоединился тот самый Бахметка — герой штурма Казани, ставший русским князем Бахметьевым.

Местная топонимика, даже после заселения верховьев Пьяны русскими, говорит о тюрко-татарском прошлом этого края. Селения Тарханово, Исупово, Мангушево, Салган, Курбатово, Муратовка, Ендовище и многие другие напоминают, что эти земли были в XVI в. татарскими владениями. Регион вокруг посёлка Гагино являлся собственностью князей Манцыровых-Мансуровых и в обиходе назывались «Мансуров угол»[60].

Здесь, в «Мансуровом углу», царское войско соединилось с другими отрядами, и продолжило движение к «Дубровке-озеру».

Дубровка — единственное русскоязычное название, встретившееся на пути Ивана Грозного, видимо осталось здесь от славянских земледельцев, заселявших плодородные земли Попьянья в пе-

[60] В составе России Мансуров угол долго считался глухоманью, куда ссылали преступников, а беглые обретали здесь «волю»

риод могущества Нижегородского княжества, и рассеянных, потом, внутриордынскими неурядицами.

Переночевав с 28 на 29 июля возле «Дубровки-озера» (современная граница Нижегородской области и республики Мордовии, в районе сёл Адашево и Бол. Болдино), царь отвернул с алатырского направления на северо-восток, к верховьям рек Медяны и Медянки, чтобы продолжить покорение «Татарского поля», заселённого враждебными татарами. Разумеется, местные татары не могли оказать сколь-нибудь серьёзного сопротивления огромной армии.

Десятая остановка московского государя случилась между селениями Чембилей и Тёплый стан. Отсюда московские отряды подавили сопротивление татар Присурья. В Нижнем Присурье долгие века подвластном тюркам, местная топонимика буквально пестрит тюркскими названиями[61]. Именно в этих местах, в районе современного села Медяны, проходил древний путь к слиянию Волги и Камы, шедший через Арзамас и Сергач. За ожесточённое сопротивление Иван Грозный приказал выселить местных татар из Присурья в «глухие места».

Закончив с присурскими татарами, царь выступил на Борончеево городище. Пройдя вдоль левого берега Суры, Иван Грозный, в начале августа, прибыл в район древнего города Алатыря (древнетюрк. улатар — «сильный, каменный город»)[62].

Этот город, основанный вероятно, ещё булгарами, был центром огромного региона включающего в себя весь юго-восток Окско-Сурского междуречья, восточную часть современной Мордовии, и юг современной Чувашии. Не случайно Иван Грозный стре-

[61] В XIX в. исследователь В. Магницкий, записал названия татарских деревень Присурья: Питраксы, Арбишино, Сафаджай, Карачай и др. Ныне они переиначены на мордовский, или на русский лад.

[62] Впервые упоминается в летописях в 1552 г. хотя Алатырь к этому времени уже существовал. Это был крупный центр средневековья и оставался таким центром вплоть до нового времени. Город стал терять своё значение, когда на первый план вышли новые центры — Чебоксары и Саранск.

мился сюда. Он хотел лично принять клятву верности от князей-повелителей этого важного центра. Правители Алатыря — мордовские князья Еделевы, покорились государю, местное население также было приведено к присяге-шерти, не оказав сопротивления, и Иван Грозный отправился «брать» Казань.

Такая покорность мордвы имела своё объяснение. Во-первых, Иван Грозный в Свияжске, в 1551 г. объявил, что всех перешедших «под руку Москвы» ждёт освобождение от налогов (ясака) на три года, а во-вторых, и это, пожалуй, важнее — жители региона надеялись на установление мира и порядка в их землях, и связывали это с победой Москвы.

За полтора столетия противостояния Казани и Москвы Среднее Поволжье превратилось в настоящий театр военных действий. Летописцы зафиксировали за это время более 80 крупных походов, или казанцев на земли Москвы, или московитов на владения Казани. Все эти бесконечные войны разоряли и истребляли местное население, ложились тяжёлым бременем на его плечи. В некоторых областях Поволжья хлеб не засеивали в течение 30 предыдущих взятию Казани лет, справедливо полагая, что нивы все равно погубят. Местным жителям было необходимо установление сильной центральной власти, которую не могла организовать раздираемая внутренними междоусобицами Казань.

Мордва, татары, буртасы, чуваши с готовностью отдавали себя «под руку» московского государя, а местная знать принимала православие, отказываясь от языческих и мусульманских обычаев.

После краткого обзора Казанского похода Ивана IV мы можем убедиться, что Иван Грозный имеет к топонимике Волго-Окско-Сурского междуречья весьма опосредованное отношение. Присоединив край к России, и положив тем самым начало массовому заселению русскими людьми Среднего Поволжья, он, несомненно, способствовал созданию последнего и самого мощного слоя местной топонимики — русскоязычного, славянского, а присоединение Казанского царства сделало Россию многонациональной страной, открыло дорогу на Урал и в Сибирь, начав в истории Окско-Сурского междуречья новую страницу — российскую.

ОЧЕРК 14.

В составе России

Завоевание Среднего Поволжья стало первым этапом борьбы Русского государства за право контроля над «Великим Волжским путем». За Казанью последовали Астрахань и Новгород, и была сделана попытка (правда неудачная) выйти к Балтике. Поволжье стало российской «базой» для присоединения и освоения Урала, Сибири и южных степей. После присоединения Казанского царства Россия из удельного княжества превратилась в одно из самых могущественных государств Восточной Европы.

Но мало было завладеть Казанью. Важно было закрепить своё присутствие в многонациональном регионе, превратить его в часть России, распространить здесь русский язык и православную веру.

Для управления территориями, входившими в состав Казанского царства, в 60 гг. XVII в. в Москве создается специальное учреждение — Казанская изба, переименованная впоследствии в Казанский приказ, просуществовавший до конца XVII в. Казанский приказ осуществлял все административные, судебные и фискальные функции, ведал землепользованием и землеустройством по всей территории бывшего Казанского царства. Само оно было

разделено на уезды и воеводства, во главе которых ставились назначенные Москвой чиновники. Стало воеводством и Тюменское княжество, воеводой там был назначен князь Еникей Тенишев.

И он, и другие местные феодалы принявшие участие в завоевании Казани, были награждены вотчинами и «дачами». Беляки, бывшие в их собственности до присоединения края к Московии, закреплялись за ними специальными распоряжениями. Из местной знати наиболее крупными землевладельцами стали князья Мокшеевы, Мукшубеевы, Кильдяшовы, Еделевы, Еникеевы, Дивеевы, Енгалычевы и др. Мелкие феодалы, мурзы и тарханы, служившие Москве, также были награждены земельными наделами, или оставлены в своих правах на владение старыми. Кроме того Москва, для усиления своего влияния на вновь приобретённых территориях, раздала крупные земельные наделы русским феодалам. Большие угодья в Волго-Окско-Сурском междуречье получили князья Милославские, Одоевские, Черкасовы, Голицины, Воротынские и др.

Служилые московские люди, называемые дворянами и «детьми боярскими», были направлены на службу в Поволжье, где получали наделы по месту службы, становясь мелкими землевладельцами[63]. Вместе с местными мурзами и казаками, они составили «белую» (не облагаемую налогами) категорию населения, и были обязаны являться на службу по призыву: «…на коне и в доспехе полном, а в дальний поход с двумя конями».

Для обработки земли и «кормления» служилого сословия, привлекалось местное население: мордва, чуваша, черемиса, буртасы. Земледельцы Поволжья были объявлены «ясачными», «чёрными» (платящими налоги) людьми. То есть, при сохранении личной свободы, они были обязаны платить ясак (налог) в казну и на содержание владельца земли, на которой они жили и трудились. Кроме того, они должны были нести «повинности» по требованию царской администрации: ямская служба, заготовка леса, строительство

[63] Сословие, состоявшее из отпрысков разорившихся и обнищавших боярских и княжеских родов. Несли службу наравне с дворянами и казаками. Сословие просуществовало на Руси с XVII по XVIII вв.

крепостей, дорог, мостов, засек, причем поначалу эти повинности и ясак были не обременительными.

В случае недостатка рабочей силы, мелкие землевладельцы получали от царя работников из числа выведенных из внутренних российских районов безземельных крестьян. Расселялись в Приволжье и освободившиеся из казанского рабства русские люди, уведённые в разное время в «полон» из самых разных районов Руси. Число освобождённых было огромным, и не поддавалось точному учету. Летопись говорит, что только тех, кто получил «государев корм» в Свияжске, в 1553 г. было 60 тысяч человек, а сколько всего получило свободу неизвестно.

В Среднем Поволжье строилась вотчинно-поместная система хозяйства, в которой главную роль играли мелкие феодалы — «служилые люди», что абсолютно копировало хозяйственно-административную систему Золотой Орды, где военное сословие также жило и кормилось за счёт «чёрного» населения, и обязано было при необходимости защищать это население и расширять владения своего повелителя. Служилые люди были зависимы только от царя, подчинялись лично ему, и это ломало старый феодальный уклад Руси, уменьшало власть крупных землевладельцев.

Для утверждения в регионе Москве было необходимо внедрение здесь своей государственной идеологии — православного христианства. Распространение христианства началось уже во время последнего похода Ивана Грозного. Он строил церкви и крестил туземцев. Сразу после победы в Казани, которую стали заселять выходцами из Москвы, Пскова, Владимира и других русских городов, была учреждена епархия, в состав которой вошли все территории бывшего Казанского царства и Вятская земля. Главой епархии был избран архиепископ Гурий, развернувший большую миссионерскую деятельность по обращению «инородцев» в православие, но поначалу никакого принуждения не было. Сам Иван Грозный, в специальном наказе к церковнослужителям, рекомендовал: «Татар приучати и приводити любовию на крещение, а страхом их ко крещению никак не приводити».

Москва опасалась негативной реакции сильных мусульманских государств того времени, и не препятствовала распространению в Поволжье ислама, стараясь действовать больше убеждением, чем принуждением, и всячески поощряла принимавших православие «инородцев», но при этом не задевала лояльных по отношению к московскому правительству мусульман (некоторые крупные мусульмане-землевладельцы сохранили даже русских рабов).

Во 2-й пол. XVI в. агенты турецкого султана Селима II докладывали в Стамбул, что: «Не сопротивляющиеся русскому царю казанцы находятся в большом почёте, служат ему, сидят на своих местах. Царь не трогает их веру, не разрушает мечетей. Дал указание о строительстве мечетей по шариату. Если бы он был противником шариата, то не поставил бы Булата царём в Касимове, по мусульманским законам».

Христианизация и миссионерская деятельность велась, главным образом, за счёт строительства монастырей. Первые монастыри были не только миссионерскими центрами, но и опорными пунктами колонизации новых земель. Они строились на манер крепостей, с укреплёнными стенами и вооружённой охраной. Обширные земли вокруг монастырей были подарены монахам, и заселялись крестьянами из различных областей Руси, заманиваемыми всяческими льготами. Выходцы из монастырских владений строили новые деревни и «починки», увеличивая русское присутствие в регионе. Первыми монастырями в Волго-Окско-Сурском междуречье стали Пурдышевский Рождественский монастырь на реке Мокше, и Спасо-Преображенский монастырь в Арзамасе, основанные монахами из подмосковного Звенигородского Савва-Сторожевского монастыря. К концу XVI в. были основаны десятки обителей, среди них такие, как женский монастырь на Выксе, и крупный Троицкий монастырь в Алатыре.

В связи с присоединением Казанского царства у Москвы обострились отношения с Ногайской Ордой и с Крымом. Для того чтобы обезопасить себя от набегов степняков по новой границе Руси стала строиться засечная черта. Так называлась система укреплений, созданная для наблюдения за степью и предупреждения

набегов. Первая такая «черта» была проложена из района слияния Волги с Камой к Арзамасу, потом, через Шатки и Красный бор к реке Алатырь, оттуда к Кадому, к Туле и Брянску.

Службу на засечной черте несли и мордва и чуваши и татары, и русские воины — стрельцы и пушкари, дворяне и «дети боярские», но главной силой, особенно на первых порах, были верные царю мещерские казаки-мещеряки[64]. Царское правительство использовало мещеряков и касимовских татар в деле освоения и защиты Волго-Окско-Сурского междуречья наиболее активно. «Татарское поле» — земли к востоку от Арзамаса, наполненные недружественными Москве местными татарами, стали заселятся мажарами-мещеряками и касимовцами. Тогда возникли такие посёлки как Грибаново, Пошатово, Каргу, Мочалей, Мажарки, Мещеры, Можаров Майдан и др.

Арзамасская Выездная слобода стала центром, из которого координировались действия мещеряков и татар. Были и другие центры. Они получили статус «мещерских городов». В их числе были города Курмыш, Алатырь, Шацк, Елатьма, Кадом, Темников, Мокшан на реке Мокше и, разумеется, Арзамас. Поселки мещеряков и казаков-татар, расположенные всему протяжению засеки, получили названия «станиц» («станов») и «слобод». В служебную номенклатуру Руси вошли понятия «мещерские сторожа» и «арзамасские станицы» — посты, призванные на «переднем крае» вести наблюдение за степью. Как и раньше, Волго-Окско-Сурское междуречье на Руси называли «Польской украиной», подразумевая его расположение на границе с «Полем» (степью), а несущих здесь службу мещеряков и татар называли «украинскими казаками».

Спокойная жизнь под защитой засечной черты, привлекала в междуречье новых переселенцев. Сюда переселялись и мордва, и чуваши, и русские крестьяне. Много было крестьян, переводимых своими владельцами из московских уделов. Немало было, и так называемых, «утеклецов» — крестьян уходивших от усиливавшегося феодального гнёта в Руси. Воеводы часто принимали беглых за-

[64] За эту верность, казанцы и ногайцы называли мещеряков — «ярым урус» (полурусский).

крывая глаза на их прошлое, так как людей необходимых для строительства и обслуживания засек не хватало.

В Окско-Сурском междуречье, рядом со старыми тюркскими и мордовскими сёлами стали возникать новые, «монастырские» и «дворянские» селения русских людей. Часто, в русские сёла подселяли крещёных «инородцев», и, наоборот, в туземных селах создавали русские диаспоры, для присмотра за построенными храмами, и распространения русского влияния на «инородцев». Как правило, русские селения получали свои названия по именам владельцев, или по каким либо характерным местным признакам, но все эти названия объединяла одна особенность, которую подметил упоминаемый ранее В. Никонов.

Он показал, что к концу XVI в. образовалась, своего рода «генеральная линия», отделявшая северную половину России, где в топонимах господствует топоформант -ово, -ов (Гремячево, Валтово, Чугуев, Темников и др.), и топоформант -ино (Надёжино, Алексин и др.), от южной половины, где господствует топоформант -ка (Дубровка, Покровка и др.).

Эта линия, совпадающая с самой первой засечной чертой, была до начала XVII в. тем рубежом, дальше которого не смели расселяться русские земледельцы из северных и центральных областей Руси, опасаясь кочевников. Потом, по мере продвижения России на юг в XVII–XVIII вв., в северной половине стали появляться русские топонимы заканчивающиеся на -ка (Липовка, Ломовка и др.), создаваемые переселенцами из южных и юго-западных областей, уходившими на север от войн и безземелья.

Административные акты XVI в. сохранили имена многих основателей селений существующих и поныне. Например, село Курылово основал служилый мурза Горностай Курулов, а мещерский казак Кутуз Тюлькин основал село Кутузово. Выходцы из Свияжска — братья Дементьевы Хрипун и Надёжа основали посёлки Хрипуново и Надёжино. Резиденцией владетельного князя Мокшеева, стало село Дивеево — ныне центр русского православия. В арзамасских «Поместных актах» также сохранились имена «служилых казаков» получивших имения в окрестностях Арзамаса.

«Год 1559 по челобитью служилого татарина Ченея Енгильдеева учинить поместье в Арзамасском уезде за Шатковским лесом… дьякам ехать в Арзамасский уезд, в татарскую деревню Усть-Пилей (совр. Камкино авт.) и отделить там арзамасским татарам Богдану Разбахтееву и другим старые их поместья и усады. Оставшиеся отдать арзамасским татарам Юзейке Исакову…» Из этих актов, известно, что, например, село Атингеево принадлежало мордвину Сенею Атингееву, а село Кильдюшево мордвину Мокею Кильдюшову, село Ризоватово служилому мурзе Кирдяну Ризоватову и др.

Нас не должна вводить в заблуждение, указанная в актах, как будто бы «национальность» владельца. В русском средневековье самое пристальное внимание уделяли не национальности, а конфессиональной принадлежности. Этноним татар (татарин), мордвин, чуваш, русак, часто определял не этническую принадлежность, а вероисповедание. После установления в Золотой Орде, в XIV в. ислама, все ордынские феодалы, от карачи-беев до простых казаков, приняли ислам, и ислам стал на Руси называться «татарской верой», а его приверженцы «татарами». В русских актах XVII в. зафиксированы «буртасы посопные татаровя», или «буртасские татаровя Ураз Багишев со товарищи…» Здесь, несомненно, «буртас» означал этническую принадлежность, а «татаровя» (татары) — конфессиональную.

Принимавшие ислам чуваши, мажары, марийцы, мордва и др., «автоматически» становились для русских «татарами». Так же и православие, называлось «русской верой», и все носители православия причислялись к «русским». Специфические языческие верования мордвы и чувашей, основанные на ветхозаветно-раввинистическом понимании мира, назывались на Руси «мордовской» и «чувашской» верами. Поэтому мурза, записанный в акте как «татарин», вполне мог оказаться этническим мордвином, а «мордвин» или «мордовский мурза», мог, на самом деле, быть мещеряком-мажаром исповедовавшем «мордовскую веру». То же самое происходило с ними после крещения: они становились носителями «русской веры» —

«урусами» («уразами»), а их потомки уже по определению считались «русскими»[65].

Возвращаясь к процессам заселения Окско-Сурского междуречья, следует отметить, что особенно охотно русские земледельцы занимали плодородные районы Межпьянья и бассейн реки Алатырь. Их манили местные черноземы, да так, что в XVII в. зафиксированы выселения оттуда местной мордвы, вытесняемой русской колонизацией.

С гораздо меньшим энтузиазмом, заселяли русские землепашцы юго-западную часть междуречья — песчаные, покрытые густым лесом, земли между Тёшей и Мокшей. Издавна здесь жили буртасы, мажары и мордва, использовавшие эти места, главным образом, для пушной охоты и бортничества, и даже построенные монастыри долго не могли привлечь сюда русских землепашцев. Первыми русскими, славянскими колонизаторами, заселившими в XVI в. левобережье Тёши и Велетьмы, были «вынужденные переселенцы» с берегов Волхова, высланные сюда после окончательного разгрома Иваном Грозным Новгорода Великого.

Великий Новгород долго не мог смириться с централизацией, проводимой Москвой. Дед Ивана Грозного — великий князь Иван III во 2-й пол. XV в. жестоко подавил восстание желавших независимости новгородцев. После чего, выселил многих бунтовщиков на окраины тогдашней Руси. Через 100 лет после тех событий в Новгороде опять подняли голову «сепаратисты». Мелкие дворяне, горожане и «чёрные» люди не желали мириться с властью Москвы, и были готовы отдаться «под руку» литовского государя, только бы не оставаться в зависимости от Московской Руси. В 1570 г. Иван Грозный жестоко покарал измену. Московиты заняли Новгород («пришёл грозный царь со своими татары»), разграбили и сожгли его, а уцелевшее после страшного «поджара» и резни население вывели и расселили в недавно присоединённом Казанском царстве.

---

[65] Например, в середине XVIII в. путешественник И. Лепехин указывал, что жители селения Русская Маклаковка (Спасский р-он) — крещёные татары. Теперь это село считается русским.

Особенно много приверженцев древнего «вечевого» строя было сослано в юго-западную часть Окско-Сурского междуречья — районы учрежденного позже Ардатовского уезда. Причём настолько много, что даже в конце XIX в. в выговоре жителей этих мест был слышен специфический «новгородский» диалект, схожий с диалектом жителей Русского Севера, освоенного, как известно, новгородцами[66]. Тогда, в 70-е гг. XVI в. появились в правобережье Нижней Оки и в бассейне Нижней Тёши названия, перекликающиеся с новгородской топонимикой: Валтово, Волосово, Рогово, Валтырево, и др., так и другие абсолютно русские названия (Окулово, Позднякова, Покров, Гремячево).

Новгородцы принесли с собой в Приволжье не только диалект и топонимику, но и характерные черты, присущие ильменским жителям — первопроходцам освоившим Русский Север. Храбрость, трудолюбие, предприимчивость, любовь к ремёслам, главным из которых было плотницкое искусство (недаром новгородцев в русских летописях называли «плотниками»). Что же касается диалекта, то действительно, жители Ардатовского уезда Нижегородской губернии, о-кали и у-кали (не «комар» а «кумар»), редуцировали гласные в конце слов (не «знает» а «знат», не «бывает» а «быват»), и не различали в словах звуки (фонемы) «ч», и «ц» («пецка», «доцка», и тут же «чарь», «чепоцка»), а также сохранили твёрдое взрывное «г», в отличие от потомков южан-вятичей, произносивших «г» фрикативно (не «гулять» а «хулять»).

Однако не новгородцы стали причиной ц-окающего выговора жителей Западного Поволжья, и не мордва. Ц-оканье распространено далеко за пределы указанного региона. Знаменитый В. Даль, указывая на широкое распространение ц-оканья в Ардатовском, Лукояновском, Арзамасском, Сергаческом, и Княгининском уездах Нижегородской губернии, говорил, что ареал ц-оканья заходит

[66] Лингвисты полагают, что новгородский диалект ведёт свое происхождение не из древневосточнославянского, а из праславянского диалекта, из тех времён, когда языки восточных и западных славян не отличались и были близки языку балтов. Новгородцы распространили свой диалект на весь Русский Север, поэтому диалекты Западного Поволжья так похожи на диалекты Архангельска и Мезени.

в Тамбовскую губернию и за Шацк, его следы имеются и в междуречье Тёши и Оки.

Вслед Далю, современные исследователи диалектов и говоров Центральной России, следы ц-оканья находят почти по всей территории междуречья Оки и Клязьмы, от Коломны и Каширы, до Мурома и Касимова, и дальше на юго-восток, от Средней и Нижней Оки, почти до верховьев Суры.

Данные территории издревле были заселены неславянскими народами, и особенности местной фонетики, такие как ц-оканье и отвердение шипящих «ж», и «ш» (не «тёща» а «тёшша», не «пущу» а «пушшу», не «глазищи» а «глазишши» и др.), невозможно объяснить влиянием древненовгородских, и вообще древнерусских говоров. Эти особенности местной фонетики, есть непосредственный след угро-тюркской (мажарской и буртасской) подосновы местных диалектов, полученной жителями указанных территорий от ассимилированной ими мещеры.

Ц-оканье, которое принесли из Приуралья древние угро-тюрки, передалось в говоры и диалекты населения, в этногенезе которого они приняли участие. Везде, где расселялись угро-тюрки, остался этот след. Ц-оканье широко распространено у сибирских татар, ц-окали и западные кипчаки, смешавшиеся с печенегами. Ц-оканье сохранилось и в диалектах современных татар-мишарей (мажарских потомков). При этом ц-окают мишари восточных районов расселения, чьи предки переселились туда из Мещеры в XV–XVII вв. Мишари западных районов расселения, попавшие с XV в. под влияние касимовских татар, ц-оканье утратили.

Таким образом, угро-тюрки, долгое время бывшие хозяевами Мещеры, передали особенности своей фонетики всем народам населявшим Мещеру, и приходившим в неё.

От угро-тюрок восприняли ц-оканье и мордовские племена, жившие в сфере их влияния. Ц-окали мокшане, терюхане, арзамасская мордва, русские потомки мордвы. Примечательно, что эрзяне, приходившие на жительство в Окско-Сурское междуречье из бассейнов Верхней Суры и Алатыря, в XVI–XVII вв. (Алатырская и Атяшевская мордва) говорили не ц-окая, но многие русские слова,

заимствованные ими у местного населения, произносили через «ц» (боцка, спицка и др.).

Таким образом, в основе русских говоров нашего края лежат средневековые русские диалекты Новгородской земли и Северо-Восточной Руси, на фонетику которых оказали сильнейшее влияние местные угро-тюркские (мещерские) диалекты.

Прибывшие в земли будущего Ардатовского уезда новгородцы стали устраиваться на новом месте жительства, рядом с местными аборигенами, постепенно усваивая от них непривычные русскому уху местные названия. Некоторые, наиболее труднопроизносимые, они видоизменяли в соответствии с русской фонетикой, другие снабжали русскими суффиксами, а большинство принимали без изменений, как и услышали. Саконы так и остались Саконами, а вот Выкса долгое время называлась, на мордовский манер Выксунь. Поэтому мы сейчас и говорим не «выксовский» или «выксинский», а именно «выксунский». Название реки Тёша также было воспринято без изменений, хотя в Ивановской области подобное название превратилось в Теза, а на Русском Севере в Чёша.

То же и с Велетьмой. Её название осталось, на первый взгляд неизменённым, хотя очень похожими по звучанию выглядят названия города Елатьма, или речки Эльтма (восточнее Арзамаса), но здесь вероятно, уже проблема поздней письменной фиксации топонимов.

Как бы там ни было, но с конца XVI в. и Тёша и Велетьма, и другие реки междуречья, становятся русскими реками. В тех селениях, где преобладало «туземное» население, названия посёлков долго сохраняли свой первозданный вид, практически до начала топографической фиксации, после которой названия уже не менялись. Например, Мотмос, Каврез, Виля, Тамболес, Липелей, Каркалей и др., остались в «неприкосновенности», а Алемасово, Мечасово, Ратманово и др., «получили» русский суффикс -ово.

Если изначально многие посёлки считались «деревнями» и «дачами», или «пустошами» то и названия их произносились в женском роде. Например, Кульбака. Другие меняли название в соответствии с родом, например, Каркалей стал Каркалеева деревня,

а Туркужо — деревня Туркуша. Если это был чей-то бортный ухожай, или «починок», то название оставалось в мужском роде, как правило, по имени владельца (Мотмос, Тамболес и др.), при изменении статуса к нему прибавлялся русский суффикс. Например, бортный ухожай Втарес стал деревней Втаресской (Втарусской), а после постройки в ней церкви, назвался село Вторусское.

Деревни и пустоши, с постройкой в них церкви становились сёлами, и если слово «село» среднего рода, то и название приобретало средний род, несмотря на свою иноязычность. Ардатова деревня превратилась в село Ардатово, Вадоватова деревня стала называться село Водоватово. Другие деревни, став селом, обретали множественный статус (Каркалеи, Кулебаки, Демки, Туркуши, Ичалки, и др.), распространенный в русской средневековой топонимической номенклатуре (Берёзки, Дубки, Весёлки, Пересёлки, Ямки и др.).

Сёла сохраняли в названиях средний род, пока не становились городами, меняя его на мужской. Село Ардатово стало город Ардатов. Арзамасово городище, из Выездной Арзамасской слободы превратилось в город Арзамас («Выездная» слобода стала селом Выездное).

Никаких других правил, кроме рода названия (село, река, город и др.), определяющих произношение и написание топонимов в XVI–XIX вв. в русском языке не было. Названия, особенно иноязычные, записывались, что называется «как Бог на душу положит», и порой, одна описка чиновника решала, как будет называться то или иное село на века. Многие сёла с нерусскими названиями, имели второе название, по имени построенной в них церкви. И не всегда это название было в ходу у местных жителей — потомков тюрок и мордвы. Когда, в XVII–XVIII вв. в крае началось широкое строительство церквей, и стали появляться многочисленные «Богородские», «Благовещенки», «Преображенки», «Покровские», то местное население, хоть и крещёное, но во многом ещё не обрусевшее, сохраняло между собой старые названия.

Это состязание старого и нового, продолжалась вплоть до конца XIX в. и где-то имена селений оставались старыми, а где-то

менялись навсегда. Ардатово с 1629 г. называлось ещё и селом Знаменским (по имени церкви), но все-таки осталось Ардатовым, а село Криуша, уже с XVII в. было известно как Богородск, и так им и осталось, а вот за селом Кузятово только в середине XIX в. закрепилось название Вознесенское.

По настоящему геодезия и картография в России стали развиваться только с середины XVIII в. До этого карты русских земель заказывали иностранцам, а от них точности написания названий не требовали. И соответственно, только, где-то с конца XVIII в. топонимы стали фиксироваться на картах и документах, в более-менее точном виде. Но строгие правила, регулирующие написание и склонение топонимов были сформулированы лишь в начале XX в., по требованию военных топографов, потому что, одной из причин поражения в Русско-Японской войне была неточная транскрипция дальневосточных топонимов, вносившая путаницу в донесения. Вот тогда-то большинство названий и «застыли» в своём сегодняшнем виде.

После завоевания Поволжья Иван Грозный решил «прорубить окно в Европу» — выйти к Балтике. Начавшаяся в 1558 г. Ливонская война, сначала складывалась в пользу России, но затем, после вмешательства на стороне Ливонского ордена Литвы, Польши, Дании и Швеции, царские полки стали терпеть поражение за поражением, и война получила затяжной и тяжёлый характер[67]. Как раз в этот период в Поволжье стали прибывать первые переселенцы из западнорусских областей, бежавшие от ужасов разразившейся бойни. Например, жители сёл Ярцево и Бежаново нынешнего Навашинского района, связывают происхождение своих селений с этими беженцами.

Особенно осложнилось военное положение после того как крымский царь Девлет-Гирей в 1571 г. разгромив армию прикрывавшую Москву, прорвался к столице, и сжёг город. Десятки тысяч

[67] В этой войне принял участие 50-тычячный корпус мещерских и касимовских казаков, запомнившийся хронистам своей жестокостью.

москвичей были убиты или уведены в плен[68]. После этого погрома в стране разразился ужасный голод, а за ним пришла эпидемия чумы. В Поволжье немедленно заволновались «инородцы». Край впрямую не затронули неурожай и эпидемия, но ясак и поборы, а также «повинности» были увеличены в разы. К тому же они усугублялись бесчинствами царской администрации на местах. Воеводы и чиновники беспощадно обирали податное население, не отставали от них и местные феодалы.

Среди коренного населения Окско-Сурского междуречья началось брожение, многие снимались со своих мест и уходили на восток и юг, куда ещё не добралась алчная рука московских чиновников. Неспокойная ситуация усугублялась и Черемисскими войнами, и другими вспышками недовольства бушевавшими в Волго-Камье.

Никоновская летопись, под 1583 г. сообщает: «Тридцать один год прошел от покорения Казани, и окаянные бусурмане не захотели жить под государевою рукою, воздвигли рать, пленили много городов. Царь, видя их суровость, послал в Казань бояр и воевод с приказом пленить их. Но поганые как звери дикие, сопротивлялись рати московской, побивали московских людей, то на станах, то на походах; бояре и воеводы не могли их усмирить».

Ухудшалось положение и «служилого» сословия, а также касимовских, мещерских и арзамасских казаков и мурз. «Командировки» в действующую армию становились всё длиннее и не позволяли заниматься своим хозяйством, к тому же земли местных «нехристей» и «бусурман» в их отсутствие, при попущении властей, всё чаще стали захватывать пришлые московские феодалы. Например, в 1595 г. царю били челом: «От Арзамасского уезда деревни Ивановы, мордва Девейка Кистанов сотоварищи на помещика пана Ульяна, а также на детей боярских Дмитрия и Григория Кологривовых которые перелезли через межу и землю их перепахивают насильственно». Ширился захват «чёрных» земель, принадлежащих туземцам.

---

68 Девлет-Гирей писал Ивану Грозному: «жгу и пустошу твою землю из-за Казани и Астрахани…», и требовал отдать их.

Многие татары и мещеряки стали искать такой службы, чтобы она проходила подальше от нового начальства, а многие стали оставлять службу, и уходить на Волгу и на Дон, где переходили к вольной жизни, вливались в ряды вольного казачества. В 1588 г., через четыре года после смерти Ивана Грозного, закончилась страшным поражением Ливонская война. Разорённая страна выкачивала из своих восточных провинций всё, что можно, и среди жителей Поволжья всё большую популярность набирали идеи избавления от московского владычества.

ОЧЕРК 15.

Казачество

История казачества, на первый взгляд, не имеет отношения к Волго-Окско-Сурскому междуречью. Однако это не так. Казаки издревле жили на нашей земле, казаками были и мордвины, и чуваши, и буртасы, и татары. Казаками называли легковооруженных воинов грозных золотоордынских армий, и термин казак на Руси изначально ассоциировался с воинским сословием степной империи, и только в XVI–XVII вв. начал обретать новые смыслы.

Российское казачество — это, в какой-то мере загадка русской истории. Несмотря на очевидность тюркских корней этого явления, их стараются не замечать, или даже отвергать, как будто «ордынское» происхождение казачества является чем-то недостойным.

В Орде, казаками называли «низший» слой военного сословия — бойцов, из которых состояли отряды крупных феодалов. Первое упоминание о казаках в русских летописях относится к XIV в. Речь тогда шла о «рязанских казаках» участвовавших в разгроме ордынцев. Это, безусловно, дало бы право утверждать, что казаки «исконно» русское явление, если бы не одно но — рязанцы в те времена

одинаково воевали и с Ордой и с Москвой, и что это были за казаки сказать однозначно нельзя.

Свет на происхождение казаков проливает другое сообщение летописи, от 1492 г., где говорится, что: «Того же лета в десять дней приходили татаровя ордынские казаки, в головах приходил Томешок зовут а с ним двести и двадцать человек, в Алексин, на волость, на Вошан, и пограбив поидоше назад». Мы видим, что казаки могли быть и ордынскими.

После создания ордынских улусов, ближайшим к Руси стал улус Мещерский. С казаками Мещерского улуса чаще всего и имели дело жители северо-восточной Руси. Неслучайно, Мещерский улус на Руси также называли «Казацкой Ордой», а его воинов — «мещерскими казаками». Уже после создания Касимовского царства и появления татар в войске московского царя, появились термины «городецкие казаки» и «московские казаки».

Когда, в XV в. рухнула Золотая Орда, цветущие степи между Волгой и Доном обезлюдели, и их немногочисленное население составили казаки — выходцы из разных орд и улусов былой империи. Оставшись не у дел, они занимались грабежом и разбоем, и называли себя вольными казаками, то есть казаками, не служившими никому. Сосредоточенные по берегам Волги и Дона, эти вольные отряды (или банды) состояли из самых разных людей, но их тюркская основа не вызывает сомнений. Казацкие военные и административные термины: кош и кошевой, курень и куренной, атаман, есаул, стан и станица, майдан, юрт, орда и др., — имеют тюркское происхождение. Первые легендарные казацкие атаманы: Сары-Азман, Апоха Фалимов, Сенчурко Татарин, Олиманко Татарин, Ермак и др., носили тюркские имена, и даже грамоты, которые писало к казакам русское правительство, поначалу составлялись на татарском языке.

В течение всего XV в. эта вольница непрестанно пополнялась местными и бежавшими из Руси, из Казани, из Польской украины, «утеклецами» искавшими вольной жизни. Главным способом существования для них сделался разбой. При этом грабили казаки всех подряд. В 1532 г. отвечая на жалобы ногайского царя Шиндяка, на бесчинствующих на Волге казаков, из Москвы писали: «На поле

ходят казаки многие, казанцы, азовцы, крымцы и другие баловни казаки. А и наших украин, казаки с ними смешавшись ходят, и те люди как вам тати, так и нам тати».

Степь принимала всех недовольных и желавших лихой добычи. Видимо, московские правители раньше других поняли, что эти банды можно использовать в своих целях и привлекать на службу. Казаки из волго-донских степей, в количестве 2500 человек, участвовали во взятии Казани, а потом выполняли другие «щекотливые» поручения, но это не значит, что они стали слугами русской короны. Более того — вольные казаки своими грабежами сильно дестабилизировали торговлю на Волге, и сразу же после взятия Казани Москва уведомила ногайских властителей Юсуфа и Измаила, что намерена пресечь волжский разбой и обеспечить безопасный путь в Каспий.

Посол Н. Бровцын заявил тогда ногайцам: «А которые казаки на Волге гостей (купцов авт.) ваших грабили, мы тех казаков перед вашими гостями велели казнить, а которые впредь учнут на Волге стояти и послам и гостям лихо делать, а мы тех так же велим казнить». После падения Казани ряды вольных казаков пополнились бежавшими буртасами, марийцами, татарами, мордвинами, чувашами несогласными с московской победой, а после ухудшения ситуации в России, в связи с Ливонской войной и Опричниной, уже пополнились беглыми холопами из Московии.

Отношения вольного казачества с Москвой в XVI в. были очень непростыми. С одной стороны из Москвы поощряли казаков в их набегах на степняков, но, в случае чего, легко отказывались от них. Например, в 1580 г. на жалобы ногайского правителя Уруса подозревавшего, что казаки грабят ногайцев по наущению Москвы, Иван Грозный отвечал: «На Волге многие литовского короля литовские казаки живут, Федька Безстужев со товарищи. А приходят с Днепра. И приходят твоих людей громят, и литовский король с вами ссорится. А мы велели посылать с Астрахани на Дон, и на Волгу тех воров сыскивать, а сыскав велели их казнить».

Московские власти не раз посылали в степь экспедиции для разгона казацких шаек. Пойманных казнили, беглых возвращали назад. У В. Татищева встречается сообщение о том, что в 1554 г. разбой-

ничавших на Волге мещерских казаков изловили и поселили под Гагино. В 1557 г. отряд стрельцов под командованием стольника Мурашкина вновь разгромил на Волге «воровское гнездо». После этого разгрома часть казаков бежала к Строгановым, и среди прочих бежал знаменитый в будущем атаман Ермак.

Тем не менее, нехватка на границе бойцов заставляла Москву нанимать на службу степных разбойников. Например, арзамасские воеводы вербовали волжских казаков, расселяя их в Арзамасском уезде. Исправно несущие службу бывшие вольные казаки всё больше обретали статус «защитников Руси». Такой же статус обретали и казаки южных степей, исполнявшие поручения русского правительства. В 1614 г. князь Одоевский обращался к казакам, как «…Великой российской державы оберегателям, волжским, терским и яицким атаманам-молотцам…»

В начале своего становления вольное казачество было самым демократическим и веротерпимым сословием. Ногайский или казанский татарин стоял в одном ряду с русским мужиком, беглый «сын боярский» — с разорившимся мурзой, и все они могли быть под командой бывшего холопа. Это было обычное дело в казацких куренях и юртах. К XVII в. прочно обосновавшиеся на берегах Волги и Дона, казаки уходили дальше, и появились на берегах Яика и Терека.

Подьячий Посольского приказа Г. Котошихин побывав в 1657 г. у казаков, писал про них: «А люди они породою москвичи и иных городов, и новокрещёные татаровя, и запорожские казаки, и многие из них и московских бояр, и торговых людей холопы и крестьяне, которые были приговорены к казни в разбойных делах, и покрадче и пограбле бояр своих, уходят на Дон; бывшим на Дону хоть одну неделю или месяц, а случитца им потом приехать к Москве, и до них вперёд дела никакого ни в чём не бывает, никому кто что своровал, потому, что Доном от всех бед освобождаются».

Вольное казачество Дона и Волги сыграло ключевую, и далеко не всегда положительную роль в событиях Смутного времени, поэтому пришедшие к власти Романовы переформатировали отношения Московского царства и казаков. Они сделали упор на регулярную армию, упразднив казаков как решающую военную силу. По мере

укрепления государства, Романовы постепенно лишили казаков многих льгот и прав. В XVIII в. были погашены последние вспышки недовольства казаков, и упразднились последние вольности, а в XIX в. будет написана новая история казачества — «верного слуги русского самодержавия».

Всё это касается казаков юга России, но на Руси существовали и другие казаки, и появились они в то же время, что и степная вольница. Эти казаки были полной противоположностью своим «вольным» коллегам. Это городовые и служилые казаки Касимовского царства и Казацкой Орды-Мещеры, служившие Москве в XV–XVII вв. Следует полагать, что поначалу это было сословие состоящее в основном из мещеряков, татар и мордвы, уже потом, по мере «рекрутирования» новых членов разделившееся на две категории — потомственных казаков, называвших себя служащими «по отечеству», и набранных со стороны, называвшихся казаками «по прибору». Служа на русском пограничье до XVIII в., а в Сибири и до XIX в., «служилые» «отеческие» казаки, и казаки «по прибору», внесли огромный вклад в дело освоения Урала, Сибири и Дальнего Востока.

С этими казаками связано одно из главных предприятий Ивана Грозного — сибирская эпопея. Вопреки общераспространенному мнению о «первопроходце» Ермаке, первенство начала освоения Сибири принадлежит мещерским казакам.

Когда встал вопрос о выходе в Западную Сибирь, московское правительство решило использовать мещерских «служилых» казаков. В 1557 г. из Мещеры в Сибирь, для разведки был направлен отряд «служилых» татар-казаков во главе с Девлет-Ходжой и Сабаном Рязановым. После них в 1567 г. в Сибирь отправилась экспедиция во главе с мещеряком Бурнашом Ялычевым. Эти отряды были уничтожены Кучумом.

И уже в 1581 г., по инициативе купцов Строгановых был организован поход атамана Ермака. Любопытно, что в 1662–1667 гг. голландский географ Николас Витсен, под видом купца пробрался в монастырь к опальному патриарху Никону. Со слов Никона географ записал предание о Ермаке, в котором говорилось о происхождении атамана. Патриарх рассказал, что Ермак был родом «из Мармица».

Во всяком случае, Витсен так записал сообщение Никона, видимо не поняв его. Вероятно, здесь имелось в виду «родом из муромцев». Ермак, возможно, был выходцем из муромских краёв, то есть из Мещеры. Не случайно, одним из соратников Ермака был атаман Матвей Мещеряк.

В 1582 г. после первых успехов, экспедицией Ермака заинтересовались в Москве, и ему была оказана помощь. Однако вскоре казаки стали терпеть поражение за поражением, и в 1585 г. Ермак погиб. Не зная об этом, в Мещере собрали в помощь для Ермака отряд во главе с князем Иваном Манцыровым (Мансуровым) и воеводой Василием Сукиным. Не найдя Ермака, они в 1586 г. зимовали в Сибири, основав Тюмень.

Дело завоевания Сибири было продолжено. В 1593 г. московское правительство, призвав «городовых» — мещерских и арзамасских, и «вольных» — волжских и терских казаков, отправило в Сибирь крупный отряд стрельцов и казаков во главе с воеводой Андреем Елецким. Эта экспедиция в 1594 г. основала город Тара, определив в нём гарнизон из мещеряков (татар-мишарей). Вступив в противоборство с Кучумом, Елецкий вызвал подкрепление, и в 1594 г. московский воевода Борис Доможиров ушёл из Арзамаса в Сибирь со вторым отрядом.

В 1598 г. казаки разгромили Кучума на реке Ирмень, и ликвидировали Сибирское царство, открыв дорогу русской колонизации. Б. Доможиров был избран атаманом Сибирского казачьего войска. Однако не получив от Москвы обещанной награды, в 1600 г. казаки, с новоявленным атаманом, вернулись в Арзамас, затаив на правительство злобу.

Мещерские и касимовские казаки, вместе с вольными казаками степей, положили начало русскому освоению Сибири. Их участие в завоевании Сибирского царства было настолько значимым, что в преданиях местного населения об этом периоде, вместо этнонима «русский» употребляется термин «казак».

ОЧЕРК 16.

Смутное время

События начала XVII в., названные Великой смутой, едва не привели к гибели государства. А началось всё в 1598 г., когда после смерти царя Федора Иоанновича прервался род Ивана Грозного. На Руси впервые были назначены выборы царя, и Земским собором был избран царский шурин, крещёный татарин Борис Годунов.

Утвердился Годунов на трон основательно, считая себя родоначальником новой династии. Он отодвинул от управления всех соратников Ивана Грозного, и окружил себя лично преданными ему людьми. Подозрительный и недоверчивый, Годунов убрал с касимовского престола царя Саин-Булата (Симеона Бекбулатовича), поставил в 1600 г. на его место выходца из Казахстана — Чингизида Ураз-Мухаммеда. Состоявшаяся в Касимове коронация нового царя прошла по свидетельству очевидцев очень пышно, при большом стечении местных аристократов — беев, сеидов, мулл и хафизов.

Борис Годунов пытался быть хорошим царём. При нём издавались справедливые законы, наказывались взяточники, были

урегулированы отношения землевладельцев и крестьян. Он ликвидировал зависимость русской православной церкви от Константинопольского патриархата, и к началу XVII в. на Руси отмечался некоторый экономический подъем.

Но, как говорят историки, Борис был самым «несчастливым» царём на русском престоле. В 1601 и 1602 гг., летом случились заморозки вызвавшие неурожай и трёхлетний голод. От голода погибло до трети населения Руси, а за голодом пришёл мор.

Люди были уверены, что Бог наказывает Россию за царевича Дмитрия, якобы убитого по повелению Годунова. Пошли слухи о том, что Дмитрий не был убит в Угличе, а тайно скрылся, и скоро явится на законное царство.

Скоро не скоро, но в 1604 г. из Польши в пределы России и впрямь въехал с воинским отрядом человек, называвший себя «чудом спасшимся царевичем Дмитрием». Он направлялся к Москве, чтобы «занять своё законное царство». Напрасно люди Годунова объясняли, что имя погибшего царевича самозвано принял на себя беглый монах-расстрига Гришка Отрепьев, народ верил новоявленному наследнику, и ему, на пути через Северские земли, присягали целые города.

Борис выслал навстречу самозванцу верные войска из Мещерской Орды. Сохранилась «роспись» этого войска, состоявшего из касимовских, темниковских и кадомских татар и мордвы. Под городом Севском мещеряки нанесли поражение отряду самозванца. Лжедмитрий укрылся в Путивле, понимая, что теперь пощады не будет, и обратного пути уже нет. Но мещерское войско вместо того чтобы добить самозванца, начало расправу с окрестными городами, посмевшими присягнуть Лжедмитрию.

Голландский купец Исаак Масса описал эти события: «Борис …повелителю касимовских татар велел собрать своё войско, которое составляет 40 тысяч конных татар. Борис велел ему напасть на Комарницкую волость, и всё разорить, пожечь и истребить, всех мужчин подвергнув пыткам умертвить, а молодых женщин и детей взять на вечное рабство к себе в Татарию …и они так разорили Комарницкую волость, что в ней не осталось ни кола ни двора; они

вешали мужчин за ноги на деревья, а потом жгли, женщин обесчестив, сажали на раскалённые сковороды, насаживали на раскалённые гвозди и деревянные колья, детей бросали в огонь и в воду, а молодых девушек продавали …и чем больше мучили они людей, тем более люди склонялись признать Дмитрия своим государем, и пытки не могли заставить отступится от него, и чем дальше тем больше упорствовали… Жители окрестных мест стали думать: если наши правители с нами так обходятся, то лучше скорее перейти к Дмитрию. Московское войско ничего не достигло, только всю зиму грабило и разоряло, а войско Дмитрия подвигалось всё дальше и дальше, занимая всё, что могло захватить».

Желание наказать отступников сослужило плохую службу Годунову. Расправа окончательно отвернула от него всех жителей юго-западной Руси, а Лжедмитрий, отсидевшись в Путивле, собрался с силами и двинулся на Москву. Вдобавок он пообещал в случае своей победы большие льготы для различных категорий населения, и больше всего для казаков, и это увеличило число его сторонников в разы. Инициатива ускользнула из рук Годунова, кроме того в Москве очень многие желали свержения ненавистного татарина, и вот, «неожиданно», 13 апреля 1605 г. царь Борис умер. Лишь два месяца был на троне его сын Федор. 10 июня 1605 г. заговорщики задушили юного царя, вместе с его матерью, и 20 июня 1605 г. Лжедмитрий торжественно въехал в Москву.

Летом 1605 г. Лжедмитрий был помазан на царство в Успенском соборе Кремля. Вся Русь была приведена к присяге новому царю. Православные целовали крест, а мусульмане и язычники приводились к шерти. Правление Лжедмитрия началось мирно, волнения улеглись, все были уверены, что на троне «природный государь» — сын Грозного царя. Лжедмитрий щедро наградил своих сторонников, и очень большие «милости» были пожалованы казакам южных степей. Не обошёл новый царь своей милостью и «служилых» казаков царя Ураз-Мухаммеда, простив им недавние преследования.

Но не всем в Москве полюбился новый царь. Вскоре возник заговор во главе с боярином Василием Шуйским — кстати, прямым

потомком нижегородско-суздальских Рюриковичей, не уступавшим родовитостью Ивану Грозному. Целью заговора было свержение Лжедмитрия. Удобный случай не замедлил представиться: 8 мая 1606 г. в самом конце Великого поста состоялась пышная свадьба Лжедмитрия со знатной полячкой Мариной Мнишек, объявленной русской царицей.

Глумление над православной традицией вызвало всеобщее возмущение, и через неделю Москва восстала. Лжедмитрий был убит, а 19 мая 1606 г. на Красной площади был «выкрикнут на царство» Василий Шуйский, после чего собственно и началась смута.

Ответом на свержение Лжедмитрия давшего неслыханные льготы казачеству, стало восстание казаков под руководством Ивана Болотникова. Это восстание принято называть Крестьянской войной, но это было именно казацкое восстание, потому что всех примкнувших к Болотникову крестьян и посадских людей немедленно объявляли «казаками», и они боролись отнюдь не за свободу крестьянства, а за то, чтобы обрести казачьи «вольности». За то, чтобы перестать платить налоги, и самим стать владельцами «чёрных» людей. В «воровских полках» новоиспеченным казакам, уже раздавали поместья. Болотников шёл на Москву под лозунгом «возвращения царя Дмитрия», якобы спасшегося во время майского переворота, и обещавшего скоро вернуться. Все южные города России отказались присягать Василию Шуйскому, колебалось и Поволжье. Касимовский царь Ураз-Мухаммед, получивший от Лжедмитрия большие вольности и уступки, отказался присягать Василию Шуйскому, и его поддержали городовые и служилые казаки так же наделённые Лжедмитрием всяческими льготами.

Из-за неурядиц в Москве зашумели плохо «замиренные» поволжские «инородцы», заволновались крестьяне и холопы, недовольные своим положением. Приверженцы уже мертвого Лжедмитрия разошлись по всему Приволжью, возмущая «чёрный» люд, и объясняя, что в Москве свергли «законного царя» — сына Ивана Грозного.

Волнения росли, и вскоре распространились по всему Окско-Сурскому междуречью до самого Алатыря. Свияжск, Курмыш,

Ядрин, Арзамас, Темников, другие города, отказались присягать Шуйскому, и только Нижний Новгород и Казань остались верными Москве. Больше трети страны (главным образом, недавно присоединённые земли) отвергли присягу царю Василию.

Войско Болотникова в 1606 г. осадило Москву. В Поволжье движение Болотникова нашло самый широкий отклик. Отряды курмышских татар, вместе с жителями соседних городов, соединившись с мордвой, марийцами и чувашами, выступили в поход на Казань, но были остановлены близ деревни Бурундуки (совр. Чувашия), стрельцами казанского воеводы Зюзина. В жестоком сражении восставшие потеряли все свои набаты и знамена, и были обращены вспять. В Алатыре восставшие крестьяне и «инородцы», следуя призыву Болотникова «…воевод, гостей и всех торговых людей избивати и животы их грабити», вырезали всех чиновников и дворян, и утопили в Суре воеводу Ждана Сабурова, после чего, провозгласив верность Лжедмитрию, двинулись походом на Нижний Новгород.

В Арзамасе восстание в поддержку «законного царя Димитрия» возглавил атаман Сибирского казачьего войска Борис Доможиров, обманутый в своё время Москвой. Он объединил местных казаков, «детей боярских», окрестную мордву, и соединившись с алатырцами, направил это «войско» на Нижний Новгород, поручив командование своим сыновьям Ивану и Матвею.

Осенью 1606 г. отрезанный от Москвы Нижний Новгород оказался в осаде. Арзамасский дворянин Баим Болтин в своих записках указал: «А стояли под Нижним Новагородом русские люди и бортники и мордва, а с ними были за воеводу Иван Доможиров нижегородец, да с ним выборные два мордвина Варкардин да Москов, и как они увидали, что царя Василия московские люди идут, на арзамасские и олатырские места, из под Нижнего воры разбежались». Осаду с Нижнего Новгорода сняли воеводы Григорий Пушкин (Сулемша) и Сергей Ододуров, и они же «поворотили царю Василию» Арзамас и Алатырь, но брожения в Волго-Окско-Сурском междуречье не утихли.

Тем временем под Москвой потерпела поражение армия И. Болотникова. Вскоре вождей восстания казнили, но юг России продолжает бушевать, потому что, в конце мая 1607 г. в городе Стародубе появился долгожданный «чудом спасшийся Дмитрий» — очередной самозванец, личность которого ещё более загадочна.

Одни историки утверждают, что это был московский мещанин Михаил Молчанов, другие говорят, что брянский попович Матвей Веревкин, а историк Р. Скрынников полагал, что это был еврей («язык еврейский знал, читал Талмуд и книги раввинов») посланный польским королем Сигизмундом. Как бы там ни было, этот Лжедмитрий II был не более чем марионеткой в руках противников Шуйского. К «назначенному» на должность царя авантюристу стали стекаться изгнанные из Москвы поляки, недовольные Шуйским стрельцы, дворяне, крупные феодалы, казаки и иной «гулящий люд». Его признала «своим, чудом спасшимся мужем» уже коронованная русской царицей полячка Мнишек (она даже родила от него впоследствии сына), и вскоре он подошел со своей армией к Москве, став лагерем возле села Тушино (его прозвали «Тушинским вором»). Правда сил для штурма у него не было, как не было и сил у царя Василия, для того чтобы расправится с самозванцем.

Шуйский вступил в переговоры с Лжедмитрием, и с этого момента (лето 1608 г.) на Руси сложилась ситуация двоевластия. Существовало как бы два центра, каждый со своими атрибутами власти, со своим войском, казной, «приказами», каждый со своим патриархом (кстати, у самозванца патриархом был Филарет Романов — отец будущего основоположника династии Михаила). И там и там раздавались вотчины, титулы и награды, жаловались имения и творился суд. Многие открыто торговались с Шуйским и Лжедмитрием, и кто из них больше давал, к тому и примыкали.

В стране воцарился полный бардак, усугубленный ещё и тем, что Русь наводнили шайки грабителей, которые именем того или другого государя грабили и разоряли сёла и веси, губили и угоняли жителей в плен. В обстановке фактического безвластия соседние города порой враждовали друг с другом поддерживая разных государей. Все Приволжье (за исключением Казани и Нижнего Нов-

города) вновь присягнуло «спасшемуся» Лжедмитрию, и даже Заволжье, Балахна и соседние земли до самой Вятки, поклялись ему в верности.

В Балахне атаман Тимофей Таскаев и «дети боярские» — Лука Синий и Семен Долгий призывали «идти на Нижгород». 2 декабря 1608 г. крупный отряд балахнинцев выступил к Нижнему Новгороду. Но за день до этого туда пришёл, посланный Шуйским отряд стрельцов во главе с воеводой Ф. Шереметьевым, и нижегородцы приняли бой. Отряд из стрельцов, «детей боярских», пришлых казаков, а также иноземных солдат, взятых когда-то в плен и поселённых в Нижнем Новгороде, возглавил нижегородский воевода Андрей Алябьев. Алябьев встретил балахнинцев на подступах к городу и атаковал мятежников. Жестокий и упорный бой («дрались по самую Балахну») закончился победой Алябьева, и Балахна покорилась царю Василию.

Вскоре стало известно, что в сёлах Ворсма и Павлово собралась большая толпа из татар, мордвы и русских «служилых» людей, с целью атаки Нижнего Новгорода. Алябьев, 10 декабря напал первым и рассеял мятежников, а Ворсму сжёг. Но понимая всю важность Нижнего Новгорода как стратегического пункта, тушинский штаб выслал к городу крупные силы во главе с князем Семёном Вяземским. В январе тушинцы осадили Нижний Новгород, а Вяземский выдвинул ультиматум с требованием немедленно сдать город, в случае отказа обещая сжечь его. Нижегородцы ночью сделали вылазку, и благодаря внезапности разгромили врагов. Вяземский был повешен. После этого Алябьев осадил Муром, и 16 января муромский воевода Никифор Плещеев сдался нижегородцам.

Тем временем, в восточной части Волго-Окско-Сурского междуречья, князья Джан-Али Шугуров и Еникеев во главе мещеряков, соединившись с татарами Бибая и Айдара Енибековых, чувашами Еникея Коникова, и марийцами Екпая Такшейкова, большим войском начали движение к Казани. Казанский воевода князь Иван Барятинский, призвав на помощь из Нижнего Новгорода воеводу Федора Шереметьева, в феврале 1609 г. под Чебоксарами наголову разбил войска Шугурова и Еникеева.

Поражение было полным, по свидетельству очевидцев «трупы убитых лежали на протяжении семи верст, солдаты Шереметьева кололи повстанцев как свиней». Сразу после этой победы Барятинский занял Арзамас и усмирил сторонников Лжедмитрия в окрестных районах, а Шереметьев отдал приказ назначенным им арзамасскому и алатырскому воеводам: «Приводить во всех деревнях к шерти татар и черемисов, что бы им быть под государевой рукою навеки неотступными, а в коих волостях откажут шертовать, те волости воевать, черемису и татар побивать, а жён их и детей в полон имать, и животы грабить и деревни жечь».

Таким образом, к весне 1609 г. все Окско-Сурское междуречье, за исключением Темниковского воеводства примкнувшего к касимовцам, было приведено к присяге В. Шуйскому, а города Нижний Новгород, Арзамас и Алатырь стали важными центрами сопротивления Лжедмитрию.

В разгоревшейся войне казаки Касимовского царства и Тюменского (Темниковского) воеводства поддержали Лжедмитрия, отождествляя его с сыном Ивана Грозного, которому верно служили их отцы. К тому же, огромные льготы и привилегии полученные от Лжедмитрия, позволили верхушке служилых и городовых казаков «закрыть глаза» на явное самозванство обоих Лжедмитриев. Как позволяли это сделать и вольным казакам, поддерживавшим Тушинского вора. Казаки, начав, как союзники Лжедмитрия I, выступали уже как самостоятельная политическая сила, способная поставить на российский престол угодного им «казачьего царя».

К казакам, выступившим в начале смуты организованными «ордами» (Донская, Волжская, Черкасская орды), в процессе беспорядков пристала огромная масса беглых холопов, крестьян, разорившихся дворян и прочего люда, избравшего своим уделом войну и разбой. Вся эта орава требовала от «своего царя» денег, льгот, наделов с крестьянами, и ни как не желала возвращаться к своей прежней жизни — холопству и крестьянству.

Мещерские и касимовские «природные» казаки были среди этой разнородной массы наиболее организованным отрядом. Крупные отряды касимовцев и мещеряков находились в тушинской ставке,

и даже личная охрана Лжедмитрия состояла из мещерских казаков. Касимовский царь Ураз-Мухаммед и темниковский воевода князь Брюшей Кобяков были преданными сторонниками Лжедмитрия и не раз сражались с войском Василия Шуйского. Правительство Шуйского пыталось переманить мещеряков к себе, сделав ряд уступок по уравнению в правах «служилых» казаков с московскими дворянами, но окончательный переход Мещерской Орды на сторону Москвы, случился только после убийства Ураз-Мухаммеда (об этом ниже).

К началу 1609 г. в окружении Лжедмитрия всё большую силу стали набирать поляки. Шведы — давние соперники поляков, опасаясь их усиления в России, предложили свою помощь Василию Шуйскому. Договор был заключен в феврале 1609 г. и за помощь Василий обещал отказаться от русских притязаний в Прибалтике. Шведский экспедиционный корпус под командованием генерала Делагарди вошёл в Россию, и к концу 1609 г. очистил северо-запад Руси от сторонников Лжедмитрия. Союз России и Швеции дал повод польскому королю Сигизмунду III объявить о «возвращении» польской короне, якобы отторгнутых Русью, «литовских земель», и осенью 1606 г. поляки осадили Смоленск.

Между тем боярская верхушка в окружении и Шуйского, и Лжедмитрия, осознав всё ничтожество своих правителей, обратилась к Сигизмунду с тайной просьбой дать на трон Руси своего сына Владислава. Сигизмунд согласился и двинулся к Москве. Разгромив, 3 июня 1610 г. армию Шуйского, Сигизмунд приблизился к Москве, и московские бояре, низложив царя Василия, выдали его полякам[69]. После этого в Москве создалось переходное правительство из семи знатнейших бояр Руси (Семибоярщина), признавшее русским царём королевича Владислава, и пустившее польские отряды в Кремль.

Лжедмитрия изгнали из подмосковных пределов, а москвичи в августе 1610 г. в Успенском соборе, в присутствии патриарха Гермогена, присягнули Владиславу. Само по себе призвание иноземца

[69] Печальна дальнейшая судьба этого царя. Во дворце польского короля он ползал на коленях и просил прощения у польских магнатов и короля, за то, что посмел стать русским царем. Умер в Польше в 1612 г.

на русский трон не было чем-то необычным, достаточно вспомнить Рюрика, проблема была в вероисповедании Владислава. Он был католиком, поэтому многие крупные центры хоть и подчинились Москве, но замерли в ожидании крещения и помазания поляка. А шведы, оказавшиеся после низложения Шуйского «не у дел», взяли и объявили своей собственностью занятые северо-западные территории. Русское царство оказалось на грани распада.

Сбежавший из-под Москвы Лжедмитрий закрепился в Калуге. Рядом с ним оставались мещерские казаки, хранившие преданность «казацкому царю», но сам Лжедмитрий видимо уже плохо оценивал обстановку. Увидев на московском троне католика, он заподозрил в претензиях на свой трон мусульманина — касимовского царя Ураз-Мухаммеда, и приказал убить его. Мещеряки не смогли простить смерть своего царя даже «царю всея Руси», и вскоре начальник личной охраны Лжедмитрия — крещёный татарин Петр Мурат Урусов, отрубил Лжедмитрию голову.

В период отсутствия централизованной власти, на Руси очень выросла роль местного самоуправления. Крупные и мелкие города управлялись, так называемыми «земствами», и именно к ним было направлено требование присягнуть Владиславу. Большинство Земских собраний городов уже готово было признать своим повелителем поляка, ему повсюду присягали, и быть бы ему русским царём, если бы не его приверженность католичеству.

Все началось с патриарха Гермогена, настаивавшего на принятии Владиславом православия. Поляки сначала обещали, но время шло, а Владислав не спешил, и патриарх перешёл в оппозицию к новому царю и семибоярщине. В 1611 г. Гермоген отказался подписать грамоту о том, что «отдаёт себя на волю польского короля», и строптивого патриарха заключили в темницу Чудова монастыря, а вместо него поставили более сговорчивого Игнатия.

Однако духовную власть Игнатия русские города не признали. Русь считала своим патриархом Гермогена. Из заточения Гермоген стал рассылать призывы к свержению Владислава, и эти призывы, а также отсутствие гермогеновой подписи на грамоте Владислава, дали русским земствам правовое основание не исполнять присягу

королевичу-поляку. Ярославцы писали жителям Казани: «Ермоген стал за веру и православие, и нам всем велел стоять до конца. Если бы он не сделал сего досточудного дела — погибли бы все».

Воззвания Гермогена «стояти за православную веру неотступно», позволили рязанскому дворянину Прокопию Ляпунову — авторитетному «полевому командиру» Смутного времени, призвать не служить королю-католику и очищать от поляков и литовцев русскую землю. Ляпунов объявил о сборе ополчения, и к нему в Рязань стали сходиться вооружённые отряды со всей России. К нему же присоединились казаки, оставшиеся после смерти Лжедмитрия без «царя».

Среди руководителей ополчения не было согласия по вопросам стратегии и тактики, не было согласия по династическим вопросам, не было единодушия по методам ведения борьбы. После гибели Ляпунова летом 1611 г. ополченцы разошлись по домам, и первое «земское» ополчение прекратило своё существование.

Но и у поляков, засевших в Москве, не было сил подчинить себе остальные города Руси. В Земствах стала крепнуть идея нового ополчения, и в сентябре 1611 г. верное Гермогену нижегородское духовенство, благословило земского старосту Кузьму Минина на призыв к избавлению Москвы от чужеземцев. Население города поддержало Минина, и в Нижнем Новгороде стало собираться второе, нижегородское «земское» ополчение. Вскоре к Нижнему Новгороду стали подходить отряды из всех российских городов. Военным руководителем ополчения был определен стародубский князь Д. Пожарский избранный земствами как «правитель государства». Договорившись за значительные уступки о помощи со шведами, летом 1612 г. ополчение выступило на Москву.

Присоединился ко второму ополчению и Брюшей Кобяков, принявший после гибели Ураз-Мухаммеда руководство Касимовым и Темниковым. Присоединились и другие колебавшиеся до этого поволжские города. В 1612 г. в Темникове летописи отмечают представителей второго ополчения — воевод И. Бутурлина и Д. Погожего. Из Касимова, Темникова, Арзамаса, Алатыря ушли в Нижний Новгород отряды для участия в освобождении Москвы. В ополчении, согласно документам, находилось 25 татарских кня-

зей, а утвердительную грамоту «на царство» Михаила Романова подписали 8 главнейших татарских и мещерских князей.

Нет нужды пересказывать историю второго ополчения. После победы был созван «Земский собор всей земли», который выбрал для Руси нового царя. Им, стал юный Мишенька Романов –сын патриарха Филарета, и существенную помощь в этом оказали Романовым, казаки. После изгнания поляков, ополченцы разошлись по домам, и вскоре в Москве, где проходили выборы нового царя, остались только стрельцы регулярной армии, и очень много казаков, присоединившихся ко второму ополчению на завершающей стадии. Эти-то казаки и сыграли главную роль в выборах. Романовская партия, за огромные деньги и «посулы» уговорила казаков «кричать» за Михаила Романова. Казаки согласились ещё и потому, что отец Михаила — Филарет Романов, будучи патриархом у Тушинского вора, «окормлял» всё казацкое войско и был «на короткой ноге» с казачьими атаманами (самого Филарета в Москве не было, поляки увезли с собой, он вернулся позже).

Когда начались выборы, большинство было против Романовых, и 7 февраля решили объявить перерыв, ожидая, что казаки уйдут из Москвы. Но 21 февраля, казаки ворвались на Земский собор, и стали кричать, что царь Фёдор, умирая в 1598 г. «благословил посох свой Фёдору (Филарету) Романову» но так как Фёдор принял постриг (после чего собственно и стал Филаретом), то трон следует передать его сыну Михаилу. Подкупленные романовским деньгами и обещанием «вольностей» и поместий, казаки, полагали, что опять ставят на трон «казацкого царя», и оттеснили других кандидатов. Клану Романовых важно было опереться на любую силу, которая поможет им занять трон, и они наобещали казакам, что называется «с три короба».

Понятно, что такая толпа «помещиков» и «служилых казаков» не нужна была самодержавию, да и платить им было нечем. Земли же, которые они требовали себе на «кормление», как правило, уже принадлежали другим дворянам и крупным феодалам, и отдавать их они не собирались. После изгнания поляков в России началась борьба между царским правительством, опиравшимся на бояр и дворян, и казаками. В большинстве своём — бывшими холопами этих дворян и бояр. Разгорелась настоящая «гражданская война», которая шла вплоть до 1618 г., и в этой войне крестьянство, устав от грабежей и насилия казаков, встало на сторону царя. Кстати говоря, казаки Мещерской, Донской и Волжской орд, в этой войне не участвовали, удовлетво-

рившись полученными от Романовых уступками. Во многом и эта разобщенность казаков помогла царскому правительству одержать победу и загнать значительную часть «вольных казаков» обратно в феодальную зависимость

Остававшиеся в Касимове и Окско-Сурском междуречье служилые мещеряки и татары, по-прежнему считались серьёзной силой. Вожди второго ополчения, понимая это, щедро раздавали им поместья, бортные угодья и давали другие льготы. Наиболее ранние подобные грамоты относятся ещё к 1611 г., а в 1612 г. награды сыпались «как из рога изобилия». Эти награды не пропали даром для ополчения. В том же 1612 г. служилое казачество доказало свою преданность второму ополчению. Началось всё с Ивана Заруцкого.

Казачий атаман И. Заруцкий был видным деятелем Смутного времени. Поддерживающий идеи ополчения, он попытался «продвинуть» на престол сына Марины Мнишек от Лжедмитрия — «царевича» Ивана, и после конфликта с Пожарским, ушёл с верными ему казаками к Рязани. Декабрьская грамота второго ополчения о Заруцком гласит: «Прибрал к себе воров и холопей боярских и пашенных мужиков (то есть новоиспечённых «казаков» авт.) которые не хотят покоя христианского и тишины, в рязанских пригородах стоит».

И. Заруцкий, как казачий лидер и атаман, рвался в земли Мещерской Орды, и в Поволжье, надеясь поднять казаков и «инородцев» именем «внука Ивана Грозного» — «царевича» Ивана, но обстановка в Мещере изменилась не в пользу «казацкого царя». Кадомский князь Кудаш Кильдеяров, собрав отряды мордвы и татар, встретил Заруцкого боем, а темниковские старосты, получив от Заруцкого грамоту с воззванием, собрали «мир» и зачитали грамоту вслух. Воззвание не имело успеха. Князья, мурзы, и простые горожане постановили: «К тому Ивашке (Заруцкий писал от имени «царевича Ивана» авт.) не приставать и воровству его не верить». Гонцов Заруцкого арестовали и отправили в Москву[70].

[70] Темников был тогда, абсолютно «нерусским» городом. Сохранились записи о населении Темникова от 1625 г. Согласно им, в Темникове проживали «воевода Афанасий Кукорин, а с ним князей и мурз татарских 383, черкас (запорожских казаков) 15, мордвы 1020 дворов, а из них на службу хаживало 340 человек». О русских поселенцах, кроме воеводы, нет ни слова.

Однако Заруцкий, перед этим наладил контакт с ногайскими князьями, изменившими присяге Москве во время смуты, и призвал их ударить в тыл ополчению[71]. Соединившись с крымцами, ногайские орды под командованием мурзы Нур-Мухаммада (Курмамета), ворвались в Окско-Сурское междуречье, но на их пути встали арзамасские татары. Баюш Разгильдеев и Ямаш Мангушев мобилизовали оставшихся на «черте» казаков, мурз и стрельцов, и встретили степняков недалеко от деревни Чукалы (рядом с Бол. Болдино). В бою у Чукалы, Разгильдеев остановил ногайцев, а затем около мордовского Ардатова: «…побили ногайских людей …убили мурзу Курмамета, и знамя взяли».

Эту победу высоко оценили в Москве. В 1613 г. Михаил Романов пожаловал Розгильдеева и Мангушева княжеским титулом. В следующем, 1614 г. ногайцы во главе с мурзой Иштеряком снова вторглись в Окско-Сурское междуречье, и подняли на восстание местную мордву. Воеводы Сулешов и Барятинский не смогли справиться с ногайцами, но Баюш Розгильдеев с братом, придя во главе своего отряда им на помощь, разгромили Иштеряка, и отбросили обратно в степь. За эту победу Розгильдеев был пожалован землями в Костроме. Примечательна судьба братьев Розгильдеевых, и показательна для Поволжья: Баюш крестился, и его дети стали русскими аристократами — князьями Баюшевыми, а его брат Чемай отказался принять православие, и стал «лапотным мурзой», а его потомки крестьянами.

После воцарения Михаила Романова, «замирение» России продолжалось ещё несколько лет. Войны с поляками и казаками требовали от романовского правительства напряжения всех сил и средств. Новые подати и поборы тяжким бременем легли на крестьянство, а в Поволжье эти поборы усугубились ещё и продолжавшимся сбором «пятой деньги» («пятины»), введённой когда-то

[71] В итоге Заруцкий плохо кончил. Не найдя поддержки в Поволжье, он ушёл в 1613 г. на Яик, где был схвачен казацкими старшинами и выдан Москве. Заруцкого посадили на кол, четырёхлетнего «царевича» Ивана повесили по приказу Романовых, а Марину Мнишек, как побывавшую на русском престоле казнить не посмели, и она умерла в тюрьме, через год, сойдя перед смертью с ума.

Кузьмой Мининым на спасение отечества. Эти сборы сопровождались жесточайшими злоупотреблениями царских чиновников, беспощадно обиравших «чёрное» население.

В 1615 г. податное сословие Поволжья, доведённое до отчаяния непомерными поборами, восстало. Русские переселенцы, мордва, чуваши, марийцы, удмурты, подняли бунт. Казанский воевода писал тогда в донесении: «Говорили де чуваша и черемиса промеж собой. По се места мы де заодно не стояли за себя, а ныне де дождались на себя сверх ясаков всяких лишних наметов: велено де на нас ратным людям на жалованье деньги собирать. И чем де нам деньги на ратных людей давать, мы де разбежимся по лесам, или собрався станем за себя сами и денег не дадим».

Повстанцы осаждали Свияжск, Казань, Арзамас, Муром, но превосходящими силами стрельцов и «служилых» казаков были везде рассеяны. Правда, сбор «пятой деньги» отменили.

Смута и гражданская война страшным ураганом прошли по России и Поволжью. Очевидец писал, что: «Дворы от войны запустели, а пашенные земли лесом поросли». Только к 20-ым гг. XVII в. Россия зажила относительно спокойно, и стала восстанавливаться. Восстановление разрушенного хозяйства также легло на плечи трудового народа, поборы продолжались и даже увеличивались. П. Мельников писал, что из-за поборов и бесчинств царских чиновников, мордва-терюхане в 1639 г. «летом не сжав хлеба» сбежали от лютовавшего сборщика налогов Петра Корсакова, «забрали скот и разбежались по дремучим лесам Муромским и Салавирским, и по реке Серёже».

Сил для бунта у людей уже не было, к тому же и воевать «за волю» стало нечем. В 1633 г. царское правительство напуганное сопротивлением поволжских «инородцев», приказало изъять у нерусских жителей Поволжья весь кузнечный промысел и другие виды металлообработки. «Ясачной» мордве, чуваше, татарам, марийцам, удмуртам и другим, под страхом заключения в острог и порки запрещено было заниматься металлообработкой, кузнечным и слесарным делом, изготовлением металлических орудий труда. «А велети тем татарам и черемисе торговати и меняти всякие

товары, опричь заповедных товаров: меди и железа, олова и свинца и зелья пушечного и пищального, и серы горячие и иных заповедных товаров».

Следующий указ, изданный в 1645 г., звучал ещё категоричней «…у черемисов никакого вогненного бою и пороху и свинцу, и кузнечные и бронные и никакие серебряные снасти не было». У «инородцев» отнимали даже луки со стрелами, а орудия труда предлагали покупать на торгу у русских купцов.

Эти строгости для жителей Поволжья были введены ещё и потому, что все выступления поволжских «инородцев» были наполнены стремлением к отделению Поволжья от Москвы. Они сражались не только за «царя Димитрия — сына Ивана Грозного», нет. После низложения в 1610 г. Василия Шуйского, сначала в Астрахани, а затем в Казани, возникла идея создания в Поволжье независимого государства под эгидой мусульманской Персии. Причём эту идею поддерживали и туземцы и поселившиеся здесь русские. Казанский городской дьяк Никанор Шульгин организовал в 1611 г. убийство казанского воеводы Б. Белевского, преданного Москве, после чего объявил себя правителем «Казанского государства». В 1613 г. он отказался от присяги Москве, ища союза с Турцией и Персией. Только зимой 1613 г. Шульгин был арестован в Арзамасе сторонниками Москвы.

Сподвижники Лжедмитрия II также говорили о создании в Поволжье отдельного от Москвы государства, во главе с «царем Иваном» (сыном Лжедмитрия II и Марины Мнишек). Не случайно польский король Сигизмунд III, сыну которого — королевичу Владиславу, присягала тогда Русь, писал к московским боярам — своим союзникам: «Остерегайтесь разделения Московского государства на мелкие части. Псков и Новгород на стороне шведского короля. Вам же известно, что Астрахань и Казань и другие татарские города, договорившись между собой, решили подчиниться иранскому шаху. Казань, Астрахань, черемисы, степные города, Пермь и Вятка, не подчиняются нашим грамотам, и нашему сыну крест не целуют».

Смута и волнения в Среднем Поволжье показали, как соседние страны желают разделения и полного уничтожения Русской державы. Но, с другой стороны, продемонстрировали недоброжелателям, что в минуту критической опасности русский народ готов сплотиться для спасения своего Отечества. Подчеркнём, что спасение Отчизны пришло тогда из наших краёв — из Волго-Окско-Сурского междуречья.

ОЧЕРК 17.

Правление Романовых

Начало правления Романовых ознаменовалось для России продолжительными войнами со шведами и поляками за возвращение российских территорий, и российского влияния в Восточной Европе. Русское правительство было поставлено в затруднительное положение тем, что польский королевич Владислав, присягу на верность которому принесли в 1610 г. жители Московской Руси, требовал исполнения этой присяги, и именовал себя «великим князем московским». Романовы, чтобы обеспечить легитимность своего правления, вынуждены были начать войну с Польшей.

Только после победы над Речью Посполитой, и заключения в 1667 г. Андруссовского мира, поляки отказались от претензий на русский престол, вернули Смоленск и Чернигов, и признали Украину российской землей. В свою очередь шведы, содействовавшие первому и второму ополчению, не желали отдавать обещанные им за помощь северо-западные земли (Новгород в 1611 г. присягнул шведскому королю), и их также пришлось выдворять оттуда с боем.

Кроме того казаки, оказавшие существенную помощь Романовым при избрании Михаила на царство, поняв, что обмануты открыли военные действия против московского правительства. В ходе антиказацкой кампании 1613–1620 гг. «вольное казачество» было полностью разгромлено, а многие беглые холопы и крестьяне, ставшие в период смуты «казаками», были возвращены в холопство, или бежали в степь. Памятуя непредсказуемый нрав казаков, Романовы предприняли ряд мер к тому, чтобы казачество перестало играть решающую роль в российских армейских формированиях.

Они сделали ставку на профессиональное наёмное войско, набранное как из русских людей, так и из европейских «солдат удачи» — наёмников, «расплодившихся» в Западной Европе в результате бушевавшей там Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.). На их основе создавались полки «иноземного строя». Кроме того, возросло число военнообязанных дворян. Однако необходимой для «кормления» увеличивающегося числа «служилых» людей, свободной земли в центральной России уже не хватало, и тогда правительство обратило свои взоры на Поволжье.

«Чёрное» (податное) население Поволжья, дорожа личной свободой дарованной им ещё Иваном Грозным, не желало работать на помещиков, которым отдавали их земли. Земледельцы уходили туда, куда ещё не распространило во всей полноте свою власть самодержавие. Помещики были вынуждены заселять полученные уделы крестьянами из центральной России, а правительством были предприняты меры по «прикреплению» туземцев к земле. Эти меры стали провозвестниками крепостного права в Поволжье, которое в центральной России, в том или ином виде, действовало уже много лет.

Но дворянам и «детям боярским» мало было земли жалованной им царём, и они бесцеремонно захватывали угодья принадлежащие общинам, объявляя их «порозжими» (пустыми). Так, в документе XVII в. указывалось, что: «Ведомо Великому Государю учинилось, что Арзамасского и Олаторского уездов и всех низовых городов, у ясачных людей, и у татар и у чувашей и у мордвы, и у иных иноязычных данников, новокрещёных разных чинов, люди из старин-

ного их владения многие их земли и леса и иные всякие угодья … заселили своими крестьянами, назвав эти земли порозжими и дикими полями и от такого утеснения иноверцы разошлись в разные места, и ныне тако же бредут врозь».

«Ясачные» иноверцы «брели врозь» ещё и потому, что увеличивались размеры налога (ясака), а также число и объём различных повинностей, возложенных на них царским правительством, не имевшим других способов развития инфраструктуры. Извоз, заготовка леса, ямская служба, прокладка дорог, строительство крепостей и засек, тяжёлым бременем ложились на «ясачное» население Поволжья, заставляя людей «ударяться в бега».

Но положение российских крепостных было ещё хуже, чем положение «ясачных». Окончательное закрепощение крестьян произошло в 1649 г. после принятия Земским собором «Соборного уложения», коренным образом изменившего жизнь всего русского общества. Этим «Уложением», крепостное право в России закреплялось законодательно, и устанавливалась личная потомственная зависимость земледельцев от помещиков. Также значительно усложнялась жизнь горожан и ремесленников — «посацкого люда». Эти изменения вызвали серьёзный отток населения центральной России на восток, главным образом в Поволжье, ещё не вполне охваченное административной властью.

П. Мельников писал об этом оттоке: «С XVII в. в непроходимые заволжские дебри стали являться новые насельники… Беглые крестьяне не смогшие примирится с только что, возникшим крепостным правом, отягощённые оброком и податями слобожане, лишённые промыслов посадские люди, беглые рейтары, драгуны, солдаты и иные ратные люди ненавистного им “иноземного строя”, — всё это валом валило за Волгу и ставило свои пожитки по таким местам, где до того времени человек ноги не накладывал… Тогда и сложилась поговорка “нечем платить долгу, пойду за Волгу”». Но не только Заволжье манило беглецов. Многие уходили жить «на черту» (засеку), справедливо полагая, что здесь рабочие руки нужны и местное начальство их «не выдаст».

Побеги трудового люда тяжело сказывались на хозяйстве дворян центральных районов Руси. В обращении от 1660 г. к царю Алексею Михайловичу, дворяне и «дети боярские» разных подмосковных городов писали, что: «…людишки наши и крестьяне от нас побежали в низовые города, и в Нижний Новгород с товарищи, и в Казань и в казанские пригороды, и в новые города по черте».

Правительство принимало меры по розыску и возврату беглых, предусматривало строгие наказания помещикам и духовенству за укрывательство беглецов, однако эти меры не давали должного результата, и количество беглых в Поволжье увеличивалось. Романовское правительство «одной рукой» наказывая беглецов и их покровителей, «другой» поощряло заселение Поволжья русскими людьми, понимая их ведущую роль в русификации края. Осознавая значение для России Уральского региона и Сибири, в Москве понимали, что успешная колонизация этих краёв возможна только после полной русификации Поволжья, которая сделает его плацдармом для освоения уральских и сибирских богатств. Поэтому заселение Поволжья, пусть и беглыми, но русскими крестьянами, было одним из главных инструментов в деле этой русификации. Другим главным инструментом стало распространение православной веры.

После долгих лет смуты и безвластия, коренное население Поволжья значительно отодвинулось от московских порядков, и даже те русские крестьяне-переселенцы которые пришли сюда до смуты, по свидетельству поволжского духовенства «портились», забывая свой язык и религию и переходя к местным традициям и обычаям.

Чуваши, буртасы, марийцы, мордва, стали забывать о принятой от царя русской вере, и возвращаться к своим языческим верованиям. Жившие в конце XVII в. в России иезуиты писали в Рим: «Мордвины были уже раз обращены попами в христианство (после покорения Казани авт.), или лучше сказать принуждены к этому, потому что, всех их согнали к воде и когда они вошли то попы произнесли следующую формулу: “крещаются рабы божьи во имя Отца аминь, Сына аминь, и Святого духа аминь”. Какое неразумение! После того как были розданы крещёным иконы, с объясне-

нием, что от них будут иметь все блага, и так как иконы у русских называются “богами”, то мордвины переменили одно идолопоклонство на другое, потому что, считая иконы “богами”, они ставили их на кладбища, а когда несмотря на то, на стада стали нападать волки, то мордвины отослали иконы через почётное посольство в Москву, заявив, что предпочитают оставаться при своих богах».

В смуту в Среднем Поволжье пострадали и подверглись разорению многие церкви и монастыри, пострадало и само духовенство. Немало миссионеров погибло от рук бунтовавших. Что же касается феодальной знати Поволжья, то среди неё по прежнему был широко распространен ислам, чему способствовало и Касимовское царство и влиятельные исламские государства, — южные соседи России.

Правительство Романовых, понимая всю важность привлечения в православие поволжской феодальной верхушки, решило действовать экономическими методами. Ещё в 1628 г. царь Михаил издал указ, запрещающий некрещёным феодалам иметь в собственности православных крестьян, что сразу подорвало экономическую основу крупных феодальных владений. А затем для принимавших православие местных феодалов и земледельцев были введены всякие льготы и привилегии.

Приведем акт 2-й половины XVII в. свидетельствующий о подобных льготах: «Ежели иноверцы учнут бить челом великому государю о крещение в православную веру, то тех мурз и татар и мордву и чувашу и черемису и вотяков и буртас и иных всяких вер иноземцев и их дворовых людей, велети крестить в православную веру и давати им новокрещёным в Арзамасе из приказные избы Великого Государя жалованье, по его государевой милости, на платья мужеска и женска полу, всякому человеку по два рубля, да сверх того государева денежного жалованья им же новокрещёным мурзам и служилым татарем, в службах и во всяких Великого Государя податех, такоже мордве чуваше и черемисе, и вотякам и буртасам, во всяких податях давать льготы на три годы …чтобы тех новокрещёных мурз и служилых татар на службу Великого Государя не высылали, и с тягла их и мордвы и чуваши и черемисы и вотяков

и буртас и иных всяких вер иноземцев и новокрещёных, податей никаких не имали три годы, и ничем не убытчили, и ото всяких людей оберегали …и которые мурзы и татаровя и чуваша и черемиса и вотяки и буртасы в православную веру крестятся, и их новокрещёных от русских всяких чинов людей, и от мурз и от татар и от мордвы ото всяких обид оберегать, чтобы их дворяне и дети боярские и всяких чинов люди во дворы себе в холопство и во крестьянство, и на них жилых кабал и иных крепостей не имели. И впредь им новокрещёным от Великого Государя превеликая милость будет».

Для новокрещёнов уклонявшихся от соблюдения православных обрядов, или крестившихся только ради корысти, были предусмотрены разного рода санкции «…и тех смирить, сажать в темницы и в оковы, иных же отсылать к митрополиту для наложения на них епитимьи (покаяния авт.)». Конечно, вынужденное проявлять определённую гибкость в отношении полунезависимых татарских и мордовских мурз, царское правительство, тем же «Соборным уложением» защитило их права и земельные владения от произвола, однако на деле, и по службе, и по привилегиям, и по судебной защите, большее предпочтение отдавалось новокрещёнам.

Ещё одним шагом к утверждению православия в Поволжье явился запрет на распространение ислама среди православных. Меры принимались самые строгие — в «Соборном уложении» говорилось: «Буде кто бусурман какими нибудь мерами насильством или обманом русского человека к своей бусурманской вере и обрежет, а сыщется то до пряма, и того бусурмана по сыску казнить, зжечь огнем без всякого милосердия».

Распространением христианства среди поволжских «инородцев», в основном, занимались монастыри. После замирения края поволжские обители приступили к своей миссионерской деятельности с новой силой, причём настойчивость монахов часто граничила с принуждением. У П. Мельникова есть история об игумене Арзамасского Спасского монастыря Иове, который так досадил окрестной мордве требованием креститься, что мордвины разбежались по лесам, а игумен ловил их и крестил силой.

К крещению «инородцев» по-прежнему подходили формально, и едва удалялись священники, туземцы тут же забывали о своем «рождении в духе», и продолжали жить по старому, молясь в своих священных рощах и на кладбищах. Хотя следует сказать, что русскую традицию «отмечать» православные праздники мордва всё ж таки усвоила. Иезуит Филипп де Авриль дважды побывавший в России, сетуя на формальное крещение мордвы и распространение среди них языческих обрядов, указывал, однако, что например праздник Святого Николая мордва, так же как и русские, отмечала повальным пьянством.

В Российских верхах всё же большее внимание уделялось привлечению в православие феодальной знати, с дальнейшим вовлечением её в орбиту деятельности русского дворянства, и проводимая правительством политика противопоставления крещёных и некрещёных (с поощрением первых и притеснением вторых), в скором времени дала свои результаты. Со 2-й половины XVII в. среди «служилого» населения Поволжья стала складываться прослойка из добровольно перешедших в православие местных казаков, тарханов и мурз, ставшая опорой романовского правительства в деле дальнейшей русификации края.

Служилые новокрещёны получали права, которых не было даже у самых знатных и богатых некрещёных феодалов. Феодалы-новокрещёны были приравнены в правах к русским землевладельцам, и могли использовать, по существу, рабский труд православных крестьян, чего они были лишены до крещения. Само собой, новокрещёны утрачивали и свой язык, и свою родовую принадлежность, и становились русскими людьми, вливались в ряды русского дворянства. Так потомки какого-нибудь мордовского князька, приняв в XIV в. ислам, делались «татарами», а их потомки в XVII в, приняв православие, становились уже «русскими» людьми.

В дальнейшем, по мере укрепления самодержавия в регионе, отношение к не православным подданным усугублялось. Царские указы позволяли отбирать у некрещёных землевладельцев Поволжья земли населённые православными людьми. Не желавшие переходить в православие землевладельцы, лишившись работников,

разорялись, и вынуждены были сами обрабатывать оставшуюся у них землю, храня только память о своем княжеском происхождении. Таких дворян в насмешку называли «лапотные мурзы».

Ужесточили в конце XVII в. и меры в отношении некрещёных инородцев-простолюдинов. Кроме того, что согласно приведенному выше документу, крестившиеся получали денежное довольствие и освобождались от уплаты податей, размер этой подати раскладывался между не желавшими креститься. В отношении отдельных категорий населения применялись и принудительные меры. Так, в 1682 г. к курмышским татарам и мурзам был направлен именной царский указ, гласивший, чтобы те: «упрямство своё отложили и в православную веру крестились». Кстати, после этого указа, курмышские татары разбежались по всему Поволжью, не желая креститься.

Нужно сказать, что и другие поволжские «инородцы» в большинстве своём упорно придерживались своих древних верований. Известно, что мордовские старшины и знать в 1629 г. съезжалась в деревню Чукалы на свои традиционные «всемордовские» моления о родителях, проходившие у них раз в пятьдесят лет. Приносили в жертву лошадей и коров, насыпали большой мар земли. Характерно, что некоторые группы мордвы, к середине XVIII в. уже практически забыли свой родной язык, даже между собой говорили по-русски, но продолжали хранить «мордовскую веру».

Между тем весь XVII в. в Окско-Сурском междуречье неуклонно росло число русских поселений. Особенно увеличился приток земледельцев после создания в 1636 г. Алатырской, и в 1653 г. — Симбирской засек. Привлеченные безопасностью от набегов степняков, сюда охотно переселялись русские крестьяне. Помещики, получившие земли вдоль засек, заселяли их своими крепостными, выведенными из Руси. Сюда же стали переселятся и жители западных и южных русских областей, бежавшие от ужасов русско-польских войн, и от набегов крымских татар.

Бежали в наш регион и крестьяне Малороссии, уходившие от панского гнёта, и от набегов крымцев. Память о них хранится в названиях селений Хохлово, Хохловка, Хохлики и др. Кроме

того, царское правительство поселяло в Поволжье многочисленных пленных шведов и поляков, о чём напоминают такие названия как Ляхово, Ляхи, Швецкое, Шведово и др.

С увеличением числа жителей и ростом новых городов, стало развиваться сельское хозяйство, ремёсла, торговля, что вызвало экономический подъем в крае. Пролегавший через Окско-Сурское междуречье древний торговый путь, связывающий Среднюю Азию и Персию с Северной и Западной Европой, получил новое развитие. В 1664 г. князь Иван Дашков, обосновывая перед царём выгоды от использования этого торгового пути, писал: «…через Синбирск (Симбирск, совр. Ульяновск авт.) путь угоден тем, что от Москвы до него дорога горным путем на Муром, на Арзамас, на Алатырь, на Корсунов, а гонцу поспеть можно с Москвы в десять дён. И для близости к Москве кизилбашские (персидские авт.) купчины ходят и московские торговые люди со всяким товаром ходят к Москве чрез те города, а раньше хаживали через Казань. А только бегать с Москвы до Синбирска водяным путем реками Москвою, Окою и Волгою …не поспеть и в четыре недели».

Развитие торговли и рост капиталов способствовали увеличению торговых связей с иностранными государствами. Волго-Окско-Сурское междуречье, вместе с землями Волго-Камья, располагались на границе московской метрополии с уральскими и сибирскими провинциями, и сделались центром международной торговли, как и в прежние времена, связывая между собой Европу и Азию. На Средней Волге, около знаменитого Макарьевского Желтоводского монастыря, стала набирать свою силу международная ярмарка, ставшая продолжением древнего торжища возле Казани.

Из-за кровопролитных Черемисских войн, и смуты торжище утихло совсем, став событием местного значения. И только с воцарением в Среднем Поволжье мира, оно возобновилось, но уже в новом месте ближе к Нижнему Новгороду. Посетивший в 1707 г. Макарьевскую ярмарку Корнелий де Бруин писал, что ярмарка проводилась в июле, и продолжалась 15 дней.

Главными товарами поставляемыми из нашего региона на внутренний и мировой рынки были хлеб, мёд и пушнина. Из донесений купца и разведчика Иоганна де Родеса мы узнаём, что хотя самыми лучшими считались тогда сибирские меха, но всё же, главным образом, пушнина добывалась в казанских областях, к которым относился тогда и наш регион. Во 2-й половине XVII в. добыча пушнины, и заготовка мёда диких пчёл, были подорваны развитием поташного производства.

Поташ (карбонат калия) — древесная зола, используемая в производстве стекла, также в сельском хозяйстве и строительстве, — стала в конце XVII в. одной из главных статей российского экспорта на западные рынки. Изготовлением и продажей поташа занималось и царское правительство, и большинство помещиков края[72]. Связанный со сжиганием большого количества древесины, этот промысел привёл к массовой вырубке лесов в лесных районах Поволжья, и в свою очередь к истреблению многих видов ценного пушного зверя, а также к исчезновению бортных ухожаев. Местные пчеловоды в XVII в. вынуждены были перейти к пасечному пчеловодству. С другой стороны, увеличение количества пахотных земель вызвало дополнительный рост населения края.

Административно Окско-Сурское междуречье до начала XVIII в. оставалось частью казанских земель, управляемых Казанским приказом. На территории междуречья исторически сложились административные единицы-воеводства или уезды: Курмышский, Алатырский, Ядринский, Арзамасский, Нижегородский и Темниковский. Видимо, в начале XVII в. территории среднего и нижнего левобережья Тёши были отчуждены от Темникова, и переданы в ведение Муромского и Арзамасского уездов.

---

[72] Производство поташа поначалу было очень выгодным. Им занимались все землевладельцы края. К концу XVII в. по всему региону располагались будные станы (майданы, гарты). Буда — ящик, в котором замачивали золу. На этом производстве работали и крепостные и вольнонаёмные. В 1721 г. Пётр Великий объявил государственную монополию на производство поташа. Однако к середине XVIII в. это производство сделалось дороже, чем стоимость поташа на европейском рынке, после чего было свернуто. Производство поташа вызвало развитие попутных промыслов — углежжения, смолокурения, изготовления дёгтя и др.

Служилые казаки и татары всё в большем количестве переводились на восток, для службы на новых границах России, а на их место переселялась мордва из Арзамасского и Нижегородского уездов, вытесняемая, в свою очередь, русской земледельческой колонизацией. Всё больше распространялся русский язык и православная религия, регион всё больше становился русской землей.

Но этого нельзя было сказать о Касимовском царстве. Мещерский «Иски-юрт» в первой половине XVII в. по прежнему оставался оплотом мусульманства в Центральной России. Поволжский ислам, за века соседства с «московским» православием, оказал сильное влияние на нравы и обычаи Московской Руси. Это влияние было искоренено никоновскими реформами, но в старообрядческой среде, сохранившей традиции древнего московского «правоверия», отмечались обряды сходные с мусульманскими. Отрицательное отношение к употреблению спиртного, правило хоронить покойников в день смерти, особенное отношение к женщине и её поведению, строгое и обязательное молитвенное правило (молитва у мусульман пять, а у старообрядцев восемь раз в день, использование ковриков для молитвы), были даже разговоры о, существовавшем когда-то «православном шариате».

Ганс Шлезвиг, посетивший Россию в начале XVII в., описывал такие обычаи, существовавшие в Московской Руси, как закрытое содержание женщин, и правило предписывающее женщинам закрывать лицо при появлении на людях. Любопытно его сообщение о том, что московиты, приветствуя друг друга, говорят «салом», а многие носят чалму (в чалме изображен на средневековой гравюре царь Иван III)[73]. Еще раньше, в середине XVI в. Михалон Литвин, описывая московитов, предполагал у них с татарами «одну веру».

Касимовские татары и казаки-мещеряки, после смуты продолжали служить русскому престолу. Мещеряков использовали для колонизации заволжских степей, они служили по засечным чертам, образуя «мещерские» и «арзамасские» казачьи станицы. Татары

[73] В конце XVII в. персидский автор книги «Хафт Иклим», возмущался, что московиты хоть и носят мусульманскую одежду, но всё ещё едят свинину.

и мещеряки участвовали в войнах за освобождение русских земель от поляков и шведов. Так, князь Д. Пожарский, в 1615 г. выступил против поляков, имея в своём отряде 230 алатырских, 228 арзамасских, 430 темниковских и 120 курмышских «князей, татар, и мурз». В походе на занятый шведами Псков в августе того же года, половину армии Ф. Шереметьева составляли «служилые» татары. Важную роль сыграли татары в сражении за Смоленск, в 1639 г. и в других битвах с поляками. Касимовцы вместе с арзамасскими и алаторскими казаками, татарами и мурзами, участвовали в изнурительном Калмиюсском походе по Приазовью в 1655 г.

Однако иметь под боком большое, сильное, да к тому же ещё и мусульманское государство, было романовскому самодержавию «не с руки», особенно после того как Россия вступила в противоборство с лидером тогдашнего исламского мира — Турцией. Вдобавок неродовитость династии Романовых, в то время когда рядом правили потомственные Чингизиды, заставляла нервничать царский двор. Касимовское царство, игравшее в XVI — начале XVII вв. очень важную роль в русско-крымских, русско-турецких, русско-казанских, и даже русско-казахских отношениях, и служившее свидетельством благожелательного отношения к исламу в Руси для остального исламского мира, во 2-й половине XVII в. стало ненужным, и даже опасным.

Роль последнего касимовского царя Сеид-Бурхана была ничтожной[74]. По свидетельству современников, Романовы опасались, что оный Сеид-Бурхан может стать знаменем восстания нерусских народов Поволжья, однако и погубить его не решались. После смерти Сеид-Бурхана, Ханкерманский султанат (Касимовское царство) управлялся его матерью — царицей (хатун) Фатимой-султан, а после её смерти, в 1681 г. Мещерский юрт был упразднен, а его земли отписали на царскую корону. Так закончилась история Касимовского царства — исламского государства Центральной России,

[74] По некоторым данным, был обманом крещён, в 1654 г. под именем Василий. По этому поводу, крымский султан Мухаммед-Гирей, в своей ноте правительству России, писал: «Ханкерманского султана насильно сделали христианином. Нас возмутило это непристойное дело».

существовавшего более 200 лет. Впрочем, даже после упразднения султаната, ислам продолжал свободно исповедоваться в центре Руси, вплоть до самого начала XVIII в. когда, после воцарения Петра начались гонения на мусульман.

В целом, заселение Поволжья русскими земледельцами, и политика христианизации и русификации туземных народов, привели к тому, что в конце XVII–нач. XVIII вв. к северу от воображаемой линии городов Уфа-Самара-Саратов-Тамбов-Воронеж, стало складываться русскоязычное население, связывающее свою жизнь и судьбу с жизнью и судьбой России. И, тем не менее, коренные жители Поволжья — мордва, марийцы, чуваши, татары и другие, в целом доброжелательно относясь к русским переселенцам-земледельцам, не желали мириться с административной и духовной властью Москвы, терпя от её наместников унижения и притеснения.

Несмотря на все «заклинания» советских и постсоветских историков, о «стремлении мордовского (чувашского, марийского и др.) народа к воссоединению с передовым русским народом», эти народы восставали при первой же возможности, сопровождая свои выступления уничтожением царских институтов власти и православного духовенства, разрушением монастырей и храмов. Жестокое подавление восстаний смутного времени не сумело загасить антимосковские настроения коренных жителей Поволжья, подогреваемые не только притеснениями царской власти, но и постоянным брожением в южных степях, с которыми Поволжье было неразрывно связано.

Мордва, марийцы, чуваши, татары, башкиры и др., готовы были подняться на борьбу при первом же ослаблении центральной власти. Другим серьёзным фактором нестабильности Поволжья, и России в целом, сделались начатые в середине XVII в. реформы по унификации русского и греческого православия. Эти реформы вылились, в конечном итоге, в страшный раскол внутри русского общества, превративший, без преувеличения сказать, лучшую часть трудового русского народа в «людей второго сорта».

ОЧЕРК 18.

Раскол

К середине XVII в. России удалось вернуть свой вес и влияние в Восточной Европе. Были отвоеваны Новгород и Русский Север, разгромлена Польша и присоединена правобережная Украина. Присоединение Украины усилило контакты с греческим православием, а большой приток в Московию единоверных беженцев с Балкан (сербов, греков, болгар и др.) спасавшихся от турецкой экспансии, способствовал культурному росту русского православия.

Тогда же выявилась серьезная проблема. Русское «московское» православие, в течение долгого времени развивавшееся вдали от традиционных центров православия вселенского, приобрело черты весьма отличные от него. Верхушка московского патриархата, в связи с давлением католицизма, очень опасалась проникновения «ересей» и даже Киевская духовная семинария была объявлена в Москве рассадником «ересей», а её книги были под запретом. Любые попытки изменить порядок и ход богослужений или каноны встречались «в штыки». В результате этого отличия «московского» православия от греческого вселенского, были прямо таки

вопиющими, начиная от догматики и состава богослужебных книг, и заканчивая ритуалами. О влиянии ислама на московские обычаи мы писали в прошлом очерке.

Православное население Украины и присоединенных западных областей творило службу и исполняло ритуалы в соответствии с канонами православия вселенского, и его, ни в коем случае, нельзя было отпугнуть «московскими» церковными обычаями.

Кроме того, Россия расширялась на восток и юг, все больше становясь империей, и ей были необходимы «духовные скрепы» позволяющие объединить общей идеологией многонациональное население растущей страны. Такими «скрепами» должно было стать русское православие, после соответствующего его обновления. В обновлении нуждалось и духовенство Московской Руси. Многие священники, особенно в глубинке, были безграмотны, службу творили по памяти, не соблюдая церковных канонов, а другие проникали в священники за взятки. После принятия «Соборного уложения» 1643 г. ужесточившего крепостное право, многие крестьяне, чтобы избежать закрепощения стали уходить в монастыри, принимали там духовный сан, а затем возвращались к своим занятиям или ударялись в бродяжничество. Таких «духовников» называли «чёрными попами».

Священный собор 1667 г. потребовал возвращать этих «попов» помещикам, и прямо констатировал, что в священники попадают: «Сельские невежды, из которых иные и скота пасти не умеют». Кое-где доходило до того, что подобные «отцы-пастыри», для желающего избежать длинной церковной службы читали молитвы в шапку, принесённую его родственниками, и дома, надевая такую шапку, её владелец мог полагать, что оттуда на него исходит «священная благодать». Встречались священники, которые творили молитвы под дубом, а потом раздавали ветки и желуди как «священные» за плату. Один архиерей в своих записях вспоминал, как однажды пытался экзаменовать встреченного им сельского священника в вопросах веры, но так и не добился от него ответа, какому Богу тот служит. Сельский поп всё время твердил про какого-то «Николу-Бога», а про других, мол, он и не слышал.

Неудивительно, что иностранцы в XVI–XVII вв. отмечали в московских провинциях непочтение местных жителей к своему духовенству. В документах того времени встречаются дела о священниках, которых прихожане «били и увечили» не пуская в церковь из-за их непотребного образа жизни. Много было жалоб и на так называемых «безместных попов», то есть, священников не получивших прихода, и собиравшихся в Москве возле Кремля, а там «бесчинства чинят всякие, меж собой бранятся, и укоризны чинят скаредные и смехотворные, а иные меж себя играют и на кулачки бьются». Перемены были необходимы.

Можно сказать, что призыв к переменам прозвучал из нижегородских пределов. В 1636 г. патриарх Иосаф получил из Нижнего Новгорода большое челобитное послание. Девять священников нижегородских приходских церквей просили помощи и «святительского» содействия патриарха, ибо увидели вокруг: «Повреждение истины, в наставниках и церквах неисправление, веры оскудение и церковный мятеж». Священники писали патриарху, что в большинстве церквей попы невежественные и грубые, недостойные своего звания. Совершают службу «наскоро», «с леностью и небрежением великим», любят «стяжание», и заискивают перед властью. Народ же, без пастырей добрых, уклоняется от веры, обращается к язычеству и суевериям.

Судя по челобитной, священники ко времени её написания составили кружок «ревнителей благочестия», с целью обличения лжи и исправления всего «хромого», что видели в церкви. Одним из подписавших это письмо был священник Иван Неронов, служивший сначала в Лыскове, а затем в Нижнем Новгороде. Вскоре Неронов перебрался в Москву, где близко сошёлся с протопопом Стефаном Бонифатьевым — духовником самого царя.

Они, вкупе с другими «ревнителями» на рубеже 40–50-х гг. организовали при дворе царя Алексея Михайловича, «Кружок боголюбцев», объединивший наиболее грамотных и деятельных представителей русского православия. Одним из видных участников этого «кружка», стал ещё один выходец из Волго-Окско-Сурского междуречья — протопоп Аввакум Петров.

Его родиной было село Григорово близ Княгинина, а священником он служил первоначально в селе Лопатицы. Религиозный до фанатизма Аввакум горячо и ревностно вступил в борьбу со всяким «нечестием и неправдою». Судьба свела его в «кружке» со своим непримиримым, в будущем, врагом — священником Никоном Миновым, также уроженцем Волго-Окско-Сурского междуречья. Никон Минов — крещёный мордвин, родом из села Вельдеманово (недалеко от посёлка Перевоз) был сыном простых крестьян, своим трудом и способностями «выбившийся» в люди. На одном из этапов своей карьеры, будучи Новгородским митрополитом, Никон познакомился с царём, а вскоре сделался его «собинным» (особенным) другом, и также был ревностным сторонником перемен.

«Кружок» собранный возле царя желанием возвысить роль русского православия и искоренить языческие и мусульманские обычаи, проникшие в него за долгие века совместного существования, всерьёз принялся за дело, но вскоре пути его участников разошлись. Никон, поставленный царём в 1652 г. патриархом Руси, открестился от своих старых соратников по «кружку». Он увидел свою задачу не в частном исправлении богослужения и клира, а в создании вселенской церкви под руководством русского патриарха. Никон объявил о полной реформе русской церкви, по образцу греческой («еллинской»), а его сторонники сделались его противниками.

Неизменяемость вероисповедания, непреложность церковных обрядов, были основой их мировоззрения. В новых переменах им чудился призрак еретического Запада. К тому же и методы, которыми Никон начал реформы, вызвали резкое неприятие духовенства и мирян. Никон стремился к такому же единовластию в церковном управлении, какое было в управлении государственном, при нём общины были лишены права выбирать себе священников, а духовенство полностью перешло под контроль центральной церковной власти.

По сёлам и городам нашего края, стали слышны резкие выпады против патриарха. Многие «чинились указам Никона ослушны», отказывались принимать новые книги. В Нижний Новгород отовсюду слетались известия вроде следующих: «поп Авраамий

в Лыскове говорил про книги новоисправленные, что их перепортил Никон патриарх со старцем Арсением греком, по своему умышлению», или «в селе Мурашкине, в Троицком монастыре, на обеде у стариц чёрный поп Иван Курочка, да старец Феоктист кузнец Троицкого монастыря, и беглый поп Никита говорили про Никона богоотметчика и смутителя многомятежного посмешные слова».

Подобные разговоры ширились, и по совпадению, после поставления Никона патриархом, Приволжье постигло страшное моровое поветрие. Города запустели, а деревни вымирали полностью; оставшиеся в живых разбегались, и порой некому было даже похоронить мертвецов. Это было воспринято верующими как наказание за реформы Никона, и постепенно конфликт приобрел эсхатологическую «окраску».

Ведь дело было даже не в том, двумя пальцами крестится или тремя, или в несоответствии богослужебных книг. Дело было в несоответствии идеологических установок старого «московского» православия и нового вселенского. Сторонники старых обрядов исповедовали теорию того, что Москва — это Третий Рим, а православные Руси — это «Новый Израиль», и они единственные носители и хранители древнего благочестия во враждебном окружении ересей и язычества, обязанные беречь свое самобытное православие вплоть до самого Конца света.

Сторонники же Никона обосновывали идею создания на основе русской церкви нового вселенского православного царства, и ради обновления церкви, «подстройки» её под выполнение этой задачи, готовы были отказаться от многих старых, «изживших» себя обрядов. Царь, понимая необходимость «идеологического обоснования» расширения империи, принял сторону Никона, и поставил несогласных с патриархом в положение изгоев, а догматические споры вскоре переросли в кровопролитие.

Сторонники «древлего благочестия» объявили Никона предвозвестником антихриста. Их главный вождь — протопоп Аввакум писал, что «пришло время духа антихристова. Всё на лицо антихриста устроили. Путь ему подстилают, скоро будет и сам антихрист». Явившаяся, в 1664 г. над центральной Россией, комета «звезда ве-

лика и долга по поднебесной широте борзолетящая», служила для противников Никона ещё одним подтверждением скорого Конца света, который был назначен на 1668 г. В этом году многие крестьяне не стали пахать землю, перестали кормить скот. Люди каялись друг другу в грехах, молились, и, надев белые одежды, ложились в гробы. «Кончина мира» тогда не наступила, а гонения усилились.

Никон, вместо того чтобы проявить гибкость и разъяснить свою позицию, начал преследования несогласных, что вызвало небывалое сопротивление. При этом сопротивлялась «лучшая» часть верующих — наиболее думающая, именно те люди, которым были небезразличны судьбы русского православия. Легко было бы отказаться от двуперстия и многого другого, если этого требует патриарх, но как отказаться, если этого требует сам провозвестник антихриста (в образе патриарха)? Перемены в общественной жизни, закрепощение крестьян и закабаление горожан, также были восприняты как признаки «последних времён».

Никон, обладая широчайшим умом и организаторскими способностями, развил бурную деятельность по созданию обновленной идеологии, построил под Москвой, на реке Истре, копию библейского Иерусалима — Новый Иерусалим, сделав его своей резиденцией, и постоянно вмешивался во внутреннюю и внешнюю политику государства, провозгласив своё «Священство» выше «Царства». Конечно же, царь Алексей Михайлович с этим не согласился, и в 1658 г. патриарх подвергся опале, а собранный в 1666 г. церковный собор, низложил Никона, после чего он был сослан. Однако и в ссылке, проявив поистине мордовское упрямство, низложенный патриарх не смирился перед царем, и можно допустить, что именно Никон, со своими огромными богатствами и популярностью среди верующих Поволжья, стоял за спиной Разина, руководя «его» восстанием. А «маховик» реформ, запущенный им, продолжал действовать.

Несогласные с реформами сопротивлялись, распространились случаи самосожжения, и много таких случаев было в нашем регионе. «Нижегородский летописец» сообщает, что в: «Закудемском стану во многих сёлах и деревнях крестьяне совсем от расколь-

ников развратилися, и многие по прелести их с женами и детьми на овинах пожигалися». Поощряли такие поступки и вожди сопротивления, в частности протопоп Аввакум. Он говорил: «…добро те зделали, что в огонь забежали …не дождався еретического осуждения …цело и непорочно соблюдут правоверие». Один такой случай самосожжения описывал святитель Игнатий Тобольский, бывший свидетелем того, как жители Княгинина и Мурашкина в назначенный день собрались все на гумне, и, связав себя по два, по три человека, послали одного зажечь овин, после чего все сгорели. Многие погибли на кострах, но большинство несогласных просто уходили в скиты, скрывались в густых лесах Заволжья, и Волго-Окско-Сурского междуречья.

Первые скиты в заволжских (керженских лесах) лесах появились в середине 50-х гг. XVII в., и их появление было связано с разорением Соловецкого монастыря. Вслед за Соловецким восстанием, на Руси вспыхнули стрелецкие бунты, одной из причин которых также было неприятие церковных реформ. Многие бунтовавшие стрельцы после поражения бежали в леса Окско-Сурского междуречья, разнося здесь раскольничьи учения. Известно, что в 1698 г. после очередного стрелецкого бунта, много мятежных стрельцов было сослано и поселено в Выездной слободе города Арзамаса.

К концу XVII в. земли вокруг Нижнего Новгорода стали «центром» раскола. Всё Заволжье, Княгинино, Лысково, Мурашкино, Павлово, Богородское, уезды Арзамасский и Ардатовский, наполнились беглыми «раскольниками», и отсюда раскольничьи проповедники расходились во все пределы российского государства.

Движение, с благими намерениями начатое когда-то нашими земляками Аввакумом, Иваном Нероновым и Никоном, превратилось в одну из главных трагедий России, последствия которой сказались и на самой царской власти, и на всём русском обществе. И хотя в 1906 г. преследования «раскольников» были официально запрещены, и они были признаны русской православной церковью такими же православными верующими, только придерживающимися «старого обряда», последствия той страшной трагедии не преодолены до сих пор.

ОЧЕРК 19.

Нечай-царевич

Проводимые во второй половине XVII в. Романовыми реформы, вкупе с бесконечными войнами, значительно осложняли жизнь податного населения России. Недовольство усилением крепостничества и поборами подкреплялось ещё и коррумпированностью административного аппарата. Взятки и «посулы» воеводам и приказным людям были обычным делом, крестьян облагали дополнительными поборами, а городских ремесленников заставляли бесплатно работать на воевод и дьяков. Недовольство росло и выражалось не только в массовых побегах «за Волгу», и в южные степи, но и постоянными выступлениями против властей, принимавшими характер настоящих восстаний.

Введённый правительством налог на соль вызвал в 1661 г. «Соляной» бунт в Москве, «эхом» прокатившийся по многим городам Руси. Бунтовали, недовольные усилением налогового гнёта, Новгород и Псков. Введение в оборот медных денег наравне с серебром, породило в 1662 г. «Медный» бунт. Начавшаяся церковная реформа дала толчок новым волнениям, охватившим все слои русского общества.

Нестабильной была ситуация в Заволжье, на Урале, в Сибири. Туземцы, подстрекаемые врагами России, всячески сопротивлялись русской колонизации, объединялись для борьбы с ней. Было неспокойно в степях между Волгой и Доном. Безусловно, донские и волжские казаки, получившие после смуты огромные льготы от Романовых, участвовали во всех военных операциях царского правительства, но казацкая «вольница» была категорически против усиления в своих землях московской административной власти, и всячески сопротивлялась таким поползновениям.

Обстановка в южных степях накалялась, так как в этот период туда увеличился поток беглых. Бежали, уходившие от закрепощения крестьяне из Среднего Поволжья и Центральной Руси, бежали горожане-должники, не желавшие идти «в тягло», скрывались участники бунтов.

Все они бежали из государства, в котором стало трудно жить, уходили на Дон и Волгу, в надежде стать «вольными казаками». В связи с огромным количеством «утеклецов» царское правительство организовывало «сыск» с целью возвращения и наказания беглых. По всей степи рыскали отряды стрельцов, искавшие беглецов, поровшие и отправлявшие их обратно к владельцам, попирая древнее казацкое правило о том, что «с Дона выдачи нет». «Старым» казакам, «атаманам и великому войску» царское правительство писало гневные письма с требованием не принимать беглецов.

«Утеклецы» селились в основном в верховьях Дона — по рекам Хопру и Медведице. Они получили у «старых» и «низовых» (живущих на Нижнем Дону) казаков прозвание «голутвенных» («голых», неимущих), потому что, были лишены средств к существованию, ведь «старые» казаки запрещали распахивать степь, боясь, что плодородные степные земли привлекут российских помещиков. «Голутвенные» казаки вынуждены были, или наниматься в батраки к «старым», или к ним же на службу «исполу» (за половину воинской добычи). А чаще, просто разбойничали на реках и дорогах.

И всё равно положение «голутвенных» казаков было несравнимо лучше, чем у их закрепощённых и закабаленных собратьев оставшихся на Руси. Связи между новоявленными казаками и жи-

телями оставленных ими районов были достаточно крепки, и всё Поволжье внимательно следило за южными степями, именно оттуда ожидая избавления от гнёта, несправедливости и притеснений. Ожидали «доброго», «казацкого царя».

Движение Степана Разина, начавшееся в 60-х гг. XVII в. было, несомненно, откликом на эти ожидания. Это движение не было стихийным бунтом, восстанием «черни» и казаков, как представлялось в дореволюционной историографии, как не было и «этапом классовой борьбы», как представлялось в историографии советской. Это, безусловно, было выступлением юга России и Поволжья за установление более справедливого и лояльного к казакам и земледельцам режима, за поставление «казацкого царя» и изменение политической ситуации в южных степях и в Поволжье.

Очевидно, в глазах жителей Московии земли Поволжья и южных степей, были ещё не «вполне российскими», и в чём-то казались враждебными. Не случайно, когда юг России и Поволжье полыхали огнём восстания, северные русские города наоборот сплотились вокруг Москвы.

Когда успехи Разина были особенно заметны, романовское правительство, по сведениям иностранных источников, даже пыталось вести с ним переговоры, и было согласно на значительные уступки, и только убежденность Разина в своей скорой победе сорвала эти переговоры. Вообще в этом «бунте» достаточно таких обстоятельств, которые заставляют взглянуть на него как на хорошо подготовленное выступление.

Во-первых, разведка: Разин, как будет видно в дальнейшем, не отличавшийся особенной набожностью, до начала восстания дважды ходил на «богомолье» в Соловецкий монастырь. Пешком прошёл он всю Россию, от верховьев Дона до Белого моря. Первый раз он ходил в 1652 г., а второе «паломничество» совершил в 1662 г. И если эти путешествия можно отнести к личной инициативе любознательного казака, то отправка Разина с казачьей «станицей» (посольством) в 1658 г. в Москву, без ведома руководства Великого войска Донского, случиться никак не могла. Казачья верхушка, несомненно, поддерживала атамана, но занимала выжидательную

позицию, и после его поражения приняла сторону Москвы. Вдобавок, совсем не изучена роль низложенного патриарха Никона, который, несомненно, стоял за спиной восставших казаков.

Путешествия Разина в преддверии восстания были не случайны. Дороги, укрепления, настроения местных жителей, лучше всего можно узнать при личном посещении, так же как и наладить контакты с союзниками. Разин посещал опального патриарха Никона в Воскресенском монастыре под Москвой, а находившегося с 1658 г. в ссылке на Вологодчине патриарха, навещали разинские казаки. Уже во время восстания между Никоном и Разиным была установлена связь. Из «наказной» памяти 1672 г. известно, что: «…приезжал к Синбирску (ставка Разина авт.) старец от него, Никона, и говорил, чтоб Стеньке идти вверх Волгою, а он Никон в свою сторону пойдёт …и то де старец сказывал, что у Никона есть готовых людей тыщ пять». Недаром, одним из требований Разина к царю, было условие восстановить Никона на патриаршем престоле.

Во-вторых, международные контакты С. Разина: из донесений иностранных агентов живших тогда в Москве, известно, что к С. Разину на Дон приезжал свейский (шведский) посол, а полякам, за неоказание помощи Романовым, Разин обещал вернуть всё отвоёванное тогда Россией у Речи Посполитой. Разин вёл переговоры о союзе с крымским царем, и с персидским шахом, призывал на помощь запорожцев. То есть Степан Разин, в глазах тогдашних соседей Руси, не был смутьяном и бунтовщиком, а был реальным политическим субъектом — претендентом на власть[75].

В-третьих, организация «бунта»: она больше напоминала спланированную и подготовленную военную операцию. Собранное в 1670 г. Разиным войско, было разделено на пехоту, кавалерию, и речной флот. В армии Разина царила железная дисциплина

[75] Голландские купцы, находившиеся во время восстания в Астрахани, рассказывали, что Разин делал намеки на своё родство по матери с крымскими царями Гиреями. Его мать была пленной татаркой из Крыма, и сам он, по сообщению русского дипломата Г. Михайлова, был «тума» — ребенок от брака татарки и не татарина. Степан, как и его братья, Иван и Фрол, знали татарский и турецкий языки. Кроме того известно, что их отец, Тимофей, не был потомственным казаком. Он пришёл на Дон и «выбился в люди» благодаря своим способностям.

и порядок. Голландский наёмник на службе у Романовых, Людвиг Фабрициус, захваченный разинцами в плен, отмечал: «Как бы неслыханно этот разбойник ни тиранствовал, всё же среди казаков он хотел установить полный порядок. Проклятия, ругательства, кражи, блуд, все это Стенька старался полностью искоренить. Ибо если кто-либо уворовывал у другого что-либо, хоть не дороже булавки, ему завязывали над головой рубаху, насыпали туда песку и так бросали его в воду…»

Дальнейший ход военных действий показал серьёзное отношение штаба повстанцев к работе с «личным составом» и местным населением. В случае необходимости проводилась принудительная мобилизация людей и лошадей, и организовывались работы по строительству укреплений и дорог, заготавливалось оружие и амуниция. Штаб — отнюдь не громкое слово для этого случая. Атаманы и есаулы разрабатывали планы ведения боевых действий, шла большая пропагандистская работа. Везде рассылались «прелестные письма» атамана, призывавшие: «…ему… Стеньке, и всему войску служить, а изменников выводить». Эти «письма» распространялись повсюду, и доходили даже до Карелии и Западной Украины.

Понимая, что одними лозунгами истребления бояр и дворян многого не добиться, Разин, идеологической составляющей движения, выдвинул идею возведения на престол «хорошего царя». Таким царём должен был стать… сын царя Алексея Михайловича (на самом деле умерший, в 1670 г., в возрасте 16 лет), якобы не умерший, а бежавший к Разину от «лютости отца и от злобы боярской».

Легенда о царевиче-избавителе была очень востребована среди крестьян и казаков, и когда восстание распространилось на огромной территории между Доном, Волгой и Окой, имя царевича Алексея Алексеевича «освящало» его, царевичу присягали и целовали крест, и готовы были умереть за него. Впрочем, в некоторых письмах, Разин выступал и от имени самого Алексея Михайловича, якобы окруженного изменниками и «кравапийцами».

Другим «козырём» для привлечения сторонников, стала созданная Разиным легенда о присутствии в его армии того самого

низложенного патриарха Никона, также, как будто бы, бежавшего к нему из ссылки. В одном из донесений к царю сказано: «Да их же государь, воровская прелесть, во все люди кричали, что с ними будто бы царевич Алексей Алексеевич, да патриарх Никон. И малодушные люди то ставят в правду, их воровскую затейку, и от того государь пущая беда и поколебание в людях». Специально для «царевича» и «патриарха» в разинской флотилии содержались два струга — царский и патриарший. Струги строго охранялись и к «монаршим» особам никого не допускали.

Насколько серьёзны были намерения Разина по установлению новой династии, говорит тот факт, что при его ставке содержался 16-летний подросток — родственник князей Черкасских — князь Андрей, захваченный Разиным в Астрахани. Князья Черкасские были потомственными Чингизидами, и юноша готовился принять царства Казанское и Астраханское, которые Разин требовал отделить от России. Сам князь Черкасский служил Романовым и находился в Москве, но его высокое происхождение не давало покоя царскому двору. Не случайно, одним из главных вопросов царя к арестованному С. Разину, был вопрос, не состоял ли он в тайной связи с Черкасским?

Конечно, душой и стержнем восстания был сам атаман С. Разин — фигура, безусловно, харизматичная, поэтому любопытно рассмотреть его личные мотивы. Выходец из «низовых» казаков, находившихся в привилегированном положении, но, тем не менее, всегда сопротивлявшихся проникновению московской административной власти на Дон, Разин, несомненно, симпатий к Москве не испытывал. Старые «низовые» казаки — наследники «золотоордынского прошлого» степи, стремились к как можно большей независимости от любой власти.

Свои порядки на Дону подкреплялись и своей идеологией. Казаки низовьев Дона и Волги, конечно, были в большинстве своём христианами, но это христианство было отнюдь не «московским». В 60-е гг. XVII в. на предложение Москвы построить на Нижнем Дону церкви, казаки ответили, что в них не нуждаются, так как они «люди полевые». Не нашли отклика среди «низовых» казаков

и проповеди старообрядцев бежавших на Дон. Можно не сомневаться что среди «низовых» казаков Дона и Волги, в XVII в. ещё сильны были влияния других конфессий, в разное время господствовавших в южных степях. Веротерпимость свойственная жителям степи позволяла им свободу вероисповедания.

Что же касается самого Разина, то православным христианином назвать его трудно. Упомянутый выше Фабрициус, писал, что Разин: «Распалялся сверх всякой меры: свирепствовал против честных и невинных людей, грабил и осквернял храмы, и всё, что принесено и посвящено Богу, при этом изгонял духовных лиц из их владений». Разина считали колдуном и чернокнижником, и когда везли на казнь, то держали в специальных «намолённых» кандалах, опасаясь, что от обычных он легко избавится с помощью колдовства. В смертном приговоре Разину также упомянута его антицерковная деятельность: «…говорил про спасителя нашего Иисуса Христа всякие хульные слова, и на Дону церквей Божиих ставить и всякого пения петь не велел, и священников с Дону сбил и велел венчаться около вербы».

Правда у Разина, по воспоминаниям современников, как будто бы был «духовник», — некий «чёрный поп» отец Феодосий — верный собутыльник вождя, но какую религию исповедовал этот «духовник», остаётся неизвестным. Разин был одержим и личными счетами к окружению царя. Его старший брат Иван Разин, служил в 1665 г. в войсках царского воеводы Юрия Долгорукого, и был казнён по приказу князя за дезертирство. Отомстить ненавистному боярину Степан считал «делом чести».

Боевые действия начались весной 1670 г. Семитысячный отряд разинцев выступил на Астрахань. Разбив небольшие воинские подразделения, высланные против него, Разин, в короткое время, с мая по август, завладел Астраханью, Царицыным, Самарой, и Саратовым. Захватив всю Нижнюю Волгу, разинцы, 4 сентября 1670 г., подошли к Симбирску, и осадили город, бывший важным стратегическим пунктом Поволжья. Здесь речь зашла о политических требованиях Разина, потому что, масштабы восстания приняли угрожающие московскому трону размеры.

Численность бунтовавших, по разным оценкам, достигала 200000 человек, и к осени полыхало уже всё Поволжье. Современник событий — англичанин Фома Ньюкемб в 1672 г. писал: «Стенька настолько предерзел в своих замыслах, что весь приволжский край и дальше вглубь страны, до городов Ахтиара (Алатыря) и Арзамаса, всё было вовлечено в бунт. Число бунтовщиков достигло 200 тысяч, и часть черемисских татар (чувашей авт.), и все русские простолюдины этих местностей, принадлежащие московским знатным господам, восстали против воевод, убивая и вешая их. Наконец пламя возмущения распространилось так далеко, что вспыхнуло не далее 12 миль от Москвы».

Лейпцигские газеты того времени писали, что: «царь Алексей Михайлович настолько оробел, что не собирается посылать против Разина войска». Напуганное царское правительство стало искать возможности мира с Разиным, и вступило в переговоры с мятежниками. Главным требованием Разина, кроме, разумеется, выдачи Ю. Долгорукого и золота, было, как уже говорилось выше, выделение Казанской и Астраханской областей в отдельное от Москвы царство, и возвращение на престол патриарха Никона. Москва уже готова была пойти на уступки (европейские дипломаты, находившиеся в Москве, сообщали, что царь рассматривал возможность бегства за границу), но у Разина началось «головокружение от успехов». Ему казалось, что Москва вот-вот, сама падёт к его ногам, и договариваться с охваченным паникой противником нет смысла.

Посланный на помощь Симбирску крупный отряд во главе с князем Ю. Барятинским был отброшен разинцами, и после Симбирска атаман уже планировал идти на Нижний Новгород, и на Москву, но «камнем преткновения» стал гарнизон симбирской крепости. Воевода И. Милославский сумел организовать оборону так, что Разин застрял под Симбирском на целый месяц, и потерял стратегическую инициативу.

А восстание в Волго-Окско-Сурском междуречье разгорелось и без личного участия Разина. Жители Приволжья, как раз закончившие полевые работы, охотно покидали свои дома, собирали «круг», называли себя казаками, и шли громить помещичьи и дво-

рянские усадьбы. Посланные повстанческим штабом эмиссары организовывали отряды по письмам «от Степана Тимофеича Разина …я выслал казаков, и вам бы заодно изменников выводить. А мои казаки како промысла станут чинить, и вам бы итить к ним в совет. И кабальные и опальные шли бы в полк к моим казакам».

Вооружённые отряды появились под Пензой и под Тамбовом, в мокшанских лесах и в Посурье. Под Саранском взбунтовались татары, около Нижнего Ломова перекрыли дорогу царским войскам мятежные мещерские казаки. Грамоты направленные «сёл и деревень черней русским людем и татарам и чюваше и мордве» подняли «инородцев» желавших вернуть свои исконные земли, ставшие вдруг вотчинными, монастырскими и царскими. Подняли недавних язычников за своих старых богов, заставляя рушить храмы, истреблять священников и монахов. К мордве грамоты писались по-мордовски, к татарам по-татарски, к черемисе и чувашам на их языках. От имени царевича Алексея воля была объявлена всем. Русские крестьяне, татары, мордва, чуваши, черемисы — все освобождались от «крепости», долговой кабалы, «ясака», и объявлялись свободными в вере.

Не отвергал Разин и «классовых врагов»: «А которые …дворяне и дети боярские и мурзы и татарове похотев заодно тоже стоять за Дом Пресвятой Богородицы, и за всех святых, и за великого государя …и вам бы чернь, тех дворян и детей боярских и мурз ничем не тронуть и домов их не разорять»[76].

Поволжские мусульмане были в первых рядах восставших. Одним из их вождей был кадомский мурза Хасан Карачурин — «служилый татарин», перешедший к Разину из царского отряда

[76] Распространённое до никоновских реформ название всей совокупности восточного православия. «Господь помог князю постоять за Дом Пресвятой Богородицы» — говорили новгородцы после победы Александра Невского над тевтонцами. «Тимур не посмел разрушить Дом Пресвятой Богородицы» — были уверены в Московской Руси, после того как Тамерлан отвернул свои армии от её границ. Кузьма Минин призывал нижегородцев «встать как один за русскую землю и за Дом Пресвятой Богородицы». Разин призывал стоять за Дом Пресвятой Богородицы, Пугачёв воевал под этим лозунгом.

Ю. Барятинского[77]. Он лично составил воззвание к мусульманам Поволжья, в котором говорилось: «Будет вам ведомо казанским бусурманам и абазам которые мечеть держат… Иктене-мурзе, да Мамаю-мулле, да Ханышу мурзе, да Москову мурзе …и всем бусурманам от Степана Тимофеича в сем свете и в будущем челобитье. Слово наше для Бога и для Пророка и для государя, и для войска быть всем заодно».

Некоторая часть поволжских мусульман осталась верна Москве, но значительное количество перешло на сторону восставших и составило среди повстанцев немалую силу, такую, что иностранные агенты в своих донесениях называли разинское восстание «татарским мятежом».

Поднимать Среднее Поволжье, ранней осенью 1670 г., ушли лучшие разинские атаманы и есаулы. В Правобережье Суры восставшими руководил товарищ Разина — мордовский атаман Акай Боляев. Атаманы Харитонов и Фёдоров, пройдя через пензенские земли, вышли к реке Мокше, и, собрав большой отряд, взяли Кадом и осадили Шацк, в котором засел царский воевода Яков Хитрово. Города Керенск (совр. Вадинск) и Нижний Ломов привёл к разинской присяге атаман Матвей Семёнов. Атаман Максим Осипов, имея с собой лжецаревича Алексея, вошёл в Алатырский уезд с 30 соратниками, вскоре уже собрал отряд в 3000 человек, и сжёг алатырский острог вместе с воеводой Акинфеем Бутурлиным.

В это же время начались волнения в Лыскове. Его жители «били челом» новоявленному «царевичу», чтобы прибыл к ним и установил порядки «как ведётся в казачестве». Осипов в Лыскове встречали с колокольным звоном и хоругвями. Тогда же вспыхнул мятеж в Мурашкине, населённом новокрещёной мордвой. Восставшие отрубили голову воеводе Племянникову и сожгли церковь, после чего захватили местный арсенал.

---

[77] Барятинский, следуя под Симбирск, должен был провести мобилизацию «служилых» татар и казаков, но писал царю, что из служилого люда не смог собрать и половину всех военнообязанных, а из тех же, кто пришел служить: «татары которые в рейтарах и сотнях служить худы …и ненадёжны с первого бою, и с тех боев многие утекли в дома свои, и нельзя на них в бою положиться».

Лысково и Мурашкино стали центрами восстания в нашем крае. «Царевич Алексей» везде вводил «казачий круг», «жаловал всех волей», освобождал от «крепости» и кабалы, делил поровну помещичье добро, и приводил «подданных» к присяге и шерти. «Царевичу» присягнули и Ядрин и Курмыш, и после того как его отряд пополнился мурашкинскими казаками, арзамасскими татарами, чувашами, марийцами и мордвой, выдвинулся к Нижнему Новгороду. А восставшие лысковцы, во главе с атаманом Мишкой Чертоусенком, осадили богатый Макарьевский монастырь. Монахи отчаянно сопротивлялись, ожидая помощи, но она не пришла, и 10 октября монастырь был взят, разграблен, и стал лагерем восставших разинцев.

Забунтовало всё междуречье, и арзамасские воеводы в страхе писали в Москву: «В Арзамасском уезде во многих местах, в сёлах и в деревнях крестьяне забунтовали и помещиков и вотчинников побивают, а которые поместья и вотчины московских людей, и их в тех поместьях и вотчинах …и поместья и вотчины их разоряют». «Как водится» на Руси, восстание сопровождалось страшным террором: воевод, помещиков, людей духовного звания, приказных, не успевших укрыться в Арзамасе, Нижнем Новгороде, Шацке или Казани, вешали, «сажали в воду» и на кол, четвертовали. В одном из донесений в Москву говорилось: «по уездам рубят помещиков и вотчинников, за которыми крестьяне, а чёрных де людей, крестьян и казаков и иных служилых людей никого не рубят, не грабят».

В восставшем Темникове сформировался повстанческий отряд в 5000 человек под руководством атамана Фёдора Сидорова и некой «старицы» Алёны — уроженки Арзамасской Выездной слободы, постригшейся после смерти мужа в монахини, но сбежавшей из монастыря. Восставшие ждали, когда Разин двинется на Москву, но время шло, а атаман всё стоял под Симбирском, боясь оставить в тылу крупный отряд Барятинского. Это дало возможность Москве собраться с силами. В конце сентября в Арзамас, с ополчением прибыл главный воевода — князь Ю. Долгорукий.

Воевода вышел из Москвы ещё в начале сентября, пытался пробиться к Алатырю, но вынужден был остановиться и занять оборону в Арзамасе. Его армия, составленная из дворян и помещиков («всей породы») Москвы, Костромы, Галича, Вологды, Углича, Ярославля, Ростова, Владимира и других, общим числом сорока городов северной половины Руси, была усилена полками «иноземного строя», составленными целиком из западноевропейских наёмников — опытных рубак Тридцатилетней войны[78]. Кроме того, Долгорукову были даны полномочия для мобилизации местных «служилых» людей, но эта мобилизация не прибавила бойцов.

Не шли в Арзамас нижегородские и муромские дворяне, боясь погибнуть дорогой, а дворяне Курмышского и Алатырского уездов или разбежались, или погибли, или присоединились к восставшим. Не смог Долгорукий собрать и арзамасских дворян, и требовал от арзамасского воеводы Леонтия Шейсупова объявить «сыск». Грустным был ответ воеводы: «не до сыску …нам пришло время думать о своих головах. В Орзамасском уезде многие люди изменили, а в Олаторе …и в Саранске, и в Троецкой и в Красной слободах, все градцкие и уездные изменили, а в городах воевод и приказных людей казнили».

Долгорукий оказался в Арзамасе словно в осаде. В самом Арзамасском уезде восстали многочисленные мордовские села. На Арзамас шли «воры» от Шацка и Темникова. Тревожные вести приходили из Нижнего Новгорода. Там «…на Павловском перевозе, и в Богородицком, и в Ворсме, и в иных местах около тех сёл мужики собрався с ворами, ходят, грабят и побивают до смерти и всякое разорение чинят». В Нижегородском уезде восставшие «…воры все дороги переняли и учинили …засеки и заставы крепкие и многолюдные, конных и пеших …побивают до смерти».

---

[78] Ещё в 1646 г. князь Иван Милославский ездил в Голландию с поручением нанять «опытных капитанов и солдат самых ученых». Военные документы тех лет пестрят именами иностранных легионеров: «полковник Гамильтон», «майор Фролиус», «капитан Реттих» и др. Полки из иностранных наёмников играли в тогдашней русской армии большую роль, а к моменту воцарения Петра Великого составляли половину русского войска.

Повстанцы контролировали почти весь Нижегородский уезд и собирались идти к Нижнему Новгороду. Они убеждали всех присоединиться к ним, говоря: «Вот Нижний возьмем, в то де число увидите все крестьяне царевича. Мы идем за царевича Алексея Алексеевича и за батюшку Степана Тимофеича, а у нас ясак Нечай, значит, что вы царевича не чаете, а он нечаянно придет к вам». Этот самый «Нечай» стал, в Окско-Сурском междуречье, боевым кличем восставших.

В самом Нижнем Новгороде тоже было неспокойно. Воевода Голохвастов, как мог поддерживал порядок, но восставшие «воровские от Нижегородского уезда, от Лыскова, от Мурашкина, и от Терюшевской волости», уже подступали «станами» к городу, а нижегородская чернь несколько раз посылала гонцов в Мурашкино, к «царевичу», призывая разинцев в город.

Но время было упущено, и 1 октября 1760 г., под Симбирском, князь Барятинский нанёс тяжёлое поражение Разину. После четырехдневного боя восставшие были разбиты, а сам Разин раненый бежал на Дон. Затем, через две недели, воевода Хитрово отогнал атамана Харитонова от Шацка. А вскоре опытный и умелый полководец — князь Ю. Долгорукий, не раз бивший поляков, наконец, начал боевые действия.

В конце сентября Долгорукий направил воевод Щербатова и Леонтьева к селу Путятино близ Сергача, где сосредоточился крупный отряд повстанцев. Четыре раза сходились мятежники с царскими солдатами, пока не были рассеяны регулярной армией. Много было убитых, ещё больше попало в плен. Ещё одно поражение было нанесено восставшим у деревни Исупово, в 12 верстах от Арзамаса, а 11 октября, князь Щербатов разгромил крупный отряд повстанцев у села Поя, близ Лукоянова.

Усмирив мятежников под Арзамасом, Долгорукий поспешил направить полки в главное «скопище воровских прелестей», в село Мурашкино. Иностранцы писали, что: «между мятежниками те, кто находились в небольших городках Лыскове, Мурашкине и Павловском перевозе были самые храбрые и неустрашимые».

22 октября, царские войска под руководством Щербатого и Леонтьева подступили к Мурашкину, и в 3 верстах от него, их встретила повстанческая армия. По свидетельству очевидца в сражении участвовало с обеих сторон не меньше 100 тысяч человек. С Леонтьевым и Щербатовым пришли лучшие полки долгоруковской армии, среди повстанцев выделялись отряды татар и казаков-мордвинов.

В начавшемся бою перевес сначала был на стороне восставших, но дело решила конница из немцев-рейтар, стремительной атакой опрокинувшая повстанцев, и обратившая их в бегство. Победителям достались 21 пушка и 18 знамен. На второй день битвы — под Лысковым, сражалась уже не повстанческая армия, а толпа, которую московиты без труда одолели. Очевидец писал, что казни начались прямо на поле боя: «одних пригвождали к доскам, других сажали на кол, третьих цепляли крюком за ребра. Но никого не наказывали строже, чем пленных казаков-мордвинов», видимо, оказавших наиболее упорное сопротивление.

Заняв Мурашкино, царские воеводы немедленно приступили к расправе. 151 двор и 71 дворовое место были сожжены, 228 человек казнены, 184 голов скота реквизированы, «лавки и амбары пожжены без остатка». Уцелевшие жители ютились в «ямах и шалашах». Богатое торговое село было уничтожено, и это было только началом «возмездия». Еще один центр восстания — татарская деревня Маклаковка (совр. Ожгибовка) была окружена Леонтьевым, и сожжена вместе с укрывшимися в ней татарами и мордвой. Жители Лыскова сдались, покаялись, валя вину на буйных «мурашей», выдали 30 мятежников вместе с двоюродным братом Разина — возможно, тем самым лжецаревичем. 24 октября воеводы с войском подошли от Мурашкина к Нижнему Новгороду, и рассеяли «воров», пленных решив наказать «…смертию; повесить около города по воротам, иным отсечь головы, других четвертовать в городе». Курмышских крестьян, перекрывших дорогу из Нижнего Новгорода в Казань, Леонтьев отогнал в село Мигино, и сжёг это село дотла. Однако, несмотря на поражения, восстание продолжалось, вспыхивая то тут, то там.

25 ноября восстали жители сёл Гагино и Большое Маресьево, и уже воевода Василий Панин разгромил бунтовщиков и сжёг их жилища. Упорные бои шли по всему Среднему Поволжью, и везде, где побеждали московиты, проходили жестокие расправы. По приказу Долгорукого пленных не брали. Сдавшимся рубили головы прямо на поле боя.

4 декабря, сам Долгорукий подошёл к Темникову. Ему навстречу вышли «лучшие люди» города. Они винились, обещали выдать всех «воров». Рассеяны были отряды атамана Шилова и крестьянина Чирка, орудовавшие в лесах. Солдаты захватили в плен упомянутую выше «старицу» Алёну, атаманствовавшую в Темникове вместе с Фёдором Сидоровым. Всех пленных Долгорукий приказал казнить отсечением головы, а «старицу» как колдунью сожгли в срубе. 20 ноября в сражении у речки Варнавы (правый приток Мокши), воевода Лихарёв разбил отряды атамана Белоуса, а Барятинский, тогда же подошёл к Алатырю, где на его пути встал мурза Акай Боляев, возглавивший восставших после бегства Разина.

12 ноября 1670 г. Боляев, с пятнадцатитысячной армией вступил в бой с Барятинским на реке Барыш, близ впадения в неё речки Кандаратки. После упорного сражения восставшие, потеряв 24 знамени и 3500 убитыми и все пушки, отошли, а воевода, 23 ноября вступил в Алатырь. Однако перегруппировавшись, в декабре Боляев выдвинулся к мордовскому Ардатову, уже с 20-ти тысячной армией при 20 пушках, но был разбит объединившимися царскими войсками, прижавшими восставших к реке Инсару. Раненый мурза пытался укрыться в своей деревне Костяшево, но был схвачен и казнён. В декабре воевода Бутурлин снял осаду с Тамбова, и в декабре же были усмирены Заволжье, и была очищена от мятежников Слободская Украина. 30 декабря сдался последний крупный город повстанцев — Пенза, а в январе 1671 г. закончились упорные и кровопролитные бои на территории Чувашии.

Кончилась война и началась расправа. Восстание было подавлено с исключительной жестокостью. На террор «южан» «северяне» ответили своим террором. Целые деревни были стёрты с лица земли. В Арзамасе, за три месяца (с декабря 1670 по февраль

1671 гг.) было казнено 11 тысяч человек. Очевидец казней, голландский дипломат Кунрад фон Кленк рассказывал, что: «На место казней страшно было смотреть, оно походило на преддверие ада. Кругом стояли виселицы, на которых колыхалось по нескольку человек. В другом месте валялось много обезглавленных тел, плавающих в крови. В разных местах находились посаженные на кол люди, и коих немало оставалось живыми, до трёх суток и слышны были их голоса».

В Нижегородском уезде свирепствовал воевода Бухвостов. Со всего уезда везли в Нижний Новгород людей и допрашивали, пытали, казнили. 29 человек по приказу воеводы казнено, 57 бито кнутом, и им отсекли одну руку по запястье, и без числа отрубали по одному пальцу на руке и ноге. В Арзамасский и Алаторский уезды в декабре 1670 г. прибыло две сотни костромских дворян и «детей боярских», для того чтобы «…приводить русских к вере по чиновной книге, а татар и мордву по их вере к шерти».

Казнили и пытали в Курмыше, Алатыре, Темникове. Известный нам Фабрициус, описывая действия воеводы Одоевского, в 1671 г. в Астрахани, ужасался: «Одоевский велел взять под арест всех жителей Астрахани… Свирепствовал он до ужаса: многих велел заживо четвертовать, кого заживо сжечь, кому вырезать из глотки язык, кого заживо зарыть в землю. И так поступал с виновными так и с невинными. Под конец, когда жителей осталось мало, приказал срыть город».

Жестоко мстили «северяне» за свой страх и испуг. За каждого своего убитого положили на плаху десятки крестьян и казаков, за каждую сожжённую усадьбу «государевы люди» выжигали целые сёла. За зиму 1670–1671 гг. от пыток и казней погибло более 70 тысяч человек. Огромная утрата для сравнительно небольшого тогда населения Поволжья.

Почти год понадобился Романовым, чтобы погасить пламя восстания. Только к 1672 г. замирили царские воеводы Нижнюю Волгу. Донские старшины вовремя «сориентировались», и весной 1671 г. выдали мятежных братьев Разиных — Степана и Фрола. Астраханскому казачеству прощения не было — за разбой, за мя-

теж, за поругание христианских святынь (казаки разрушили храмы в Астрахани, и казнили митрополита Иосифа), всё войско принудительно переселялось на Терек. 6 июня 1671 г. Степан Разин, ранее преданный церковной «анафеме» был четвертован в Москве.

Кровавые расправы с жителями Поволжья, были, конечно, не только следствием разинского движения, но и результатом всех прошлых выступлений и мятежей, начиная со Смутного времени. Население, уже не раз присягавшее на верность московской короне, и каждый раз с легкостью нарушавшее свою присягу, в очередной раз заставили целовать крест и «шертить» на верность Москве. Царский указ от 1697 г. продублировал прошлые запреты на огнестрельное оружие, кузнечный промысел и изготовление металлических орудий труда для нерусских жителей Поволжья. Только в этот раз нарушение запрета предписывало более строгие наказания.

Все поволжские восстания, начиная от случившихся в смуту, и заканчивая разинщиной, были тесно связаны со степью, и были не просто борьбой за «лучшую жизнь», но и постоянными попытками вернуть, возродить степную государственность.

Бунтовавшие «инородцы» всегда с надеждой смотрели на степь, и бежали туда от гнёта, становясь казаками, а поднявший Дон и Волгу С. Разин, одним из главных требований к Москве выдвигал выделение казанских и астраханских земель в отдельное царство. Не случайно в Европе, разинское движение называли «татарским мятежом», подразумевая под этим не только активное участие «инородцев» в восстании, но и борьбу «Степи» против Москвы. Последовавшее за разинским, булавинское восстание также шло под лозунгами борьбы за традиции «Старого Поля» уничтожаемые царской администрацией.

Эта столетняя борьба, была борьбой Поволжья за право остаться в Азии, в то время как Романовы всё больше устремляли Россию в Европу. При Романовых началось давление на поволжский ислам, началась насильственная христианизация и европеизация страны. При наследнике Алексея — царе Петре, российское государство вступило в непримиримую войну с Оттоманской империей и оттянуло её силы от экспансии в Европу (тем самым помогла Ев-

ропе избежать турецкого порабощения), а затем, в результате двухвекового противостояния, подорвала могущество Блистательной Порты, предопределив в конечном итоге её гибель.

После воцарения Романовых в Москве стала искореняться «татарщина» (вспомним Крижанича), стал вытесняться из делового оборота татарский язык и одежда, заменяясь на польскую, а потом немецкую. Романовское самодержавие, сделав попытку подчинить себе церковь, вызвало губительный раскол, а затем устранило и сам институт патриаршества (возрожденный только в 1917 г., после падения Романовых). Романовы, убежденные, что всё самое лучшее, передовое и прогрессивное идет с Запада, перестроили Россию по «западному образцу». Поволжье при Романовых стало Россией, а Волго-Окско-Сурское междуречье — русской землей.

ОЧЕРК 20.

Век просвещения

XVIII век вошёл в мировую историю, как Век просвещения. Ломка феодальных порядков и переход к капитализму, породили в Западной Европе течения, провозгласившие своими целями «царство разума и свободы» и «естественное равенство» всех людей. Большая роль в построении этого «царства», и вообще установления нового общественного порядка, отводилась распространению знаний, просвещению, что и дало название веку.

Для России Век просвещения ознаменован уверенным вхождением страны в число ведущих мировых держав, преображением старой «удельной» Руси в многонациональное светское государство.

Пётр Алексеевич Романов, взошедший на престол в 1696 г., стал верным продолжателем курса своего отца — царя Алексея Михайловича, направленным на передел России по западному образцу, на «модернизацию» страны, превращение её в «европейскую монархию». Ведь вопреки распространенному мнению, Россия до Петра I не была отгорожена от Европы каким-то «железным занавесом». Европейские новшества и технологии проникали в Московию с самого начала XVII в. Царь Михаил Фёдорович, занятый

«усмирением» страны, ещё не так активно увлекался западными идеями, зато при Алексее Михайловиче «инновации» стали приходить на Русь, одна за другой.

При нём многие знатные московские люди увлеклись западной культурой и образованием. В России переводились и печатались европейские книги и газеты, распространялись европейские обычаи и одежда, правда в конце XVII в. в моде было польское и венгерское платье, и лишь затем его вытеснило немецкое. О перестройке армии на европейский манер, уже говорилось в прошлом очерке. Полки «иноземного строя» играли важную роль в военных операциях Руси, а Адам Олеарий отмечал, что в окружении царя Алексея много выехавших из Западной Европы: «Высших военных офицеров, частью оставшихся в своей религии, а частью крестившихся». Воинские звания также были введены при царе Алексее Михайловиче, да и первые корабли «западного образца» были построены в его правление. Можно сказать, что «культурный переход» начинался уже при Алексее Михайловиче Тишайшем, но Пётр Алексеевич, в силу своей натуры превратил этот «переход» в «перелом».

Вспыльчивый и импульсивный, обуреваемый самыми дикими страстями Пётр I начал свои преобразования властно и круто, не считаясь ни с ресурсами, ни с экономикой, ни с мнением людей. Эти реформы не имели ни плана, ни чётко сформулированной цели и проводились зачастую под давлением внешних обстоятельств, а тяжёлые войны Петра разоряли народ.

По мнению целого ряда историков и экономистов, реформы Петра были проведены с крайним напряжением материальных и людских сил, и хотя считается, что он ликвидировал отсталость России от других стран, способствуя становлению промышленности, науки и предпринимательства, но после смерти Петра страна осталась разорённой, а казна пустой.

Пётр окончательно покончил с казацкими «вольностями» и со «служилым» казачеством. «Служилые» казаки и татары были переведены в разряд «государственных крестьян», и стали привлекаться к различным казённым работам. Главным образом, к заготовке и транспортировке леса. Они составили целую социальную

прослойку лашманов, а впоследствии были обложены налогами и приравнялись, таким образом, к «чёрному» сословию Руси[79].

Пётр «закрыл» щекотливые «шведский» и «польский» вопросы, не дававшие покоя династии Романовых. Разгромив Карла XII, он аннулировал претензии шведов на исполнение данных им в Смутное время обещаний, а устранив от власти, в Речи Посполитой династию Вазы, представителю которой — королевичу Владиславу присягал на верность его дедушка Михаил, царь Пётр Алексеевич в 1721 г. с «чистой совестью» объявил себя российским императором.

Завершил Пётр I и начатое при его отце дело окончательного подчинения церкви государству. После смерти в 1700 г. патриарха Адриана, в ответ на просьбу архиереев «дать им» нового предстоятеля, Пётр швырнул перед ними саблю и сказал: «Вот вам патриарх». Вместо патриаршей власти в 1721 г. был учрежден Священный Синод — чисто чиновничье, бюрократическое ведомство, призванное управлять церковными делами. Главой Синода ставился гражданский чиновник — обер-прокурор.

Учреждение Святейшего Синода превратило церковь в ещё одно рядовое «министерство», и способствовало катастрофической потере авторитета церкви в народе. Это сказалось потом, через 200 лет, когда поруганная и разорённая русская православная церковь взошла на свою кровавую «голгофу», и народ её не поддержал.

Какой-то особенной ненавистью воспылал Пётр к старообрядцам. Движение раскола росло, и царь приказал принять меры «решительные и строгие», и действовать против «раскольников» «мечом духовным и гражданским» и всех их, как «лютых неприятелей государя и государства …истреблять и искоренять». С «раскольников» брали двойные налоги, жестоко наказывали, обязывали носить отличительные знаки. Даже любимый сюжет историков — запрет на ношение бороды, был введён, главным образом, против «раскольников». Этот запрет не касался крестьян, а среди осталь-

[79] Боевые традиции мещерских казаков не были забыты в русской армии. В 1708 г. из мишарей и татар был сформирован Симбирский рейтарский полк.

ных сословий наиболее упорно отказывались сбривать бороды старообрядцы, и с 1702 г. всех бородатых дворян и купцов обложили внушительными пошлинами, а бляху, свидетельствовавшую, что пошлина уплачена, предлагалось носить на груди.

Если при царе Алексее и Фёдоре III сожжение еретика (а «раскольники» собором 1666–1668 г. были объявлены еретиками) было случаем нечастым, то при Петре такие костры заполыхали повсюду. В «раскольничьей» среде зрело убеждение, что ни кто иной, как сам антихрист воплотился в лице Петра, а «все господа, которые при милости государевой, суть антихристовы слуги».

Важным нововведением Петра стала административная реформа России. То, что старая система себя изжила, было ясно уже правительству Алексея Романова, начавшему было переустройство Руси, но Пётр со свойственной ему горячностью осуществил это переустройство вмиг, как говорится «на коленке». В 1708–1710 гг. вся Россия была разделена на восемь губерний, и наш регион вошёл в состав Казанской губернии, где были собраны исторически единые земли Мещерского, Казанского, Астраханского и Симбирского краев[80].

Но, в 1714 г. вдруг возникла необходимость выделения отдельной Нижегородской губернии, которую создали, но через четыре года упразднили, чтобы в 1719 г. создать вновь. То же творилось и с другими губерниями, и всё это говорило о поспешности и непродуманности административных преобразований, проводимых Петром.

Многие критиковали введенное им административное деление. Видный ученый и общественный деятель XVIII в. В. Татищев справедливо указывал, что: «…многие уезды смешаны так, что одного в середине другого уезды лежат», и считал необходимым «…отразить области, бывшие княжеские владения и другие, упомянутые в титуле императорском». Говоря в реалиях того времени, Татищев

[80] Губерния от губа — русского слова огиб (охват). В XVI–XVII вв. территория, где действовала власть губного старосты, называлась «губа», и совпадала, как правило, с территорией волости или уезда. Соответственно совокупность «губ» стала называться «губернией». Управлял губернией губернатор (от латинского guvernator — «наставник»)

призывал отразить в административном делении географическое размещение российских народностей, с которым Пётр абсолютно не посчитался. В 30-е годы XVIII в. Татищев предложил свой проект административного деления России, в губерниях и провинциях которого можно найти такие как «Югорская», «Мордовская», «Черемисская», «Чуваская», «Мещерская» и другие, то есть, предлагал выделить этнические и исторические области народов составивших население империи.

Первоначально губернии делились на воеводства и уезды, потом Пётр ввел промежуточное деление на провинции, которое было отменено Екатериной II, оставившей только уезды. Она же, в 1775 г. упразднила все воеводства, и разделила государство на губернии и наместничества, но после её смерти, в 1796 г. наместничества были отменены и остались одни губернии.

В момент образования Казанской губернии в 1709 г. численность её населения составила 590 тысяч человек, а площадь 954 тысячи кв. верст (1,6 чел на версту), при общей численности населения тогдашней России в 9,8 млн человек[81].

Первым губернатором в Казань был назначен граф П. Апраксин, а делилась она на двенадцать уездов: Алатырский, Арзамасский, Астраханский, Казанский, Пензенский, Симбирский, Свияжский, Уфимский, Темниковский, Нижегородский и др., из которых Алатырский, Темниковский и Арзамасский, в 1719 г. были переданы в состав Нижегородской губернии. Первым губернатором в Нижнем Новгороде был граф А. Измайлов, а саму губернию, первоначально разделили на три провинции: Алатырскую, Арзамасскую и Нижегородскую.

Екатерининской реформой 1775 г. Российская империя была разделена уже на 50 губерний, и большинство губерний стали называться по своим центральным городам (Тверская, Вологодская и т.д.). Некоторые губернии назвали по рекам (Енисейская и др.), а некоторые сохранили свои исторические названия (Таврическая

[81] Россия всегда отставала в численности населения от Европы. Например, в Германии уже к 1500 г. насчитывалось 11 млн человек, а во Франции более 15 млн человек.

и др.). Воеводства, как уже говорилось выше, были упразднены, а провинции переименовались в уезды.

При Екатерине II, правление в губерниях полностью передалось в руки губернаторов, получивших верховную власть в регионе. Они ведали судами, сбором налогов, рекрутским набором. Им подчинялся разветвленный бюрократический аппарат, и войска, находившиеся на территории губернии. Нижегородская губерния была разбита на 13 уездов. Таким образом, Волго-Окско-Сурское междуречье, исторически существовавшее как западная часть казанских земель, стало с XVIII в. Нижегородчиной.

Символом нижегородских земель стало, утвержденное Екатериной II на гербе Нижнего Новгорода, изображение оленя. Почему олень стал символом города? Возможно, здесь есть какая-то связь с гербами первых нижегородских князей-Рюриковичей, а, возможно, олень — стилизованное изображение лося, бывшего на гербе Нижнего Новгорода изначально. Животное, издревле водившееся в лесах Поволжья, упоминается в указе царя Алексея Михайловича, от 1666 г., где сказано: «Печать Нижегородская, на ней лось ступает». Лось в старину занимал в хозяйстве жителей Среднего Поволжья несколько большее место, чем объект охоты. Лосей, вплоть до конца XVIII в., использовали в Среднем Поволжье, как и на севере России, в качестве вьючных и ездовых животных и запрягали в повозки, а Пётр I даже издавал распоряжения запрещавшие пахать на лосях, и въезжать на них в города.

Огромные предприятия Петра I, строительство городов, содержание армии и флота, постоянные войны требовали гигантских расходов. Было введено много новых налогов, податей, сборов, но средств всё равно не хватало. Для лучшего сбора налогов была проведена сословная реформа, разделившая все сословия русского общества по видам труда. Шляхту (дворян) обязали служить до самой смерти или гибели, ограничив при этом права землевладения, что ухудшило положение дворян. Быт городских ремесленников обустраивался по западному образцу, ломались многие вековые устои жизни горожан, и ухудшалось их материальное положение,

а замена «подворного» налогообложения» на «подушную» подать, сразу увеличила налоговый гнёт на крестьян.

После проведенной в 1718–1724 гг. переписи населения, был оформлен разряд «государственных» крестьян, в который были отнесены все крестьяне проживающие на государственных землях не принадлежавших помещикам. Этих крестьян стали называть «казёнными». В 1724 г. в состав «казённых» крестьян вошли все «ясачные» крестьяне Нижегородской губернии. Следует отметить, что крепостных крестьян в Поволжье в нач. XVIII в. было только 25% от общего числа земледельцев, в основном крестьяне были «ясачными» или «монастырскими». Их положение было несравнимо лучше, нежели у крепостных, но введённые петровским правительством налоги, вкупе с увеличивающимися натуральными повинностями (строительная, постойная, рекрутская, лесозаготовительная и др.), сводили на нет все преимущества существования «ясачных» крестьян, и они массово стали уходить на восток.

Первая половина XVIII в. ознаменовалась широчайшим расселением мордвы, чувашей, татар, мещеряков и марийцев, по всему пространству между Волгой и Уралом, на Урале и в Оренбуржье. «Инородцы» бежали от закрепощения и увеличивающихся поборов. В 1716 г. в некоторых областях Поволжья пустовало до половины дворов «ясачных» крестьян. На смену им, в Поволжье шёл нескончаемый поток русских земледельцев, как выводимых помещиками, так и жителей присоединённых к России западных и юго-западных областей, уходивших от бескормицы и недостатка пахотной земли. Много было и беглых, и особенно много было беглых «раскольников». «Раскольники» предпочитали для бегства дремучие леса Заволжья, селились по рекам Керженцу, Ветлуге и Вятке, полагая себя в недосягаемости для Москвы, но царское правительство доставало их и там.

На Нижегородчине главным гонителем «раскольников» был, поставленный в 1719 г. епископом, владыка Питирим. Он, не ограничиваясь мерами «духовного» воздействия, привлекал к участию в борьбе и светские власти, но лучше всего «дело пошло», когда на помощь Питириму придали военную команду. Солдаты полу-

чили право силой загонять упорствующих в монастыри, а не платящих двойные налоги отправлять на каторгу.

Служивые с рвением исполняли приказ царя, и сохранился рапорт о расправах над «отказниками»: «Ныне до Вашего Величества послал раскольников необратимых и замерзелых, они же и указу твоему учинились противны, положенного окладу платить не хотят и за то биты кнутом, и вынуты ноздри и послано на каторжную работу…» Питирим со своей стороны сообщал в Синод, что несколько тысяч раскольников «увещеваемы», и «приведены в соединение к церкви». Многие «раскольники» прежде чем «прийти к соединению» побывали в тюрьме, узнали пытку.

Питирим применял политику «кнута и пряника». Он вступал с «раскольниками» в диспуты, и подвергал их пыткам, увещевал, а непокорных сажал в тюрьмы, разорял раскольничьи скиты, и, в конце концов, добился своего. Больше половины нижегородских «раскольников» вернулись в лоно церкви, и многих из них переселили из Заволжья в Окско-Сурское междуречье, рядом с местными новокрещёнами и некрещёными аборигенами. Будучи трудолюбивыми и набожными людьми, они выгодно отличались от местных жителей — недавних бунтовщиков и «нехристей», и охотно принимались местными воеводами и землевладельцами. Многие сёла региона пополнились бывшими «раскольниками», но по отчётам переписи 1718–24 гг. видно, что большую часть населения Волго-Окско-Сурского междуречья все-таки составляли новокрещёны, то есть, коренные жители Приволжья, принявшие христианство.

В первой половине XVIII в. христианизация края приняла по-настоящему широкие масштабы, и по-настоящему принудительный характер. Хорошо понимая важность всеобщего православного вероисповедания как инструмента для полноценного управления империей, имперское правительство использовало для достижения этой цели все средства. Новокрещёны по-прежнему освобождались на три года от уплаты налогов (эти налоги уплачивали за них некрещёные члены общины), им давали льготы при рекрутском наборе, а у не желавших креститься местных землевладельцев-мусульман,

не только отнимались холопы, переводимые в разряд «казённых» крестьян, но, по указу 1715 г. стали отниматься и наделы.

По-прежнему главным оплотом христианизации края оставались монастыри. Крупным центром христианизации был город Арзамас, в котором, по утверждению П. Мельникова, в середине XVIII в., при населении в 7556 чел. мирян, находилось 3 монастыря, 27 церквей и при них 600 человек духовного звания (для сравнения в Нижнем Новгороде было 33 церкви и 7 монастырей, при 20000 чел. населения). Из основанных, ещё в XVI–XVII вв. Новоспасского и Введенского монастырей города Арзамаса, из Санаксарского монастыря, из монастырей Алатыря и Выксы, из Макарьевского, из других обителей, повсюду расходились монахи, основывая с благословления своих игуменов новые общины, восстанавливались церкви и монастыри, сожжённые во время разинщины.

В 1710 г. монахами из Арзамаса была основана обитель в Сарове, впоследствии самый знаменитый монастырь Поволжья. Повсюду миссионеры несли Слово Божье, и всё же темпы христианизации не устраивали ни руководство церкви, ни правительство. Если, в начале XVIII в. во всём Казанском крае было немногим более 13 тысяч новокрещёнов, то к 1721 г. их число составило только 30 тысяч человек. Многие новокрещёны воспринимали новую веру формально, и крестились или ради сиюминутных выгод, или под страхом наказания. Казанский митрополит Тихон доносил в Синод, что новокрещёны: «…в церковь не приходят, и к приключающимся домовым своим требам священников не призывают, и не исповедуют, и умерших своих без священников погребают сами».

В 1731 г. в Свияжске, в одном из монастырей, была создана «Комиссия крещёных дел». Действовавшие от её имени миссионеры значительно увеличили число новообращённых иноверцев, но дискредитировали себя тем, что пристраивали новокрещёнов в «крепость» за плату (то есть, по существу продавали в рабство). «Комиссию» разогнали, а вместо неё в 1740 г. была учреждена «Контора новокрещёных дел», получившая самые широкие полномочия и даже собственные воинские команды для охраны миссионеров. «Контора» получила право на крещение мусульман и языч-

ников Казанской, Нижегородской, Астраханской и Воронежской губерний.

Правившая в то время императрица Анна Леопольдовна издала указ, запрещавший насильное крещение, приказала выдавать новокрещёнам подарки, освобождать от налогов и рекрутчины, но на деле всё зависело от людей осуществлявших крещение. Так поставленный в 1738 г. казанский епископ Лука «прославился» тем, что насильно забирал детей из татарских семей и помещал их в духовные школы, а на праздники организовывал крестные ходы к домам некрещёных, провоцируя их на антицерковные выступления. Описаны случаи, когда миссионеры вместе с солдатами входили в нерусскую деревню, сгоняли всех её жителей к ближайшему водоему и «кстили». Людей хватали прямо на улицах, тащили в церковь, окатывали водой и объявляли христианами. Назначенный во главе «Конторы» епископ Дмитрий, насильно переселял невокрещёнов в деревни с некрещёными, а не желавших креститься депортировал на восток.

В 1742 г. был обнародован указ о запрете строительства новых мечетей и о сносе уже имеющихся[82]. На месте снесённых, часто строились христианские храмы. Вообще, с первой половины XVIII в. в крае началось массовое строительство церквей, причем расходы по их сооружению, а также по покупке церковной утвари и последующем содержании священников, как правило, возлагались на плечи «инородцев» (как крещёных так и не крещёных) того села где строилась церковь. В указе от 4 февраля 1744 г. адресованном «Конторе новокрещёных дел» сказано: «…на строение в новокрещенских деревнях деревянных церквей, дабы излишнего казённого расходу не последовало, лес, где оный имеется вывозить, и те церкви строить тех мест и приходов жителям, также и тем, кто креститься не желают».

Благие пожелания царского правительства об устройстве школ для обучения детишек «инородцев» выполнялись плохо. За пери-

[82] Первый указ о сносе мечетей в Поволжье вышел в 1726 г., но мечетей в крае не убавилось, и указ дублировали.

од с 1745 по 1749 гг. было открыто всего 4 школы, а злоупотребления чиновников и клира росли. Многие миссионеры, проводя крещение «отбирали для себя у новокрещёных продовольствия, сколько хотели» а также «и лисицами и куницами не платя денег», и не гнушались даже «пряжею, шерстью и иной живностью». Современник говорил, что: «…не через проповеди Слова Божия оных приводили в закон, но совершенным разорением». Во многих областях Поволжья сопротивление насильственной христианизации доходило до вооружённых выступлений. Примером такого выступления в Волго-Окско-Сурском междуречье может служить восстание, не желавшей крестится терюшевской мордвы.

Уже упоминаемая в очерке этнографическая группа мордвы-терюхан, заселяла в середине XVIII в. земли современного Дальнеконстантиновского р-на, и частей Сосновского, Арзамасского Большемурашкинского и Лысковского районов Нижегородской области. Терюхане, находившиеся под русским влиянием с XIII в., практически позабыли свой родной язык, и даже между собой говорили по-русски. Но, несмотря на это, называли себя мордвой, и были некрещёными.

Поводом к восстанию послужил приезд в мае 1743 г., в село Сарлей Терюшевской волости (совр. Дальнеконстантиновский р-н) владыки Дмитрия. К этому времени, он оставил пост главы «Конторы новокрещёных дел», и был назначен епископом Нижегородским и Алатырским. Владыку давно уже беспокоило наличие рядом с центром губернии большого количества некрещёных язычников, а уж тот факт, что «нехристи» говорили по-русски, привёл епископа к выводу о том, что: «…мордвой назывались они ложно». Особое недовольство священнослужителя вызвало написанное терюханами прошение на Высочайшее имя, с просьбой миссионеров к ним не посылать, потому что, они «христианской веры принять не могут, а желают быть в своей мордовской вере по-прежнему».

В центре села, владыка Дмитрий увидел мордовское языческое кладбище, и, зная, что оно служит местом мордовских молений, приказал «оное кладбище разруша сжечь». Стихийно собравшиеся крестьяне едва не побили священнослужителя, однако ему удалось

спрятаться, а вскоре после его отъезда, управляющий вотчины — князь Баратаев, арестовал 20 самых активных селян и переслал их епископу в Нижний Новгород.

Оскорблённый владыка выместил злобу на арестантах. Он держал их «в кандалах и колодках, бил мучительно смертно …в купель окунал связанных, и крест одевал на связанных же…» Но на этом дело не кончилось. В июле того же года владыка выслал вТерюшевскую волость игумена с воинской командой, для поголовного крещения её жителей. Начавшееся «крещение» привело к тому, что мордва восстала. Волнения продолжались до осени, а 26 ноября возле деревни Лапшиха произошло вооружённое столкновение воинской команды и повстанцев. Восставшие были разгромлены, 74 человека погибли, а предводители повстанцев — Несмеян Васильев «Кривой», и Пумрас Семёнов были казнены. Семёнова повесили, а Несмеяна, за то, что разбил икону и сорвал с себя публично крест, объявили богохульником и сожгли на костре, в центре села Сарлей, при огромной толпе согнанного сюда народа.

Однако, несмотря на расправы, беспорядки продолжались до 1745 г. найдя отклик в ряде селений соседних Арзамасского, Алатырского и Ардатовского уездов. Мордва волновалась повсюду, и владыка Дмитрий напрямую связывал волнения в Арзамасском уезде с беспорядками в Терюшевской волости. «В Арзамасском уезде таковые же некрещёные, смотря на тех терюшевских противников, посланным из арзамасской провинциальной канцелярии офицеру с солдаты, таковую же противность показали, и солдат побили». В Ардатовском уезде не желавшие креститься «инородцы» так запугали миссионеров, что «…духовные правители, боясь смертного убийства, не ездят в тое Ардатовскую волость». В письме губернатору, владыка просил послать туда воинскую команду.

Подобные методы христианизации имели страшные последствия. Ученый-этнограф А. Можаровский отмечал, что когда явился Пугачёв: «Новокрещёные инородцы, пристав к нему первым долгом почли отомстить духовенству. Почти во всех инородческих сёлах духовенство было или избито, или перевешано, а храмы сожжены». Тем не менее, деятельность «Конторы» сдобренная боль-

шими материальными ресурсами принесла свои плоды, и к моменту закрытия «Конторы» в 1764 г. её сотрудниками было крещено порядка 300 тысяч человек, что дало основание полагать «крещение язычников законченным». Хотя, безусловно, где-то формальный, а где-то насильственный подход конторских миссионеров, не сделал большинство «инородческого» населения Поволжья «истинно верующими христианами», поэтому, даже и в XIX в. исследователи поволжских народов отмечали среди них широкое распространение языческих верований.

Петровские реформы и последовавшая за ними «Бироновщина» вконец разорили страну, не сделав исключением и Поволжье. Налоги, сборы и повинности росли день ото дня. Например, в 1722 г. Нижегородская губерния должна была изготовить 80 морских «новоманерных судов», а в августе того же года «немедля изготовить сосновых лесов на 20 катов (галер авт.)», и для работ собрать в Нижнем Новгороде 2000 человек. В 1732 г. для «заготовки корабельного лесу в Казанской и Нижегородской губерниях, собрать ясачных иноверцев 6000 человек». В 1743 г. для строительства Азовской крепости, из Нижегородской губернии было затребовано 3000 человек. Все эти предприятия обеспечивались в первую очередь за счёт «чёрного» сословия, а за недоимки жестоко карали.

После неурожаев 1737–1739 гг. в связи с недобором налогов, герцог Бирон учредил Доимочный приказ, и офицеры этого приказа вместе с гвардейцами ездили по всей стране, взыскивая недоимки. Доставалось всем; воевод сажали в цепи, помещиков в тюрьмы, жгли дворы и дома крестьян, пытали их, выбивая деньги. Посланный в Нижегородскую губернию для обследования положения крестьян подполковник Свечкин, в своем отчёте Сенату докладывал, что: «Все крестьяне очень сильно разорены, а некрещёные от многого платежа в совершенную бедность пришли, и многие не для закону, но избавления себя от таких несносных им отягощений, не имея чем платить, крестились, прочие же, обессилившись в воровство устремились».

В первой половине XVIII в. на «горных» трактах Окско-Сурского междуречья «расцвели пышным цветом» разбои. Разо-

рённые отчаявшиеся люди вынуждены были добывать свой хлеб с помощью грабежа купцов и путников, и для многих это стало профессией. Целые деревни жили разбоями. По правому берегу Волги разбойничьи логова начинались от самого Васильсурска, где орудовал атаман Галай, потом сёла Фокино и Бармино, где хоронились разбойники Фока и Матвей Барма, а между Лысковым и Нижним было село Татинец, про которое говорили «Татинец — всех воров кормилец». Бесчисленные «ватаги» разбойников орудовали в густых лесах междуречья, подвергая разбойничьим нападениям отдаленные монастыри. Отсюда и берут свое начало многочисленные легенды о разбойниках «Мурзицах», «Туре и Тапке» и других, так «любимые» народной этимологией.

Некоторое оживление экономики России началось с правления императрицы Елизаветы — дочери Великого Петра. Продолжилось оно и в правление Екатерины II Великой. Чистокровная немка, пришедшая к власти в результате дворцового переворота, она всей душой полюбила Россию, но Россию дворянскую. Иностранка, волей судьбы оказавшаяся на русском троне, она не знала страны и народа, и полагала своей надёжной опорой лишь дворянство, приведшее её к власти и верно служившее «матушке-императрице». Бесконечные льготы, раздача «казённых» земель и крестьян в награду за те или иные заслуги, и наконец, отмена налогов и обязательной дворянской службы — все эти блага дворянское сословие обрело при Екатерине II, и от Екатерины II. В Поволжье раздача императрицей «казённых» земель, вместе с проживавшими на них крестьянами, привела к тому, что к концу XVIII в. уже 85% крестьян были крепостными.

Но помещики при Екатерине II приобрели ещё и неслыханные права на своих подданных. Крестьяне стали полной собственностью землевладельцев, чем-то вроде «домашнего скота». Их продавали и проигрывали в карты, били за малейшую оплошность, и безжалостно эксплуатировали. Крестьян разрешено было продавать по отдельности, разрушая семьи. Дошло до того что крестьян лишили права жаловаться на своих помещиков, а посмевших жаловаться ссылали на каторгу. Дворяне получили право ссылать

крепостных на каторгу даже не за какую-то провинность, а просто, за «предерзостное поведение». Самих крестьян называли «рабами», а Екатерина говорила: «…если раб не персона (не человек авт.), следует его скотом домашним признать».

Фактически Екатерина подобными правами дарованными дворянству, довершила, начатое расколом разделение русского общества на два «народа» — народ «господ» и народ «рабов». На «короткой» дистанции становления империи, этот, по существу, рабовладельческий строй, возможно, и укрепил страну позволив увеличить её размеры и могущество, но в конечном итоге, через 150 лет погубил Романовых.

Поволжские помещики «выжимали» из своих подданных «все соки». К увеличившемуся в два раза оброку добавилась ещё и барщина, по условию которой на помещичьих угодьях надо было отработать 4–5 дней в неделю, а остальные 2–3 дня можно было потратить на свой надел, но в некоторых поместьях крестьян вообще лишили наделов, превратив их в «рабов на плантациях». Полное бесправие земледельцев, созданное чудовищными екатерининскими законами, делало их жизнь невыносимой. Вчерашние «ясачные» и «казённые», лично свободные жители Поволжья, вдруг в одночасье ставшие «частной собственностью», снимались со своих мест и уходили на восток и на юг. Деревни населённые бывшими жителями Поволжья можно было встретить уже и в Западной Сибири, и в Предкавказье, и даже в Закавказье и Средней Азии.

На замену ушедшим «инородцам», всё XVIII столетие в Поволжье не иссякал приток русских переселенцев с запада Руси, и особенно из южновеликорусских губерний — Орловской, Курской, Брянской и других. Русские земледельцы-южане уходили на земли сравнительно малонаселенного Поволжья, от нехватки пахотной земли возникшей в их густонаселенных краях. Многие селились в поволжских городах, пополняли ряды ремесленников и «работных людей», а иных манили глухие приволжские монастыри бывшие «передним краем» борьбы с язычеством.

В непроходимых дебрях хотели они укрыться от «мира» стяжав подвигов Духа и подвигов Веры. С этими переселенцами-южанами,

пришел в 1778 г. в дремучие саровские леса, курский мещанин Прохор Мошнин, ставший впоследствии одним из самых почитаемых русских святых — Серафимом Саровским.

Екатерина Великая, в соответствии с веяниями своего века, играла роль «просвещённой» государыни. В 1773 г. она издала указ о веротерпимости. Все религии в стране получали право на существование, запрещалось принудительное обращение в православие, а мусульманам разрешалось строить мечети. Раньше этого, в 1762 г., при восшествии на престол она, в своем манифесте, призвала русских людей придерживавшихся «старой веры», возвращаться из-за границы (куда много «раскольников» бежало от петровских преследований) и селиться на специально отведенные для них земли. Правда возвращались они на родину неохотно, и часто приходилось организовывать специальные воинские экспедиции (главным образом в покоренную Польшу), которые под конвоем возвращали беглецов обратно.

После этих экспедиций-походов в Поволжье появились селения, населённые полностью старообрядцами. Местные новокрещёны, или потомки старообрядцев примирившихся с официальной церковью, дивились их нравам и нежеланию общаться с «никонианами» — мирянами и священниками, и называли их «нетовцами» или «кулугурами».

Имперская политика Екатерины II значительно увеличила территорию России. Можно сказать, что при ней осуществилась победа земледельческой цивилизации над цивилизацией степной. Ее армии завоевали степи Причерноморья, разгромив Османскую империю и уничтожив Крымское царство. В конце XVIII в. на тучные черноземы хлынули земледельцы не только Центральной России, но и немцы, сербы, белорусы, болгары, и представители других народов. Буквально за какие-то 50–60 лет в степи выросли города и сёла, зацвели сады и пашни.

Расширение страны, растущие потребности в ресурсах, способствовали росту и развитию российской промышленности. Становление «горного дела» на Урале, и возникновение здесь большого числа заводов также вызвало отток русского и нерусского населе-

ния Поволжья. На уральских заводах работали и крепостные крестьяне «свезённые» сюда своими владельцами, и «раскольники» и беглые крестьяне не желавшие становится крепостными. Все они становились «работными людьми», своими руками создававшими промышленную мощь Урала.

Развивалась промышленность и в Волго-Окско-Сурском междуречье. Главной статьёй дохода стала заготовка необходимого для флота леса, который сплавляли по рекам к местам постройки судов. В мелких поместных заводиках производили для нужд флота пеньку, смолу и дёготь, традиционно заготавливалось много мёда и кож. Во 2-й половине XVIII в. в регионе возникло металлургическое производство, после того как в бассейне реки Велетьмы (правый приток Оки) были разведаны большие запасы «болотной» железной руды. Из-за этого «горного» производства юго-западную часть региона даже называли «Маленьким Уралом». Строительство заводов, привлекло большое количество переселенцев, также ставших «работными людьми».

Волго-Окско-Сурское междуречье по-прежнему было пересечением главных торговых путей, только к началу XIX в. центр международной торговли сместился к месту слияния Оки и Волги. На весь мир гремела в XIX в. знаменитая Нижегородская ярмарка — наследница торжищ древнего Булгара, Казани и Макарьевской ярмарки.

Развивалось и земледелие края. Пустующих необработанных земель практически не осталось, и Екатерина II, возвращаясь в 1767 г. из «Казанского путешествия», через Арзамас в Муром, писала графу Панину: «От Алатыря до Арзамаса, и от Арзамаса до Муромских лесов земли час от часу хуже, селения чаще, и ни пяди земли нет, коя бы была не разработана, и нигде голоду нет».

Это путешествие императрицы, тоже стало своего рода «исторической вехой» как и поход Ивана Грозного, хотя теперь о нем почти забыли. Пышность, с которой местное дворянство встречало «матушку-императрицу», была на грани расточительства, а губернское начальство строго запретило обывателям жаловаться, и занималось откровенной «показухой». По пути следования кор-

тежа расставляли нарядных крестьян, они водили хороводы, кланялись «матушке» и благодарили начальство.

Можно утверждать, что к концу XVIII в. население Окско-Сурского междуречья становилось всё более и более, если не русским, то русскоязычным[83]. Но коренные жители региона, униженные принудительной христианизацией, обобранные казной и помещиками, не переставали надеяться на избавление от гнета, на приход «доброго царя». Эти чаяния разделяли с ними русские переселенцы и их потомки, находившиеся в крепостной зависимости, принявшей при Екатерине II чудовищные формы и размеры. Все ждали прихода «мужицкого царя».

[83] Это можно рассмотреть на примере Темникова. В примечаниях к главе «Смутное время» описан состав населения этого города, бывшего в начале XVII в. сплошь нерусским. Если сравнить те данные, с данными о его населении за 1779 г. (т.е. через 154 года), мы увидим, что в Темникове проживает уже 25001 человек, из которых «мурз и татар», только 3074 человека, а из этих мурз и татар «новокрещен» — 34 человека. То есть подавляющее большинство населения Темникова в 1779 году (87,5%), — это русские или крещеная мордва и татары, записанные в «крестьяне» (христиане).

ОЧЕРК 21.

«Царь» и «пророк»

Тяжёлые войны, которые вела Россия, екатерининский фаворитизм, постоянное увеличение налогов, повинностей, рекрутчины, усиление крепостного гнёта, делали существование податного сословия невыносимым[84]. Возмущения крестьян и «инородцев» проходили по всей империи. Подсчитано, что за время царствования Екатерины II только в европейской России (не считая Сибири и Урала), произошло 120 восстаний и бунтов.

В Поволжье недовольство «низов» усугублялось ещё и принудительной христианизацией, насильственным закрепощением «ясачных», злоупотреблениями царской администрации по отношению к нерусским народам. Мордва, татары, чуваши, марийцы, удмурты, волновались постоянно, нескончаемая череда восстаний сотряса-

[84] Война с Турцией 1768–1774 гг. обошлась в 50 млн рублей, при общем бюджете России 80 млн рублей. Огромные деньги Екатерина тратила на фаворитов. Братья Орловы обошлись российскому бюджету в 17 млн руб., Ланской «стоил» около 8 млн руб., Корсаков и Зорич по 1 млн руб., Зубов «вышел» в 3,5 млн руб., Потёмкин и Безбородько «встали» матушке-императрице по 50 млн руб. каждый. Не оставались без внимания и мимолетные увлечения матушки. Для сравнения: крепостной («душа») стоил тогда 250–300 рублей, корова 8–10 рублей.

ла Башкирию, где сопротивление царской власти было особенно упорным и кровопролитным. Были недовольства и среди казаков, утративших свои вольности. Постоянное брожение наблюдалось и в старообрядческой среде.

Непонятная ситуация с низложением Петра III, и «сомнительным» воцарением его супруги взбудоражила страну[85]. Император Пётр III начал своё правление с некоторой либерализации российских порядков: вернул из ссылки и каторги многих невинно осуждённых, упразднил Тайную канцелярию застенки которой наводили ужас, дал дополнительные вольности дворянству, сделал ряд распоряжений в защиту крестьян, запретил преследования старообрядцев. Этими мерами он вызвал надежды «низов» на скорое облегчение своей участи. Поэтому его таинственная смерть породила слухи о «чудесном спасении доброго императора», и о скором его возвращении.

Повсюду стали появляться самозванцы, называвшие себя именем Петра III. Они объявлялись и в России (Черниговщина, Курск, Воронежская губерния, Поволжье, Астрахань), и за рубежами империи (Балканы, Чехия). За всё время екатерининского царствования появилось порядка 25 самозванцев выдававших себя за «Государя Петра Федоровича», а всего под разными именами фигурировало 54 лжемонарха.

Самозванцы появлялись каждый год, причём в иные года сразу по несколько. Были свои самозванцы и в Волго-Окско-Сурском междуречье. Речь идет об Иове (Иване) Евдокимове, скрывавшимся у «раскольников» на Керженце, и объявившемся в Нижегородском уезде. За самозванство Евдокимов был бит кнутом, ему отрезали язык, губы, нос и уши, и сослали в Сибирь. Арзамасский краевед П. Еремеев записал местное предание о самозванце, явившемся в середине XVIII в. в Арзамасе, и назвавшимся «Государем Петром III». На поверку «государь» оказался дьячком из близлежа-

[85] Пётр III — внук Петра I, погиб в 1762 г. от рук заговорщиков, в результате дворцового переворота. На российский трон была возведена его супруга — немецкая принцесса Фредерика-Амалия Ангальт-Цербская (в крещении Екатерина). Есть мнение, что за заговором стояла Англия недовольная сближением Петра III с Пруссией.

щего старообрядческого села Чернуха. Отрубленная голова дьячка была выставлена на длинном железном шесте, и долго приводила в трепет жителей города.

Идея возвращения Петра III была очень популярна в среде старообрядцев, связывавших с его личностью непонятно на чём основанные надежды о возвращении к «древлему благочестию». Ждали его и «инородцы» полагая, что «законный государь» предоставит самостоятельность национальным окраинам. Из доносов в восстановленную Екатериной Тайную канцелярию известно, что башкиры, после подавления в 1755 г. восстания Батырши, говорили: «Ныне женский пол царствует, но надо иметь терпение, скоро на престол мужской пол возведен будет, и мы в то время для себя милости дождемся». В другом донесении говорилось, что некий татарин на допросе показал, будто башкиры прямо предостерегали его: «Зачем тебе жить в Казанском уезде? Скоро будет война с Россией, причём такая, что сибирские и уральские казаки будут с нами…»

Казаки южнорусских степей ко 2-й половине XVIII в. утратили большинство своих «вольностей». Прекратились походы «за зипунами», само казачество всё сильнее расслаивалось на бедных и богатых, а приказы из Петербурга стали иметь преимущество перед решениями Казацкого круга. Казацкая беднота связывала утрату былой «вольницы» с несправедливым правлением имперского центра, и желала перемены власти, возвращения былой независимости «Старого Поля».

В Петербурге среди знати также хватало недовольных установившимися порядками и фаворитизмом. Сосредоточение богатств огромной страны в руках узкой группы людей вызывало зависть и ненависть среди аристократии и дворян. Попытка подпоручика В. Мировича в 1764 г. освободить из заточения Ивана Антоновича,

чтобы возвратить ему российский престол, говорит о возможном наличии «антиекатерининской» партии в столице[86].

Разумеется, за границей зорко следили за всеми внутренними делами в Российской империи. Османы — прямые враги России, поощряли все выступления «инородцев», способные ослабить романовскую империю. Французы, заметившие, что российская внешняя политика всё более «дрейфует» в сторону сближения с соперницей Франции — Британской империей, также поддерживали внутрироссийские антиправительственные выступления, забегая вперед, скажем, что и Турция, и Франция, финансировали Пугачёва. Слухи о скором появлении «законного императора» были как нельзя «на руку» российским недругам, желавшим дестабилизации обстановки внутри страны.

Одним словом, появление «законного императора Петра III», как оппонента царствующей императрице, было востребовано и внутри страны и за её пределами, и отвечало чаяниям самых разных слоёв и групп как российского, так и заграничного общества.

В сентябре 1773 г. среди казаков Яицкого казачьего войска, явился очередной «чудом спасшийся император Пётр III». Он немедленно пожаловал яицких казаков «рякою с вершины до устья, и землею и травами, и денежным жалованьем, и свинцом и порохом и хлебным провиантом». Разумеется, всё это было пожаловано авансом за будущую службу и за помощь «ампиратору Петру Фёдоровичу» вступить в свое «законное царство», и наказать «взбрыкнувшую» супругу.

Появление «ампиратора» именно среди яицкого казачества нельзя назвать случайным. Яицкое казачье войско располагалось на самой границе тогдашней России с дикими казахскими степями, и эти территории были наполнены и беглыми крестьянами и скрывавшимися «раскольниками». Рядом с казаками на реке Иргиз, в XVIII в. сложилась большая община старообрядцев ушедших

[86] Иван Антонович — внук Ивана V — брата и соправителя Петра I. Императрица Анна Иоанновна умирая, завещала ему российский престол, но Елизавета заточила 16-летнего Ивана Антоновича в тюрьму, где он просидел до 1764 г. Екатерина II, после попытки Мировича, приказала Ивана Антоновича убить.

в своё время из России, от преследований за веру. Вся территория к востоку от реки Яик была буквально «пропитана» беглыми «раскольниками», враждебными Петербургу и Москве. Сами яицкие казаки, выступившие в 1772 г. против вмешательства правительства в их внутренние дела, были жестоко подавлены имперскими войсками, и также затаили злобу на центральную власть.

И те и другие представляли собой сплочённую силу, готовую к борьбе и лишениям. Старообрядцы к тому же имели обширные связи со своими общинами расположенными и в России, и за границей — в Польше, Австрии и Турции. Этот «ампиратор» был уже не первым самозванцем выпестованным ими.

То, что Пугачёв был креатурой старообрядцев, видно из материалов расследования бунта, а вот был ли он завербован «иностранными спецслужбами» — большой вопрос. Но время и место для выступления Пугачёва было выбрано как нельзя более удачно. Во-первых, Россия вела тяжелейшую войну с Османской империей, и сосредоточила на юго-западе свои лучшие и главные силы, а оставшиеся в Поволжье небольшие гарнизоны не могли оказать серьёзного сопротивления «ампиратору». Во-вторых, Пугачёв выступил осенью, когда заканчивались полевые работы и, следовательно, ему можно было рассчитывать на поддержку земледельцев готовых оставить свои дома «под зиму». И в-третьих, трудно было найти внутри России силы более враждебные к Романовым чем «раскольники», «голутвенные» казаки, и «инородцы». Мятеж внутри России был крайне выгоден и проигрывавшим войну туркам, да и французы с австрияками желали ослабления геополитического конкурента.

Интересна и личность самого самозванца назвавшего себя «Петром III»: выходец из донских казаков, уроженец той самой станицы Зимовейской, где веком раньше родился С. Разин, — Емельян Пугачёв был «казак, и в роду все были казаки». Он, как и многие донцы проходил службу в иррегулярных частях царской армии. Призванный в 19 лет, через неделю после женитьбы, он участвовал в Семилетней войне, затем в походах за беглыми старообрядцами в Польшу (тогда видимо и сошёлся с ними наиболее близко), и за-

тем, в 1768 г. был призван на войну с турками. Пугачёв пытался демобилизоваться по болезни, а после того как ему было отказано, в 1771 г. дезертировал.

Человек неглупый и решительный, Емельян был натурой склонной к артистизму и бродяжничеству. Достаточно сказать, что в 1772 г. он был арестован и заключен в казанский острог именно по обвинению в бродяжничестве. Пугачёв сбежал, а запоздалый приговор по нему звучал так: «оному Пугачёву за побег его (дезертирство авт.) …учинить наказание плетьми и послать как бродягу привыкшего к праздной и предерзкой жизни в город Пелым, где употреблять в казённую работу». Что же до артистизма, то соратники Пугачёва говорили о нём на следствии: «…прехитрой, лукавый и весьма притворный человек, ибо …мог плакать, когда только захочет в любое время».

Раскольники сыграли в его судьбе решающую роль. Они помогали ему скрываться после дезертирства, помогли бежать из острога, помогли легализоваться после побега. Пугачёв был нужен «раскольникам» не меньше чем они ему, потому что, с такими «данными» как нельзя лучше подходил на роль «ампиратора», и, очевидно, Емельян действительно находился под сильным влиянием старообрядцев, и действительно был врагом официальной церкви[87]. По данным следствия он «попущал» казакам, когда те выкалывали иконам глаза, раскалывали и разрубали их, «попущал» мордве и чувашам, когда те истребляли священников и жгли храмы.

Видимо «раскольники» и предложили Пугачёву назваться «Петром III» во время посещения им в августе 1773 г., в Мечетной Слободе, авторитетнейшего среди старообрядцев старца Филарета, имевшего связи со старообрядческими общинами в столицах и за границей. Старец, так сказать, «благословил» Пугачёва на самозванство.

Беглый солдат, прошедший суровую армейскую школу, сидевший в остроге, Пугачёв был довольно жестоким человеком. Его первая жена, встретившая мужа в 1774 г. после долгой разлуки, го-

[87] По словам его сподвижника Падурова «он был раскольник».

ворила потом на допросе, что Емельян: «Стал такой собака, что хоть чуть на кого рассердится, то уж и ступай в петлю»[88]. По показаниям пленных бунтовщиков, во время похода Пугачёв всем приказывал «чтоб никто не отставал, и стращал смертию если кто отстанет, или уйдет», и держал своё слово. Но эта жестокость сочеталась в Пугачёве и с какой-то человечностью. По словам соратников, он «не любил когда чинили губительство безвинных людей», и как настоящий старообрядец «от излишнего вина воздерживался, и употреблял редко».

Нет фактов указывающих на то, что Пугачёв был «иностранным наймитом». Во всяком случае, на допросах он ничего об этом не сказал, хотя масштабный «розыск» учинённый императрицей после подавления бунта, говорил о подозрениях Екатерины на иностранное вмешательство. Не исключая, что за бунтом стоит Франция, императрица именовала вождя восстания «маркиз де Пугачёв».

Может быть, Пугачёва использовали вслепую, может быть эксцентричный казак знал, что является «игрушкой в чужих руках», но все же решил попробовать себя в роли царя, но одно можно утверждать совершенно точно — заговорщицкий центр существовал до Пугачёва, и без Пугачёва. На первом этапе восстания Пугачёвым полностью руководила яицкая казачья верхушка, составлявшая «Военную коллегию» и контролировавшая «государя». Пугачёв и сам жаловался, говоря, что: «улица моя тесна». Только после разгрома в марте 1774 г. пугачёвских армий под Оренбургом роль «Военной коллегии» умалилась, и Пугачёв обрёл самостоятельность, но его «звезда» уже клонилась к закату. Впрочем, к этому времени обратного пути не было, да и сам Пугачёв уж слишком «вошёл в роль».

Нельзя исключать связи заговорщиков с некоторыми дворянскими, а возможно и придворными кругами, желавшими свержения Екатерины. Известный прототип Швабрина — подпоручик

[88] Е. Пугачёв, не развенчавшись с первой женой, обвенчался в 1774 г., будучи уже «царем», с 19-летней казачкой Устиньей.

М. А. Шванвич, якобы взятый в плен в ноябре 1773 г. под Оренбургом, и «принуждённый» бунтовщиками служить не где-нибудь, а в «Военной коллегии», в качестве секретаря, был сыном ротмистра А. М. Шванвича, которого знал и любил настоящий Пётр III[89]. При этом оба Шванвича были крестниками императрицы Елизаветы, не благоволившей, как известно, к своей невестке.

Любопытно, что одним из главных знамен Пугачёва, было знамя любимого императором Петром III Голштейнского полка. Захваченное правительственными войсками 20 августа 1774 г. после боя у Солениковой ватаги, где Пугачёв был разбит окончательно, это знамя смутило многих солдат императрицы, сама Екатерина строго потребовала выяснить, как знамя попало к бунтовщикам. Расследование засекретили, публике сказали, что повстанцы ранее сами отбили это знамя у правительственных войск, но что делало в действующей армии, знамя давно расформированного полка?

И в восстании, и в самой личности Пугачёва немало загадок, которые не спешили раскрывать ни царские, ни советские историки. И образ стихийного бунтовщика, злодея и самозванца, рисуемый дореволюционной историографией, и образ едва ли не идейного борца с самодержавием рисуемый историографией советской, не позволяли исследовать тайные пружины и корни пугачёвского бунта.

Можно ли назвать это восстание казацким мятежом? Или крестьянской войной? Или даже последней войной «степного юга» против «лесного севера»? Казацкий мятеж да, но только на первом этапе, при этом известно, что, например, донские казаки Пугачёва не поддерживали совершенно, и даже участвовали в подавлении восстания. Войной «юга» против «севера Руси», какими можно назвать смуту и разинщину, назвать уже нельзя — «юг» к этому времени был присоединён, и превращался в Новороссию, хотя элемен-

[89] Ему принадлежит авторство пугачёвских манифестов на немецком языке, которые очень напугали императрицу. Вероятно, он и принёс в пугачёвскую «Военную коллегию» книгу с образцами текстов манифестов и указов.

ты сепаратизма привнесенные «инородцами», всё-таки имелись[90]. Начавшееся как казацкий мятеж, это движение сразу переросло в не просто крестьянскую войну, а настоящую гражданскую войну между двумя «народами» созданными в России романовским правлением.

Первая гражданская война между народом господ и народом рабов, причем рабы эту войну, как и следующую в начале XX в. вели не на покорение, а на истребление противника, проливая реки господской крови, и не жалея крови своей. В этот раз господа победили, а рабы «затаились», но нет сомнения, что следующая гражданская война вспыхнула бы гораздо раньше, если бы не нашествие Наполеона, сплотившее оба «народа» в борьбе с внешней угрозой, и не реформа Александра II Освободителя, половинчатая, и запоздавшая с «освобождением».

Сентябрьское выступление Пугачёва и осада им в октябре Оренбурга, к декабрю «зажгло» огромную территорию Астраханской и Казанской губерний. Позже «пламя» перекинулось на Урал, и в нач. 1774 г. под знаменами «Петра III» было уже порядка 200 тысяч человек. Армия Пугачёва, во всяком случае, её «ядро» (50–60 тыс. чел.), не была стихийным сборищем недовольных, как и сам Пугачёв не был «главарём банды». С самого начала он располагал значительными суммами, из которых платил жалованье яицким казакам а «Военная коллегия» сделала из восставших вполне боеспособное войско. На всей территории охваченной восстанием, армию Пугачёва называли «царским войском», а правительственные войска «царицыным войском».

Своей массовостью восстание обязано было и пропаганде проводимой «Военной коллегией». Пугачёвские воззвания-манифесты рассылались повсюду, и писались на всех языках. К татарам по-татарски и по-арабски, к башкирам по-башкирски, к калмыкам по-калмыкски, к мордве по-мордовски, к чувашам по-чувашски и т.д. Суд,

[90] Известно, что башкиры на Урале уничтожали не только заводы и органы государственной власти, но и убивали русских переселенцев — крестьян и «работных людей», грозя очистить Урал от русских вообще. Добровольно присоединившись к России в XVI в., башкиры, в XVIII в. говорили о соединении с Турцией.

который на первых порах вёл сам «Пётр III», вскоре перешёл в ведение «Военной коллегии», и она же руководила «органами местного самоуправления» — казацкими кругами, организуемыми во всех без исключения местах занятых повстанцами.

Формирование войска, назначение командиров, присвоение воинских званий, вручение наград, заготовка фуража и провианта, оружия и амуниции, и многое другое было в ведении «Военной коллегии»[91]. Для руководства военными действиями, был создан «штаб» куда вошли ближайшие сподвижники «Петра III». Начальником штаба был яицкий войсковой атаман Овчинников. Всех призванных служить приводили к присяге, заканчивающейся словами «готовы тебе служить надёжа-государь, верой и правдой». Дезертиров и мародеров строго наказывали, сам Пугачёв «многих в том провинившихся вешал без пощады». При войске существовала казна, из которой делали выплаты местному населению за провиант и фураж, и выплачивали жалованье рядовым солдатам, «чиновным казакам» и атаманам (на первых порах регулярно). Выплачивалось даже пособие семьям мобилизованных и погибших.

Армия «ампиратора» включала в себя пехоту, кавалерию и артиллерию, и делилась на полки по территориальному и национальному признакам. Мобилизация проводилась «по одному человеку с двух домов». У каждого полка было своё знамя, и на знаменах казаков изображался «раскольничий» крест, образ Спаса или Николая Чудотворца[92].

Была у восставших своя идеология, выработанная без сомнения ещё до начала восстания и эволюционировавшая по ходу его. Если первые манифесты направлены главным образом к казакам, то по мере роста восстания они обращались ко всё более широким слоям населения, обещая льготы и привилегии. Старообрядцев

---

91 Пугачёв награждал медалями с профилем Петра III сделанными из царских монет. Также награждали одеждой, сукном, оружием. На Урале старообрядцами было организовано литье пушек для пугачёвской армии.

92 Пётр Великий пытался утвердить в православии четырёхконечный крест, который старообрядцы называли «крыж», и оставались верны кресту восьмиконечному. В XIX в. восьмиконечный крест вытеснил «крыж» из русской православной символики.

«Пётр III» жаловал «крестом, бородою и молитвою», не христиан «верою и молитвою», кочевников «до последка землями …денежным жалованьем, свинцом и порохом и пребывать как степные звери», и всех без исключения «ампиратор» жаловал «волею, и навечно казаками». В случае победы будущее государство представлялось как некое Казацкое царство, без налогов и податей, без рабов и господ, где все казаки и все равны.

Поддерживала «ампиратора» и часть духовенства, как правило, «низовая». Дело в том, что в 1764 г. Екатерина отобрала у церкви все земли вместе с крестьянами. В России сразу 954 монастыря остались без средств к существованию (финансировалось только 160 монастырей). Приходские священники были «посажены» на скудное жалованье и были недовольны нововведениями. Неудивительно, что на территории охваченной восстанием, во многих церквах Екатерину исключили из «ектений» (молитв о здравии), а где-то даже молились за «государя-императора».

Но как бы, ни было организовано и сплочённо «казацкое войско», всё равно вымуштрованная регулярная армия превосходила его в искусстве боя. После первых успехов восстания, когда перед пугачёвцами распахивали свои ворота города, а «лучшие люди» и духовенство встречали их «хлебом-солью», повстанцы потерпели ряд поражений от армейских команд присланных под Оренбург, и Пугачёв вынужден был летом 1774 г. сместить эпицентр восстания на Урал, где оно разгорелось с новой силой. Постоянно отбиваясь от карательных отрядов, Пугачёв, 11 июля 1774 г. подошел к Казани с более чем, 20-ти тысячной армией. Власти Казани не смогли толком организовать оборону города, и Пугачёв практически взял Казань (оставался только кремль), но тут к городу подошли армейские части под командованием подполковника И. Михельсона, и мощным ударом рассеяли пугачёвское войско.

Из хода сражения под Казанью видно насколько регулярная армия превосходила в выучке повстанцев. У Пугачёва перед сражением было 20000 штыков и 30 пушек, а у Михельсона 2000 человек и ни одной пушки. После двух боев у повстанцев погибло 2500 человек и 5000 сдались, а у Михельсона погибло 35 человек

при 121 раненом, и ему досталась вся артиллерия восставших. Русские солдаты воевали воистину «по-суворовски». Поражение бунтовщиков было полным, а сам Пугачёв с небольшим отрядом бежал в западном направлении, и, переправившись через Волгу возле села Сундырь (совр. Мариинский Посад), вступил в земли чувашей.

А здесь «ампиратора» как будто ждали. На восстание поднялась вся Чувашия. Гнев и ненависть восставших «инородцев» обрушилась на дворян, чиновников, священников и миссионеров. Массовые казни духовенства и дворян были обычным делом, и каратели не успевали справляться с бунтовщиками, но сам Пугачёв спешил на запад, в Волго-Окско-Сурское междуречье, рассчитывая поднять на бунт многочисленное население приволжских губерний. Пройдя за три дня всю Чувашию, «Пётр III» прибывает 21 июля в Курмыш «с немалою воровскою толпой …вступил в город Курмыш конницею с яицкими казаками и через реку переезжал вплавь». Свой последний — «Крестьянский» манифест, Пугачёв обнародовал здесь, в Курмыше.

«Жалуем сим именным указом …всех находившихся прежде в …подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственно нашей короне и награждаем древним крестом и молитвою, головами и бородами, вольностию и свободой, и вечно казаками…»

«Государь» не требовал ни рекрутских наборов, ни подушных и прочих податей, и отдавал во владение крестьянам земли, леса, рыбные ловли, и солёные озера «без оброку». Этот последний манифест Пугачёва характерен своей кровожадностью. «Пётр III» требовал истреблять злодеев дворян «под корень» — «ловить, казнить и вешать». Манифест дал начало самому мощному и кровопролитному этапу восстания — крестьянскому восстанию в Поволжье.

Размах бунта был широчайший. Сдались Алатырь, Саранск и Пенза, и везде погибло «великое множество дворянства». В Шатцкой провинции многие «дворянские фамилии были мучительно истреблены». В Нижегородской губернии более трети селений (все в Окско-Сурском междуречье) приняли участие в восстании. Из живших в губернии полутора тысяч дворян, истреблено было без малого треть. Крестьяне вешали и приказчиков и купцов,

прежде чем убить, всех «противников» подвергали мучительным пыткам, мордва и татары резали духовенство и жгли церкви. «Дерзость и буйность простого народа до самого высокого градуса дошла …и повсюду чернь, сего изверга рода человеческого (Пугачёва авт.) с восклицаниями встречала».

Восстание охватило уже и Темников, отряды повстанцев были замечены у Арзамаса и дошли до левобережья Тёши, и были опасения, что бунт перейдёт и в Московскую губернию, границы которой были тогда возле села Саваслейка[93]. После того как восставшие оказались уже в 15 верстах от Нижнего Новгорода, нижегородский губернатор А. Ступишин написал в Петербург, что: «…ручаться за безопасность Нижнего, да и Москвы уже нельзя», и просил ввести войска для защиты губернского города и Арзамаса, через который шла большая дорога на Москву.

Правительство напуганное масштабами восстания, спешно заключило мир с Турцией, и возможно Пугачёв спас тогда османов от полной гибели, так удачно складывалась для русской армии ситуация на Чёрном море. Для удара по повстанцам, сосредотачивается огромная армия. Сама Екатерина говорила потом, что такую армию «против иного государства не зазорно выставить». Возглавили эту армию лучшие российские полководцы, а главнокомандующим стал граф П. Панин — генерал-аншеф, бивавший и пруссаков и турок.

Ещё раньше, из действующей армии был отозван генерал-поручик А. В. Суворов, проследовавший через Арзамас к войскам, предназначенным для перехвата самозванца. Очень ему хотелось «потрафить» матушке-императрице, и самому взять злодея. А Пугачёв, предчувствуя скорый конец, рвался на юг, помышляя скрыться на Кубани принадлежавшей тогда туркам. Суворова опередили донцы-молодцы перехватившие «ампиратора» в степях, и Емельяна в железной клетке повезли в Москву. Маршрут арестанта про-

[93] Из донесений известно, что отряд мятежников занял село Тёплый стан (ныне с. Тёплово Кулебакского района).

легал через Арзамас и Муром, и железную клетку с «ампиратором» видели и жители наших краёв, а на Руси начались суды и расправы.

Восстание ещё полыхало, а Арзамасская провинция снова стала местом ужасных казней. Правительственные войска вели себя как оккупанты в завоеванной стране. Граф Панин, в циркуляре от 28 августа 1774 г., приказал во всех городах и селениях, жители которых приняли участие в бунте, всех активных участников «казнить смертью отрублением сперва руки и ноги, а потом головы, и тела класть на колёса у проезжих дорог …ради таковой кары при всех тех селениях, которые бунтовали, или ослушными оказались, поставить и впредь до указу не снимать по одной виселице, по одному колесу, и по одному глаголю для вешания за ребро…»

По всему юго-востоку Нижегородской губернии стояли виселицы и «глаголи», а по рекам плыли плоты с повешенными, для устрашения живущих. Плыли такие плоты и по Тёше. Каратели заставляли выдавать участников бунта, а в случае отказа вешали каждого третьего из жителей того села где проходило дознание, а остальных пороли «наижесточайшим способом». Казненных хоронили вдоль дорог, и места захоронения их получили в народе названия «Панинских кладбищ».

4ноября 1774 г. Пугачёва казнили в Москве. Емельян Иванович остался верен своей артистической натуре до конца. По пути к месту казни он раскланивался перед собравшейся толпой зевак, и просил прощения «у всего народа православного». Весь 1774 г. вестником народного несчастья в небе над Россией висела комета, о которой поэт Г. Державин сказал: «Она …принадлежала к числу наиболее замечательных в XVIII в., отличалась длинным хвостом с шестью загнутыми лучами». А в Среднее Поволжье, ко всем бедам и несчастьям побеждённого и терзаемого народа, пришёл ещё и голод. Он начался после страшной засухи лета 1774 г. Погибли и нивы и луга, от бескормицы люди умирали тысячами. Граф Панин писал в октябре 1774 г. светлейшему князю Г. Потемкину: «Во всех тех местах Воронежской, Нижегородской и Казанской губерний, где я проезжал, был очевидцем, что уже с сентября месяца

обыватели иного хлеба не едят, кроме как с лебедою, с желудями, а в некоторых местах и с мохом».

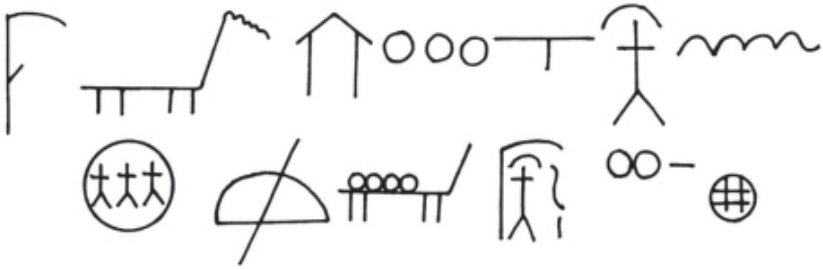
Может быть, в связи с голодом, расправы зимой 1774 г. в Нижегородской губернии не были такими уж жестокими. Пороли и ссылали многих, но по суду казнили только 12 человек, кроме того подати за 1774 г. собрали только за треть года, а на пособия пострадавшим от голода был выделен 1 миллион рублей. Впрочем, Панин ещё год оставался в Казани, руководя подавлением отдельных вспышек бунта.

«Казацкий царь» не сумел освободить народ от гнёта и притеснений, но поражение не убило в людях веру в высшую справедливость, когда-нибудь грядущую на земле. Усиление крепостничества, жестокие расправы, борьба с «раскольниками» и принудительная христианизация вызвали в XVIII–XIX вв. бурный рост различных нелегальных и полулегальных сект, религиозных учений, с которыми беспощадно боролась русская православная церковь. Среди крестьян размножились бесконечные «толки» хлыстов, бегунов, дырников, скопцов и других, пытавшихся по-своему объяснить христианское учение, а среди поволжских народов возникали учения, заключавшие в себе синкретизм православия и древних языческих верований. Например, в Нижегородском уезде оформилась секта молокан, среди марийцев распространились верования, приведшие к возникновению в 70-х гг. XIX в. общины Кугу-сорта, а среди мордвы, в начале XIX в., явился «пророк мордовской веры».

Прежде чем рассказать о «пророке», необходимо сказать о народе, из среды которого он вышел. Мордва Терюшевской волости — терюхане (терюшевцы), уже упоминалась в прошлых очерках. Эта этнографическая группа, именованная по волостному центру — древнему селу Терюшево, была частью Нижегородской мордвы, издревле жившей в правобережье Волги. Их предки, оказавшись, начиная с XIII в. в сфере культурного и политического влияния древнерусских княжеств, постепенно утратили свой язык, перейдя на русский, и хранили только память о том, что они «мордва», и свою «мордовскую веру».

Испокон веку жили они на этих землях. Еще в 50-е гг. XVI в. Сигизмунд Герберштейн, находит мордву в устье Оки «Народ мордва живёт у Волги, ниже Нижнего Новгорода, на южном (правом авт.) берегу. Они во всём похожи на черемисов, за исключением того, что живут в домах». Предки терюхан были первыми кого встретили русские, придя на стрелку Волги и Оки, и имена мордовского колдуна Дятла, вождя Скворца, панка Абрама, стали известны именно от этой, Нижегородской мордвы.

Увы, никаких письменных памятников о древнем прошлом Нижегородской мордвы не сохранилось, одни лишь легенды и скудные записи летописцев. Но то, что дошло до нас: фольклор, остатки богатейшей культуры, хозяйственная деятельность (земледелие мордва знала до прихода славян, а бортничество было мордовской «монополией»), говорит о том, что этнос находился на высокой ступени развития. Самые отчаянные патриоты мордовского народа говорят даже о следах собственной письменности мордвы — некой алфавитной системе, предполагая, что знаки-тамги оставляемые древними мордовскими пчеловодами на бортях, как и знаки, выкладываемые мордовскими охотниками из шишек и веток на земле, напоминают даже не иероглифы, а «как минимум» слоговое письмо.



Пиктографическое письмо мордвину — солдату Колесникову (XIX в.). Взято: Пиктографическое письмо и идеограммы. URL: http://www.mordovia.info/wiki…

Впрочем, если и была какая-то письменность, то мордвины её не сохранили, но зато сохранили преданность своей «мордовской вере», которую пронесли через века, несмотря на давление мусульманства, а затем христианства. Описанная этнографами «мордовская вера», как правило, подается как вера языческая, и всё-таки, это не язычество каким мы его понимаем.

Концепция Бога-Творца исповедуемая когда-то языческой мордвой, уже приподнимает их религию над язычеством. Бог для мордвы был единым, а все другие «божества» — не более чем его творениями, созданными им для управления силами природы и для взаимодействия с людьми. В религиозных верованиях мордвы-терюхан видно влияние самой древней монотеистической религии мира — иудаизма, вероятно, пришедшее к мордве через хазар. Волго-Окско-Сурское междуречье почти 300 лет было во власти хазар, и тогда же сложились «языческие» верования мордвы, которые они бережно пронесли через последующие столетия. Конечно «мордовская вера» не поднималась до тех высот миропонимания, какие были в ветхозаветном иудаизме, но заимствование культовой символики и обрядности, объяснимо только влиянием хазарского иудаизма.

К концу XIII в. земли в правобережье Средней Волги перешли в подчинение Нижегородского княжества, и с этого времени судьба местной мордвы стала навсегда связанной с Нижним Новгородом. Даже столетнее присутствие Казани не разорвало эти связи, а уж после присоединения Казанского царства к Руси, они возобновились с новой силой.

Мордвины мирно и добровольно перешли «под руку» Москвы, однако дальнейшая политика московского правительства сделала их противниками новой власти. Бунты Нижегородской мордвы известны уже в Смутное время, а впоследствии мордвины были активными участниками разинщины. Именно среди Нижегородской мордвы, нашёл «Нечай-царевич» своих самых преданных сторонников. Восстания мордвы Терюшевской волости в 1745 году, и участие в пугачёвском бунте, когда восставшая мордва была в 15 верстах от Нижнего Новгорода, показали, что

терюхане по-прежнему не желают мириться с «крепостью» и насильственным крещением. О нежелании русифицироваться речи уже не было — терюхане, к этому времени, почти все говорили по-русски.

Финские народы всегда и везде легко принимали язык более развитого экономически и политически народа-сюзерена. Десятки восточнофинских («чудских») племен растворились в славянском море, Поволжские финно-угры, попав под угро-тюркское влияние, стали мокшей, марийцы, переняв язык и традиции суваров, стали чувашами-вирьял, и даже современная суверенная Финляндия, ещё одним государственным языком, приняла язык своих соседей шведов, от которых долго была в зависимости. Также и терюхане, долгое время, живя рядом с русскими, перешли на русский язык, и к середине XVIII в. только одно делало их мордвой — исповедание «мордовской веры». Мордва, крещение которой велось с XVI в., в большинстве своём была крещена, но терюхане и в XVIII в. не желали отказываться от веры отцов, направляя просьбы к правительству не присылать к ним миссионеров, и не лишать их «мордовской веры».

Такая приверженность к своим древним традициям могла возникнуть только у сильного духом народа, не случайно выходцами из Нижегородской мордвы считаются патриарх Никон, и отец Аввакум. Это были два самых видных церковных деятеля Руси XVII в., а их мужество, верность своим убеждениям и несгибаемость, сделают честь любому народу, из среды которого вышли такие борцы. Мордвины хранили преданность вере отцов, но если уж принимали другую веру, то ни в коем случае не могли относиться к ней формально, принимали её всей душой, и ни ислам, ни православие не были для мордвина сборником застывших ритуалов и догм. Неудивительно, что именно среди Нижегородской мордвы явился «мордовский пророк», память о котором осталась, увы, только в сухих протоколах допросов.

В начале XIX в. завершалась христианизация Окско-Сурского междуречья. Всё больше строилось церквей, всё больше мордвы становились христианами и, следовательно, русскими. Старики

где-то ещё продолжали хранить свою веру, но новое поколение уже меньше интересовалось религией отцов, тем более насильственная христианизация уже сменилась просветительской деятельностью, и Закон Божий усваивался вместе с грамотой. Развивающиеся товарно-денежные отношения всё сильнее являли для нерусской молодежи выгоды владения русским языком, и принадлежности к русскому народу[94]. В этот момент, когда уходила в прошлое мордовская вера, и объявился «пророк».

Летом 1808 г. нижегородский губернатор А. Руновский был опять встревожен новостями из Терюшевской волости Нижегородского уезда. Буквально четыре года назад мордва некоторых деревень отказалась убирать помещичий хлеб. Управляющий попробовал было угрожать им, но крестьяне просто убили управляющего и разгромили контору. Мордва тогда стала свозить помещичий хлеб на свои гумна, и только военная команда, посланная из Нижнего Новгорода, смогла навести порядок. Но, на этот раз новость носила характер «из ряда вон выходящей». Губернатору доложили, что среди крещёной мордвы, в селе Большое Сеськино (в 20 верстах от Терюшево, существует и поныне), 44-летний крещёный мордвин Кузьма Алексеев провозгласил себя «божьим пророком» и проповедует «мордовскую веру».

Уроженец села Большое Сеськино, крестьянин Кузьма Алексеев начал свою деятельность в 1802 г. Сперва его речи носили сумбурный характер, но после подавления волнений 1804 г. он стал проповедовать завершение вооружённой борьбы против крепостничества, и ожидание скорой ликвидации крепостного права по «божьему повелению». Эти проповеди получили успех среди окрестной мордвы, и вскоре Кузьма уже имел своих учеников, распространявших его учение среди крещёной и некрещёной мордвы Арзамасского, Ардатовского и других уездов Нижегородской губернии. Местные власти проповедника не раз секли,

[94] П. Мельников-Печерский, проводивший, в середине XIX в. этнографические исследования среди мордвы Арзамасского уезда, утверждал, что большинство жителей сёл и деревень вокруг Арзамаса называя себя русскими, были на самом деле потомками обрусевшей мордвы, и свои мордовские корни помнили только старики.

но он не унимался, а весной 1808 г. с ним случилось событие, изменившее всю его жизнь. Во время молитвы (вероятно христианской и направленной к Христу), он услышал свыше указание: «Молится Богу по-мордовски, и подавать милостину, так как приходят последние дни века сего…»

Кузьма объявил мордовским крестьянам, что они не должны принадлежать помещикам, не должны платить оброков, но должны вернуть свои древние обычаи, возродить «мордовскую веру» перед наступлением божьего суда. Он говорил: «Когда все люди будут мордовской веры, и будут ходить в мордовской одежде, начнётся праведный суд; мордовские молитвы дойдут до неба, ударит двенадцать громов, в один раз знаменуя кончину мира, и сойдет Дом Давидов чтобы судить по старой вере, и все веры преклонит под свою веру. После этого солнце будет ходить о правую руку, и всходить там, где ныне заходит, поэтому молиться надо, не на восток, а на запад, оттуда и придёт освобождение. Вера будет одна, мордовская, и ковши мордвы, хранящиеся в Нижнем Новгороде, дождавшись Давида, вернутся к мордве».

По указанию губернатора Кузьма Алексеев был беспощадно высечен, но это только «раззадорило» мордовского «пророка». Его проповеди становились все радикальнее, а число сторонников неуклонно росло, и вскоре он, практически автономно, управлял довольно большой территорией, получив среди окрестных крестьян кличку «Кузька-бог», а его нападки на христианство приобрели уже характер ереси[95]. Кузьма утверждал, что ему является посланник творца Мельседей, учащий, что: «Иисус Христос не Бог, а чин, и чин этот низложен», а «Дом Давидов» сойдет на ручей, близ Большого Сеськино, для чего: «Надо молиться каждую пятницу и воскресенье».

[95] Видна связь имени «пророка» с мордовским куза — «святой». Этот термин мордва заимствовала от мусульман, переиначив мусульманское слово ходжа.

Что за верования нашли свое отражение в проповедях Кузьмы?[96] Несомненно, здесь слышны эсхатологические мотивы, имевшие тогда широкое хождение среди «низов» российского общества. Ожиданием «конца света» была наполнена вся крестьянская среда Руси, старообрядцы уверяли, что «антихристовы слуги» уже правят миром.

Однако проповеди Кузьмы выбивались из общего ряда именно своим ветхозаветным основанием, которое «пророк», несомненно, обрел в постулатах древней «мордовской веры». Судите сами: «являвшийся» Кузьме «Мельседей» — это ни кто иной, как Мельхиседек — ветхозаветный царь-первосвященник, благословивший Авраама, родоначальника иудеев. Мельхиседек один из самых загадочных и таинственных персонажей Библии, и одна из самых почитаемых персон, как в иудаизме, так и в христианстве. «Дом Давидов» — это, несомненно, династия библейских царей Израиля, основателем которой был царь Давид. «Дом Давидов» — Род Давида имеет ключевое значение для библейской истории Израиля, причем упоминается Дом в связке с известной прародительницей иудеев — библейской Рахилью. Одним из лозунгов «Кузьки-бога» было: «Да сгинут неправедные боги, да воцарится род Давидов и Рахилькин». Тот ручей близ Сеськина, на который должен был

[96] Ожидания «конца света» были широко распространены в крестьянской среде того времени. В чем-то похожие «откровения» излагал, в 70-х гг. XVIII в., духовный вождь секты скопцов Кондратий Селиванов, называвший себя «великим искупителем» и «пророком-государем Петром III». Но Селиванов говорил, что «искупитель» явится с востока, а Кузьма утверждал, что спасение придет с запада, что дало повод построить конспирологическую версию о связях «мордовского пророка» с… Францией. Дескать, Кузьма возвещал приход Наполеона. Любопытно, что подобный сюжет, с восходом солнца на западе, содержится в старообрядческой Полууставной Палее 1477 г. — своде, излагающем ветхозаветную историю с дополнениями из апокрифических памятников. В повести о Соломоне и Китоврасе, Соломон спрашивает Китовраса: «Впраша же Соломон, которых людей еси ты. Человек ли еси ты или бес. Отвеща же человек он. Аз есмь человек живоущих под землею. И праша его царь, есть ли оу вас слнце и лоуна. Он же рече от запада вашего к нам въсходит слнце, а от встока вашего заходит. Егда убо оу вас день, тогда оу нас нощь. А егда оу вас нощь, тогда оу нас днь». В других средневековых сказаниях Китоврас — существо именуемое сыном Давида и Матери Сырой Земли (ср. мордовская Масторава). То есть, проповедь Кузьмы, очевидно общавшегося и со старообрядцами, наполнена смыслами, почерпнутыми из всех учений существовавших и приходивших в Поволжье.

«снизойти» «Дом Давидов», ещё долго потом называли «Рахлей (ка)» («Рахиль»?).

Вскоре Кузьма уже организовывал в лесу массовые моления — Озкс*ы, участие в которых принимали сотни людей, а моление, состоявшееся 12 сентября 1809 г. собрало более 4000 новокрещён и незамеченным не осталось. Соседний помещик — князь П. Трубецкой написал донос в волостную управу, после чего прибыл отряд солдат и стал наводить порядок. Кого секли, кого приводили к церковному покаянию, сам Кузьма сдался властям, однако во время приведения народа к присяге отказался целовать крест. «Пророк» получил 80 ударов плетью и был отправлен в Нижний Новгород, где его дело было признано настолько серьёзным, что его взял на контроль сам министр внутренних дел империи — князь А. Куракин, придав ему характер «уголовного». Несмотря на то, что русские газеты называли К. Алексеева «шарлатаном» и «выскочкой», его делом интересовался император Александр I.

Состоявшийся вскоре суд над «пророком» не нашёл ничего лучшего как обвинить Кузьму в «корыстолюбии», после чего он был бит кнутом, и отправлен в Сибирь. Дальнейшая судьба Кузьмы Алексеева осталась неизвестной, а мордва Волго-Окско-Сурского междуречья еще долго вспоминала «Кузьку-бога», называя его «Пазмарий» («Божий человек»).

ОЧЕРК 22.

Великая Россия

В XIX в. Волго-Окско-Сурское междуречье окончательно стало русским. Политика христианизации и русификации местных народов, вкупе с заселением Поволжья русскими колонистами, принесла ожидаемые плоды. Наш регион стал той частью России, которую теперь называют Великороссией.

Местные тюрки были, или вытеснены восточнее, или ассимилированы, и только исповедание ислама позволило небольшой их части сохранить свою этническую обособленность. Поселения Нижегородских татар островками разбросаны по всему междуречью, как знаки памяти о былом их могуществе и гегемонии здесь.

Мордва ассимилировалась почти без остатка, и даже в тех немногих оставшихся мордовских селениях междуречья заметно преобладание русского языка и забвение мордовских обычаев. Впрочем, жители междуречья, как и жители всего Среднего Поволжья, и когда делились на племена, и теперь, демонстрируют пример необычайно мирного сосуществования друг с другом, выработав традиции совместного проживания, в которых взаимное уважение всегда шло рядом с веротерпимостью и почтению

к чужим обычаям. В XVIII в. исследователь флоры и фауны Поволжья Иоганн Фальк отмечал, что: «Согласие между различными народами в Поволжье достойно удивления, Они не ссорятся ни за границы, ни за притеснения, ни за какие либо дела».

Этнографы XIX в. изучавшие поволжские народы, также отмечали очень мирное соседство местных разноязыких обитателей, но уже обращали внимание на значительное влияние на «инородцев» русского языка и русских традиций. Профессор Казанского университета Н. Никольский в своих работах посвященных этнографии чувашей писал, что: «Среди молодежи распространяется обыкновение одеваться на русский лад… Красивым нарядом мужчины считается русская одежда…»

В трудах этнографов говорилось, что: «…избы мордвы ничем не отличаются от таких же изб великороссов …при разговоре мордва называет себя русскими именами; свадьба мало отличается от великоросской …также мало отличается от великоросского и обряд погребения» (Н. Масленников). Или: «…татарские усадьбы по размерам не отличаются от русских, расположение построек в усадьбах хоть и специфически татарское, но в больших городах и торговых сёлах постановка домов ведётся, так же, как и у русских» (Н. Никольский). А также: «…казакин к татарам попал видимо от русских (скорее наоборот авт.) являясь формой служилых казаков-татар, и он одинакового покроя с покроем казакина русских служилых казаков …крестьяне обычно носят лапти так называемого татарского образца, которые представляют по виду и технике изготовления упрощённый чувашский лапоть; сельское хозяйство татарина построено в общих чертах одинаково со всеми народностями края, применяются одни и те же системы землепользования, сеются те же хлеба, употребляется тот же инвентарь, породы скота те же» (Н. Воробьев).

На едином пространстве Поволжья собранном в единой империи, у всех обитателей, независимо от национальности и вероисповедания, складывался единый уклад жизни, и единый образ ведения хозяйства. На смену бывшему, в течение нескольких веков языком межнационального общения, татарскому языку,

в XVIII в. окончательно пришёл язык русский. На смену принудительной христианизации, в конце XVIII в. пришла христианизация цивилизованная, проводимая с учётом местных условий и обычаев.

В конце XVIII в. наиболее дальновидные деятели русской православной церкви стали использовать для более результативного внедрения христианства родные языки поволжских народов, а во 2-й половине XIX в. была введена, разработанная русским востоковедом и тюркологом Н. Ильминским, система подготовки священников и церковнослужителей, набранных из молодежи коренного населения. Н. Ильминский утверждал, что: «…инородец движимый только врождённым инстинктом, прямо и непосредственно может воздействовать на ум и сердце одноплемённых ему инородцев …а к человеку своего племени инородцы имеют больше доверия нежели к человеку чужому».

«Свет просвещения», засиявший в XVIII в. в Европе, дошел в XIX в. до Поволжья. Повсюду стали открываться высшие учебные заведения, гимназии, церковно-приходские школы. Получение «инородцами» начального образования в церковно-приходских школах на русском языке, дало несказанно больший эффект русификации и христианизации, нежели все прошлые годы миссионерской деятельности. Имперский министр народного просвещения А. Георгиевский в 1867 г. говорил, что ни в коем случае нельзя учить «инородцев» грамоте на родном языке, ибо родной язык: «Может послужить к пробуждению племенного самолюбия, и уважения к собственному языку».

Министр убеждал, что: «Язык –это народ; утвердите язык письменностью, дайте ему некоторую литературную обработку, изложите его грамматические правила, введите его в школу и церковь, и вы, тем самым, утвердите соответствующую народность, а доселе безразличную в отношении к своему языку массу инородцев, и с явным даже влечением к усвоению языка русского, вы обратите в племя, которое будет дорожить своими особенностями, и будет настаивать на своём обособлении».

Вдобавок, богослужение на едином церковнославянском языке также способствовало превращению разноэтничной массы населения в единый русский народ. Христианизация народов Поволжья (а ещё сильнее, произошедшая в XX в. советизация), сделала возможными смешанные браки, также способствовавшие сближению всех народностей Поволжья. Небольшими общностями, где сохранялся родной язык, были общности мусульман, которых всех в конце XIX в. назвали «татарами».

Ещё одним главным условием русификации края, стало начальное «гуманитарное» образование, именно преподавание предмета «Отечественная история». Только история, как наука и как предмет обучения, играет определяющую роль в образовании и становлении нации. Дети тюрок и мордвы, обучаясь русской истории, впитывали её в себя, хотели чувствовать себя русскими и славянами — наследниками славы Александра Невского и Дмитрия Донского, Александра Суворова и Михаила Кутузова.

Благодаря выполнению этих условий, в XIX в. произошло то, что в науке называется «этнической трансформацией», — сменой этнического самосознания, когда меняется даже не столько образ жизни, сколько образ мыслей людей, и они начинают соотносить свою жизнь и судьбу с жизнью и судьбой этноса, к которому их предки не принадлежали.

Сложился новый народ — великороссы Поволжья, антропологически и ментально отличный от других отраслей русского народа — украинцев, белорусов, южновеликороссов, великороссов Центра России, но, тем не менее, Русский народ — защитник «Дома Пресвятой Богородицы». Небесная царица не оставила этот народ, избрав своим четвёртым уделом на земле Среднее Поволжье — Дивеевскую обитель, где являлась великому молитвеннику за Россию — преподобному Серафиму Саровскому.

Вобрав в себя элементы славян и тюрок, угров и финнов, великороссы Поволжья уверенно заняли своё место среди других народов России, обустраивая и защищая свою землю. Но, ни человек, ни тем более народ, не может отказаться от своих корней без ущерба для своего будущего. Память об этих корнях живёт

в географических названиях, которые принадлежат предкам поволжских великороссов. Река Тёша — получившая своё имя от угро-тюрок, обжитая после мордвой, стала, несмотря на своё «нерусское» название русской рекой, как и сотни других рек Великой России.

БИБЛИОГРАФИЯ

Агбунов М. В. Путешествие в загадочную Скифию. М., 1989.
Агеева Р. Страны и народы. М., 2002.
Алексеев В. П. Историческая антропология. М., 1979.
Алексеев С. В. Славяне и Европа V–VIII вв. М., 2009.
Алексеев А. А. Чувашско-венгерские культурные связи/История и культура Чувашской АССР. Вып. 3. Чебоксары. 1974.
Алишев С. Х. Болгаро-казанские и золотоордынские отношения. Казань, 2009.
Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994.
Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе/Исторический архив. М. – Л., 1940.
Артамонов М. И. История хазар. Ленинград, 1962.
Афанасьев Г. Е. Поиски страны Фурт-ас//Достояние поколений. № 1. 2007.
Базанов А. В. История Ардатова в событиях и лицах. Арзамас, 2005.
Белорыбкин Г. Н. Улус Мохши//Ислам в центрально-европейской части России. Энц. словарь/Сост. и отв. ред. *Д. З. Хайретдинов.* М., 2009.
Бессонов И. А. Эсхатологическое движение Кузьмы Алексеева. СПб., 2015.

Болгары и Чуваши. Сб. ст. под ред. *В. Д. Дмитриева.* Чебоксары, 1984.
Буганов В. И. Разин и разинцы. Документы, описание современников. М., 1995.
Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М., 1976.
Бубрих Д. В. Можно ли отождествлять мордву с андрофагами Геродота//Записки МНИИЯЛИ. № 3. Саранск, 1941.
Бугров Ю. А. Мухтолово: от А до Я. Курск, 2002.
Вавилин В. Ф. К этимологии мордовских слов веле и бие/Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1975.
Васильев Б. А. Проблема буртасов и мордва/Проблемы этнической истории мордовского народа. М., 1960.
Витсен В. Московское путешествие 1664–1665 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=y6H1pKBfDcFYSIq…
Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь, 1997.
Вернадский Г. В. Древняя Русь. Тверь, 1997.
Восточные славяне. Антропология и этническая история. Отв. ред. *Т. И. Алексеева.* М., 1999.
Владимирцов Б. Я. Чингис-хан/Чингис-хан. Сб. трудов. СПб., 1998.
Гаврилов А. П. История земли Шиловской. Шилово, 2016.
Газиз Г. История татар. М., 1994.
Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. М., 2002.
Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X по Р. Х.). СПб.,1870.
Гациский А. С. Нижегородский летописец. Н. Новгород, 2001.
Гераклитов А. А. Кирдановская мордва/Избранное в 2 ч. Ч. 1. 2011.
Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. М., 2007.
Геродот. История. Л., 1972.
Греков Б. Д. Киевская Русь. Москва 1947.

Гримберг Ф. Л. Рюриковичи, или Семисотлетие вечных вопросов. М., 1997.
Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. М., 2004.
Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961.
Грот Я. К. Филологическия разыскания. Т. 2: Спорные вопросы русскаго правописания от Петра Великаго доныне. СПб.,1876.
Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1992.
Гумилёв Л. Н. Черная легенда. М., 2002.
Дж. Флетчер. О государстве Русском. М., 2002.
Джером Горсей. Записки о России XVI-начало XVII в. М., 1990.
Джованни дель Плано Карпини. История монголов. М., 2008.
Денисов П. В. Религиозные верования чуваш. Чебоксары, 1959.
Димитриев В. Д. «Царские» наказы казанским воеводам/ История и культура Чувашской АССР. Вып. 3. Чебоксары. 1974.
Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990.
Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1977.
Евгеньева М. Любовники Екатерины. М., 1990.
Евреи в России. Неизвестное об известном. Сост. *Л. Лифлянд, А. Локшин, С. Вайнштейн.* М., 2015.
Егоров В. П. Историческая география Золотой Орды. М.,1985.
Емельян Пугачёв на следствии: Сборник документов и материалов. Отв. ред. *В. И. Буганов.* М., 1997.
Еремеев П. Арзамас-городок. Арзамас, 2008.
Записки иностранцев о восстании Степана Разина. Под ред. *А. Г. Манькова.* Л., 1968.
Захаркина А. Е. Восстание мордвы Терюшевской волости Нижегородского уезда в 1743–1745 гг./Записки МНИИЯЛИ. Вып. 15, история и археология. Саранск, 1952.
Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М., 1967.

Иванов А. Г., Сануков К. Н. История марийского народа. Йошкар-Ола, 1999.
Измайлов И., Хамидуллин Б. Ислам в Золотой Орде. Казань, 2008.
Иностранные известия о восстании Степана Разина. Под ред. *А. Г. Манькова.* Л., 1975.
Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков). Сост. *М. М. Сухман.* М., 1991.
Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997.
Иоганн де Родес. Подробное донесение о происходящей в России коммерции [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Rodes/frametext.htm
История Мордовской АССР. Т. 1. Саранск, 1979.
История Древнего Востока в текстах и документах. Москва.2002.
История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. Муром, 2001.
Исхаков Д. М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2009.
Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 2009.
Карташёв А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. М., 1992.
Карпец В. От отроков Маковицких…//Наш современник [Электронный ресурс] URL: http://nash-sovremennik.ru/p.php?y=2004&n=10&id=9
Каховский В. Ф. Этноним «чуваши» в письменных источниках/ Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары, 1982.
Каховский В. Ф. К истории чувашско-венгерских этнокультурных связей (На материалах фольклора и ономастики)/Исследования по древней и современной культуре чувашей. Чебоксары, 1987.
Кирьянов И. А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький, 1961.
Ключарёв Н. П. Работные люди. Горький, 1984.
Койэтт Б. Посольство Кунрада фон Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. Рязань, 2002.

Козлова К. Н. Этнография народов Поволжья. М., 1964.
Котков С. И. Южновеликорусское наречие в XVII столетии. М.,1963.
Краснов Ю. А. Избранные труды. М., 2011.
Крижанич Юрий. Политика. М., 2003.
Кузнецов И. Д. Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1957.
Кузьмин. А. Г. Начало Руси: тайны рождения русского народа. Москва, 2003.
Кузьмин А. Г. На гаснущих волнах Великих переселений/Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X. Кн. 1. М., 1986.
Кузьмина Е. Е. Мифология и искусство скифов и бактрийцев. М., 2002.
Курбский А. М. История о великом князе Московском (Извлечено из «Сочинений князя Курбского»). СПб., 1913.
Курмачёва М. Д. Крестьянская война 1773–1775 гг. в Нижегородском крае. Горький, 1975.
Курков Б. А. Мы Наватские. Кстово, 2014.
Кучкин В. А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Н. Новгород, 2011.
Литвин Михалон. О нравах татар, литовцев и московитов. М., 1991.
Лобачёв С. В. Патриарх Никон. СПб., 2003.
Ломоносов М. В. Избранные произведения. Т. 2.: История. Филология. Поэзия. Л., 1986.
Мавродин В. В. Происхождение русского народа. Л.. 1978.
Мартьянов В. Н. Древнейшая история Дивеевской земли. Археологическая карта района. Арзамас, 2002.
Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937.
Мельников-Печерский П. И. Очерки мордвы/ПСС. Т. VII. СПб. 1909.
Мельников-Печерский П. И. В лесах. Кн.1. Горький, 1986.
Мельников А. С. Искушение чудом: «Русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991.

Мокшин Н. Ф. Религиозные верования мордвы. Саранск, 1968.
Морохин Н. В. Фольклор в традиционной региональной экологической культуре Нижегородского Поволжья. Киев, 1997.
Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М., 1974.
Мухаммедова Р. Г. Татары-мишари. М., 1972.
Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. *Низовский А.* Русские самозванцы. М., 1999.
Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965.
Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
Олеарий Адам. Описание путешествия в Московию. Смоленск 2003.
Орлов А. М. Нижегородские татары: этнические корни и исторические судьбы. Электронный ресурс URL: https://pomnirod.ru/articles/nacionalnosti-v-rossii/mishare/orlov-a.m.-nizhegorodskie-tatary…
Подурец А. М. Саров: памятник православия, истории, культуры. Саров, 2006.
Попов А. И. Буртасы и мордва/Ученые записки. Серия востоковедческих наук. Вып. 2.. М.-Л., 1948.
Плетнева С. А. Хазары. М., 1986.
Плетнева С. А. Кочевники Средневековья. М., 1982.
Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). Отв. ред. *Н. М. Рогожин.* М., 1991.
Пушкин А. С. История Пугачёва. Уфа, 1978.
Ржига Н. Ф. Разиновщина и Раскол//Нижегородский краеведческий сборник. Т. 1. Н. Новгород, 1924.
Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Хрестоматия. Под ред. *Ю. А. Курдина.* Арзамас, 2005.
Россия XVIII в. глазами иностранцев. Подг., вступ. ст. и комм. *Ю. А. Лимонова.* Л., 1989.
Русская ономастика и ономастика России. Словарь. Под ред. *О. Н. Трубачева.* М., 1994.
Сахаров А. Н. Степан Разин. М., 1973.

Се Повести временных лет (Лаврентьевская летопись). Прим. и указ. *А. Г. Кузьмин, В. В. Фомин*; перевод *А. Г. Кузьмина.* Арзамас, 1993.
Семенкович В. Н. Гелоны и мордва: Материалы и исследования по исторической географии верховьев Дона и Оки (репринт 1913 г.). М., 2013.
Семёнов — Тян-Шанский П. П. Географический словарь Российской империи. Т. 1. СПб., 1863.
Сепеев Г. А. История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006.
Серебрянников Б. А. Финно-волжская языковая общность. М., 1989.
Скрынников Р. Г. Россия накануне Смутного времени. М., 1981.
Смирнов А. П. Скифы. М., 1966.
Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1987.
Спасский И. Г. Денежное обращение на территории Поволжья в 1-й половине XVI века и так называемые мордовки//Советская археология. Т. XXI. 1954.
Ставицкий В. В. У истоков этногенеза древней мордвы//Genesis: исторические исследования. № 4. 2014.
Станиславский Л. Л. Гражданская война в России XVII века. М., 1990.
Столярова Г. Р. Этнокультурное взаимодействие русских и татар (XIX — начало XX веков) [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnoe-vzaimodeystvie-russkih-i-tatar-xix-nachalo-xx-vekov
Сулимирский Т. Сарматы: древний народ юга России. М., 2008.
Тредиаковский В. К. Три рассуждения о трех главнейших древностях Российских. СПб., 1849.
Топоров В. Н. О балтийском следе в русской истории/Florilegium: К 60-летию Б. Н. Флори: Сб. ст./Сост. *А. А. Турилов.* М., 2000.
Трубе Л. Л. Достопримечательные географические названия земли Нижегородской. М., 2001.
Трубецкой Н. С. Европа и Евразия. М., 2014.
Успенский Л. В. Слово о словах. Ты и твое имя. М., 1962.

Филин Ф. П. Исследование о лексике русских говоров. М. – Л., 1936.
Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
Халиков А. Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989.
Хафизов Г. Г. Распад Монгольской империи и образование Улуса Джучи. Казань, 2000.
Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского царства. М., 1991.
Царская правда/Иоанн Грозный. Сост. *В. Г. Манягина.* М., 2009.
Цыганкин. Д. С. Свидетельства диалектологии как источник изучения истории мордовского народа.//Этногенез мордовского народа. Саранск. 1965.
Чернов В. Ф. Кулебаки, Велетьма, Тумалейка… Тайны географических названий. Кулебаки, 2009.
Этническая история и культура чувашей. Отв. ред. *В. П. Иванов.* Чебоксары, 1993.
Юрасов М. К. Деяния венгров магистра П., которого называют Аноним//Studia Slavica et Balcanica Petropolitana (Петербургские славянские и балканские исследования). № 1. СПб., 2013.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 5

Очерк 1.
Реки России. *7*

Очерк 2.
Археология и антропология *14*

Очерк 3.
Скифы, сарматы, иирки *26*

Очерк 4.
Великое Переселение *37*

Очерк 5.
Угро-тюрки. Финно-угры *45*

Очерк 6.
Мордия и Великая Венгрия *65*

Очерк 7.
Славяне и Русь 92

Очерк 8.
Хазары и волжские булгары 114

Очерк 9.
Тюркская гегемония и славянский натиск 131

Очерк 10.
Золотая Орда и татары 151

Очерк 11.
Мещерский улус и Нижегородское княжество 167

Очерк 12.
Касимовское царство и Казань 181

Очерк 13.
Поход Ивана Грозного 190

Очерк 14.
В составе России 221

Очерк 15.
Казачество 236

Очерк 16.
Смутное время 242

Очерк 17.
Правление Романовых 259

Очерк 18.
Раскол *272*

Очерк 19.
Нечай-царевич *279*

Очерк 20.
Век просвещения *297*

Очерк 21.
«Царь» и «пророк» *315*

Очерк 22.
Великая Россия *337*

Библиография 342

Научно-популярное издание

12+

Малышев А.В.

КАК ТЁША СТАЛА РУССКОЙ РЕКОЙ

Очерки истории и топонимики
Окско-Сурского междуречья

Оригинал-макет подготовлен издательством «Эдитус»
в авторской редакции

Карты-схемы изготовлены Малышевой Е.А.

ООО «Эдитус»
125565, Москва, Ленинградское шоссе, д. 80, стр. 1
8 (800) 775-30-87
www.editus.ru

Отпечатано в типографии ООО Фирма «П-Центр»
129515, г. Москва, ул. Академика Королёва, 13

Подписано в печать 09.01.23
Формат 148x210. Усл. печ. л. 22,13
Печать цифровая. Бумага офсетная
Тираж 80 экз. Заказ № 202212228

ISBN 978-5-00149-965-7

www.editus.ru

9 785001 499657 >

Малышев Алексей Владимирович — этнолог и краевед, автор книг и статей по истории, этнологии и ономастике Нижегородского Поволжья.

ISBN 978-5-00149-965-7
www.editus.ru
9 785001 499657 >